РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVI-й. МАРТЪ. 1905 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка. В. В. Тимощукъ. . . . . 481—493
II. Записки П. Н. Гльбова . 491—558
III. Записки стараго актера. П. Р. . . . . 559—575
IV. Къ исторіи Харьковскаго земскаго ополченія въ 1812 г. І. А. Горновскаго. 576—598
V. Новосильцевъ о конституціи царства Польскаго. Проф. Дм. Цвѣтаева . 599—605
VI. Восточная политика Наполеона . . . . . 606—643
VII. Живой мертвецъ. Ев. А. . 644—675
VIII. Нищенство державинскихъ крестьянъ. А. С. Слезскинскаго . . . 676—682
IX. Изъ исторіи учебной реформы 60-хъ годовъ. П. Л. Юдина. . . . . 683—692
X. Духовное училище старыхъ временъ. Мих. Врученича . . . . . 693—704
XI. Воспоминаніе. М. Г. Котельникова . . . . . 705—708
XII. Изъ записокъ Кузьмина . 709—711
XIII. Разсказъ казака Александра Земленухина. Сообщилъ Александръ Краснокутскій . . . 712—717
XIV. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

252/12
49 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1905 года.

Библіографическій листокъ.

Ал. Шумахеръ. Императоръ Александръ II. Историческій очеркъ его жизни и царствованія. Четвертое, вновь переработанное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1905 г. Цѣна 1 руб.

Разсматриваемая нами книга, въ первоначальномъ изданіи ея 1886 года, подъ заглавіемъ „О жизни и дѣяніяхъ императора Александра II,—историческій разсказъ для народнаго чтенія“,—написана была г. Шумахеромъ на конкурсъ, предложенный С.-Петербургскимъ комитетомъ грамотности, состоявшимъ при Императорскомъ вольномъ экономическомъ Обществѣ, и удостоена имъ почетнаго отзыва.

Второе изданіе этой книги, подъ заглавіемъ „Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра II“ (Спб., 1899 г.), отличалось отъ перваго изданія многими исправленіями и дополненіями, относящимися къ описанію отроческаго и юношескаго періода жизни Царя-Освободителя, къ изложенію Крымской войны и очерку освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Эту книгу, написанную просто и ясно, можно смѣло рекомендовать, какъ интересное и занимательное чтеніе для нашего юношества. То обстоятельство, что книга г. Шумахера, въ первыхъ ея изданіяхъ, одобрена военно-ученымъ комитетомъ при Главномъ штабѣ, училищнымъ совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, рекомендована морскимъ ученымъ комитетомъ (для экипажныхъ, судовыхъ и портовыхъ библіотекъ и учебныхъ заведеній морскаго вѣдомства), допущена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія,—служитъ яснымъ доказательствомъ высказанной нами мысли.

„Во время свѣтлыхъ праздниковъ Пасхи Христовой,—такъ начинаетъ авторъ свое изложеніе,—въ среду на Святой недѣлѣ, 17-го апрѣля 1818 года, въ 11 ч. утра, пушечные выстрѣлы возвѣстили обывателямъ первопрестольной Москвы о рожденіи, въ стѣнахъ Кремля, у великаго князя Николая Павловича и супруги его, великой княгини Александры Ѳеодоровны,—сына-первенца. Въ воскресенье, 5-го мая, совершено было, въ церкви Чудова монастыря, по установленному обряду, св. крещеніе царственнаго младенца, нареченнаго при этомъ Александромъ,—именемъ царствовавшаго въ то время дяди его, императора Александра Павловича, бывшаго и воспріемникомъ высоконоворожденнаго отъ купели“.

Когда великому князю Александру Николаевичу исполнилось 6 лѣтъ, къ нему назначенъ былъ воспитателемъ капитанъ К. К. Мердеръ, обратившій на себя вниманіе Николая Павловича своими высокими нравственными достоинствами, какъ человѣкъ въ высшей степени честный, добрый, умный и твердый характеромъ.

Воспитаніе и обученіе Александра Николаевича должно было преслѣдовать двѣ цѣли: развивать надлежащимъ образомъ сердце великаго князя и въ то же время обогащать умъ его высокими истинами знанія. Обѣ эти цѣли проводились строго и точно по подробному „плану ученія“, составленному В. А. Жуковскимъ и утвержденному императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Согласно этому плану, ученіе должно было продолжаться съ отрочества до первыхъ лѣтъ молодости, т. е. съ 8-ми до 20-ти лѣтняго возраста, и было направлено къ тому, чтобы изъ царственнаго ученика вышелъ не ученый, а просвѣщенный человѣкъ.

Отдавшись всецѣло возложенному на него царскому порученію, Жуковскій не щадилъ ни трудовъ, ни силъ своихъ при выполненіи выпавшей на его долю священной обязанности руководителя нравственнаго воспитанія и умственнаго развитія своего царственнаго питомца.

Александръ Николаевичъ былъ смѣлый мальчикъ, великолѣпно ѣздилъ верхомъ, отважно плавалъ и нырялъ во время купанья и вообще уже съ раннихъ лѣтъ удивлялъ всѣхъ своею ловкостью и неустрашимостью. Уже въ пору ранняго дѣтства военныя игры были любимою его забавою.

Въ началѣ мая 1837 г., для пополненія книжнаго ученія и домашняго воспитанія, наслѣдникъ цесаревичъ предпринялъ, въ сопровожденіи Жуковскаго, большое путешествіе по Россіи съ цѣлью нагляднаго изученія разнообразныхъ мѣстностей своего обширнаго отечества и личнаго ознакомленія съ бытомъ и жизнью, нуждами и потребностями народа. Возвратясь изъ этого путешествія, онъ прослушалъ еще высшіе курсы наукъ государственныхъ, знаніе которыхъ признано было необходимымъ для наслѣдника престола, послѣ чего воспитаніе и обученіе его было закончено.

Въ началѣ мая 1838 года Александръ Николаевичъ предпринялъ, въ сопровожденіи Жуковскаго и прочихъ особъ свиты, новое продолжительное путешествіе, на этотъ разъ уже за границу своего отечества, въ чужіе края, знакомство съ которыми должно было довершить его образованіе. Побывавъ почти во всѣхъ государствахъ Западной Европы, цесаревичъ въ концѣ іюня 1839 г. возвратился въ Петербургъ, а затѣмъ весною слѣдующаго года вновь отправился за границу, куда теперь влекла его уже не одна любознательность, но и желаніе выбрать себѣ по сердцу подругу жизни. Выборъ палъ на дочь великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, принцессу Марію, и 16-го апрѣля 1841 г. совершилось ихъ бракосочетаніе.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка.

XV [1]).

Первое впечатлѣніе, испытанное Ченслеромъ по пріѣздѣ въ Москву, было удивленіе, смѣшанное съ нѣкоторымъ разочарованіемъ. Столица Московскаго государства показалась ему обширнѣе Лондона съ предмѣстьями, но онъ тщетно искалъ въ ней того великолѣпія, о которомъ ему говорили въ Холмогорахъ. Самый Кремль далеко не соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ. Его ввели въ зданіе, которое всѣ величали „золотыми палатами“, но оно походило на лачугу. Грановитая палата съ ея низкими сводами мало подходила для тѣхъ торжественныхъ засѣданій и пріемовъ, для коихъ она была предназначена. Впрочемъ, царь принималъ пословъ и знатныхъ путешественниковъ въ еще болѣе скромномъ помѣщеніи, которое поражало европейцевъ полнымъ отсутствіемъ комфорта.

Однако первое впечатлѣніе совершенно измѣнилось, когда Ченслеръ увидѣлъ царя и его дворъ. Іоаннъ, возсѣдавшій на своемъ знаменитомъ тронѣ, поддерживаемомъ четырьмя апокалипсическими звѣрями, окруженный образами и одѣтый въ парчу, мало походилъ на прочихъ монарховъ и долженъ былъ поразить человѣка, бывавшаго при дворѣ Валуа и Тюдоровъ. Особенно сильное впечатлѣніе производила на

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1905 г.

иностранцевъ толпа бояръ, которая въ присутствіи царя какъ бы застывала и каменѣла.

Маржеретъ и Флетчеръ, посѣтившіе Москву послѣ Ченслера, также были поражены этимъ зрѣлищемъ; при входѣ Іоанна, въ толпѣ согбенныхъ бояръ и тѣлохранителей, окружавшихъ престолъ, воцарялась такая тишина, что, закрывъ глаза, можно было подумать, что дворецъ опустѣлъ.

Такимъ образомъ, если жилище русскаго царя не соотвѣтствовало его силѣ и могуществу, за то все окружающее превосходило великолѣпіемъ видѣнное путешественниками въ другихъ странахъ: цѣлая толпа придворныхъ въ богатыхъ парчевыхъ одѣяніяхъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, тѣснилась въ царскихъ палатахъ, на лѣстницѣ и на крыльцѣ, около дворца.

Осматривая сокровищницу Грознаго, Флетчеру казалось, что онъ грезитъ на яву: жемчугъ, изумруды, рубины лежали кучами рядомъ съ грудами золотой посуды, съ золотыми чарами, осыпанными драгоцѣнными камнями, коихъ считали сотнями, и со всевозможными драгоцѣнными вещами. Эти богатства накоплялись съ каждымъ царствованіемъ, но хранились обыкновенно подъ спудомъ. Ихъ выставляли на показъ въ рѣдкихъ случаяхъ, главнымъ образомъ для того, чтобы поразить ими иностранцевъ.

Присутствуя при отправленіи посольства къ королю польскому, Ченслеръ видѣлъ пятьсотъ всадниковъ въ самыхъ роскошныхъ одѣяніяхъ, какія только можно себѣ представить: на нихъ были кафтаны изъ золотой и серебряной парчи, сѣдла на лошадяхъ были бархатныя, шитыя жемчугомъ. Все это драгоцѣнное одѣяніе принадлежало царской казнѣ.

Дженкинсонъ, приглашенный къ царскому столу, ѣлъ на золотой посудѣ; однѣ чаши, кои обносились во время стола, были оцѣнены имъ въ 400 ф. ст. Кушанья вносились одновременно на ста золотыхъ и серебряныхъ блюдахъ, но на столахъ не было ни тарелокъ, ни приборовъ, ни салфетокъ, и приглашенные приносили съ собою ложку и ножъ, коими они ѣли и которые висѣли у нихъ за поясомъ.

Въ 1576 г. посланные императора Максимиліана были свидѣтелями того, что всѣ приглашенные во дворецъ на пиръ, числомъ до 200 человѣкъ, получили изъ царской гардеробной парчевые кафтаны, которые были замѣнены, когда они сѣли за столъ, бѣлыми накидками, отороченными собольимъ мѣхомъ.

Этотъ обычай имѣлъ, по словамъ Валишевскаго, большое значеніе въ исторіи страны, въ выработкѣ ея нравовъ и идей: „этимъ путемъ лучше всего внушалась русскому народу мысль, что онъ „ничто“ передъ царемъ, что всѣмъ и вся въ государствѣ былъ царь,

и поэтому народу ничто не принадлежитъ, а все принадлежитъ царю". Тотъ же смыслъ имѣли извѣстныя церемоніи, соблюдавшіяся при угощеніи гостей яствами и питіями. Вообще въ московскомъ укладѣ жизни все клонилось къ тому, чтобы возвеличить власть царя и внушить народу мысль, что онъ всѣмъ рѣшительно обязанъ царю и его милостямъ.

Послѣ пожара 1547 г., уничтожившаго Кремль почти до тла, Іоаннъ жилъ нѣкоторое время въ селѣ Воробьевѣ, между тѣмъ какъ ему строили въ Москвѣ деревянный дворецъ и возобновляли каменный, уничтоженный пламенемъ. Въ 1565 г., когда была учреждена опричина, Іоаннъ задумалъ построить для себя другой дворецъ въ самомъ Кремлѣ, но затѣмъ предпочелъ поселиться подальше отъ палатъ, которыя были предоставлены имъ царю Симеону, и избралъ для новаго дворца мѣсто внѣ кремлевскихъ стѣнъ, на Воздвиженкѣ, гдѣ онъ поселился въ 1567 г., но и тутъ онъ прожилъ недолго. Онъ не любилъ жить въ Москвѣ точно такъ же, какъ и Петръ Великій, предпочитая ей село Коломенское, любимое мѣстопребываніе его отца, гдѣ онъ праздновалъ ежегодно день своего ангела, 29-го августа. Іоанна привлекала также Вологда, гдѣ, по его приказанію, былъ сооруженъ огромный деревянный дворецъ. Но вскорѣ любимымъ мѣстопребываніемъ Грознаго сдѣлалась Александровская слобода [1]), и онъ основался въ ней окончательно.

Отъ дворца, въ которомъ жилъ въ Александровѣ Грозный, не осталось слѣдовъ, но полагаютъ, что на томъ мѣстѣ возвышается нынѣ монастырь. Соборъ, находящійся въ монастырской оградѣ, дѣйствительно существуетъ повидимому со временъ Іоанна; въ немъ видны до сихъ поръ двери, привезенныя изъ Новгорода послѣ разгрома этого города. Въ Александровѣ около собора уцѣлѣлъ до сихъ поръ флигель, входившій, по преданію, въ составъ того зданія, въ которомъ жилъ Іоаннъ съ своими опричниками. Эта догадка подтверждается огромными подвалами съ таинственными закоулками и подземными ходами, откуда „такъ и мерещатся посѣтителю окровавленные призраки".

Но эти стѣны, видѣвшія такъ много ужасовъ и слышавшія столько стоновъ, безмолвствуютъ. Безмолвны также мѣстныя преданія и, чтобы воспроизвести исторію того, что происходило въ Александровской слободѣ и что занимало такое огромное мѣсто въ жизни Грознаго, приходится довольствоваться однѣми легендами.

Какъ мѣстопребываніе и центръ администраціи, Александровская

[1]) Нынѣ Александрово—уѣздный городъ Владимірской губ. на р. Сѣрой, притокѣ Клязьмы.

слобода ускользаетъ даже отъ ближайшаго потомства. Всѣ современники, писавшіе о томъ, что въ ней творилось, описываютъ ее только какъ разбойничье гнѣздо.

Тѣ сотрудники, коихъ Іоаннъ привлекъ, чтобы совершить преобразованія, связанныя съ учрежденіемъ опричины, были взяты имъ изъ подонковъ общества; никто изъ нихъ не былъ въ состояніи понять истиннаго характера и цѣли этого нововведенія; они еще болѣе, чѣмъ Грозный, смѣшивали жестокость и насиліе съ понятіемъ объ энергіи, какая требовалась для того, чтобы совершить это преобразованіе. Послушное орудіе въ рукахъ царя и угодливые царедворцы, они только способствовали развитію инстинктовъ грубаго разврата, привитыхъ царю его воспитаніемъ и отчасти существовавшихъ въ немъ отъ рожденія.

Іоаннъ выказывалъ всегда, какъ извѣстно, большую склонность къ монашеской жизни; аскетическія наклонности сочетались у него самымъ удивительнымъ образомъ съ большою распущенностью нравовъ, которой грѣшили впрочемъ всѣ монахи. Іоаннъ мечталъ о преобразованіи этой среды. Желаніе подать въ этомъ случаѣ личный примѣръ несомнѣнно повліяло на внутренній распорядокъ жизни въ Александровской слободѣ, о которомъ не будемъ распространяться, ибо онъ какъ нельзя лучше знакомъ русскимъ читателямъ.

Въ глазахъ Іоанна, какъ и въ глазахъ большинства его современниковъ, идеалъ преобразованной монашеской жизни сводился къ строгому соблюденію правилъ внѣшняго благочестія, коимъ царь слѣдовалъ со своими опричниками, полагая, что этимъ искупаются всѣ излишества, коимъ они предавались; обрядность и внѣшнее воздержаніе замѣняли отсутствіе истинной набожности и служили оправданіемъ величайшихъ пороковъ. Въ этомъ смыслѣ Александровская слобода была мѣстомъ извѣстной дисциплины, и Іоаннъ несомнѣнно смотрѣлъ на эту пародію благочестивой жизни вполнѣ серьезно.

Онъ жилъ въ Александровской слободѣ подобно тому, какъ Людовикъ XI жилъ въ Плесси-ла-Туръ, окруженный съ одной стороны монахами, благочестивыя упражненія коихъ онъ раздѣлялъ, а съ другой—палачами и слесарями, изготовлявшими тяжелые кандалы, въ кои заковывались заключаемыя имъ жертвы.

Чрезмѣрные кутежи и оргіи, въ коихъ царь пытался утопить свою грусть и раскаяніе по поводу совершенныхъ имъ злодѣяній, расшатали прежде времени его крѣпкій организмъ, сулившій ему долгую жизнь.

Уже въ августѣ мѣсяцѣ 1582 г. Поссевинъ, давая венеціанскому правительству отчетъ въ своей поѣздкѣ въ Московію, говорилъ, что царю осталось жить недолго, а въ началѣ 1584 г. здоровье Іоанна настолько ухудшилось, что окружающіе были сильно встревожены.

Распухшее тѣло больнаго издавало сильное зловоніе.

Врачи заявили, что у него началось разложеніе крови, а астрологи на вопросъ Богдана Бѣльскаго объявили, что конецъ царя близокъ и предсказывали даже день его кончины. Бѣльскій не рѣшился объявить объ этомъ предсказаніи, но предупредилъ астрологовъ, что они будутъ сожжены живьемъ, если предсказаніе ихъ не оправдается.

Горсей передаетъ любопытную сцену, происшедшую въ сокровищницѣ царя, незадолго до его кончины, коей онъ былъ свидѣтель. Умирающій царь часто проводилъ время среди своихъ сокровищъ, съ которыми ему суждено было вскорѣ разстаться. Въ тотъ день, о которомъ разсказываетъ Горсей, царь разсматривалъ драгоцѣнные камни, обсуждалъ съ приближенными ихъ качество и стоимость. Какъ вдругъ, взявъ въ руку нѣсколько штукъ бирюзы, онъ воскликнулъ, обращаясь къ Горсею:

„Видите, какъ онѣ измѣняютъ свой цвѣтъ, онѣ блѣднѣютъ; это значитъ, что я отравленъ; онѣ предвѣщаютъ мою кончину“ и тотчасъ приказалъ подать свой посохъ, сдѣланный изъ рога единорога, обладавшаго, какъ полагали въ то время, цѣлебной силою [1]). Врачъ царя, вооружившись этимъ волшебнымъ посохомъ, начерталъ на столѣ кругъ, въ средину котораго было пущено нѣсколько пауковъ. Они тотчасъ околѣли, между тѣмъ какъ оставшіеся внѣ круга разбѣжались.

— Поздно,—сказалъ Іоаннъ,—рогъ уже не можетъ спасти меня.

По словамъ того же Горсея, 8-го (18-го) марта 1584 г., въ день, указанный астрологами, царь чувствовалъ себя лучше. Бѣльскій напомнилъ предсказателямъ, какая ихъ ожидала участь.

— День кончается съ закатомъ солнца, — отвѣчали они.

Искупавшись, Іоаннъ приказалъ подать себѣ шахматную доску и пригласилъ Бориса Годунова сыграть съ нимъ партію въ шахматы. Онъ разставлялъ на доскѣ фигуры, какъ вдругъ ему сдѣлалось дурно Нѣсколько минутъ спустя онъ захрипѣлъ.

Предсказаніе астрологовъ сбылось.

Любопытно, что черты характера Іоанна такъ же точно, какъ и его внѣшній обликъ, описываются столь различно, что, основываясь на

---

[1]) Единорогъ—баснословное животное, о которомъ древніе писатели говорятъ какъ о звѣрѣ, дѣйствительно существующемъ. Рогъ единорога, подъ видомъ котораго большею частью сбывался клыкъ нарвала, вывозимый норвежцами и датчанами изъ полярныхъ странъ, употреблялся на скипетры и посохи и цѣнился очень дорого, особенно потому, что считался цѣлительнымъ средствомъ въ разныхъ болѣзняхъ, а также средствомъ, предохраняющимъ отъ порчи. Беръ писалъ, что московскій царскій скипетръ, взятый поляками „изъ цѣльной кости единорога, осыпанный яхонтами, затмевалъ всѣ драгоцѣнности въ мірѣ“.

показаніяхъ современниковъ, трудно возсоздать хотя приблизительно его портретъ. По свидѣтельству русскихъ, онъ былъ высокъ и худощавъ, между тѣмъ какъ, по показаніямъ иностранцевъ, видѣвшихъ царя, онъ былъ дороденъ. Это разногласіе происходитъ быть можетъ отъ того, что они различно понимали слово дородность. Всѣ москвитяне были гораздо полнѣе жителей другихъ странъ. Что касается роста, то всѣ сходятся въ томъ, что Іоаннъ былъ высокъ ростомъ и плечистъ; но объ его лицѣ всѣ портреты, подлинность которыхъ, впрочемъ, весьма сомнительна, не даютъ никакого опредѣленнаго представленія. Однако всѣ сходятся, приблизительно, въ томъ, что у него былъ довольно длинный, горбатый носъ, небольшіе, голубые, но очень живые глаза и проницательный взглядъ; длинные усы, окладистая русская борода, подъ конецъ жизни посѣдѣвшая, и коротко остриженные волосы дополняютъ этотъ портретъ.

Во второй половинѣ жизни, о которой имѣется наиболѣе свѣдѣній, обычное выраженіе лица Іоанна было мрачное и угрюмое, хотя нерѣдко случалось, что онъ хохоталъ до упада. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ его измѣнчивому характеру, который, несмотря на всѣ попытки разобраться въ немъ, остается до сихъ поръ загадкой.

Іоаннъ былъ вспыльчивъ до такой степени, что, по выраженію Букау, при малѣйшемъ противорѣчіи „закусывалъ удила какъ норовистая лошадь“, и совершенно не былъ въ состояніи сдержать и побороть себя. Тяжелое дѣтство, проведенное въ вѣчномъ страхѣ, отсутствіе любви и сколько-нибудь человѣческаго обращенія сдѣлали его робкимъ; его робость, доходившая иной разъ до трусости, проявлялась то величайшимъ недовѣріемъ къ себѣ, то чисто физическимъ страхомъ передъ опасностью. Между тѣмъ нельзя назвать трусомъ человѣка, который въ теченіе двадцати лѣтъ боролся со всѣми „Курбскими“ своего царства.

Воспитатели Іоанна, которые поощряли самые дурные его инстинкты, оскорбляя вмѣстѣ съ тѣмъ самыя лучшія его чувства, развили въ немъ презрѣніе къ людямъ, переходившее порой въ ненависть. Онъ былъ коваренъ и золъ. Дурное обхожденіе и насмѣшки, коимъ онъ подвергался въ дѣтствѣ, развили въ немъ потребность унижать людей и глумиться надъ ними въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не могъ заставить ихъ страдать иначе; онъ съ юныхъ лѣтъ утратилъ всякую жалость и состраданіе къ людямъ, точь въ точь какъ это случилось, по тѣмъ же причинамъ, съ Петромъ Великимъ.

Озлобленный и жестокій, Іоаннъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ коваренъ и хитеръ, какъ азіатъ, но онъ всегда зналъ, чего онъ хочетъ и къ чему стремится; а если онъ подчасъ увлекался, то это надобно приписать его неумѣнію управлять своими чувствами; ежели же онъ по-

губилъ болѣе жертвъ, нежели у него было враговъ, то это можно объяснить тѣмъ, что „человѣкъ, который пролилъ однажды кровь, нерѣдко испытываетъ такое непреодолимое желаніе убивать, что бываетъ уже не въ состояніипреодолѣть эту страсть“; при чемъ кровавыя сцены сопровождаются обыкновенно, по свидѣтельству Ломброзо, слова коего приведены выше, отвратительными оргіями.

Въ этомъ вся исторія Александровской слободы.

Іоаннъ заложилъ въ русскую почву сѣмена крови, плодомъ которыхъ было убіеніе его младшаго сына въ Угличѣ, появленіе Лжедимитрія и всѣ ужасы „смутнаго времени“. Шуйскіе и Курбскіе пожали только то, что они посѣяли, научивъ своего будущаго палача относиться съ презрѣніемъ къ человѣческому достоинству, къ человѣческой жизни, ко всякой справедливости и закону.

У Іоанна Грознаго была еще одна особенность, не свойственная его предкамъ: никто изъ великихъ князей московскихъ не чувствовалъ такой потребности говорить, обсуждать разные вопросы письменно и изустно, всенародно или съ глаза на глазъ съ какимъ-нибудь бѣглымъ бояриномъ или иноземнымъ посломъ, обнажать свою душу, указывать на свои раны и язвы, говоря: смотрите, вотъ я каковъ!

Страсть выставлять себя на показъ была у него, какъ у многихъ людей, проявленіемъ безграничной гордости, въ данномъ случаѣ вполнѣ понятной и объяснимой. При своихъ познаніяхъ въ исторіи и даже въ географіи, онъ естественно могъ считать себя выше всѣхъ монарховъ Европы, даже выше самого императора или султана.

Та же гордость и самомнѣніе не позволяли ему принимать лично участія въ бояхъ, гдѣ его особѣ угрожала слишкомъ большая опасность, не говоря уже о томъ, что онъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ традиціямъ предковъ.

Европеецъ, человѣкъ до извѣстной степени культурный, проявлялся въ Іоаннѣ въ томъ, что онъ не любилъ грубой лести. Слѣдующій анекдотъ, передаваемый Гваньино, иллюстрируетъ это какъ нельзя лучше; взятые Баторіемъ въ плѣнъ воеводы Іосифъ Щербатый и Юрій Барятинскій были выкуплены Іоанномъ, и когда они вернулись въ Москву, то Іоаннъ съ любопытствомъ разспрашивалъ ихъ о видѣнномъ. Щербатый говорилъ вполнѣ искренно и правдиво о могуществѣ короля польскаго; Барятинскій же, думая быть пріятнымъ царю, оспаривалъ его слова: у Баторія не было, по его словамъ, ни войска, ни крѣпостей. Онъ дрожалъ, заслышавъ имя царя.

— Бѣдный король,—сказалъ Іоаннъ,—какъ мнѣ жаль его.

И вдругъ, схвативъ посохъ, онъ ударилъ имъ наглаго царедворца.

— Вотъ твоя награда, лжецъ!—воскликнулъ онъ.

Іоаннъ, по-своему, былъ образованнѣе большинства русскихъ людей своего времени и могъ равняться съ самыми просвѣщенными изъ современныхъ ему европейскихъ монарховъ — если не по количеству точныхъ знаній, коими онъ обладалъ, то по крайней мѣрѣ по его любви къ наукѣ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ полнѣйшей противоположностью Людовика XI, который до самой смерти ненавидѣлъ науку и говорилъ, что она „пагоняетъ на него тоску“.

Изъ прочитанныхъ имъ книгъ Іоаннъ запомнилъ множество фактовъ, но онъ не былъ въ состояніи вполнѣ понимать прочитанное, а тѣмъ болѣе усвоить его и отнестись къ фактамъ критически. Въ первые годы своего царствованія, когда правленіе бояръ оставляло ему много досуга, когда онъ часто проводилъ время въ одиночествѣ, Іоаннъ читалъ все, что попадалось ему подъ руку: священная и римская исторія, русскія и византійскія лѣтописи, писанія святыхъ отцевъ и Четьи-Минеи одинаково возбуждали его любопытство. Онъ запомнилъ изъ этихъ книгъ множество отдѣльныхъ мѣстъ, которыя имѣли, какъ ему казалось, отношеніе къ нему лично, къ его положенію въ мірѣ и къ той роли, которую ему хотѣлось въ немъ играть. Его переписка съ Курбскимъ представляетъ какъ бы сводку пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній и свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ умѣлъ ими пользоваться. Это удивительная смѣсь цитатъ, заимствованныхъ изъ Библіи и греческой миѳологіи, изъ сочиненій Іоанна Богослова и изъ Иліады съ ея легендой о взятіи Трои, изъ Евангелія и толкованій на него. Хотя Курбскій и сравниваетъ письма Іоанна съ „болтовнею старой бабы“, однако всѣ эти на первый взглядъ разрозненныя мысли и воспоминанія составляютъ одно цѣлое, имѣютъ внутреннюю связь, сквозь нихъ проходитъ одна общая идея, и всѣ цитаты клонятся къ доказательству основной мысли о величіи царской власти, какъ понималъ ее писавшій, приписывая ей божественное происхожденіе.

Іоаннъ не игралъ видной роли въ умственномъ движеніи своего вѣка, въ той борьбѣ, которая возникла въ то время между нравственными идеалами, выработанными въ глуши сѣверныхъ скитовъ, и испорченностью и грубостью нравовъ, въ коихъ погрязло большинство народа. Человѣкъ, отъ природы одаренный, онъ не былъ достаточно образованъ, ни достаточно великъ душою, чтобы явиться представителемъ возвышенныхъ стремленій лучшихъ людей своего времени.

Въ вопросахъ религіи онъ оставался человѣкомъ старой школы, для котораго ношеніе бороды и однорядки имѣло одинаковое значеніе съ догматомъ. Ученіе Нила Сорскаго скользило по немъ, не проникая въ его душу; съ другой стороны, у него не хватало умственнаго развитія, чтобы пріобщиться къ европейскому прогрессу и

приноровиться къ болѣе широкому умственному горизонту. Въ области наукъ и искусствъ Европа была для этого еще слишкомъ далека отъ Россіи; послѣдняя еще слишкомъ отстала тогда отъ Запада. Іоаннъ взялъ у Европы самое нужное, самое легкое. Онъ взялъ у нея готовые результаты ея цивилизаціи: инженеровъ, архитекторовъ, мастеровъ, печатниковъ: такъ поступаютъ обыкновенно отсталыя націи, желающія наверстать потерянное время.

Нѣкоторые отрицаютъ въ Грозномъ всякую самобытность, говорятъ, что онъ шелъ, и то довольно неумѣло, по пути, проторенному его дѣдомъ, защищалъ отъ нападковъ существовавшія уже теоріи и пережевывалъ мысли, почерпнутыя изъ книгъ. Эти черезъ-чуръ строгіе судьи готовы еще признать крупное значеніе за реформами, которыя были осуществлены въ первые годы царствованія Іоанна, но приписываютъ всю заслугу окружающимъ царя.

Между тѣмъ, если прочесть внимательно въ Стоглавѣ всѣ статьи, касающіяся организаціи церкви и государства, то нельзя не признать, что эти статьи начертаны тѣмъ же перомъ, какимъ велась переписка съ Курбскимъ, а въ то время, какъ писался Стоглавъ, Адашева и Сильвестра еще не было и въ поминѣ. Оба произведенія не только проникнуты одинаковымъ духомъ, но они одинаковы по слогу, а въ слогѣ весь человѣкъ.

Ни Адашевъ, ни Сильвестръ, ни Курбскій не принимали участія въ учрежденіи опричины, а между тѣмъ опричина и реформы 1551 г. составляютъ одно цѣлое.

Біографы Іоанна,—говоритъ Валишевскій,—отрицаютъ его участіе въ томъ дѣлѣ, которое они приписываютъ его сотрудникамъ только потому, что они не поняли истиннаго смысла опричины.

Іоаннъ былъ первымъ русскимъ царемъ не только потому, что онъ первый принялъ царскій титулъ, но главнымъ образомъ потому, что онъ первый понялъ основныя черты, соотвѣтствующія этому титулу. Конечно, теорія верховной власти вырабатывалась въ русской литературѣ постепенно, начинаясь XV вѣка. Однако ни Василій, ни даже Іоаннъ III не съумѣли вывести изъ нея идею монарха, получающаго свою власть отъ Бога и отвѣтственнаго, какъ единственный представитель божественной воли и премудрости, только передъ Богомъ.

Видя въ лицѣ царя родъ божественной ипостаси, Іоаннъ ставилъ себя выше всего государства, между тѣмъ Петръ Великій смотрѣлъ на себя, какъ извѣстно, какъ на перваго слугу своего государства—въ этомъ ихъ существенное различіе.

Грозный много страдалъ; эти страданія, которыя онъ преувеличивалъ, какъ и многое другое, объясняются его біографами двоякой

причиною: слишкомъ яснымъ пониманіемъ всѣхъ недостатковъ и ошибокъ политическаго и соціальнаго организма, коимъ онъ управлялъ, и не менѣе тяжелымъ сознаніемъ своего безсилія измѣнить эти недостатки. Это тягостное чувство усугублялось сознаніемъ своихъ личныхъ недостатковъ, которые онъ понималъ во всей ихъ неприглядности и въ которыхъ онъ безъ нужды то и дѣло каялся и признавался.

Нельзя согласиться съ тѣми, кто изображаетъ Іоанна человѣкомъ непонятымъ и стоявшимъ совершенно одиноко, который одинъ видѣлъ въ современныхъ нравахъ зловѣщіе признаки разложенія и, не находя никого, съ кѣмъ бы онъ могъ раздѣлить чувства презрѣнія и ненависти, какія возбуждалъ въ немъ этотъ порядокъ вещей, ожесточился въ своемъ одиночествѣ до такой степени, что, подобно слѣпому, наносилъ удары направо и налѣво, не зная, какъ взяться за дѣло, чтобы устранить зло, по недостатку твердой воли, которая далеко не равнялась его умственному превосходству.

Подобный взглядъ несправедливъ какъ по отношенію къ монарху, такъ и по отношенію къ его современникамъ, среди которыхъ были люди гораздо болѣе его способные понять необходимость нравственнаго возрожденія общества и тѣ пути, коими этого можно было достигнуть.

Грозный прекрасно зналъ, что онъ дѣлалъ и кому онъ наносилъ удары; онъ умѣлъ выполнять свою волю, но у него не было хорошихъ сотрудниковъ; одни изъ нихъ, подобно Бѣльскому, не были на высотѣ своего призванія, другіе, подобно Скуратову, были люди въ полномъ смыслѣ слова недостойные; поэтому ему приходилось то и дѣло мѣнять исполнителей своихъ предначертаній.

Вопреки существующему мнѣнію, Іоаннъ былъ не только теоретикъ, артистъ, искатель сильныхъ ощущеній и художественныхъ эффектовъ въ самомъ ужасѣ своихъ казней, какимъ рисуетъ его, напр., Константинъ Аксаковъ, онъ былъ гораздо болѣе практикъ, нежели теоретикъ, ибо онъ сумѣлъ противостоять всѣмъ внутреннимъ врагамъ и развить принятую имъ программу въ ея логическихъ послѣдствіяхъ; во внѣшнихъ же дѣлахъ онъ уступилъ только передъ геніемъ и счастьемъ Баторія; напротивъ того, всѣ его разсужденія въ вопросахъ религіи и политики кажутся нерѣдко сбивчивы, туманны, и сила его мышленія не соотвѣтствуетъ его инстинктивнымъ порывамъ, которые никогда не обманывали его.

Человѣкъ въ высокой степени набожный, совершившій въ 1547 г., всего двѣ недѣли спустя послѣ свадьбы, паломничество къ Троицѣ, глубоко проникнутый сознаніемъ превосходства своей религіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ его споры съ Поссевинымъ и Ракитою, онъ

часто позволялъ себѣ выходки, приличныя только самому свободомыслящему человѣку.

Въ его поступкахъ можно отмѣтить массу подобныхъ противорѣчій.

Въ нравственномъ обликѣ Грознаго не малую роль играло воображеніе, чѣмъ онъ также существенно отличался отъ Петра Великаго, который обладалъ умомъ въ высокой степени положительнымъ. Въ противоположность Петру, Іоаннъ былъ высокаго мнѣнія о своихъ способностяхъ, и это сочеталось самымъ удивительнымъ образомъ съ величайшимъ недовѣріемъ его къ самому себѣ и къ другимъ людямъ считая себя человѣкомъ въ высокой степени талантливымъ, Іоаннъ приписывалъ свое личное превосходство вліянію текшей въ его жилахъ иноземной крови. Въ этомъ опять таки его различіе съ Петромъ, въ которомъ было сильно развито чувство національной гордости. Петръ всегда гордился тѣми чертами, которыя у него были общія съ народомъ, и, разумѣется, ему никогда не пришло бы въ голову, какъ это сдѣлалъ Грозный, сказать иностранному рабочему, вручая ему слитки золота, чтобы онъ хорошенько взвѣсилъ ихъ „такъ какъ русскіе всѣ воры“.

Между тѣмъ со стороны Іоанна подобнаго рода выходки были не рѣдкость. Онъ часто вспоминалъ о своихъ „нѣмецкихъ предкахъ“. Въ вѣнскихъ архивахъ хранится даже черновикъ завѣщанія, коимъ Іоаннъ яко бы хотѣлъ оставить свою имперію Габсбургскому дому [1]).

Люди, относившіеся къ Іоанну несочувственно или враждебно, значительно преувеличили число совершенныхъ ими убійствъ. Курбскій говорилъ, напр., что Колычевы, Заболоцкіе, Одоевскіе, Воротынскіе были совершенно истреблены; между тѣмъ эти имена встрѣчаются въ спискахъ слѣдующаго вѣка. Конечно, ряды аристократіи значительно порѣдѣли, вслѣдствіе эмиграціи многихъ бояръ, но все же она не была окончательно искоренена, и царь даже самъ позаботился о томъ, чтобы упрочить судьбу трехъ знатныхъ родовъ: Мстиславскихъ, Глинскихъ и Романовыхъ, въ вѣрности и преданности коихъ онъ могъ быть увѣренъ потому, что у нихъ не было связей въ странѣ и что они зависѣли отъ него матеріально и находились съ нимъ въ родствѣ. Представители двухъ первыхъ семей незадолго передъ тѣмъ пріѣхали изъ Литвы, а Романовы составляли семью Грознаго.

Ослабленіе аристократическаго элемента было вызвано главнымъ образомъ причинами экономическаго характера, а равно и политическими мѣропріятіями. Въ XVI вѣкѣ, какъ мы уже знаемъ, помѣстья ускользали изъ боярскихъ рукъ вслѣдствіе всеобщей задолженности боярскаго класса. Въ спискѣ кліентовъ одного изъ тогдашнихъ ростов-

[1]) Костомаровъ. Монографіи, XIII, 304.

щиковъ, Протопопова, значатся представители нѣсколькихъ княжескихъ фамилій, по архивамъ же Кирилловскаго монастыря можно прослѣдить дальнѣйшую участь этихъ безнадежныхъ должниковъ: въ 1557 г., напр., князь Д. Д. Ухтомскій, не имѣя вѣроятно болѣе кредита у Протопопова, продалъ монахамъ за 350 р. село съ 17 близъ лежащими деревнями; три года спустя онъ продаетъ еще 4 деревни за 150 рублей. Тогда же монастырь пріобрѣлъ большое имѣніе, принадлежавшее этой княжеской семьѣ. Такимъ образомъ все недвижимое имѣніе Ухтомскихъ перешло въ концѣ концовъ во владѣніе монастыря.

Это обнищаніе многихъ знатныхъ семей было прямымъ послѣдствіемъ новаго политическаго строя и тѣхъ новыхъ обязательствъ, кои были возложены имъ на бояръ. Всеобщая служебная повинность заставила ихъ жить при дворѣ или по близости отъ двора, если они не служили подъ знаменами или не занимали какой-либо должности. И прежде, когда бояринъ жилъ на своей наслѣдственной землѣ, ему не всегда было легко извлекать изъ нея достаточный доходъ; когда же онъ отсутствовалъ изъ имѣнія, то оно быстро приходило въ разореніе. Съ учрежденіемъ опричины и массовымъ отобраніемъ у бояръ ихъ имѣній, потрясенному уже экономическому и политическому положенію этихъ лицъ былъ нанесенъ окончательный ударъ, и если въ числѣ богачей встрѣчаются до сихъ поръ имена Трубецкихъ, Голицыныхъ, Куракиныхъ, Салтыковыхъ, Бутурлиныхъ—потомковъ Рюрика и Гедимина, то ихъ богатство возникло позднѣе, въ XVIII вѣкѣ, и они обязаны имъ милостямъ которой-либо изъ императрицъ.

Возможно ли винить Іоанна въ томъ, что его завоевательная политика на Западѣ потерпѣла фіаско? Какъ знать, каковъ былъ бы исходъ Полтавской битвы, если бы Петръ Великій столкнулся подъ Полтавой не съ болѣзненнымъ Карломъ XII, а со вторымъ Баторіемъ?

За то побѣды, одержанныя имъ на Востокѣ, покореніе Казани, Астрахани и присоединеніе Сибири дали толчекъ развитію московской торговли, а пріобрѣтеніе нижняго теченія Волги благопріятствовало развитію рыбныхъ промысловъ.

Что касается финансовой политики Іоанна, то она носила совершенно хищническій характеръ и отнюдь не заслуживаетъ похвалы. Какъ общее правило можно сказать, что всякая новая государственная потребность вызывала новый налогъ, при чемъ платежныя средства населенія совершенно не принимались во вниманіе и подъ конецъ царствованія Грознаго совершенно истощились.

Въ области международныхъ сношеній Іоаннъ не могъ или не хотѣлъ порвать съ традиціями варварскихъ временъ, которыя плохо вязались съ прогрессомъ. Съ иноземными послами, которые посыла-

лись къ его двору, обращались нерѣдко какъ съ военноплѣнными, а участь настоящихъ военноплѣнныхъ была въ высшей степени плачевна. Самое благополучное, что могло съ ними случиться, это быть проданными или розданными въ крѣпостную зависимость въ монастыри.

Въ 1581 г. Іоаннъ приказалъ убить, по минованіи надобности, шведскихъ „языковъ“, т. е. взятыхъ въ плѣнъ для полученія отъ нихъ нужныхъ свѣдѣній. Плѣнные поляки и шведы употреблялись вмѣсто размѣнной монеты для мѣновой торговли, которую татары вели на константинопольскихъ рынкахъ.

Какъ бы то ни было, Іоаннъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, порокахъ и неудачахъ, пользовался въ народѣ популярностью. Въ русской исторической пѣснѣ онъ занимаетъ первое мѣсто, и его обликъ рисуется въ ней далеко не отталкивающимъ: онъ доступенъ человѣческимъ чувствамъ, строгъ, но справедливъ, даже великодушенъ; чувствуется, что симпатіи народа на его сторонѣ. Когда онъ предается кровавой тризнѣ на трупахъ побѣжденныхъ татаръ, или по одному подозрѣнію предаетъ палачу бояръ, то народъ видимо сочувствуетъ ему и рукоплещетъ рѣзнѣ и веселію своего царя. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ не можетъ сочувствовать ему, онъ почтительно закрываетъ глаза на его поступки или скрашиваетъ вымысломъ то, что возмущаетъ его совѣсть.

Со смертью Грознаго, дѣло, начатое имъ, осталось неоконченнымъ. Задавшись, по преимуществу, цѣлью разрушать, онъ не могъ ничего создать, а тѣмъ болѣе упрочить дальнѣйшее развитіе своихъ начинаній.

Не успѣвъ одержать побѣду надъ своимъ искуснымъ противникомъ и не пощадивъ жизни своего царственнаго преемника, Грозный оставилъ своей странѣ въ наслѣдіе войну съ Польшей и внутреннюю анархію.

Записки Порфирія Николаевича Глѣбова [1]).

10-го августа.

Вчерашняя канонада болѣе ничего, какъ фальшивая тревога. Намъ представилось, что штурмуютъ, ударили тревогу и подняли фонарь. Все это сдѣлалъ полк. Хитрово, командиръ одного изъ пѣхотныхъ полковъ. Но зато и наказанъ онъ чрезъ мѣру жестоко: ядромъ снесло ему голову.

Сегодня вечеромъ были у меня Гюббенетъ и Шейдеманъ. Князь Воронцовъ, сынъ бывшаго намѣстника, раненъ пулею въ голову, но, быть можетъ, останется живъ. По словамъ Гюббенета, однихъ раненыхъ съ 5-го августа до 6 т.; съ іюня же мѣсяца сдѣлалъ онъ однихъ ампутацій до 2 т., значитъ, всего раненыхъ должно считать съ іюня до 20 т. Страшное, по истинѣ, кровопролитіе, и чѣмъ оно кончится?

11-го августа.

Слава Богу, взялись за умъ—за разумъ: Сѣверную сторону укрѣпляютъ. Сегодня утромъ, вмѣстѣ съ Крыжановскимъ ѣздилъ я на Сѣверное укрѣпленіе; туда переводятъ съ Южной стороны: дѣловой дворъ, лабораторію, пороховые погребки, словомъ—весь скарбъ артиллерійскій. Инженеры нанесли уже на планъ мѣсто для укрѣпленій. Все закипѣло, и, вѣроятно, завтра же приступятъ къ земляным работамъ. Но, по словамъ Крыжановскаго, кажется, инженеры не совсѣмъ понимаютъ настоящей цѣли укрѣпленій на Сѣверной сторонѣ. У нихъ, какъ у моряковъ, особая каста, свои вѣрованія, и на мысль чужую

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1905 г.

не легко они поддаются. Возвратившись домой, я тотчасъ же набросалъ на бумагу мои мысли на счетъ предполагаемыхъ укрѣпленій и передалъ записку эту Крыжановскому. Что онъ изъ нея сдѣлаетъ, не знаю; не знаю также, есть ли что-нибудь дѣльное въ моемъ взглядѣ? Во всякомъ случаѣ, исполнилъ я мой долгъ: отозвался, какъ понимаю, и, если хотя одна мысль пригодится, буду доволенъ.

Тотлебенъ поправляется; уже ходитъ на костыляхъ и занимается дѣлами. Денъ раненъ осколкомъ въ лицо; ему снесло правую челюсть. Но онъ, по словамъ Гюббенета, геройски перенесъ и рану, и первую перевязку: пѣшкомъ пришелъ съ бастіона на перевязочный пунктъ и также пѣшкомъ, послѣ перевязки, отправился на Сѣверную сторону. Крови потерялъ много. Заѣзжалъ сегодня къ Ползикову. 4-го августа онъ, бѣдный, контуженъ въ правую ногу, ниже колѣна; говоритъ, что образовалась на ногѣ и рана. А я позавидовалъ его молодости, его свѣжести, его здоровью. Нѣтъ, въ нашемъ положеніи, не только за одинъ день, но и за одинъ часъ никто отвѣчать не можетъ. Сегодня и бодръ, и здоровъ, и веселъ, а завтра калѣка, если не въ сырой землѣ.

Бомбардировка продолжается, но урывками: то огонь усилятъ, то ослабятъ. Рѣшительно непонятно, какія у нихъ намѣренія? Неужели и въ правду полагаютъ они взять Севастополь одною канонадою?

Вчера видѣлся съ Бѣлявцевымъ, начальникомъ курскаго ополченія. Онъ молодецъ хоть куда, только посѣдѣлъ, какъ лунь. 17 дружинъ уже здѣсь. Въ Сѣверномъ укрѣпленіи занимаютъ уже они и караулы. Многіе изъ нихъ на видъ настоящіе богатыри, но есть и съ грѣхомъ пополамъ. Двѣ дружины уже на батареяхъ въ Севастополѣ. Какъ-то невольно жаль ихъ; солдатъ уже обреченъ на смертоубійство и долженъ всегда быть готовымъ пасть славною смертію подъ знаменами. Но ополченцевъ, мирныхъ жителей, схватили внезапно изъ-подъ сохи, съ поля, и разомъ перенесли на батареи Севастопольскія. Вѣроятно, бо́льшая часть изъ нихъ и не опомнилась, какъ очутилась среди насъ. Жаль бѣдныхъ, но, говорятъ, духъ между ними превосходный.

12-го августа.

Баумгартенъ, герой Читати, не оправдалъ надеждъ, которыя возлагали на него многіе. Скажу болѣе, онъ осрамилъ себя предъ цѣлой арміею, малодушно оставивъ свой постъ, и не по болѣзни, а подъ предлогомъ болѣзни, переѣхавъ изъ Севастополя въ Симферополь. По словамъ Гюббенета, герой Читати въ такомъ родѣ объяснялся съ нимъ: „По правдѣ, я не такъ боленъ, чтобъ не могъ далѣе оставаться на оборонительной линіи, но все-таки здоровье мое не таково,

чтобъ я могъ исполнять мой долгъ вполнѣ, такъ, какъ я понимаю его. Поэтому, присутствіе мое въ Севастополѣ не только не полезно, но въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть даже и вреднымъ, потому что мое мѣсто можетъ занять другой, болѣе крѣпкій здоровьемъ, нежели я, а слѣдовательно и выполнитъ обязанность лучше меня". Софизмъ жалкій. Малодушіе никакими фразами прикрыть нельзя. Онъ и теперь въ Симферополѣ, и, вѣроятно, останется тамъ до окончанія войны. Нѣтъ сомнѣнія, что ему въ арміи никакого уже назначенія не дадутъ. Жаль только, что такіе люди могутъ носить бѣлый крестъ на шеѣ. На его мѣстѣ, надо бы возвратить самому этотъ крестъ въ капитулъ.

Сегодня я имѣлъ порученіе самое трудное. Объѣздилъ болѣе 30 верстъ по берегу Бельбека, для отысканія удобныхъ мѣстъ для складовъ пороха. Нашелъ четыре пункта по дорогѣ къ Бахчисараю. Не знаю, найдутъ ли ихъ удобными, а другихъ по этому направленію нѣтъ.

Бомбардировка продолжается. Верки наши день ото дня все болѣе и болѣе распадаются. Теперь, ночью, канонада идетъ страшная, стрѣляютъ все залпами. Сейчасъ видѣлъ Шейдемана. Онъ говорилъ, что непріятель сильный огонь направилъ на Николаевское укрѣпленіе, гдѣ всѣ наши склады и штабъ-квартира графа Сакена. Вѣрно, пронюхали, подлецы, что много народу всякаго рода скопилось въ этомъ укрѣпленіи, что тамъ, можно сказать, сосредоточился весь теперешній Севастополь, и лавки, и перевязочный пунктъ, и пороховые погреба, словомъ, всѣ и все. Слышно, что главнокомандующій рѣшился надняхъ самъ штурмовать непріятеля въ его траншеяхъ со стороны Севастополя, не ожидая ихъ штурма. Вѣроятно, для этого и укрѣпляется Сѣверная сторона, чтобъ, въ случаѣ неудачи, отступить за Сѣверную бухту. Но, въ случаѣ успѣха, можно далеко отбросить непріятеля отъ нашей оборонительной линіи. Надо только дѣйствовать рѣшительно и численностью сбить его. Теперь войскъ у насъ довольно. Главное, бросившись на траншеи, мы можемъ надѣяться добраться до рукопашной; если и не сломимъ его, такъ нанесемъ ему чувствительный уронъ въ людяхъ, въ чемъ, къ сожалѣнію, не успѣли 4-го августа. Потеря французовъ въ этотъ день была самая незначительная.

13-го августа.

Вчерашняя тревога, 12-го августа, опять оказалась тревогою фальшивою; но Сакенъ, Богъ знаетъ отчего, сообщилъ въ главную квартиру, будто бы колонны непріятельскія покушались ринуться на 3-й бастіонъ, но, отброшенныя картечнымъ огнемъ, повернули вправо,

къ 4-му бастіону, гдѣ также сильнымъ огнемъ орудійнымъ покушеніе непріятеля было остановлено. Такое неправдоподобное сообщеніе понудило повѣрить дѣло на самомъ мѣстѣ; обнаружилось, что начали стрѣлять изъ ничего. Вообще Сакенъ не то въ военное время, чѣмъ былъ въ мирное. Если вѣрить общимъ о немъ слухамъ, то онъ въ Севастополѣ отличается отсутствіемъ всякихъ распоряженій. Право, удивительно, какъ это у насъ нѣтъ ни одного генерала, который заслужилъ бы общее довѣріе въ арміи. Одинъ Хрулевъ, да и этотъ славенъ только по отвагѣ.

Много сказокъ ходитъ про Севастополь. Между прочимъ, кто-то выдумалъ, что когда нѣсколько бомбъ упало около Тотлебена, то нѣсколько солдатъ бросились на него, повалили его на земь и собою прикрыли его отъ пораженія черепковъ. Эта сказка разнеслась не только по Россіи, но и по Европѣ. Анатолій Демидовъ, прослышавъ о такомъ необыкновенномъ героизмѣ нашихъ солдатъ, пожертвовавшихъ собою для спасенія столь славнаго генерала, опредѣлилъ обезпечить ихъ будущность, если они живы; въ противномъ случаѣ, назначить изъ своего состоянія пенсіи вдовамъ или семействамъ ихъ. Для этой цѣли Демидовъ и отнесся къ начальнику штаба генералъ-адъютанту Коцебу письмомъ, прося его препроводить къ нему списокъ героевъ, спасшихъ собою Тотлебена. Коцебу тотчасъ же командировалъ къ Тотлебену офицера съ запросомъ: когда именно и въ какомъ мѣстѣ былъ помянутый случай и не помнитъ ли онъ, какого полка солдаты такъ самоотверженно спасли ему жизнь? Разумѣется Тотлебенъ отвѣчалъ, что ничего подобнаго съ нимъ не случалось.

Крыжановскій получилъ аренду. Кажется, награда эта его порадовала. Сказать правду, за его полезные труды—онъ вполнѣ заслуживаетъ быть награжденнымъ болѣе другихъ. Въ настоящее время онъ незамѣнимъ. Бываютъ дни, когда главнокомандующій по сорока разъ на день его къ себѣ требуетъ. Надо удивляться, какъ достаетъ у него физическихъ силъ, чтобы трудиться такъ много.

Сегодня канонада подъ Севастополемъ съ обѣихъ сторонъ умѣренная; что-то будетъ ночью! Большею частью, послѣ вечерней зари, наши стрѣляютъ по ихъ работамъ, а они по нашимъ веркамъ.

14-го августа.

Сейчасъ только-что вернулся съ восхитительныхъ береговъ Бельбека. Дѣдушка посылалъ меня туда разузнать, кому принадлежатъ избранныя мною строенія для склада пороха, и гдѣ владѣльцы ихъ проживаютъ. Порученіе это исполнилъ я съ большимъ удовольствіемъ, усталъ только немного. По дорогѣ заѣхалъ на дачу, принадлежа-

щую капитану 1-го ранга Какараки. Засталъ тамъ много хозяевъ мужескаго пола, и все капитаны 1-го и 2-го ранга, и все Какараки. Одинъ изъ нихъ 29-го мая раненъ осколкомъ въ щеку; рана ужасная, но онъ уже поправляется; куритъ, гуляетъ и свѣжъ на лицо; жалуется только на головную боль. За чаемъ съ моими знакомыми незнакомцами толковали, разумѣется, объ одномъ Севастополѣ. Боятся и они за него. У нихъ также пронесся уже слухъ о приготовленіяхъ нашихъ къ оборонѣ на Сѣверной сторонѣ. Впрочемъ, по ихъ словамъ, солдаты наши начали между собою давно уже толковать объ отступленіи съ Южной на Сѣверную сторону,—съ того времени, какъ начали строить мостъ чрезъ бухту. Говорили мнѣ гг. Какараки также и о томъ, что будто бы царскіе экипажи съ гардеробомъ и кухнями прибыли въ Николаевъ; не знаютъ они только, доѣдетъ ли государь до Крыма, или нѣтъ. А присутствіе царя между нами принесло бы большую пользу. Онъ увидѣлъ бы многое, чего, быть можетъ, и не подозрѣваетъ. Съ другой стороны, присутствіе его необходимо и на сѣверѣ. Какъ видно изъ газетъ, бульдоги начали уже бомбардировать Свеаборгъ, и не на шутку: въ одну минуту пускали по 30 ракетъ, а бомбамъ и числа нѣтъ. Но однимъ бомбардированіемъ, особенно чрезчуръ съ благородныхъ дистанцій, они не доѣдутъ до Свеаборга; потратятъ только снаряды и порохъ по-пустому. Вѣрно, Дундасу не хочется вернуться осенью домой ни съ чѣмъ; онъ и пробуетъ, голубчикъ, овладѣть Свеаборгомъ, стоя за семь верстъ отъ него. Право, какъ досадно должно быть англичанамъ, что они до сихъ поръ не смогли изобрѣсть средства—убивать сотни тысячъ непріятелей, не подвергая ни одного изъ своихъ матросовъ опасности быть раненымъ или убитымъ. Повидимому, казусъ этотъ и приводитъ ихъ въ отчаяніе и озлобленіе на насъ, несчастныхъ, которые не соглашаются быть убитыми, какъ овцы; напротивъ, покушаются сами какъ бы половче да побольше тряхнуть благопріятелей.

Крыжановскій уѣхалъ сегодня въ Симферополь, къ женѣ, и вернется не раньше, какъ чрезъ два дня.

15-го августа.

Бѣдному нашему страдальцу-Севастополю приходится жутко. Съ каждымъ днемъ оборона слабѣетъ болѣе и болѣе; къ тому жъ и потеря въ людяхъ ежедневно—страшная. Оставаться въ этомъ положеніи нельзя. Надо окончательно на что-нибудь рѣшиться, и какъ можно скорѣе, чтобъ даромъ и безъ всякой пользы не терять людей. Если есть какія-либо средства, чтобъ поднять оборону на ноги, употребить всѣ ихъ энергически—для оживленія и, такъ сказать, воскресенія ея; если же нѣтъ, то отступить, и какъ можно скорѣе, на

Сѣверную сторону. Безбожно ежедневно выводить людей на разстрѣливаніе, не имѣя никакой надежды на успѣшную оборону крѣпостныхъ верковъ на Южной сторонѣ. Впрочемъ, кажется, отступленіе уже рѣшено. Вчера читалъ я бумагу севастопольскаго коменданта, въ коей сказано, что графъ Сакенъ словесно объявилъ уже по гарнизону, чтобы всѣ управленія, штабы, канцеляріи, ордонансъгаузъ и т. п. переправлялись немедленно съ Южной на Сѣверную сторону. Но, во всякомъ случаѣ, переходъ гарнизона черезъ Сѣверную бухту не обойдется безъ кровопролитной схватки и безъ чувствительныхъ потерь какъ въ людяхъ, такъ и въ матеріалахъ: надо пожертвовать и послѣдними остатками флота, и значительною частію артиллеріи.

Вечеромъ сидѣлъ у меня Гюббенетъ. Мы много толковали съ нимъ о Севастополѣ. Всѣхъ героевъ этой страшной драмы зналъ онъ лично. По его мнѣнію, многіе изъ нихъ шарлатаны и комедіанты, и только случаемъ попались въ герои; нѣкоторые же и не имѣютъ даже личной отваги, какъ, напримѣръ, Баревъ. Онъ даже и не раненъ, а только подъ мнимою контузіею—удалился изъ Севастополя, достигнувъ въ немъ по службѣ всего, чего только могъ. Шейдеманъ—самый пустой человѣкъ и не распорядительный; одно качество его—это наружное хладнокровіе подъ выстрѣлами. Впрочемъ, такъ относятся о Шейдеманѣ и многіе другіе. Сакенъ, человѣкъ честнѣйшій и благороднѣйшій, но какъ военачальникъ ниже всякой критики. Къ тому же теперь совершенно растерялся: ходитъ, какъ угорѣлый, и не на бастіонахъ, а въ своемъ казематѣ. Къ довершенію несчастія, у него разладица съ главнокомандующимъ. Вообще, постоянная разладица между главною квартирою, начальникомъ Севастополя и морскимъ вѣдомствомъ—оказываетъ самое пагубное вліяніе на ходъ обороны. Тотлебенъ, по уму не орелъ, но человѣкъ въ высшей степени храбрый, практическій и съ вѣрнымъ взглядомъ. Главная заслуга его въ томъ, что онъ всегда отгадывалъ намѣренія непріятеля, всегда предвидѣлъ то, на что можетъ и долженъ рѣшиться непріятель въ извѣстныхъ случаяхъ, вслѣдствіе чего, всегда успѣвалъ предупредить его своими работами. Шарлатанства въ немъ никакого, и теперь, едва поднялся съ постели, порывается уже въ траншеи. Васильчиковъ — человѣкъ энергическій и по чувствамъ настоящій патріотъ. Но выше всѣхъ, по чистотѣ намѣреній и дѣйствій, это былъ покойникъ Нахимовъ. Слухи о слабости его къ напиткамъ—сущая клевета. Гюббенетъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду видалъ его и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ, и ночью, и никогда не замѣчалъ въ немъ признака опьяненія. Какъ легко человѣку быть оклеветаннымъ, и какому еще? Нахимову. Я думаю, что въ клеветѣ этой

*

много грѣшенъ Меншиковъ. При всей природной деликатности, герой Синопскій былъ чрезчуръ откровененъ, особенно со старшими; эта неумѣстная откровенность, быть можетъ, и подала поводъ къ клеветѣ. Хирургія, по словамъ Гюббенета, въ Севастополѣ самая грубая; высшей, тонкой хирургіи—и быть не можетъ. Отнятіе членовъ—вотъ главныя операціи. Разумѣется, и въ этого рода операціяхъ—хирурги могутъ отличаться одинъ предъ другимъ бо́льшею или меньшею ловкостію. Всего операцій произвелъ лично Гюббенетъ до 400; другія же операціи были производимы другими—по его указаніямъ и подъ его наблюденіемъ. Пирогова сначала онъ не любилъ, но послѣ былъ въ сношеніяхъ съ нимъ хорошихъ. Пироговъ медиковъ своихъ вовсе не щадилъ; отъ него нѣтъ имъ другаго названія, какъ дуракъ, да идіотъ. Впрочемъ, объ этомъ, кромѣ Гюббенета, слышалъ я и отъ многихъ другихъ.

Отстоимъ ли мы Севастополь, или отдадимъ его въ руки непріятеля, во всякомъ случаѣ положеніе наше въ Крыму не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ. Намъ и прозимовать негдѣ; придется бѣдовать въ стужу подъ навѣсомъ палатки, безъ фуража и безъ дровъ. Вчера отданъ по арміи приказъ, чтобы всѣ отряды войскъ въ Крыму заблаговременно запаслись сѣномъ по 1-е мая будущаго года; въ Севастополѣ же и въ окрестностяхъ его по 1-е октября. Но гдѣ найти такіе огромные запасы сѣна?—Если осада продлится—безъ сомнѣнія, на зиму мы останемся на этихъ же высотахъ; въ противномъ случаѣ, хотя и отступимъ, то на недалекое разстояніе, чтобы не дать непріятелю углубиться въ край. Но, по близости Севастополя, не говоря уже о войскахъ,—главной квартирѣ негдѣ помѣститься на зимовку. Два ближайшихъ пункта: Симферополь и Бахчисарай—до того наполнены больными и ранеными, что тамъ и для одного главнокомандующаго едва-ли найдется помѣщеніе. Если придется на зиму укрыться въ разоренныхъ аулахъ, то и за это надо благодарить Бога.

Сегодня вечеромъ привели въ главную квартиру двухъ перебѣжавшихъ къ намъ французовъ,—оба унтеръ-офицеры и съ нашивками. По словамъ ихъ, кормятъ солдатъ французскихъ очень плохо: два сухаря, полфунта риса, фунтъ солонины, да полъ-порціи водки, чтобъ пить съ водою,—вотъ и все, что получаетъ солдатъ въ день. А дисциплина и требованія служебныя—очень строгія. Это самое и побудило ихъ перебѣжать къ намъ. Оба они уроженцы Парижа. Разсказывали они также, что въ эти четыре дня будетъ непремѣнно штурмъ. Но перебѣжчики давно уже предсказываютъ штурмъ, между тѣмъ прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ перваго штурма (6-е іюня), а они и не думаютъ пожаловать къ намъ открытою силою.

Разочли, вѣрно, что для нихъ выгоднѣе истреблять насъ мелкимъ огнемъ, разстрѣливать по частямъ, чѣмъ рисковать приступомъ. По словамъ этихъ же перебѣжчиковъ, у французовъ 4-го августа выбыло изъ строя до 3.000 человѣкъ. Но и этому трудно повѣрить.— Наполеонъ чрезъ телеграфъ объявилъ уже своей арміи благодарность за оказанное ею мужество въ дѣлѣ 4-го августа. Это правдоподобно. О, если бъ этого глупаго дѣла вовсе не было! Послѣ 6-го іюня мы торжествовали, и духъ въ нашихъ войскахъ былъ превосходный, а теперь, послѣ 5-го августа, примѣтно, всѣ пріуныли, особенно офицеры.

16-го августа.

Крыжановскій былъ сегодня, 16-го августа, на оборонительной линіи. По его словамъ, намъ очень жутко приходится въ Севастополѣ: амбразуры на 2-мъ бастіонѣ засыпаны, мерлоны повреждены, траверсы разрушены, и большая часть орудій едва держится на станкахъ. Отъ 2-го бастіона тихая сапа непріятельская съ мантелетомъ не болѣе, какъ въ 30 саженяхъ; отъ 4-го бастіона непріятель еще ближе, но тамъ работы прекращены, не идутъ далѣе: вѣроятно, боятся скрытыхъ нашихъ минъ. А не можетъ быть, чтобы атакованные бастіоны не были у насъ шинированы; но это большая тайна для всѣхъ. Скоро, скоро все разъиграется; въ положеніи этомъ оставаться намъ болѣе нельзя.

Мостъ уже готовъ. Длина его—480 саженей; ширина на одну повозку. Сегодня по немъ уже потянулись обозы съ разными тяжестями. Въ тихую погоду сообщеніе наше теперь съ Южной стороны обезпечено. Спасибо Бухмейеру.

Сегодня я нездоровъ; вѣрно купаньемъ простудилъ желудокъ. Слабость большая; такъ ноги и подкашиваются. Едва могъ простоять полчаса у музыки.

Говорятъ, на бастіонахъ часть ратниковъ обратили въ артиллеристовъ, и дѣйствуютъ они настоящими молодцами. До сихъ поръ, благодаря Бога, никого еще изъ нихъ и не израсходовали.

Много пѣхотныхъ нашихъ офицеровъ, подъ предлогомъ болѣзни, укрываются въ Бахчисараѣ и въ Симферополѣ. Сегодня главнокомандующій послалъ туда генералъ-полицеймейстера съ строгимъ приказаніемъ освидѣтельствовать всѣхъ ихъ, и которые окажутся не тяжко больными, тотчасъ выслать таковыхъ съ жандармами въ полки. Говорятъ даже, что одного штабъ-офицера, укрывшагося подъ предлогомъ болѣзни въ Бахчисарай, главнокомандующій приказалъ предать суду для примѣра другимъ. Но если нуженъ примѣръ, то для чего не возьмутся за Баумгартена, который, съ бѣлымъ крестомъ на

шеѣ, вотъ уже болѣе пяти мѣсяцевъ какъ прогуливается, подъ предлогомъ болѣзни, по улицамъ Симферополя, тогда какъ подвѣдомственная ему бригада ежедневно проливаетъ кровь на оборонительной линіи въ Севастополѣ. Изобличить предъ арміей такого господина могло бы, дѣйствительно, послужить примѣромъ разительнымъ—и для крупныхъ, и для дробныхъ, а о судьбѣ какого-нибудь несчастнаго пѣхотнаго штабъ-офицера едва-ли кто-либо и станетъ интересоваться.

18-го августа.

Третьяго дня, и именно, въ ночь съ 16-го на 17-е число, случайно нанесли мы чувствительный и страшный ударъ непріятелю, взорвавъ у него погребокъ, гдѣ хранился большой запасъ пороха, по мнѣнію однихъ 300 пуд., а по предположеніямъ другихъ 1.000 пуд.; изъ запаса этого снабжались порохомъ всѣ батареи Камчатскаго редута. Взрывъ былъ страшный; отъ него не только окна на Николаевскомъ фортѣ, но и окна на Сѣверномъ укрѣпленіи, разлетѣлись вдребезги. Бревно одно занесло на 3-й бастіонъ, почти за 600 саж. отъ мѣста взрыва. Разумѣется, батарея, изъ 8 или 10 орудій, на коей послѣдовалъ взрывъ, вся засыпана поврежденными. Въ ту ночь кн. Барятинскій былъ у Хрулева. За полчаса до взрыва доложили Хрулеву, что человѣкъ 30 всадниковъ прибыло на Камчатскій редутъ; полагаютъ, что это былъ самъ Пелисье со своимъ штабомъ. Достовѣрно не извѣстно, остались ли всадники до взрыва, или уѣхали прежде, но если засталъ ихъ взрывъ въ редутѣ, то, вѣроятно, немногіе изъ нихъ теперь цѣлы. Во всякомъ случаѣ, взрывъ нанесъ непріятелю потери чувствительныя. Благодаря ли взрыву, или по другимъ причинамъ, вчера и сегодня канонада со стороны непріятеля пріутихла. Безъ сомнѣнія, мы этимъ воспользуемся и починимъ наши верки, сильно пострадавшіе отъ продолжавшейся такъ долго усиленной канонады.

Вчера у меня было пропасть гостей. Сначала утромъ, пріѣхалъ Костандуляки съ Пущинымъ. Прежде съ Костандуляки знакомъ я не былъ, я въ первый разъ его вижу. Онъ человѣкъ весьма неглупый, но въ немъ есть что-то греческое: долженъ быть хитеръ, какъ лисица, или, какъ говорится у насъ въ простонародьѣ,—человѣкъ себѣ на умѣ. Пущинъ проситъ объ увольненіи его отъ командованія батареею—по случаю разстроеннаго здоровья: Крыжановскій согласился и обѣщалъ назначить его въ Одессу на мѣсто Рейсиха, который теперь назначенъ начальникомъ 1-й конно-артиллерійской дивизіи, на мѣсто покойнаго Е. И. Кноринга. То и дѣло, что одинъ смѣняетъ другаго.

Послѣ обѣда явились два ополченца: князь Николай Борисовичъ Голицынъ и Павелъ Николаевичъ Криницынъ. Какъ одного, такъ и другаго, не думалъ и не воображалъ я встрѣтить на высотахъ Инкерманскихъ. Голицынъ—настоящій русскій баринъ: серьезный и величавый. Онъ командуетъ дружиною: у него въ дружинѣ и братъ мой Николай, и стоятъ они всего въ трехъ верстахъ отъ насъ, у Сѣвернаго укрѣпленія. Не постигаю, почему это до сихъ поръ братъ Николай не хочетъ навѣстить меня. Голицынъ говоритъ, что духъ ратниковъ превосходный, но что опасно употребить ихъ въ дѣло въ передовыхъ линіяхъ, такъ еще мало знакомы они со своимъ дѣломъ; но если случится имъ добраться до рукопашной, то гг. французы держись: разорвутъ на части. Что же касается до Криницына, то онъ нисколько не измѣнился: таковъ же, какимъ и былъ въ Петербургѣ, и въ Воронежѣ. „Теперешняя игра моя,—сказалъ онъ мнѣ:—самая выгодная; ничего не проигрываю, а выиграть могу; послѣ кампаніи, пожалуй, и мѣстечко какое-нибудь дадутъ, а если убьютъ или искалѣчатъ, то бѣда небольшая; мнѣ и безъ того пора уже околѣвать". Наконецъ, къ вечеру явился и третій ополченецъ: Самойловъ, сынъ Ивана Григорьевича. Этому, какъ кажется, война хуже горькой рѣдьки; соскучился, бѣдный, о своемъ хозяйствѣ и о своей Акимовкѣ. Онъ у меня и ночевалъ. Дружина, въ которой онъ служитъ, стоитъ на Бельбекѣ. Ею командуетъ какой-то Сазоновъ, если не ошибаюсь. Съ Самойловымъ я не церемонился и, уложивъ его спать, отправился часовъ въ 10 къ А. А. Маркову. Скоро туда же пришелъ и Поповъ—съ котлетами и съ бутылкой хереса; но сначала, разумѣется, выпили по рюмкѣ и по другой водки. Оживились, я высказалъ Маркову кой-какія горькія истины. Во-первыхъ, что онъ человѣкъ холодный, не общежительный, но если съ кѣмъ и сближается, то неохотно, а потому только, что по деликатности или, вѣрнѣе, слабости, не можетъ отдѣлаться отъ навязчивыхъ. По крайней мѣрѣ, такъ объяснить можно долговременную и постоянную связь его съ Соколовымъ, этимъ ничтожнымъ дуракомъ и шутомъ, а въ настоящее время—съ Поповымъ, несноснымъ болтуномъ и вральманомъ. Во-вторыхъ, что если онъ не выигрываетъ по службѣ, то это потому, что въ сношеніяхъ съ начальниками не держитъ себя съ сознаніемъ своихъ достоинствъ и заслугъ; короче, слишкомъ много раболѣпствуетъ предъ старшими, чрезъ что̀ даетъ право не церемониться съ нимъ. Какъ прежде, такъ и теперь, всѣ знаютъ, что Маркова можно и обойти наградой, и подчинить его по службѣ младшему, и отказать ему въ окладѣ, и что Марковъ все такъ же добросовѣстно будетъ служить и трудиться.— Сколько я замѣтилъ, мысль мою онъ вполнѣ понялъ, но былъ ли доволенъ моею откровенностію,—не знаю.

Но я зашелъ еще далѣе, напомнивъ ему, какъ онъ двулично велъ себя въ отношеніи моего дѣла въ Кіевѣ: берегъ и меня, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, берегъ во вредъ мнѣ и А. И. Корфа; также сказалъ ему, какъ много погрѣшилъ онъ, назначивъ вести дѣло такого глупаго и ничтожнаго аудитора, какимъ оказался присланный изъ драгунскаго штаба. Разумѣется, противъ послѣднихъ двухъ нареканій онъ всячески оправдывался. Но я остался при моихъ убѣжденіяхъ. Интереснѣе всего то, что разговоръ нашъ былъ облеченъ въ такія выраженія, что Поповъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, едва-ли что-нибудь изъ него понялъ.

Говорятъ, что сегодня будетъ представленъ докладъ главнокомандующему о дозволеніи прекрасному полу легкаго поведенія раскинуть свои шатры на высотахъ Инкерманскихъ, по близости главной квартиры. Хотя этимъ пускай оживетъ сколько-нибудь молодежь, а то всѣ ходятъ, какъ будто тѣни. Скучнѣе нашей главной квартиры трудно и представить себѣ что-нибудь. Какъ будто всѣ обречены на казнь, такъ мало встрѣчаешь лицъ веселыхъ и беззаботныхъ. Въ мое время молодежь пѣла, шумѣла, кричала, хохотала, а теперь? — Въ очкахъ читаетъ „Санктпетербургскія“ и „Московскія Вѣдомости“...

Многіе у насъ до того напугались громадностью непріятельскихъ снарядовъ, что полагаютъ, будто бы подобныхъ никогда прежде и не употреблялось. Бомбы антверпенской мортиры (mortier monstre), брошенныя на разстояніи около 450 саж., углублялись въ землю болѣе чѣмъ на сажень; отъ разрывнаго заряда въ $1^1/_2$ пуда — производили воронки около 3 саженъ въ діаметрѣ; вѣсъ бомбъ былъ около $30^1/_2$ пуд., діаметръ около 2 футовъ. О такихъ странныхъ снарядахъ-минахъ въ Севастополѣ и помину нѣтъ.

Бѣдный страдалецъ — Клевецкій. Трудно представить себѣ положеніе мучительнѣе его. Въ лихорадкѣ, съ страшною головною болью, блѣдный и желтый — какъ мертвецъ, съ впалыми глазами, лежитъ бѣдняжка, одинъ одинехонекъ, подъ солдатскою шинелью, въ палаткѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ дуетъ и ходитъ порывистый, осенній вѣтеръ. При немъ одинъ только денщикъ, и никого короткаго знакомаго, никого, кто бы согрѣлъ страдальца теплымъ участіемъ. Когда я вошелъ къ нему, я испугался... такъ страшно представилось мнѣ его положеніе. Воображаю, какъ онъ долженъ теперь раскаиваться, что промѣнялъ спокойную службу на такое адское существованіе. Сначала, около двухъ мѣсяцевъ, мучился онъ на бастіонѣ, и теперь еще, какъ онъ самъ говоритъ, по ночамъ, когда находитъ на него бредъ и забытье, мерещутся ему какія-то черныя, какъ уголь, амбразуры, да такіе же туры и фашины. Нѣтъ сомнѣнія, что эта нечеловѣческая жизнь на бастіонѣ и привила къ нему лихорадку. Сначала появилась

она въ слабыхъ видахъ и скоро проходила; оставалась послѣ ней одна только слабость. Когда же назначили его состоять при генералъ-квартирмейстерѣ, и онъ переѣхалъ сюда, на Инкерманскія высоты, то, за неимѣніемъ палатки, долженъ былъ помѣститься въ землянкѣ, сырой, грязной и наполненной мышами и крысами. Въ этой-то землянкѣ и развилась въ такихъ злокачественныхъ формахъ лихорадка, какъ будто преддверіе тифа. Мнѣ кажется, что едва-ли онъ подымется на ноги. Я совѣтовалъ ему тотчасъ же отправиться въ Симферополь, но онъ отвѣчалъ, что такъ слабъ, что поднять не только головы, но и руки не можетъ. Бѣдный страдалецъ! А какъ онъ былъ свѣжъ и красивъ, и молодъ, когда служилъ у меня въ батареѣ! И кажись, много ли прошло послѣ того времени, и въ какомъ положеніи я его теперь увидѣлъ! Сказать правду, да и самъ я далеко уже не тотъ, чѣмъ былъ въ Нижнедѣвицкѣ, въ Лохвицѣ и Рѣшетиловкѣ. Не говоря уже о физическомъ разрушеніи, нравственно измѣнился я много. Пока я былъ въ Кіевѣ, среди своихъ, этого я не чувствовалъ; но теперь, когда судьба столкнула меня снова съ людьми, чужими мнѣ, я чувствую, что бездна страшная отдѣляетъ меня отъ нихъ; между ними нѣтъ ничего такого, что́ могло бы связать насъ; понятія и чувства ихъ для меня чужды и странны. Словомъ, я похожу на мертвеца, возставшаго изъ гроба и брошеннаго среди поколѣнія, которое родилось и возмужало, пока я лежалъ въ могилѣ. Нѣтъ, служить болѣе мнѣ уже нельзя. Теплая и свѣтленькая хата, садъ и огородъ, да семейный кружокъ, вотъ все, чего я долженъ искать на закатѣ дней моихъ. Кажется, едва-ли не было бы лучше, если бы я изъ Кіева, по болѣзни, подалъ въ отставку.

Нѣтъ, не могу сказать я, чтобъ въ борьбѣ съ бѣдами вышелъ я цѣлъ и невреднмъ. Пуще всего тяготятъ сношенія съ людьми, особенно съ начальниками; мнѣ несносно — и участіе ихъ, и покровительство. Хотѣлось бы, чтобы всѣ забыли обо мнѣ, чтобы не быть принужденнымъ ходить на сходку людей, гдѣ я чужой, гдѣ не могу быть на распашку. О, зла бѣда!..

19-го августа.

Сегодня въ приказѣ по арміи объявлена всѣмъ участвовавшимъ въ сраженіи 4-го августа, отъ генерала до солдата, полная, душевная государя императора благодарность.—Спасибо и за это.

Здоровье мое не поправляется; слабость большая.

Благодаря молодому Сержнутовскому, сегодня бѣднаго Клевецкаго отправили въ Симферополь. Дай-то Богъ, чтобъ тамъ онъ оправился.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ погода у насъ стоитъ холодная, настояще осенняя; особенно по ночамъ такъ холодно, что приходится

закутываться въ тулупъ. Въ этомъ климатѣ такое явленіе—рѣдкость. Но дни теплые, и даже жаркіе, еще будутъ.

Не ожидалъ я встрѣтить такъ мало вниманія ко мнѣ со стороны молодаго Ростовцева.—Въ Кіевѣ онъ такъ много мнѣ понравился, и здѣсь всѣ относятся о немъ съ отличной во всѣхъ отношеніяхъ стороны—и какъ о человѣкѣ, и какъ объ офицерѣ генеральнаго штаба. Прибывъ въ главную квартиру, я въ тотъ же день былъ у него, а онъ и до сихъ поръ не заглянулъ въ мою палатку. Разумѣется, такое невниманіе поставило меня въ отношеніи его немного на дыбки, хотя, при встрѣчахъ, я и принуждаю себя быть сколь можно съ нимъ привѣтливѣе, помня благодѣянія отца его ко мнѣ. Но Богъ съ нимъ! Досадно только, если невниманіе его ко мнѣ происходитъ изъ какого-нибудь дурнаго источника. Въ такихъ людяхъ и съ такими обстановками — я не желалъ бы видѣть дурныхъ сторонъ, а потому заставлю себя думать, что онъ сдѣлалъ это отъ необдуманности, отъ вѣтренности, отъ молодости, словомъ, отъ такихъ недостатковъ, которые съ лѣтами пройдутъ и сами по себѣ, такъ сказать, не злокачественны.

Въ Севастополѣ новаго ничего нѣтъ. Днемъ канонада очень слаба, но по ночамъ усиливается съ обѣихъ сторонъ; преимущественно, бросаютъ бомбы.—Крыжановскій сегодня говорилъ, что въ Англіи снарядили новыя бомбы, съ зажигательнымъ составомъ; при разрывѣ, составъ этотъ разносится на далекое разстояніе въ разныя стороны; при томъ, кромѣ силы зажигательней, составъ производитъ удушливые газы. Результаты опытовъ оказались столь удовлетворительными, что рѣшили большое число такихъ бомбъ отправить сюда. Посмотримъ, что это за составъ удушливо-зажигательный. Кстати бы ужъ привезть имъ къ намъ и антверпенскую мортиру (mortier monstre) Тогда бы подъ Севастополемъ былъ полный музеумъ всѣхъ чудовищностей.

Странное дѣло. Фортификація долговременная какъ будто обречена на то, чтобъ ее совершенствовали турки. Извѣстно, что двухгодичная осада Кандіи (1668 и 1669 г.) чрезвычайно много способствовала успѣхамъ осаднаго искусства и обороны, а осаждали ее турки. Такъ и теперь осаждаютъ Севастополь по милости турокъ; осада же Севастополя, безъ сомнѣнія, положитъ много новыхъ основаній въ наукѣ. Такимъ образомъ, по милости, или, вѣрнѣе, по поводу самаго невѣжественнаго народа, въ промежутокъ двухъ столѣтій, военныя науки преобразовываются...

20-го августа.

Хрулевъ въ Севастополѣ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе солдатской славы. О немъ всѣ разумѣютъ, какъ о человѣкѣ, въ настоящее время, незамѣнимомъ. Боже сохрани, если

ранятъ или убьютъ его; тогда гарнизонъ Севастопольскій совсѣмъ падетъ духомъ. Онъ уже два раза, чрезъ Шейдемана, предлагалъ мнѣ занять у него мѣсто начальника штаба, но я отвѣчалъ, что, состоя въ распоряженіи Крыжановскаго,—не могу самъ располагать собою; что, быть можетъ, Крыжановскій имѣетъ въ виду дать мнѣ назначеніе, болѣе сходное съ моими способностями, а потому мнѣ и не слѣдуетъ, помимо его, принимать другихъ назначеній. Сегодня Якимахъ, бывши на Южной сторонѣ, также слышалъ, что тамъ сильно прочатъ меня къ Хрулеву, но я и ему отвѣтилъ то же, что и Шейдеману.

Слава военная Хрулева не ограничивается одною арміею, она уже сдѣлалась народною; цѣлая Россія видитъ въ немъ героя. Много получаетъ онъ со всѣхъ концовъ Россіи благословеній. Недавно въ Петербургѣ, какое-то почтенное общество отслужило молебенъ за здравіе Хрулева въ Казанской церкви и прислало ему икону Божіей Матери при письмѣ, въ коемъ, между прочимъ, проситъ его не заботиться о дочери, которую берутъ нѣсколько богатыхъ и почтенныхъ семействъ подъ свое покровительство. По случаю присылки иконы, какой-то піита, Борисъ Ѳедоровъ, прислалъ герою Хрулеву стихи.

Кстати о краснорѣчіи. Какой-то священникъ, восхваляя въ своей рѣчи доблесть и мужество полка, сказалъ: „Вы, ребята, орлы: но этимъ не слишкомъ возноситесь; есть и орлѣе васъ“. Когда же, по окончаніи проповѣди, офицеры спросили у него: кто же орлѣе ихъ? священникъ отвѣчалъ, не запинаясь: „Казаки“.

21-го августа.

Сегодня, 21-го августа, канонада подъ Севастополемъ была сильнѣе, чѣмъ въ предшествующіе дни: съ вечера же она и очень усилилась. Это надо приписать къ тому, что, пользуясь темными ночами, непріятель смѣлѣе ведетъ свои подступы, а мы, разумѣется, препятствуемъ ему орудійнымъ огнемъ.

Князь Урусовъ заболѣлъ и просится на отдохновеніе, на что̀ главнокомандующій согласился. Такимъ образомъ, понемногу, одинъ за другимъ, всѣ воеводы бѣгутъ изъ этого ада-Севастополя. Одинъ Хрулевъ еще держится.

Бельгардтъ, какъ слышно, письмомъ къ главнокомандующему рекомендовалъ меня съ отличной стороны, и что я ему былъ весьма полезенъ въ дѣлѣ 4-го августа, а потому и проситъ наградить меня. Спасибо и за это, если другой, болѣе существенной, награды не получу. Впрочемъ, какая награда и можетъ утѣшить меня? Неужели

какой-нибудь крестишко? Но полезно для меня то, что съ полученіемъ какой-либо награды, я уже получаю и право на полученіе какого-либо назначенія, а съ назначеніемъ, могу и разстаться съ этими милыми высотами Инкерманскими, которыя до того мнѣ надоѣли, что готовъ бѣжать даже въ Евпаторійскій отрядъ, хотя и тамъ не слишкомъ весело.

Съ каждымъ днемъ непріятель усиливаетъ свой орудійный огонь по направленію къ новому мосту чрезъ Сѣверную бухту. Сегодня даже одна бомба разметала подводу, на которой везлись какія-то бумаги дѣловыя. Воображаю, какъ довольно то вѣдомство, которому бумаги эти принадлежали. Теперь всякое дѣло запутанное получитъ вожделѣнный конецъ: разнесла, дескать, непріятельская бомба, въ числѣ другихъ дѣлъ, и сіе дѣло.

Павловъ, этотъ храбрецъ минувшихъ войнъ, также въ Севастополѣ. Онъ тамъ командуетъ дивизіею. Но, если вѣрить молвѣ, генералъ этотъ не большой герой. Выходитъ, молодецъ на овецъ, а противъ молодца—сама овца.

22-го августа.

Какой-то г. де-Карсъ (Des Cars) является къ кн. Горчакову, нашему посланнику въ Вѣнѣ, съ письмомъ къ нашему императору отъ графа Шамбора (Генрихъ V). Князь даетъ ему почувствовать, что у насъ никакихъ сношеній оффиціальныхъ съ Шамборомъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что Кабрера вызывается въ Испаніи возжечь смятенія, которыя произведутъ выгодную для Россіи диверсію. Наконецъ, Горчаковъ принимаетъ письмо, но только à titre de courtoisie, et rien de plus. Хотя диверсія въ Испаніи и можетъ быть для насъ полезна, однако императоръ нашъ не станетъ компрометтировать себя въ такомъ дѣлѣ qui peut n'être qu'un feu de paille. Когда же заговорили о денежномъ вспомоществованіи, посланникъ тотчасъ же далъ замѣтить, что мы въ борьбѣ съ цѣлою Европою, а потому сами нуждаемся во всѣхъ нашихъ средствахъ. На это Des Cars отвѣчалъ: — по этой причинѣ, что вы тратите милліоны сотнями — пять, шесть или семь, въ которыхъ мы будемъ нуждаться, не могутъ имѣть вліяніе на ваши дѣла. — Случай этотъ, разумѣется, породилъ много толковъ въ Европѣ.

Вотъ уже пошла вторая недѣля, какъ меня никуда не посылаютъ. Даже порученіе, которое предполагалось возложить на меня въ Сѣверномъ укрѣпленіи, повидимому, передали Якимаху. Что бы это значило? Хотятъ ли меня оставить въ покоѣ изъ участія ко мнѣ, или же скрывается подъ этимъ какое-либо на меня неудовольствіе? Чортъ ихъ батьку знаетъ, чтобы это значило?..

24-го августа.

Сегодня утромъ, 24-го августа, въ пятомъ часу, загорѣлась адская канонада подъ Севастополемъ, какой еще я и не слыхалъ. Вся главная квартира сѣла на коней. Еще съ вечера получилъ я приказаніе отправиться въ Сѣверное укрѣпленіе для повѣрки ружей, куда я и отправился. Земля стонала подъ выстрѣлами; отъ пороховаго же дыма образовалось страшное облако, которое повисло надъ цѣлымъ городомъ. Картина ужасная. Долго буду помнить это утро. Канонада не прекращалась до 5-ти часовъ вечера, значитъ, ровно 12-ть часовъ разстрѣливали бѣдный Севастополь. Но, говорятъ, потеря наша въ людяхъ незначительная, но все-таки до 1.000 или болѣе выбыло. Я полагалъ навѣрное, что, вслѣдъ за канонадой, полѣзутъ на штурмъ, но его не было. На какой же конецъ они вдругъ такъ остервенились? Надо полагать, что готовятся сдѣлать приступъ открытою силою, но предварительно хотятъ ослабить нашъ огонь орудійный, и, можетъ быть, завтра или послѣзавтра, и полѣзутъ на 2-й бастіонъ или Малаховъ курганъ. Давай-то Богъ. Всѣ этого желаютъ, такъ невыносимо положеніе гарнизона. Можно также полагать, что они, узнавъ чрезъ лазутчиковъ, будто мы уже переходимъ на Сѣверную сторону, и будто перевезли уже часть артиллеріи съ оборонительной линіи, хотѣли повѣрить такое извѣстіе на самомъ дѣлѣ. Предположеніе это тѣмъ болѣе можетъ быть допущено, что первоначально обратили они свой огонь не на атакуемый ими полигонъ, а на правый флангъ нашей оборонительной линіи, предполагая, вѣроятно, что на этомъ флангѣ свезены уже орудія. Но ошиблись въ своихъ надеждахъ. Артиллерія наша молодецки встрѣтила огонь огнемъ и съ торжествомъ вышла и изъ этого боя. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, надо ожидать скорой развязки. Нельзя жъ и имъ оставаться въ своихъ сапахъ, носъ къ носу съ нашими секретами. Говорятъ, Пелисье на-дняхъ донесъ въ Парижъ по телеграфу: „Sébastopol est imprenable, mais je le prendrai“. О, фанфаронъ!

Къ ночи непріятель успѣлъ зажечь одно изъ транспортныхъ нашихъ судовъ. Долго горѣло оно, освѣщая окрестность яркимъ пламенемъ. Теперь пальба умѣренная, но бомбы, по обыкновенію, летать не перестаютъ.

Обѣдалъ сегодня у Ползикова, въ Сѣверномъ укрѣпленіи. Рана его не заживаетъ, и онъ, какъ кажется, хочетъ воспользоваться этимъ, чтобъ съѣздить въ Кіевъ. Обѣдалъ также съ нами и Матвѣевъ. Онъ произведенъ въ подполковники. Слава Богу, давно уже пора: онъ человѣкъ, настояще хорошій.

У Маркова ежедневно вертится П—въ, одинъ изъ самыхъ пустѣйшихъ

людей, а, между тѣмъ, служебную карьеру себѣ прокладываетъ не худо. Втерся къ дежурному генералу, который снисходителенъ къ нему донельзя. Подозрѣваютъ даже, не сводничаетъ ли онъ старику женщинъ.

Тетеревниковъ вызывается въ партизаны. Какая глупость, и со стороны еще генерала! Развѣ могутъ быть допущены какія-либо партизанскія дѣйствія, когда непріятель окопался на скалѣ и не двигается съ мѣста? Цѣль партизанской войны дѣйствовать на сообщенія непріятеля, а въ настоящемъ случаѣ ихъ нѣтъ: развѣ обратится партизанъ въ корсара, чтобы дѣйствовать на морѣ.

Павловъ, капитанъ гвардейской конно-артиллеріи, мнѣ не нравится; въ немъ что-то фальшивое, подозрительное, и чортъ его знаетъ, для чего онъ сюда пріѣхалъ. Князь Оболенскій—добрый, но очень ограниченный; у Стальпина—флигель-адъютанта, лицо барское и долженъ быть малый добрый. Шереметевъ—племянникъ главнокомандующаго, немного франтъ и petit-maître, но, кажется, добрякъ. Со всѣми ими я познакомился по-шапочному.

Сегодня пріѣхалъ Н. О. Сухозанетъ, командиръ 3-го корпуса. Онъ обѣдалъ у Сержпутовскаго, но тамъ я его не видалъ, а встрѣтился у музыки.

25-го августа.

Мы вчера ошиблись, предположивъ убыль въ людяхъ незначительную; напротивъ, она очень значительная: въ одинъ день вчера убыло изъ строя болѣе 2 тысячъ, считая же съ 4-го августа по сегодняшній день мы потеряли болѣе 22 тысячъ. Страшныя потери!

Канонада сегодня какъ будто еще сильнѣе вчерашней: цѣлый день стрѣльба орудійная не умолкаетъ ни на минуту. Теперь ночь, а бомбардировка адская не перестаетъ. Что-то будетъ завтра? Всѣ ждутъ штурма. Нехорошо только то, что сильный вѣтеръ поднялся. Боже сохрани, если буря разъиграется и мостъ нашъ разорветъ: бѣда во время штурма потерять сообщеніе съ Сѣверною стороною. Но и при мостѣ, если непріятель ворвется въ городъ, и наши, чего Боже сохрани, станутъ отступать, едва-ли мы успѣемъ что-нибудь спасти изъ города; все достанется въ руки непріятеля, даже едва-ли успѣемъ взорвать Михайловскій и Николаевскій форты, хотя для этого, какъ говорятъ, все уже готово. Въ суматохѣ, при отступленіи, войска бросятся на мостъ, разумѣется, въ страшномъ безпорядкѣ, и какъ тутъ взрывать форты, эти огромныя трехъ-этажныя зданія, возвышающіяся у самаго моста? Нѣтъ, лучше и не думать объ отступленіи подъ огнемъ и напоромъ непріятеля. Надо: или оборонять верки до послѣдняго солдата, или же, когда нѣтъ надежды на оборону успѣшную, сдать Севастополь на капитуляцію. Но, съ другой стороны, какъ

отдать его, голубчика нашего, врагу, когда онъ стоитъ намъ такъ много крови драгоцѣнной? Одна мысль объ этомъ наводитъ грусть тяжкую. Нѣтъ, лучше жертвовать послѣдними остатками богатырей-героевъ, а объ отступленіи и не помышлять. А потому, хорошо было бъ, если бъ главнокомандующій объявилъ въ приказѣ по арміи, что въ день штурма—отступленія не будетъ, и что на мостъ, во время штурма, пускать всѣхъ въ Севастополь и никого изъ Севастополя.

Сегодня Сержпутовскій представилъ меня Сухозанету. Онъ принялъ меня очень мило, спрашивая, въ какой батареѣ служилъ я въ Польскую кампанію, вспомнилъ о Браккерѣ и о Волжинскомъ. На видъ Сухозанетъ еще очень бодръ. Посмотримъ, каковъ-то изъ него выйдетъ корпусный командиръ. Въ одномъ я увѣренъ, что онъ хуже Реада не будетъ.

За обѣдомъ у дѣдушки заговорили о назначеніи флигель-адъютанта Дубельта въ начальники штаба. Боже мой, какія это назначенія? И кто у насъ теперь начальники штаба? Просто мальчики, неопытные, несвѣдущіе,—какъ будто всякій флигель-адъютантъ и можетъ быть начальникомъ штаба! Особенно въ военное время мѣста эти чрезвычайно важны; отъ нихъ идутъ всѣ распоряженія и до боя, и во время боя. Солдаты наши первые въ мірѣ, и ихъ у насъ много, но некому распорядиться ими, и некому вести ихъ къ побѣдамъ. Неужели какіе-нибудь И—вы, Тим—вы или Дуб—ты могутъ указать путь къ славѣ и побѣдѣ? Да они и сами, я думаю, удивляются, какъ это попали на такія мѣста?

26-го августа.

Бомбардировка адская не прекращается. Предполагаютъ, что въ сутки выпускаютъ они до 100 т. снарядовъ. Какъ это выдерживаютъ у нихъ орудія. А пороху сколько сжигается! Если среднимъ числомъ положить на выстрѣлъ 8 фун.; — въ день 20 т. пуд. Потеря ежедневно у насъ страшная: каждый день болѣе 2-хъ т. выбываетъ изъ строя. Просто, разстрѣливаютъ бѣдную нашу армію. Пожары и днемъ и ночью не прекращаются. Сегодня въ 2 часа по полудни зажгли нашъ фрегатъ „Коварна“, а теперь его уже нѣтъ: сгорѣлъ весь до ватерлиніи. На 2-мъ бастіонѣ и на Малаховомъ курганѣ мерлоны и амбразуры уже не существуютъ: держатся еще кое-какъ за траверсами. Теперь уже за полночь, и сейчасъ раздался страшный взрывъ: или у насъ, или у нихъ взорвало пороховой погребъ. Нѣтъ, Севастополь не устоитъ. Но до послѣдняго паденія его—много еще прольется крови. Во время бомбардировокъ, раны все смертельныя, артиллерійскія. По крайней мѣрѣ, одну треть изъ приносимыхъ на перевязочный пунктъ даже и не оперируютъ: едва слышенъ пульсъ у нихъ. Замѣ-

чательно, что въ эту бомбардировку, сравнительно съ предшествовавшими, мало ложится снарядовъ въ городѣ: большая же часть направлена на окончательное разрушеніе верковъ. О починкѣ ихъ и думать нельзя. Мы отвѣчаемъ, но только прицѣльными выстрѣлами: за оказавшимся недостаткомъ въ пустотѣлыхъ снарядахъ, навѣсной стрѣльбы у насъ почти уже нѣтъ, а они засыпаютъ насъ бомбами и ракетами. Бой неравный. Осталось намъ одно:—по возможности укрывать людей отъ напрасной гибели и ждать штурма. Авось либо штыкомъ-молодцомъ отобьемся отъ злодѣевъ. Но это они понимаютъ, потому и не штурмуютъ.

Третьяго дня видѣлъ у А. А. Маркова Риттера. Онъ былъ веселъ и шутилъ, а сегодня его уже нѣтъ на свѣтѣ. Милая холера скушала его въ нѣсколько часовъ. Жаль его. Онъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ гадкою смертію. Какъ офицеръ генеральнаго штаба и какъ человѣкъ—заслуживаетъ онъ полнаго уваженія отъ всѣхъ, кто зналъ его. Вечеромъ, ходя у музыки, я хотѣлъ было зайти къ нему и не зашелъ потому только, что думалъ не застать его въ палаткѣ, а между тѣмъ, чрезъ два часа узнаю, что онъ уже умеръ.

Погода у насъ настояще осенняя. Холодный, порывистый вѣтеръ не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью. Едва въ тулупѣ можно согрѣться. А еще не насталъ сентябрь. Что же съ нами будетъ, если, чего Боже сохрани, придется зазимовать намъ на Инкерманскихъ высотахъ? Просто, рой себѣ яму, да ложись въ нее заблаговременно: „не томись, Грицко, окупется“. По истинѣ, таково положеніе наше отчаянное.

Ночью, часу въ двѣнадцатомъ Крыжановскій потребовалъ меня къ себѣ и поручилъ тотчасъ же проэкзаменовать одного юнкера-юношу, котораго Шейдеманъ представляетъ въ офицеры, въ артиллерію. Оказалось, что хотя этотъ юноша и слушалъ курсъ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ по математическому факультету, однако не бельмеса не смыслитъ. Началъ пытать его съ логариѳмовъ и спустился я до простыхъ чиселъ и ничего выпытать отъ него не могъ. Въ русскомъ языкѣ также оказался плохъ, пишетъ даже безграмотно. Поэтому, вмѣсто артиллеріи, разрѣшено представить его въ драгуны.

28-го августа.

Вчера, 27-го августа, едва успѣлъ я дописать предъидущія строки, какъ начался штурмъ Севастополя. Это было около 12 часовъ утра; Крыжановскій тотчасъ же прибѣжалъ ко мнѣ и приказалъ, чтобъ я, какъ можно скорѣе, скакалъ на Сѣверную сторону, и тамъ, противъ моста и въ сторонѣ отъ него, разставилъ бы двѣ батареи, 11 и 14 бригады, съ тѣмъ, чтобы орудія эти могли обсыпать картечью

мостъ, и вдоль и поперекъ, разумѣется, на тотъ случай, когда непріятель опрокинетъ наши войска и вслѣдъ за ними бросится чрезъ мостъ. Пока я отъискалъ батареи, могъ найти выгодныя позиціи, переносясь для этого съ балки на балку, — штурмъ дошелъ до самыхъ громадныхъ размѣровъ. За взрывами и орудійною пальбою стрѣльбы ружейной и не было вовсе слышно, между тѣмъ какъ она не умолкала ни на одну минуту; какія сцены видѣлъ я и какъ много впечатлѣній вынесъ отъ этой послѣдней, но ужасной изъ ужаснѣйшихъ сценъ Севастопольской драмы! Послѣдовательно писать не могу—отъ изнеможенія; едва сижу:—цѣлыя сутки былъ то на лошади, то на ногахъ. Сегодня Севастополя ужъ нѣтъ: остались однѣ груды камней, да пепелъ. Солгутъ они, если скажутъ, что взяли Севастополь штурмомъ: напротивъ, мы ихъ на всѣхъ пунктахъ отбили; отступили же ночью сами, по волѣ главнокомандующаго, и отступили въ большомъ порядкѣ. Еще и теперь непріятель не занялъ города; въ настоящую минуту онъ ни его, ни нашъ; мы перешли на Сѣверную сторону, а французы остались на своихъ батареяхъ и въ своихъ траншеяхъ. Теперь насъ раздѣляетъ страшный костеръ изъ огня, дыма и пыли. Ночью предполагали даже перевезти на Сѣверную сторону и орудія, но въ этомъ не успѣли: большую часть потопили на бухтѣ, а другую заклепали, какъ могли. Мнѣ поручено было перевезть орудія отъ моста за Сѣверное укрѣпленіе; для этого ночью и получилъ я слѣдующее приказаніе начальника артиллеріи:—„Излишнихъ лошадей и лошадей пятыхъ взводовъ прислать немедленно съ полною аммуниціею на Сѣверную сторону, чтобъ забирать орудія, которыя будутъ доставлены черезъ мостъ съ Южной стороны на Сѣверную; артиллерію эту отвозить за Сѣверное укрѣпленіе и тамъ ожидать дальнѣйшаго приказанія. За всѣмъ этимъ имѣть неослабное наблюденіе полковнику Глѣбову. Все то исполнить слѣдующимъ частямъ: 3-й батарейной 11-й бригадѣ, всей 14-й бригадѣ и всей артиллеріи, состоящей подъ командою генерала Нѣмчинова. Съ лошадьми должны быть посланы офицеры“.

Все это собралось въ ночь и простояло у меня до утра, когда же удостовѣрился я, что орудія спасены быть не могутъ, распустилъ всѣхъ по ихъ командамъ.

Крыжановскій сильно ушибъ себѣ ногу; лежитъ обложенный піявками. Послѣдствій дурныхъ отъ этого ушиба быть не можетъ, но жаль, что въ настоящее время онъ не на ногахъ. Теперь предстоитъ много распоряженій на Сѣверной сторонѣ по части артиллерійской. А какая цѣль обстаивать эту сторону? Снова начнутся канонады, отъ которыхъ никакихъ рѣшительныхъ результатовъ не послѣдуетъ. Потери только въ людяхъ, артиллеристахъ, а ихъ у насъ теперь уже

осталось немного. Если мы на оборонительной линіи не могли восторжествовать надъ непріятелемъ въ бою артиллерійскомъ, имѣя тамъ огромное число орудій, то какъ же надѣяться теперь достигнуть какого-либо успѣха—при тѣхъ малыхъ средствахъ, которыя у насъ остались? Они забросаютъ Сѣверную сторону бомбами и ракетами, какъ забросали Южную, и намъ придется понапрасну принесть только новыя жертвы. Развѣ для того только, чтобъ доказать предъ Европою, что Севастополь не взятъ еще, но для этого, право, игра не будетъ стоить свѣчей. Лучше отдать имъ совсѣмъ Южную сторону и укрѣпиться внѣ ихъ выстрѣловъ на Сѣверной. Тогда посмотримъ, что они предпримутъ.

Шереметевъ говорилъ мнѣ, что сейчасъ главнокомандующій послалъ сказать Пелисье, что онъ отправляетъ людей въ городъ—для уборки тѣлъ, а потому съ нашей стороны стрѣлять не будутъ, а имъ какъ угодно. Настоящая же цѣль такого распоряженія, вѣроятно, клонится къ тому, чтобъ окончательно взорвать въ городѣ, чего еще взорвать не успѣли. Безъ сомнѣнія, пойметъ это и Пелисье. Но выстрѣлы какъ будто бы уже замолкли. По крайней мѣрѣ я, глухой, не слышу ихъ (перемиріе состоялось).

Кромѣ Малахова кургана, на всѣхъ пунктахъ, 27-го числа, непріятель былъ отбитъ; на нѣкоторые же бастіоны порывались они по нѣсколько разъ и всякій разъ были отбиваемы съ большимъ урономъ. Вообще потеря ихъ должна быть значительная въ людяхъ; взяли наши съ небольшимъ сотню въ плѣнъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ и одного генерала. Наша потеря также очень велика. Одни говорятъ, около 10 т., а другіе болѣе; но достовѣрно узнаю дня чрезъ два. Ранены — Хрулевъ, Мартинау и еще какіе-то генералы безъ вѣсти пропали: генералъ Бушау, который женатъ на Анненковой, и еще, но это невѣрно, генер. Ренненкампфъ. Коцебу, капитану 2-го ранга, оторвало ядромъ обѣ ноги, сегодня онъ умеръ. Онъ былъ начальникомъ артиллеріи въ Сѣверномъ укрѣпленіи, и, казалось, на такомъ безопасномъ мѣстѣ нельзя было ожидать, чтобъ и онъ сдѣлался жертвою. И замѣчательно, ранило его на 18-мъ нумерѣ, куда они никогда прежде не стрѣляли; на этомъ нумерѣ, вмѣстѣ съ покойникомъ, производилъ я опытъ изъ 1—2 пуд. мортиръ. Могъ ли я тогда думать, что на этой самой батареѣ погибнетъ Коцебу? Вотъ ужъ правда,—кому суждено быть убитымъ, тотъ не скроется и на Сѣверномъ укрѣпленіи. А Хрулевъ счастливо отдѣлался:—однимъ только большимъ пальцемъ на правой рукѣ. У Мартинау отняли руку по плечо: едва-ли останется онъ въ живыхъ. Такія операціи рѣдко имѣютъ счастливый исходъ.

Какія страшныя лица у тѣхъ, которые сидѣли въ Севастополѣ.

Лица блѣдныя, отчаянныя, какъ будто сейчасъ вышли изъ ада. Нельзя смотрѣть на нихъ безъ умиленія. И въ какихъ всѣ костюмахъ, особенно офицеры: кто въ буркѣ, кто въ солдатской короткой шинели съ ружьемъ въ рукахъ, и очень немногіе только въ шинеляхъ офицерскихъ. Замѣтно, что они и рады разстаться съ Севастополемъ, и жаль имъ его. Говорятъ, особенно матросы тоскуютъ по своемъ родномъ городѣ. „Какъ же не тосковать,—говорятъ они:—когда мы такъ много за него пролили крови". Теперь всѣ возвышенности заняты войсками: одной пѣхоты до 40 т. вышло изъ Севастополя въ ночь съ 27-го по 28-е.

29-го августа.

Сегодня, 29-го августа, цѣлый день на конѣ: собиралъ свѣдѣнія, какимъ числомъ орудій вооружены наши укрѣпленія на Сѣверной сторонѣ. Всего съ небольшимъ 500, да еще быть можетъ поставятъ около 120, итого 620, изъ нихъ мортиръ ни одной. Что жъ мы сдѣлаемъ одними прицѣльными выстрѣлами, когда непріятель станетъ насъ засыпать бомбами и ракетами?

Севастополь дымится и сегодня. Осталось одно укрѣпленіе Николаевское, подорвать его не успѣли. На Михайловскомъ укрѣпленіи встрѣтился со многими моряками, въ томъ числѣ Бутаковымъ, извѣстнымъ молодцомъ-командиромъ парохода „Владиміръ". И наружность его пріятная. Всѣ корабли, а ихъ оставалось всего шесть, потоплены; сегодня, кажется, потопятъ и послѣдніе пароходы. Итакъ, нашъ флотъ черноморскій уже не существуетъ. А давно ли флотъ этотъ былъ грозенъ и славенъ? Грустно каждому изъ насъ, но особенно гибель флота чувствительна для оставшихся моряковъ, которыхъ, правда, и немного; всѣ они ходятъ, поникнувъ головами. Бутаковъ говоритъ, что онъ не хочетъ свой пароходъ подвергать такой унизительной смерти—потопленію; лучше взорветъ его на воздухъ. Всѣ же моряки въ отчаяніи, что ихъ оставляютъ для обороны Сѣверной стороны. Вотъ какъ они объ этомъ разсуждаютъ: Севастополь имѣлъ значеніе по флоту; флота не стало, нѣтъ и Севастополя. Защищая Севастополь, мы защищали и флотъ; теперь же—для какой цѣли обрекаютъ насъ на смерть? Бой будетъ неравный: они уничтожатъ насъ навѣсными выстрѣлами, а мы имъ никакого даже вреда не нанесемъ изъ нашихъ пушекъ, да глупыхъ каронадъ. И кончится тѣмъ, что мы все-таки отступимъ, утративъ послѣднихъ моряковъ. Неужели же мы—каторжники, обреченные на смерть? Да вѣдь мы могли бы еще служить Россіи. Пошли насъ въ Николаевъ: тамъ изъ насъ пускай сформируютъ баталіоны, и мы еще постоимъ за себя;

или комплектуй нами полевую артиллерію. И все толковали въ этомъ родѣ, и я не могъ мысленно не согласиться съ ними. На центральной батареѣ познакомился съ капитаномъ 1-го ранга Барановскимъ: онъ командуетъ всѣми маячными батареями. Старичокъ почтенный, съ здравымъ смысломъ, но большой говорунъ и морякъ отъ ногъ до головы. Разумѣется, разсуждая о войнѣ настоящей, оправдываетъ всѣ дѣйствія Меншикова и осуждаетъ теперешнія. 27-го числа онъ два раза доносилъ записками, что непріятель собирается въ большихъ силахъ и готовится на „ура!“; но мѣръ по этому извѣщенію никакихъ не взято, такъ что непріятель почти безъ выстрѣла вскочилъ на Малаховъ курганъ. Вообще, на счетъ штурма никакихъ распоряженій сдѣлано не было. Пришибли Хрулева, и войска его остались безъ предводителя. Между тѣмъ какъ надо было распорядиться, что если убьютъ Хрулева, то его мѣсто занимаетъ такой-то, а если падетъ и этотъ, то такой-то, и всѣмъ имъ дать подробную инструкцію, какъ дѣйствовать оборонительно и наступательно. Старику не нравится и Тотлебенъ за то, что строилъ передовыя укрѣпленія съ закрытыми горжами. Это правда: ошибка была большая со стороны инженеровъ—строить передовыя укрѣпленія съ горжами, о чемъ я слышалъ не отъ одного Барановскаго. Недоволенъ также старикъ, зачѣмъ не позволили 4-го августа Хрулеву сдѣлать усиленную вылазку. Всѣ траншеи непріятельскія противъ города были пустыя, оставались только артиллеристы при орудіяхъ, о чемъ онъ также доносилъ главнокомандующему. Вообще, какъ извѣстно, всѣ распоряженія наши, такъ сказать, сухопутныя, моряки осуждаютъ. Имъ не нравится также и наша полевая артиллерія, тогда какъ сами они, по части артиллерійской, никуда не годятся. Правда, нѣкоторые изъ нихъ приловчились къ своимъ орудіямъ и изъ нихъ стрѣляютъ довольно вѣрно, но не въ томъ—искусство артиллериста, чтобъ попасть въ цѣль; надо знать, когда попасть и въ какую именно цѣль попасть, а объ этомъ гг. моряки и понятія не имѣютъ. Но, не взирая на все это, я люблю моряковъ, всѣ они народъ энергическій, и много въ нихъ патріотизма: это вѣрные сыны Россіи.

Съ извѣстіемъ о 27-мъ числѣ поскакалъ въ Петербургъ князь Анатолій Барятинскій.

Сейчасъ былъ у меня Шейдеманъ. Многіе говорятъ о немъ, что онъ, дѣйствительно, тогда только былъ молодцомъ, когда начальство смотрѣло на него. Вглядываясь въ него, и я убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что онъ человѣкъ мягкій и добрый, но шарлатанъ и любитъ выставлять себя на первомъ планѣ; при томъ пустой и едва-ли распорядительный. Кажется, его такъ понимаютъ и въ нашемъ управленіи.

30-го августа.

Вчера цѣлую ночь Севастополь былъ въ пламени и сегодня днемъ горитъ, но огня не видать; виденъ только одинъ дымъ. Одно изъ лучшихъ зданій города это—библіотека, и она сдѣлалась жертвою пламени. Въ одной изъ ея залъ стояла чудная модель корабля—„Двѣнадцать Апостоловъ“;—теперь и этой модели также уже нѣтъ.

За мостъ русская армія должна провозгласить Бухмейеру громкое и большое спасибо. Какъ бы дорого мостъ этотъ намъ ни обошелся, но онъ вполнѣ окупился тѣмъ, что спасъ гарнизонъ Севастопольскій. Не будь моста, Богъ знаетъ, что̀ бы случилось съ нашими защитниками Севастополя; весьма немногіе только успѣли бы переѣхать чрезъ рейдъ на транспортныхъ судахъ; остальные всѣ или легли бы костями, или живьемъ попались бы въ плѣнъ.

Во время штурма, говорятъ, графа Сакена на оборонительной линіи не видали. Между тѣмъ какъ присутствіе его, особенно на Малаховомъ курганѣ, послѣ того какъ ранили тамъ Хрулева, было бы необходимо.

Сегодня—царскій день. Послѣ обѣдни главная квартира наша огласилась салютаціонными выстрѣлами. Вѣроятно, былъ и разводъ съ церемоніей и церковный парадъ, но я цѣлое утро не выходилъ изъ палатки отъ чрезмѣрной усталости послѣ вчерашняго вояжа.

О числѣ убитыхъ и раненыхъ 27-го числа до сихъ поръ еще свѣдѣнія не собраны. Но, прислушиваясь къ общимъ толкамъ, должно быть болѣе 10 т.; однихъ раненыхъ, говорятъ, 6.500 человѣкъ. Иначе и быть не можетъ: наши дрались подъ такимъ страшнымъ огнемъ. Сегодня познакомился съ полк. Козляниновымъ, начальникомъ штаба 4-го пѣх. корпуса. Онъ говоритъ, что зналъ меня въ Петербургѣ, но я его рѣшительно не помню; съ братомъ же его, который командовалъ Уланскимъ полкомъ, въ картишки поигрывалъ. За обѣдомъ у дѣдушки Козляниновъ много разсказывалъ о необыкновенной стойкости нашихъ солдатъ. Одинъ плѣнный французскій офицеръ, когда спросили у него—каковы наши солдаты, отвѣчалъ: „Oh! ils sont braves, mais ils n’ont pas de l’ intelligence“.

31-го августа.

Обвиняли графа Сакена, что онъ рѣдко показывался на оборонительной линіи, но обвиненіе это безъ смысла. Главный начальникъ безъ крайней надобности выставлять себя лишенію не долженъ. Но когда отъ присутствія его рѣшается участь боя,—быть или не быть; когда, какъ напримѣръ послѣ раны Хрулева, на Малаховомъ курганѣ, рѣшался вопросъ: быть или не быть Севастополю, нѣтъ

сомнѣнія, что Сакенъ долженъ былъ туда поѣхать. Теперь болѣе и болѣе объясняется, что войска наши не отстояли Малаховъ курганъ потому только, что остались безъ предводителя. Хрулевъ прискакалъ тогда, когда уже наши отступали; онъ тотчасъ же съ однимъ полкомъ бросился къ горкѣ, но тутъ его ранило, и полкъ отступилъ. Послѣ Хрулева некому уже было вновь вести полки на отбитіе кургана. Просили нѣкоторые частные начальники подкрѣпленій, но ихъ не прислали; да и посылать съ донесеніемъ къ Сакену было далеко, съ кургана на Николаевскія казармы; пока посланный возвращался, уже обстоятельства измѣнялись. Разсказываютъ также, что предварительныхъ распоряженій на счетъ штурма рѣшительно никакихъ сдѣлано не было, а потому и немудрено, что французы успѣли вскочить на курганъ, такъ сказать, внезапно. Въ часу 12-мъ телеграфъ далъ знать Сакену, что штурмовыя колонны двигаются уже на 2-й бастіонъ; знаки телеграфическіе не поняли въ Николаевскихъ казармахъ, а потому и приказано было Оболенскому, который везъ въ главную квартиру разные конверты, мимоѣздомъ заѣхать на телеграфъ и тамъ узнать, что означаютъ ихъ знаки? Разумѣется, пока вернулся съ отвѣтомъ Оболенскій, штурмъ уже былъ въ полномъ разгарѣ. Прислушиваясь ко всѣмъ подобнымъ толкамъ, невыразимо становится грустно, что мы обречены на самыя тяжкія пораженія единственно отъ недоразумѣній и разныхъ глупостей. Грустно! Меньшой братъ Ростовцева, Михаилъ Яковлевичъ, адъютантъ военнаго министра, пріѣхалъ въ главную квартиру. Подъ наблюденіемъ его идутъ транспорты съ порохомъ и снарядами. Утромъ я зашелъ къ нимъ. Сегодня оба они очень мнѣ обрадовались и обошлись со мною, какъ съ роднымъ. Кажется, напрасно, претендовалъ я и на старшаго Ростовцева. Если онъ не былъ у меня, то, навѣрное, безнамѣренно манкировать предо мною.

Риттера еще не похоронили. Тѣло его везутъ въ Россію. Узналъ объ этомъ нечаянно отъ брата Риттера, гусарскаго офицера. Разумѣется, я тотчасъ же зашелъ въ палатку и помолился у гроба покойника.

1-го сентября.

Главнокомандующій отдалъ приказъ по арміи, № 571, о послѣднемъ боѣ 27-го августа. Приказъ написанъ превосходно; но, къ сожалѣнію, для понятій солдатъ недоступенъ; да и всѣ ли офицеры прочитаютъ и поймутъ его.

Цѣлое утро пробылъ на Бельбекѣ, въ подвижномъ № 3 госпиталѣ, гдѣ дано мнѣ порученіе лично повидаться съ артиллерійскими офицерами, ранеными 27-го числа въ Севастополѣ, узнать отъ нихъ объ

ихъ нуждахъ и чего желаютъ они для себя, или для родныхъ своихъ. Какъ я и ожидалъ, въ госпиталѣ царствуетъ самый ужасный безпорядокъ; не только недостатокъ въ медикахъ и фельдшерахъ, но даже и въ прислугѣ. Больные и раненые лежатъ въ палаткахъ, и иные въ обыкновенныхъ офицерскихъ, а другіе—въ большихъ госпитальныхъ палаткахъ, гдѣ устанавливается отъ 20 до 30 коекъ. Въ этихъ послѣднихъ—духота, вонь отъ гніющихъ ранъ и стонъ страдальцевъ наводятъ самое непріятное впечатлѣніе. Неудивительно, что немногіе изъ раненыхъ выздоравливаютъ. И здоровый, при такихъ условіяхъ, не выживетъ. Одинъ бѣдный молодой офицеръ, съ отнятыми обѣими ногами выше колѣнъ, поднялся немного съ подушки, ухватясь обѣими руками за голову денщика, и такъ стоналъ страдальчески, что безъ ужаса не могъ я смотрѣть на него; денщикъ же, въ согбенномъ положеніи, вытянувъ шею, стоялъ неподвижно надъ страдальцемъ, и потъ градомъ катилъ съ лица его. И сколько такихъ сценъ! А по ночамъ, воображаю, что бываетъ. Какое впечатлѣніе на другихъ раненыхъ! Въ маленькихъ палаткахъ, гдѣ размѣщено по одному или много по два офицера, воздухъ чище и свидѣтелей подобныхъ сценъ нѣтъ, но зато другое неудобство—одинокое положеніе и чаще, чѣмъ въ большихъ палаткахъ, недостатокъ въ присмотрѣ и въ пособіи; въ большихъ палаткахъ снуютъ чаще и медики, и фельдшера, и сестры, а въ маленькую развѣ изрѣдка кто-нибудь завернетъ. Между нашими ранеными лежатъ и раненые офицеры французскіе. Уходъ за ними такой же, какой и за нашими; разницы никакой. Нѣкоторые изъ офицеровъ французскихъ съ замѣчательными физіономіями; ихъ тотчасъ можно отличить отъ нашихъ офицеровъ по густымъ, окладистымъ бородамъ. Одинъ изъ французовъ стоялъ на ногахъ, въ красныхъ штанахъ, въ сюртукѣ съ желтымъ воротникомъ и въ нашей егерской офицерской фуражкѣ; вѣрно свою, затерялъ; но этотъ господинъ былъ не казистъ.

Въ конторѣ госпиталя никакого толку я добиться не могъ. Никто не могъ не только указать мнѣ палатки, гдѣ лежатъ раненые офицеры артиллерійскіе, но даже сказать, сколько ихъ пользуется въ госпиталѣ. Суматоха и безпорядокъ ужасные. Оно иначе и быть не могло, когда вдругъ въ нѣсколько часовъ явилось въ арміи болѣе 6.500 раненыхъ. Вѣдь надобно же прежде успокоить ихъ, а потомъ уже приняться за составленіе списковъ, вѣдомостей и т. п. Нечего дѣлать, пришлось самому шнырять изъ палатки въ палатку и отыскивать артиллеристовъ. Нѣкоторые просятъ денегъ, а бо́льшая часть тоскуетъ о томъ, что не выходятъ имъ награды по представленіямъ за прежнія дѣла. Всѣ просьбы ихъ обстоятельно я записалъ и доложилъ о нихъ Крыжановскому. Но, какъ на Бельбекѣ оказалось весьма немного офицеровъ нашихъ раненыхъ, то и поручено мнѣ для отъ-

исканія другихъ, объѣхать госпитали въ Дуванкѣ, Бахчисараѣ и Симферополѣ. Завтра съ разсвѣтомъ отправляюсь.

Непріятель еще со вчерашняго дня началъ попуковать по Сѣверной сторонѣ изъ маркелъ, наши пока еще молчатъ. Но по возвращеніи, вѣроятно, бой на рейдѣ найду уже я въ полномъ разгарѣ. Начинаютъ поговаривать, что главная квартира снимется съ позиціи на Инкерманскихъ высотахъ, но куда направится? Неизвѣстно. Слухи носятся, что въ Бахчисарай.

6-го сентября.

Въ мирное время, безъ сомнѣнія, Симферополь представляетъ всѣ удобства для жизни; но теперь исключительно наполненъ онъ ранеными и больными. Всѣ главнѣйшія зданія обращены подъ лазареты. Всего больныхъ до 13 т.; страшная цыфра! Содержаніе ихъ въ иной мѣсяцъ обходится до 70 т.; р. Начальство ничего не жалѣетъ для успокоенія и призрѣнія ихъ; но, къ сожалѣнію, порядка въ госпитальномъ управленіи никакого: хаосъ страшный. Да и какъ одному смотрителю управиться съ 13 т. больныхъ. При его занятіяхъ по конторѣ, онъ едва-ли въ недѣлю одинъ разъ можетъ навѣстить всѣхъ больныхъ. Однихъ офицеровъ больныхъ и раненыхъ, которые размѣщены въ разныхъ домахъ, болѣе 300 человѣкъ. Огромные транспорты раненыхъ, изъ 1.000 и изъ 2.000 человѣкъ, безпрестанно то прибываютъ, то выбываютъ изъ города. Смертность ежедневная — среднимъ числомъ съ небольшимъ сто человѣкъ. Сердобольныхъ вдовъ 140, но пользы отъ нихъ почти никакой: на каждую изъ нихъ приходится до 100 больныхъ, а потому онѣ и успѣваютъ только поить ихъ чаемъ. Къ тому жъ, какъ говорятъ, многія изъ нихъ и не совсѣмъ сердобольныя: любятъ мірское. Начальница ихъ—какая-то Разпопова, Наталья Петровна; говорятъ—женщина бойкая и умная; приняла было въ свои руки все управленіе госпитальное и закидала бумагами контору. Въ одной бумагѣ за нумеромъ сообщаетъ о замѣченныхъ безпорядкахъ въ госпиталѣ и, между прочимъ, выразилась такъ: „Сначала я указывала, потомъ просила, теперь требую; но если и за симъ безпорядки не устранятся, то я поставлена буду въ непріятную для меня обязанность довесть о нихъ до свѣдѣнія ея императорскаго высочества“. Но теперь, какъ я слышалъ, ее немного угомонили, и она уже съ подобными грозными посланіями не относится болѣе въ контору.

Ходя по госпиталю, между прочимъ, наткнулся я на слѣдующій разговоръ двухъ раненыхъ солдатъ.—„А когда будетъ замиріе?“—спрашиваетъ одинъ у другаго.—„Когда? Да пока не перебьютъ всѣхъ Николаевскихъ, замирія не будетъ; развѣ замирятся уже съ Александровскими“.

Въ главной квартирѣ ждутъ и готовятся на кровопролитные бои. Сдѣлано уже распоряженіе, чтобъ всѣ управленія отправились къ Бахчисараю, а при главнокомандующемъ остались бы только главные начальники съ адъютантами и небольшимъ числомъ писарей, но гдѣ именно будетъ главнокомандующій — еще неизвѣстно. 4-го сентября отданъ приказъ № 58800, чтобъ на занятой нами позиціи держаться донельзя и чтобъ объ отступленіи и не думали. Войска сегодня стали уже стягиваться къ Черной рѣчкѣ, къ Чоргуну; тамъ, повидимому, зашевелились уже союзники. Но, мнѣ сдается, не шутка ли это со стороны г. Пелисье, чтобъ заставить оттянуть наши силы отъ моря и дать тѣмъ ему возможность десанта на Качи, для нападенія съ тылу на Сѣверную сторону Севастополя. Скоро, скоро все объяснится, а безъ страшной рѣзни не обойдется. Не хорошо только то, что армія наша деморализована; не говоря уже объ офицерахъ,—солдаты получили убѣжденіе, что француза не одолѣть имъ, а это худо.

Поповъ разсказывалъ, будто бы вчера, когда главнокомандующій сидѣлъ у музыки, какой-то армейскій пьяный офицеръ подошелъ къ нему, потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Ну, князь, опять хочешь подраться съ французомъ. Подеремся, подеремся“. Разумѣется, этого дерзкаго тотчасъ же схватили и припрятали. Что-то съ нимъ сдѣлаютъ?

Главнокомандующій каждый день навѣщаетъ Крыжановскаго и сегодня былъ два раза у него.

Говорятъ, что его высочество Константинъ Николаевичъ въ Николаевѣ. Государь императоръ сегодня также изволитъ прибыть туда. Всѣ курьеры теперь направляются въ Николаевъ.

7-го сентября.

Выходитъ, союзники не располагаютъ выжить насъ съ Сѣверной стороны бомбардированіемъ. Хотя по батареямъ нашимъ и стрѣляютъ, но изрѣдка и слабо. Всѣ тяжести артиллерійскія перевозятся въ Симферополь.

Въ Симферополѣ видѣлъ Володю Г—на. Мѣшокъ настоящій: неуклюжій, неповоротливый и неловкій. Какъ это отъ такого граціознаго человѣка, какъ Илья Ивановичъ—могли родиться такіе медвѣжата. И страннымъ случаемъ наткнулся я на Г—на. Въ лавкахъ, гдѣ я былъ, проходилъ какой-то изувѣченный армейскій офицеръ, на костыляхъ, блѣдный и измученный отъ страданій; при томъ въ поношенной шинелишкѣ и въ засаленной фуражкѣ. Сталъ онъ торговать кисетъ для табака и жалобно упрашивалъ, чтобы купецъ уступилъ ему этотъ кисетъ за 45 коп., между тѣмъ какъ запросили съ него 60 коп. Нѣсколько разъ то выходилъ онъ изъ лавки, то снова

приходилъ, и все торговался изъ-за 15 коп., видно было, что кисетъ ему былъ необходимъ, а 15 к. не доставало. Въ это время какой-то офицеръ ополченія шепнулъ купцу, чтобы онъ отдалъ офицеру кисетъ за 45 к., а что остальныя 15 коп. онъ самъ ему заплатитъ.—И это было сдѣлано такъ просто, по внушенію добраго сердца, что я тотчасъ же подошелъ къ ополченцу, пожалъ ему руку и поблагодарилъ его за его милый и добрый поступокъ. Оказалось, что ополченецъ—нашъ братъ путивлянинъ и меня знаетъ по наслышкѣ; я разговорился съ нимъ, и онъ вызвался проводить меня къ Г—ну. Досадно, что я не запомнилъ фамилію этого добраго человѣка.—Иногда и небольшое одолженіе, сдѣланное безъ разсчета, а по внушенію только добраго сердца, выше самыхъ громкихъ пожертвованій...

Въ подробномъ донесеніи нашего главнокомандующаго неуспѣхъ дѣла на Черной падаетъ на покойнаго Реада, который, вопреки диспозиціи, безъ приказанія спустился въ долину и атаковалъ непріятеля; но что могло побудить Реада на такое дѣйствіе, главнокомандующій узнать не могъ, ибо вскорѣ за симъ какъ Реадъ, такъ и начальники штаба его были убиты.

Въ главной квартирѣ много толкуютъ о настоящемъ положеніи нашемъ, и всѣ того мнѣнія, что оно незавидное; хуже, чѣмъ было прежде, когда Севастополь удерживалъ подъ своими стѣнами главныя силы непріятельскія. Теперь же руки у нихъ развязаны, и они навѣрное предпримутъ какія-либо дѣйствія рѣшительныя. Нашъ солдатъ умѣетъ только молодецки умирать, но другихъ качествъ, сравнительно съ французскимъ солдатомъ, никакихъ ровно не имѣетъ; при томъ въ настоящее время и деморализированъ.

Кажется, рѣшено, что завтра главная квартира переходитъ въ Бахчисарай. Да и пора; сегодня цѣлый день проливной дождь. Палатка вся въ водѣ, и вся промокла. Охъ, не хорошо!

8-го сентября.

Сегодня годовщина Альмской битвы.

Погода прекрасная: дождь, холодъ, сырость, грязь. И въ лѣтніе, ясные дни — главная квартира отличалась скукою и монотонностію, а теперь, просто, такая тоска и унынiе, что хоть застрѣлиться.

По Сѣверной сторонѣ непріятель стрѣлять продолжаетъ: одна ракета попала въ кучу рабочихъ и пятерыхъ изъ нихъ израсходовала. А наши батареи молчатъ по-прежнему. По крайней мѣрѣ, и то хорошо, что стали на батареяхъ устраивать блиндажи: лучше позже, чѣмъ никогда. Для присмотра за устройствомъ блиндажей командированъ былъ сегодня Мессингъ.

Переходъ главной квартиры въ Бахчисарай день ото дня откладывается: все завтра, да завтра.

Сегодня Крыжановскій спросилъ меня: имѣю ли я Анну на шею? Значитъ, хотятъ повѣсить эту игрушку за 4-е августа. Спасибо и за это. По крайней мѣрѣ, по полученіи награды, не можетъ уже встрѣтиться затрудненія въ полученіи какого-либо назначенія, если только захотятъ мнѣ его дать. Единственная цѣль моя — получить какое-либо постоянное мѣсто по управленію. Этимъ и должна ограничиться вся моя карьера; служить же во фронтѣ я не могу: силы нѣтъ.

М—въ, какъ прежде, такъ и теперь, мнѣ не нравится; это канцелярскій чиновникъ — de la plus pire espèce. Онъ чрезчуръ подобострастенъ къ тѣмъ, отъ кого зависитъ или можетъ что-нибудь выиграть, и чрезчуръ холоденъ къ личностямъ, не имѣющимъ служебнаго значенія. Даже П—ву, этому ничтожному и глупому созданію, онъ угождаетъ, быть можетъ потому, что къ П—ву чрезчуръ снисходителенъ Ушаковъ. Вотъ причина, почему М—въ, во всю свою службу, не пріобрѣлъ уваженія людей самостоятельныхъ, а вѣчно окруженъ былъ какими-нибудь Сок—ми, да П—ми. Не даромъ онъ и рыжій.

Встрѣтился съ Заливкинымъ. Я было и не узналъ его, такъ онъ постарѣлъ: весь сѣдой, какъ лунь. По словамъ его, онъ посѣдѣлъ на оборонительной линіи, гдѣ пробылъ девять мѣсяцевъ сряду. Много говорилъ онъ мнѣ объ оборонѣ Севастополя, но такъ какъ я стоялъ противъ вѣтра, то почти ничего не могъ слышать; при томъ онъ и тихо говоритъ. Одно только я разслышалъ, и если это правда, то дорого обошлась намъ оборона: одни редуты — Камчатскій, Волынскій и Селенгинскій — стоили намъ 25 тыс. людей.

9-го сентября.

Офицера, который слишкомъ фамильярно обошелся съ главнокомандующимъ, отпустили безъ дальнѣйшаго взысканія: приказано только наблюдать за нимъ построже. И сегодня ничего не извѣстно: переходитъ ли главная квартира въ Бахчисарай?—Но генералъ-полицеймейстеръ уже тамъ—для распредѣленія квартиръ.

Говорятъ, что при отбитіи послѣдняго штурма, — когда ранили Хрулева, хотѣли послать на мѣсто его Вранкена, но цѣлый часъ не могли отъискать его; между тѣмъ, подвернулся на глаза Мартинау, и его послали, за что̀ онъ и заплатилъ рукою.

На Малаховомъ курганѣ непріятель выставилъ флагъ и поставилъ телескопъ.—Въ городѣ еще никого не показывается.—Шейдеманъ назначенъ начальникомъ праваго фланга укрѣпленій на Сѣвер-

ной сторонѣ, и самъ живетъ въ Сѣверномъ укрѣпленіи, въ квартирѣ Ползикова.

Чѣмъ болѣе вглядываюсь я въ Крыжановскаго, тѣмъ болѣе уважаю его. Онъ чистъ душою, благороденъ, самоотверженъ, справедливъ, и во всѣхъ дѣйствіяхъ его—ни малѣйшей хитросплетенности. Дай Богъ, чтобы онъ вышелъ цѣлъ и невредимъ изъ настоящей борьбы. Въ будущемъ, для артиллеріи,—онъ принесетъ много пользы. Главнокомандующій цѣнитъ его и вполнѣ ему довѣряетъ. Да и вообще вся главная квартира съ уваженіемъ смотритъ на этого свѣдущаго, способнаго, усерднаго и умнаго начальника штаба, или, вѣрнѣе, начальника артиллеріи, потому что дѣдушка ровно ничего не значитъ и ничего не вѣдаетъ; любовался только по вечерамъ полетомъ бомбъ и ракетъ, летавшихъ въ Севастополѣ, а теперь, съ паденіемъ Севастополя, лишился и этого удовольствія, какъ самъ онъ мнѣ недавно сказалъ. Но онъ, повидимому, — старикъ добрый, хотя и пустой.

11-го сентября.

Наконецъ я въ Бахчисараѣ, подъ крышею, въ комнатѣ; но главная квартира еще осталась на позиціи; уѣхалъ же я съ Инкерманскихъ высотъ подъ предлогомъ завернуть въ 21-ю батарею, такъ какъ тамъ осталась у меня лошадь и часть вещей. Вояжъ совершилъ я верхомъ, и довольно пріятно. Съ 9-го на 10-е число ночевалъ въ Дуванкѣ, у Володковича. Старикъ внимателенъ ко мнѣ донельзя; не только накормилъ моихъ лошадей, но даже на дорогу велѣлъ положить въ мою бричку четверть овса. Въ теперешнее время, когда фуражъ едва-ли не покупается на вѣсъ золота, нельзя не цѣнить такую щедрую обязательность.

Напившись чаю, отправились мы къ Костандулякѣ и проговорили съ нимъ цѣлый вечеръ. Этому—пальца въ зубы не клади: настоящій грекъ: хитрый и умный, а, при томъ, какъ замѣтно, и образованный человѣкъ. Разумѣется, сначала шелъ разговоръ о настоящихъ событіяхъ. Костандуляки полагаетъ, что, овладѣвъ Севастополемъ и истребивъ нашъ флотъ, непріятель достигъ своей цѣли и теперь едва-ли рѣшится на какія-либо серьезныя предпріятія: онъ пойметъ, какъ опасно доводить врага до послѣдняго отчаянія; къ тому же, всякое предпріятіе во внутрь края и опасно для него самого. Дарданеллы въ рукахъ французовъ и англичанъ, и они не оставятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не вырвутъ отъ Россіи обязательства — не имѣть на Черномъ морѣ ни одного военнаго порта и корабля. Съ другой стороны, владѣя Чернымъ, Азовскимъ и Сивашемъ или Гнилымъ морями, непріятель, не предпринимая никакихъ рѣшительныхъ опе-

рацій на сушѣ, можетъ безпаказанно жечь и истреблять наши придверья отъ Утлоцкаго лимана до Перекопа, отъ Перекопа до Керчи,— отъ Керчи до маяка Херсонесскаго и до самыхъ устьевъ Дуная. И для этого не надо ему громадныхъ флотовъ: достаточно двухъ или трехъ пароходовъ, чтобы зажечь наши запасы и склады на любомъ пунктѣ. Между тѣмъ, какъ мы не имѣемъ никакой возможности препятствовать подобнымъ дѣйствіямъ. Какъ безнаказанно заняли они Керчь и Ѳеодосію, такъ точно могутъ они занять и всякій другой пунктъ на Крымскомъ полуостровѣ.

Взятіе Севастополя для Наполеона III то же, что для дяди его— Маренго. Теперь значеніе въ Европѣ французскаго императора велико. О томъ, что онъ величайшій геній нашего времени, и спору быть не можетъ. Дѣла его едва-ли не изумительнѣе дѣлъ дѣда Покойникъ овладѣлъ престоломъ послѣ ряда побѣдъ, вырвавъ Францію изъ когтей анархіи, устроивъ ея финансы, внутреннее управленіе, и при томъ въ такое время, когда французамъ сильно опротивѣла гидра революціонная; — тогда какъ племянникъ явился среди Парижа при самомъ разгарѣ февральской революціи, не запятнанной кровью и сулившей Франціи великія блага, — явился безъ всякихъ заслугъ и правъ на народную признательность, и если извѣстный Европѣ, то только по двумъ дурачествамъ — въ Страсбургѣ и Булони, и этотъ человѣкъ такъ ловко умѣлъ задушить республику и сѣсть на престолъ императорскій. Чей подвигъ изумительнѣе, дѣда или племянника?

Какъ часто смерть постигаетъ человѣка или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Умри нашъ государь тотчасъ послѣ венгерской кампаніи, и въ мнѣніи современниковъ остался бы онъ великимъ диктаторомъ Европы, по голосу котораго плясало все и всѣ на материкѣ; въ февралѣ же 1855 года, когда насталъ послѣдній часъ его, не только Австрія и Пруссія, но даже и самое послѣднее герцогство или курфюршество—въ Германіи—заговорили съ нами какъ равный съ равнымъ.

Говорятъ, сложена новая пѣсенка на 4-е августа. Между прочимъ, въ ней баронъ Вревскій оченно проситъ князя—взять горы, чтобы не было съ французомъ ссоры; князь посылаетъ Липранди, а онъ говоритъ: „атанде, я не пойду: для этого ума не надо, пошлите генерала Реада, а я посмотрю“. И въ такомъ родѣ написана вся пѣсня.

Много любопытнаго разсказывалъ Костандуляки о Варшавѣ, о фельдмаршалѣ, о съѣздахъ въ замокъ, объ обществахъ — польскомъ и русскомъ, о паденіи фельдмаршала, о его добрыхъ качествахъ и о лицахъ, которыя его окружали. Замѣтно, что этотъ грекъ — пре-

наблюдательный и хорошо видитъ то, что дѣлается вокругъ его. Я съ большимъ удовольствіемъ проговорилъ съ нимъ нѣсколько часовъ сряду. Между прочимъ, вспомнили и о томъ, что получено изъ главной квартиры распоряженіе, чтобы войска, на занятыхъ ими позиціяхъ, устраивали себѣ землянки на зиму, для чего приказано гражданскому вѣдомству отвести лѣсныя дачи.—„Вѣрьте“, — сказалъ при этомъ, смѣючись, Костандуляки, — „что подобное распоряженіе надо понимать не въ томъ смыслѣ, что мы здѣсь зазимуемъ, но въ томъ, что если не сегодня, то завтра, получимъ предписаніе—перейти на другую позицію“. Мы всѣ засмѣялись, а, между прочимъ, Костандуляки отгадалъ. Предъ разсвѣтомъ насъ разбудили. Казакъ прискакалъ съ приказаніемъ—немедленно отряду присоединиться къ Евпаторійскому отряду, за исключеніемъ батареи Колобова, которому присоединиться ко 2-й драгунской дивизіи, на Бельбекѣ. Все засуетилось, и чрезъ часъ мѣсто, гдѣ толпились сотни людей, опустѣло: остались одни шалаши, да слѣды копытъ, гдѣ были растянуты коновязи. Подымутся вьюги, настанетъ грязь, и эти слѣды пропадутъ, какъ снѣгъ весною, или какъ дымъ отъ пожара Севастопольскаго. Всякое внезапное передвиженіе отрядовъ съ одного пункта на другой порождаетъ разные толки. Такъ и въ настоящемъ случаѣ заговорили, будто бы непріятель—въ значительныхъ силахъ вышелъ изъ Евпаторіи и сдѣлалъ усиленную рекогносцировку по направленію къ Перекопу, и будто бы къ Евпаторіи причалило до сорока транспортныхъ судовъ съ десантными войсками. Все это весьма вѣроятно. Если допустить, дѣйствительно, что непріятель рѣшается ударить на наши сообщенія, то ему удобнѣе сдѣлать это изъ Евпаторіи, нежели изъ долины Байдарской, предъ которой онъ встрѣтитъ скалы и ущелья едва проходимыя.

12-го сентября.

27-го августа, въ день отраженія штурма, мнѣ приказано было, разставивъ орудія за земляными укрѣпленіями, прорѣзать для нихъ амбразуры, а для тѣхъ, которымъ придется стрѣлять чрезъ банкъ, если встрѣтится надобность, то понизить или возвысить банкъ, для чего и вытребовалъ рабочихъ отъ Бухмейера. Я нашелъ его у моста, и когда сталъ просить рабочихъ, то онъ очень мило отвѣчалъ мнѣ, что самъ нуждается въ людяхъ и что, если можно, то чтобы я обошелся своими людьми. Я и думалъ было это сдѣлать, но оказалось, что у нашихъ артиллеристовъ нѣтъ никакого инструмента:—ни кирки, ни лопатки. По неволѣ, пришлось во второй разъ отнестись къ Бухмейеру. Но въ это время начали уже летать на мостъ ядра и бомбы, и многихъ поизрасходовало. Нѣтъ сомнѣнія, что сцены эти

подѣйствовали съ непріятной стороны на Бухмейера, по крайней мѣрѣ, принялъ онъ меня запальчиво.—„Чего вы, полковникъ, опасаетесь“,—сказалъ онъ съ видимымъ неудовольствіемъ:—„когда вся наша армія впереди“?—Это меня взорвало.—„На счетъ меня, ваше превосходительство,—будьте спокойны“,—отвѣчалъ я, повысивъ голосъ:—„никогда я не опасался и теперь ничего не опасаюсь; но если обращаюсь къ вамъ, то этимъ исполняю волю главнокомандующаго“.—„Да у меня нѣтъ людей“.—„Такъ и прикажете доложить?“—„Да, такъ и доложите“.—Сначала я и полагалъ — поѣхать къ Крыжановскому и сказать ему, что Бухмейеръ не даетъ людей, но послѣ, раздумавъ, что это могло имѣть какія-либо непріятныя послѣдствія для миролюбиваго строителя мостовъ,—обратился къ ратникамъ, и они тотчасъ же пособили мнѣ прорѣзать шесть амбразуръ, а на одномъ укрѣпленіи понизить банкъ на цѣлыхъ полфута. И теперь я очень доволенъ, что самъ устроилъ дѣло, не оглашая его.

Главной квартиры все еще нѣтъ; но дежурство съ М—ымъ уже пришло; говорятъ, что и нашъ штабъ завтра будетъ. Пріѣдетъ ли Крыжановскій? А главнокомандующій, говорятъ, отправится на телѣжкѣ въ Зеленкой; кто же съ нимъ поѣдетъ по части артиллерійской? Крыжановскій боленъ; хорошо ли я сдѣлалъ, что въ это время уѣхалъ изъ главной квартиры? Впрочемъ, если бы я тамъ былъ нуженъ, то Крыжановскій всегда можетъ меня отсюда вытребовать.

Говорятъ, что не на шутку непріятель зашевелился въ Евпаторіи: много высаживалось тамъ войскъ. Но и противъ Макензіевскій горы французы также пошаливаютъ: тамъ два раза завязывалась ружейная перестрѣлка. Татары — подлецы; служатъ французамъ проводниками. Въ одной татарской деревнѣ съѣхалось два французскихъ офицера и нѣсколько нашихъ—за провизіей; но такъ какъ нашихъ было болѣе, то французы и сдались въ плѣнъ, ихъ доставили въ главную квартиру вчера. Вотъ всѣ новости, которыя дошли сегодня до меня.

Утромъ поѣхалъ я полюбоваться на Успенскій Бахчисарайскій монастырь. Просто чудо изъ чудесъ. Самая дорога, которая ведетъ къ монастырю, поражаетъ величественными видами. Онъ стоитъ отъ города не болѣе какъ въ двухъ съ половиною верстахъ, и дорога къ нему ведетъ по ущелью, опоясанному съ обѣихъ сторонъ громадными каменными утесами. Въ одномъ изъ этихъ утесовъ высѣченъ храмъ Успенія Божіей Матери, и лѣстницы, ведущія къ нему, также высѣчены внутри утеса. По сторонамъ, немного ниже храма, вытесаны въ утесѣ кельи. Видишь, и глазамъ не вѣришь. Особенно поразительно, когда смотришь на монастырь съ покатости противоположнаго утеса: лѣстницъ не видать, потому, что онѣ высѣчены внутри утеса, но галлереи деревянныя, и куполъ храма, какъ видно, при-

клеенъ къ скалѣ, возвышающейся вертикально надъ горизонтомъ отъ 150 до 200 саженей. Но, кажется, эта братья не голодаетъ, если судить по ихъ лицамъ: все такія свѣжія,—полныя, румяныя и сытыя.

На крутой покатости противоположнаго монастырю утеса—раскидано небольшое кладбище.

Долго таскался я по кладбищу и много передумалъ грустныхъ думъ.

Предъ выѣздомъ изъ монастыря породилъ я страшную драку. Двѣ нищія татарки, безобразныя и оборванныя, получивъ отъ меня двугривенный, чтобъ раздѣлить его между собою, сначала стали отнимать его одна отъ другой, а потомъ съ дикимъ остервенѣніемъ вцѣпились одна въ другую, словно двѣ тигрицы. Сколько ни усиливался, не могъ я разнять ихъ; наконецъ, долженъ былъ схватить нагайку и этимъ только средствомъ успѣлъ развесть враговъ. А драка была до крови. Пришлось самому у монаховъ размѣнять двугривенный, и поровну раздѣлить его между татарками, а не то,—пожалуй, одна другую бы на смерть убила.

13-го сентября.

Какъ много, подумаешь, при главной квартирѣ дармоѣдовъ—настоящіе баши-бузуки. Теперь большая часть ихъ толкается съ утра до вечера по Бахчисараю; нѣкоторые же отправились кавалькадой на горный берегъ. Маіоръ Ст—инъ такой же баши-бузукъ; онъ служитъ въ какомъ-то кавалерійскомъ полку, а числится при главной квартирѣ, не состоя ни при комъ. На этомъ основаніи, онъ и баклушничаетъ, гдѣ ему хочется; теперь, вотъ уже двѣ недѣли, какъ живетъ въ Бахчисараѣ ни при чемъ и ни при комъ, а между тѣмъ, получаетъ жалованье и, вѣроятно, и награды. Такой же баши-бузукъ и графъ Толстой, поручикъ артиллерійскій; онъ командуетъ двумя горными орудіями, но самъ таскается вездѣ, гдѣ ему заблагоразсудится; 4-го августа примкнулъ онъ ко мнѣ, но я не могъ употребить его пистолетиковъ въ дѣло, такъ какъ занималъ позицію батарейными орудіями; 27-го августа опять присталъ онъ ко мнѣ, но уже безъ своихъ горныхъ орудій; поэтому я и могъ, за недостаткомъ офицеровъ, поручить ему въ командованіе пять батарейныхъ орудій. По крайней мѣрѣ, изъ этого видно, что Т—ой порывается понюхать пороха, но только налетомъ, партизаномъ, устраняя отъ себя трудности и лишенія, сопряженныя съ войною. Онъ разъѣзжаетъ по разнымъ мѣстамъ туристомъ; но какъ только заслышитъ гдѣ выстрѣлъ, тотчасъ же является на полѣ брани; кончилось сраженіе,—онъ снова уѣзжаетъ по своему произволу, куда глаза глядятъ. Не всякому

удастся воевать такимъ пріятнымъ образомъ. Говорятъ про него также, будто онъ, отъ нечего дѣлать, и пѣсенки пописываетъ, и будто бы на 4-е августа пѣсенка его сочиненія.

Но настоящій патріотъ вотъ это—Орловъ, служащій въ какомъ-то пѣхотномъ полку. Онъ не получаетъ жалованья и отъ себя ежегодно на военныя издержки вноситъ по 15 т. р. с. При томъ служба его боевая. На Альмѣ пристрѣлили ему пулями обѣ ноги: не успѣлъ оправиться отъ этихъ ранъ, какъ съ костылемъ добрался до Севастополя и поступилъ въ ряды гарнизона; въ послѣднее же время, и теперь, состоитъ при Шейдеманѣ. Я его видѣлъ передъ отъѣздомъ изъ главной квартиры. Онъ еще молодой человѣкъ пріятной наружности, скромный и безъ малѣйшаго шарлатанства.

Изъ главной квартиры слуховъ никакихъ. Сегодня жена Крыжановскаго поѣхала туда, и я просилъ ее передать мужу, что я здѣсь и жду его приказаній. Она сегодня же должна возвратиться.

Квартира у меня—всего одна комната, но свѣтлая и опрятная; окна выходятъ въ садикъ. Въ Бахчисараѣ, кажется, нѣтъ дома безъ виноградныхъ лозъ. Со всѣхъ сторонъ виды чудные: громадныя горы подымаются до облаковъ. Природа здѣсь, по истинѣ, изумительная. Даже при нашемъ тревожномъ настроеніи духа, нельзя не восхищаться здѣшнею мѣстностью.

14-го сентября.

Вчерашнія мечты разомъ разлетѣлись, какъ сонъ. Не успѣлъ уснуть я, какъ въ часъ по полуночи прискакалъ ко мнѣ ординарецъ Крыжановскаго съ приказаніемъ отъ начальника артиллеріи—тотчасъ же отправляться на Инкерманскія высоты и явиться тамъ къ графу Сакену, при которомъ состоять по части артиллерійской. Не ожидалъ я такого сюрприза. Нечего дѣлать, надо было разстаться и съ теплою постелью, и съ удобною квартирою. Оставивъ людей съ экипажемъ, выѣхалъ я изъ Бахчисарая одинъ, верхомъ, ровно въ 3 часа по полудни. Какъ нарочно, пока я былъ въ городѣ, погода стояла чудесная, теплая и лѣтняя, но въ эту ночь легъ страшный туманъ и пошелъ дождь: все небо заволокло тучами. Къ довершенію мученія моего, лошадь, съ бѣльмами на глазахъ, всего боялась—и телѣги, и буйвола, и даже каменнаго забора, такъ что я, сколько ни бился, не могъ заставить ее подвигаться впередъ и, по грязи, принужденъ былъ идти пѣшкомъ, ведя лошадь въ поводу, и такимъ образомъ дошелъ я до Колобова, на Бельбекъ, болѣе десяти верстъ. Тамъ взялъ телѣгу и отправился на высоты. Дѣдушка очень мнѣ обрадовался, и самъ пошелъ со мною къ Сакену, но графъ насъ не принялъ, по случаю приключившейся ему болѣзни. Между тѣмъ, вся

главная квартира выступила въ Орту-Каралесъ, и я остался одинъ въ балаганѣ дѣдушки. Погода холодная, вѣтреная и сырая. И за чѣмъ прислали меня сюда, и что буду я здѣсь дѣлать, до сихъ поръ не знаю. Боже, дай мнѣ силы и крѣпость перенести всѣ эти пытки. Къ довершенію, я голодаю; нигдѣ не могли достать и фунта мяса. Цѣлый день питался однимъ хлѣбомъ, да чаемъ: люди также голодные. Но утѣшился нѣсколько тѣмъ только, что ко мнѣ въ балаганъ переѣхалъ Николай Ростовцевъ. Чѣмъ болѣе вглядываюсь я въ обоихъ братьевъ, тѣмъ болѣе восхищаюсь ими. Какіе рѣдкіе молодые люди! Меньшой, Михаилъ, отправился въ главную квартиру, а Николай остался при графѣ Саксенѣ. Я видѣлъ, какъ они прощались: сколько между ними нѣжности и братской привязанности. Особенно Михаилъ не могъ оторваться отъ объятій брата, и какъ нѣжно смотрѣлъ онъ на него, прощаясь съ нимъ, и какъ мило просилъ меня, чтобы я берегъ его. По истинѣ, во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкіе молодые люди. Такихъ не часто встрѣтишь.

Крыжановскаго уже не засталъ; онъ еще вчера уѣхалъ въ Бахчисарай и оттуда отправится въ Орту-Каралесъ. Дѣдушка говорилъ, что меня назначили только на короткое время состоять при графѣ, и что это сдѣлалось по волѣ главнокомандующаго. Дай-то Богъ, чтобы это было такъ, а если придется зазимовать на этихъ проклятыхъ утесахъ, то просто карачунъ.

Michel Ростовцевъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Бонтаномъ; фамилія французская, но онъ полякъ. Вотъ этотъ такъ настоящій баши-бузукъ; при томъ краснобай, судитъ и рядитъ обо всемъ и обо всѣхъ, и о себѣ говорить не дуракъ. Вообще, какъ видно, онъ болѣе доволенъ собою, чѣмъ другими. Но, говорятъ, подъ ядрами молодецъ.

15-го сентября.

Графъ Сакенъ (командующій 4-мъ пѣх. корп.) остался начальникомъ войскъ на Инкерманѣ и Сѣверной сторонѣ; Липранди на Мекензіевой горѣ, а Сухозанетъ, командиръ 2-го пѣх. корп., начальствуетъ надъ войсками лѣваго фланга нашей позиціи. Предполагается, что когда главнокомандующій изъ Орты-Каралесъ отправится въ Бахчисарай, то главноначальствующимъ надъ всѣми войсками на Инкерманѣ, Мекензіевой горѣ и далѣе останется графъ Сакенъ. Но это одно предположеніе, а у насъ, въ арміи, семь пятницъ на недѣлѣ: сегодня одно, а завтра другое. Я увѣренъ, что самъ главнокомандующій не знаетъ, что предприметъ наша армія,—если непріятель высадится въ Евпаторіи, или ударитъ на проломъ на занятыя нами позиціи. Все предоставлено случайности, а потому и такъ много неудачъ мы испы-

тываемъ. Всѣ эти неудачи, князь, по благородству своему, приписываетъ единственно своей несчастной планетѣ. „En fait d'astronomie—je ne connais que ma mauvaise étoile"—говоритъ онъ. Но что говорилъ Суворовъ о счастіи, то теперь можно сказать о несчастіи: „сегодня несчастіе, завтра несчастіе, да должно же быть когда-нибудь и неумѣнье". Какъ бы то ни было, но настоящее положеніе арміи нашей можетъ разыграться весьма нехорошо, если только непріятель предприметъ что-нибудь серьезное во внутрь края. Погода сегодня хотя и не дождливая, но холодная и вѣтреная. Наконецъ, обѣдъ мы отыскали на кухнѣ у графа Сакена. И обѣдъ былъ препорядочный. Утромъ заходилъ къ намъ Безакъ и Козляниновъ. Одинъ начальствуетъ артиллеріей въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ, а другой исправляетъ должность начальника штаба у графа Сакена. Новостей пока никакихъ не слыхать. На Сѣверной сторонѣ или въ городѣ—пожаръ; судя по дыму, долженъ быть пребольшой.

16-го сентября.

У графа Сакена на Инкерманѣ и на Сѣверной сторонѣ всего три дивизіи: 11-я, 12-я и 15-я резервная. На промежуточной позиціи между Инкерманомъ и Мекензіевой горой стояли двѣ дивизіи, 4-я и 5-я, Шепелева и Вранкена, но вчера обѣ эти дивизіи направились на Альму, въ Кермень-Альму. Поговариваютъ, что и 11-ю дивизію потребуютъ на лѣвый флангъ, на присоединеніе къ войскамъ 3-го корпуса, Сухозанета.

Бомбардировка Сѣверной стороны вчера сильно усилилась. Бомбы и ракеты въ значительномъ количествѣ ложатся въ Сѣверное укрѣпленіе, такъ что всѣ начальники изъ этого укрѣпленія отъѣхали и поселились среди базара, въ землянкахъ и палаткахъ.

Положеніе мое самое неопредѣленное. Не имѣя никакого опредѣлительнаго повелѣнія ни отъ графа Сакена, ни отъ дѣдушки,—не могу я мѣшаться въ распоряженія по части артиллерійской, когда начальники здѣсь все генералы: Пихельштейнъ, Безакъ и Шейдеманъ. Да и моряки старше меня въ чинахъ. Надо сидѣть смирненько и ждать, чѣмъ разыграется такое курьезное мое назначеніе. Одно утѣшеніе, что я живу вмѣстѣ съ прекраснымъ и умнымъ, и образованнымъ, и деликатнымъ Н. Я. Ростовцевымъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ и не вижу, какъ летитъ время. Вчера цѣлый вечеръ пробалакали мы съ нимъ о разныхъ матеріяхъ, важныхъ и неважныхъ: и о внутреннемъ управленіи Великобританіи, и о программахъ учебныхъ, и о философіи-математикѣ, и о настоящемъ вопросѣ восточномъ. Между прочимъ, слышалъ онъ отъ отца своего, какъ во дворцѣ разсказывала Плесси о встрѣчѣ ея съ Наполеономъ въ Лондонѣ, когда еще онъ

*

былъ изгнанникомъ, значитъ—прежде февральской революціи. Восхитившись ея игрою, онъ подарилъ ей съ руки своей брилліантовый перстень, сказавъ при этомъ: „Въ настоящую пору болѣе подарить васъ не могу, но когда буду президентомъ во Франціи, вы обратитесь ко мнѣ, и тогда я буду имѣть возможность наградить васъ болѣе достойнымъ образомъ“. Этотъ случай, повидимому, ничтожный, между тѣмъ многозначителенъ. Во-первыхъ, изъ него видно, что февральская революція возгорѣлась не случайно и не безъ посредничества Наполеона; во-вторыхъ, будучи еще изгнанникомъ, онъ замышлялъ уже стать во главѣ республики. По словамъ Николая Яковлевича, отецъ его въ Петербургѣ имѣетъ много враговъ сильныхъ: хотятъ выставить его либераломъ. Меньшой Ростовцевъ сказалъ брату, чтобы онъ, въ письмахъ своихъ къ отцу, какъ можно былъ бы осторожнѣе. Все это весьма вѣроятно, но какъ жаль, что такой благодѣтельный для Россіи человѣкъ можетъ встрѣтить такихъ враговъ. Бибикова слушалъ Я. И. Говорятъ, онъ сильно хлопоталъ въ Государственномъ Совѣтѣ объ отмѣненіи заведенныхъ Бибиковымъ инвентарей, составилъ для сего особыя правила, опредѣляющія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, и, достигнувъ сего, считаетъ себя совершенно счастливымъ. Но въ чемъ именно состоятъ эти правила, узнать я не могъ: во всякомъ случаѣ, я убѣжденъ, что они должны быть благодѣтельны и для крестьянъ, и для помѣщиковъ. Отъ такого государственнаго человѣка, какъ Я. И., Россія страдать не будетъ.

Много любопытнаго разсказывалъ мнѣ также Николай Яковлевичъ Ростовцевъ о плѣнныхъ. Между прочимъ, о бесѣдахъ ихъ съ нашими солдатами. Однажды наши стали допрашивать разными знаками и тѣлодвиженіями французскаго солдата: было ли ему холодно зимою въ траншеяхъ? Разумѣется, французъ, не понимая этихъ знаковъ, молчалъ... Тогда одинъ изъ нашихъ замѣтилъ, что онъ, быть можетъ, болѣе понимаетъ по-молдавански, чѣмъ по-русски, а какъ на молдаванскомъ языкѣ холодъ—„фрикъ“, то онъ и сталъ говорить французу: „А фрикъ у васъ, мусье, большой былъ?“ „Afrique, comment donc! Je connais ce pays“... и вслѣдъ за этимъ, скороговоркой пустился разсказывать про службу и кампанію въ Африкѣ. Солдаты же, слушая его болтовню, между собою переговаривали: „Вишь его, какой: по-русски не понимаетъ, а по-молдавански тотчасъ же понялъ“. Случай этотъ напомнилъ мнѣ, какъ одинъ персіянинъ разговаривалъ жестами съ нашимъ солдатомъ. Сначала персіянинъ поднялъ руку вверхъ, потомъ опустилъ внизъ; на это солдатъ поднялъ руку также вверхъ, потомъ поводилъ ею около себя и, наконецъ, опустилъ. Затѣмъ, персіянинъ показалъ одинъ палецъ, а солдатъ, въ отвѣтъ ему,—два. Персіянинъ удивился премудрости высокой русскаго солдата, и когда

стали его спрашивать—о чемъ посредствомъ жестовъ шла у нихъ рѣчь, то непріятель такъ объяснилъ ее: „Я сказалъ ему, указавъ рукою вверхъ и внизъ, что Богъ создалъ небо и землю; на это солдатъ отвѣчалъ мнѣ, указавъ рукою вверхъ, около себя и внизъ, что Богъ создалъ небо, людей и землю; когда же, показавъ ему одинъ палецъ, я хотѣлъ сказать этимъ, что Богъ у насъ одинъ, тогда указалъ онъ мнѣ два пальца, отвѣтивъ этимъ, что у насъ Богъ и Магометъ". Но когда стали спрашивать солдата: о чемъ онъ жестами толковалъ съ персіяниномъ, то солдатъ отвѣчалъ: „Онъ сказалъ мнѣ, указавъ рукою вверхъ и внизъ, что схватитъ нашего брата за волосы и броситъ на земь, а я на это отвѣчалъ, что самъ схвачу его за волосы, да потреплю малую толику, а тамъ уже и брошу на земь; потомъ онъ показалъ мнѣ шишъ, а я ему два".

По словамъ Николая Яковлевича Ростовцева, всѣ почти плѣнники и перебѣжчики, а особенно англичане,—такіе же мужики, какъ и наши солдаты. Французы только разговорчивѣе, но такъ же грубы и невѣжественны.

У Козлянинова, повидимому, немного голова закружилась. Или слишкомъ рано занялъ онъ мѣсто начальника штаба, или же оно вовсе не по немъ. Поэтому, едва-ли и можно ожидать отъ него какихъ-либо распоряженій дѣльныхъ.

Погода сегодня, благодаря Бога, прекрасная: и свѣтло, и тепло. Какіе скачки въ этомъ климатѣ: сегодня осенній холодъ, и грязно, и сыро, а завтра—ни одного облачка на небѣ, и тепло, и свѣтло. Поэтому и немудрено, что такъ много у насъ заболѣвающихъ.

Говорятъ, въ Южной бухтѣ, вмѣстѣ съ орудіями, топили и плѣнныхъ англичанъ,—такъ озлоблены были противъ непріятеля наши солдатики; когда же ихъ спрашивали, зачѣмъ это они дѣлаютъ, то они отвѣчали: „Да вѣдь свое добро топишь, ваше благородіе, для чего же чужое жалѣть?.."

На лѣвомъ флангѣ нашей позиціи, по направленію къ Юкаръ-Каралесъ,—сегодня была авангардная схватка, но чѣмъ она кончилась—не извѣстно: знаемъ только, что непріятель отступилъ. Въ то же время слышна была и у насъ ружейная пальба: у подошвы Мекензіевой горы казаки перестрѣливались съ отрядомъ непріятельскимъ. Вечеромъ пріѣзжалъ князь Ухтомскій изъ главной квартиры и говорилъ, что одновременно съ авангарднымъ дѣломъ въ окрестностяхъ Юкаръ-Каралесъ непріятель вышелъ изъ Евпаторіи, но и тамъ отброшенъ.

Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ прибылъ въ главную квартиру. Онъ пользуется репутаціей, въ военномъ отношеніи, генерала дѣльнаго, умнаго и свѣдущаго. Не дастъ ли онъ какой-либо благой идеи главнокомандующему? Дай-то Богъ!

Сегодня, кажется, огонь орудійный меньше на Сѣверной сторонѣ, чѣмъ въ предъидущіе дни. Послѣ обѣда ѣздилъ на Литерныя батареи. Изъ всѣхъ этихъ батарей одна только Маячная во время осады Севастополя была подъ сильнымъ огнемъ. И теперь на ней и вокругъ нея валяются кучи ядеръ, бомбъ и осколковъ. Построена она на превосходномъ мѣстѣ, на обрывистомъ утесѣ: съ двухъ фасовъ обстрѣливаетъ теченіе Черной рѣчки, оба моста чрезъ рѣчку и всю долину ея, — съ третьяго же стрѣляетъ по батареямъ, устроеннымъ непріятелемъ впереди Сапунъ-горы на прибрежныхъ высотахъ, и извѣстнымъ у насъ подъ названіемъ „Черная и Бѣлая батареи". Виды съ Маячной батареи удивительные: съ правой стороны—вся Сѣверная бухта, море, Севастополь и Сѣверная сторона, а съ лѣвой—долина Черной рѣчки опоясываетъ съ одной стороны обрывистыми скатами Инкермана и Мекензіевой горы, а съ другой—Сапунъ-горою и Ѳедюхиными горами. Скала, на которой устроена Маячная батарея, виситъ, такъ сказать, надъ оконечностью Сѣверной бухты, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ бухту Черная рѣчка. Долго я любовался всѣми этими величественными видами. И замѣчательно, послѣ паденія Севастополя, непріятель вовсе прекратилъ огонь по Маячной батареѣ, и мы замолкли; между тѣмъ, какъ орудія на Черной и Бѣлой батареяхъ, по-прежнему, выглядываютъ грозно изъ-за амбразуръ: что бы это значило? Какъ будто бы обѣ стороны условились между собою не стрѣлять одинъ въ другаго съ тѣхъ поръ, какъ участь Севастополя рѣшилась. И какъ-то странно мнѣ было видѣть непріятельскія батареи съ заряженными орудіями, не стрѣляющія въ насъ, когда мы стояли отъ нихъ не болѣе какъ въ 450 саженяхъ разстоянія. Значитъ, надоѣло и имъ и намъ стрѣлять безъ умолку и днемъ, и ночью—въ продолженіе болѣе чѣмъ 11-ти мѣсяцевъ... Бараповскій, капитанъ 1-го ранга, который начальствовалъ надъ всѣми Литерными батареями, занемогъ тифомъ и увезенъ въ госпиталь; мѣсто его занялъ капитанъ 2-го ранга Щеголевъ. Но этотъ не живетъ на батареяхъ, а все хлопочетъ у телеграфа.

17-го сентября.

Сегодня являлся къ графу Сакену. Онъ принялъ меня молчаливо и ни слова не сказалъ о моихъ обязанностяхъ. — Пальба на Сѣверной сторонѣ усилилась, но болѣе стрѣляютъ наши батареи. Судя по распоряженіямъ, чтобы всѣ части свои тяжести немедленно отправляли за Бахчисарай, можно предположить, что мы оставимъ Крымъ. Но Николаевъ, какъ говорятъ, укрѣпляютъ сильно. Носятся также слухи, что конференціи о мирѣ—въ Вѣнѣ теперь вновь открыты. Давай-то Богъ, чтобъ поскорѣе кончилась эта безпутная

война. Изъ штаба нашего сегодня потребовали баракъ дѣдушкинъ въ Бахчисарай. Такимъ образомъ, пришлось снова бѣдовать въ палаткѣ. Хорошо, если еще погода постоитъ теплая, а пойдутъ дожди—плохо. Видѣлъ Матвѣева: онъ въ 4-мъ сап. баталіонѣ, который теперь занялъ позицію на Инкерманѣ. Человѣкъ онъ добрый и деликатный; видѣлъ также Малиновскаго: этотъ, кажется, совсѣмъ расклеился. Саперы понесли большую потерю въ офицерахъ; кромѣ убитыхъ, многіе изъ нихъ попались и въ плѣнъ. Да, послѣ Севастополя, не досчитаются многихъ; Козляниновъ какъ будто удаляется меня: не боится ли онъ, чтобы я сталъ посягать на его права? Боже мой, какъ люди ничтожны! И въ настоящую пору, когда рѣшается, быть можетъ, участь арміи, а съ нею и Россіи, они думаютъ только о мелочахъ... грустно, грустно!

Вчера опять съ Ростовцевымъ пробалакалъ я за полночь: съ нимъ не соскучишься. Между прочимъ, мило очень онъ разсказывалъ, какъ главнокомандующій 4-го августа сидѣлъ на камнѣ на Телеграфической горѣ, и какъ Коцебу, позади его, смотря въ зрительную трубу, докладывалъ ему монотоннымъ и апатичнымъ голосомъ о движеніи нашихъ колоннъ, о приближеніи ихъ къ высотамъ, о занятіи ими нѣкоторыхъ частей этихъ высотъ, потомъ объ отступленіи, о пораженіи, о бѣгствѣ,—и все однимъ и тѣмъ же голосомъ,—словно маркеръ, считающій шары въ лузахъ: „семь и никого, девять и два“ и т. д.—между тѣмъ какъ прогулка нашихъ стоила намъ много жертвъ.

Вообще, когда-либо главная квартира такъ неудачно была составлена, какъ въ настоящую войну:—Горчаковъ, и Коцебу, и Ушаковъ, и Бутурлинъ, и дѣдушка, Бухмейеръ—все это не на своихъ мѣстахъ. Неужели въ Россіи, по преимуществу въ державѣ военной, нельзя было выбрать трехъ или четырехъ людей, способныхъ и энергичныхъ, которые могли бы стать во главѣ арміи? Да и многіе нечисты на руку: говорятъ, за двухъ только можно поручиться, что они не взяточники. Грустно.

Сегодня въ Россіи банкеты: — Софія, Вѣра, Надежда и Любовь.

18-го сентября.

Вчера получилъ увѣдомленіе отъ Козлянинова, что 15-я резервная дивизія, не имѣвшая прежде нарѣзныхъ ружей, получила ихъ въ послѣдніе дни 728, а такъ какъ она была сформирована въ этомъ году, то не имѣетъ ни инструкцій объ употребленіи этихъ ружей, ни людей, обучавшихся приготовленію къ нимъ патроновъ. Для обученія употребленію ружей сдѣлано распоряженіе о сформированіи командъ, въ которыхъ назначены учителя изъ 12-ти пѣхотн. дивизіи. Но глав-

ное затрудненіе встрѣчается въ приготовленіи патроновъ, которые необходимо па первый разъ принять отъ артиллерійскаго вѣдомства, „дабы дивизія, на случай дѣла, не осталась безъ патроновъ“: ибо приготовленіе патроновъ къ нарѣзнымъ ружьямъ въ другихъ полкахъ, по новости, идетъ слишкомъ медленно, для того, чтобы снабдить отъ нихъ огромное число нарѣзныхъ ружей 15-й дивизіи. Сообщая мнѣ объ этомъ, Козляниновъ проситъ моего распоряженія и указанія—откуда принять полкамъ 15-й дивизіи патроны къ нарѣзнымъ ружьямъ въ возможной скорости, о чемъ я и донесъ—Духонину за № 14 и Крыжановскому.

19-го сентября.

„Дабы дивизія, на случай дѣла, не осталась безъ патроновъ“!!! И въ возможности такого случая сознается самъ начальникъ штаба. Къ тому же дивизія, у которой нѣтъ патроновъ, не расположена въ аръергардѣ, позади арміи; напротивъ, она стоитъ едва-ли не ближе другихъ частей войскъ къ непріятелю и въ готовности ежечасно вступить въ дѣло: высадись непріятель на Качѣ или даже на Альмѣ, или даже прорвись по береговой дорогѣ изъ Евпаторіи,—первыя войска, которыя его встрѣтятъ, это 12-я и 15-я дивизіи, а у нихъ-то патроновъ и нѣтъ! Да чѣмъ же обороняется Сѣверная сторона? Кромѣ помянутыхъ дивизій, тамъ другихъ войскъ никакихъ нѣтъ. А овладѣніе этою стороною, въ настоящее время, едвали не составляетъ главный предметъ усилій непріятеля. И послѣ этого, какъ удивляться, что побѣда не на нашей сторонѣ? Кромѣ неумѣнія приготовить патроны—начальникъ штаба пренаивно сознается еще и въ томъ, что войска вовсе не умѣютъ владѣть тѣмъ оружіемъ, которое имъ теперь выслано. И это сознаніе утѣшительное, особенно когда мы готовимся—если не сегодня, такъ завтра, вступить съ непріятелемъ въ борьбу отчаянную, безъ назначенія даже мѣстъ отступленія, какъ сказано въ приказѣ 4-го сентября, № 588.—Вотъ какъ ведется у насъ война! Вчера разсказывалъ мнѣ одинъ докторъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ—въ Николаевскомъ укрѣпленіи—преуморительнаго случая. У одного раненаго солдата, приведеннаго съ оборонительной линіи, оказалось все количество патроновъ на-лицо, а капсуль — ни одного. Когда же унтеръ-офицеръ сталъ допрашивать, куда онъ растерялъ капсули, солдатъ откровенно сознался, что такъ какъ пальба въ цѣпи была частая, то онъ не успѣвалъ заряжать ружья, а стрѣлялъ изъ него однѣми капсулями. И такихъ, быть можетъ, у насъ найдется много, которые стрѣляютъ по непріятелю не пулями, а капсулями. Какъ же, послѣ этого, французамъ не одолѣвать насъ?

Вчера въ городѣ былъ большой пожаръ; но гдѣ именно, и какъ онъ загорѣлся, не извѣстно [1]). Наши продолжаютъ стрѣлять изъ орудій чаще, чѣмъ непріятель. Потери ежедневныя, благодаря Бога, до сихъ поръ у насъ не чувствительныя.

До сихъ поръ не составлено для отдѣльныхъ начальниковъ диспозиціи на счетъ дѣйствія, въ случаѣ, если непріятель что-нибудь предприметъ: все говорятъ—некогда. Между тѣмъ, случись тревога,—хаосъ будетъ страшный: никто не знаетъ, что ему дѣлать, и не назначены даже сборныя мѣста. По-моему, необходимо опредѣлить—что можетъ, въ настоящемъ случаѣ, предпринять противъ насъ непріятель, и на каждый случай составить диспозицію для начальниковъ отдѣльныхъ частей, въ томъ числѣ и для артиллеристовъ! Но объ этомъ, кажется, никто и не думаетъ!

Получено извѣстіе, что 18-го числа, на разсвѣтѣ, непріятель окружилъ бригаду уланъ—Корфа, стоявшую въ авангардѣ у Евпаторіи. Надо было прорываться чрезъ ряды непріятельскіе, очертя голову. Потеря наша чувствительная: 300 человѣкъ и шесть орудій остались въ рукахъ непріятеля. Значитъ, почти половина принесена въ жертву для спасенія другой половины. Но какимъ это образомъ могли окружить цѣлую бригаду нашей кавалеріи? Вѣрно стояли съ зажмуренными глазами.

Получилъ отвѣтъ отъ Духонина. Сдѣлано распоряженіе, чтобы пѣхота присылала пріемщиковъ за патронами въ Отаркой, о чемъ я и сообщилъ Козлянинову. Генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ вчера пріѣзжалъ на нашу позицію и вмѣстѣ съ корпуснымъ командиромъ ѣздили на № 18 укрѣпленія: сегодня, говоритъ, Ливенъ поѣдетъ обратно изъ Крыма въ Россію. Значитъ, пріѣзжалъ онъ къ намъ единственно для того, чтобъ удостовѣриться—въ какомъ положеніи расположеніе войска. Тотлебенъ и Васильчиковъ пожалованы въ генералъ-адъютанты; Бухмейеръ получилъ Бѣлаго Орла; Хрулеву увеличена и продолжена аренда. Изъ главной квартиры извѣстій никакихъ; но, кажется, переходить въ Бахчисарай еще и не думаютъ.

Сегодня въ часъ по полудни непріятель сталъ метать ракеты на нашу позицію, одна за другою: нѣкоторыя ложились и разрывались по близости нашей палатки, такъ что ужъ мы хотѣли перебраться на другое мѣсто; но, разсудивъ, что виноватаго она вездѣ найдетъ,—остались на томъ же мѣстѣ. Если принять въ соображеніе, что непріятель по-пустому пороха не тратитъ и сталъ обстрѣливать высоты Инкерманскія не безъ предположеній какихъ-либо, то завтра

[1]) Сейчасъ получено донесеніе объ этомъ: изъ него видно, что въ 4 часа по полудни отъ нашихъ бомбъ—загорѣлись южныя Александровскія казармы.

или послѣ завтра можно ожидать къ намъ гостей незваныхъ. Сейчасъ ушелъ отъ меня Шейдеманъ. Онъ говоритъ, будто бы меня назначили сюда потому, что не хотѣли его оставить при Сакенѣ, о чемъ графъ хлопоталъ у главнокомандующаго. И Шейдеманъ подтверждаетъ слухъ, что мы, дѣйствительно, подъ Евпаторіей потеряли 6 орудій конно-легкой № 19 батареи, но что вмѣсто 300 уланъ выбыло изъ строя всего 150. Онъ вызвался было просить у графа, чтобъ меня прикомандировали къ нему, но я отклонилъ его отъ этого.

21-го сентября.

Вчера, 20-е сентября, прошло, благодаря Бога, для насъ благополучно: ни одной ракеты на насъ не пущено. Но все-таки положеніе наше прескверное: стоять на позиціи подъ выстрѣлами непріятельскими. Сегодня потребовали графа Сакена на военный совѣтъ въ главную квартиру. Тамъ, безъ сомнѣнія, онъ объяснитъ затруднительное положеніе нашихъ войскъ, предназначенныхъ на оборону Сѣверной стороны и ея многочисленныхъ укрѣпленій. По незначительности штыковъ, мы и думать не можемъ—оборонять позицію на Инкерманѣ, батареи на Сѣверной сторонѣ, Бахчисарайскую дорогу и Сѣверное укрѣпленіе; вѣроятно, придется намъ предоставить укрѣпленіе собственной оборонѣ, а самимъ улепетывать за Бельбекъ. Въ положеніи нашемъ представляется два случая: или непріятель ударитъ на насъ со стороны Черной Рѣчки, или высадитъ десантъ на Качѣ. Въ первомъ,—мы разсыплемъ три полка 11-й див., стрѣлковый баталіонъ и, по крайности, 4-й саперн. баталіонъ, по балкѣ; положимъ, что притянемъ къ себѣ и полки 11-й дивизіи; но всего едва-ли наберется и до 10 тыс. штыковъ. Но непріятель, безъ сомнѣнія, не иначе бросится на Инкерманъ, какъ въ значительнѣйшихъ силахъ, и при томъ удержавъ сильною демонстраціею Липранди на его позиціи. Въ такомъ случаѣ, неминуемо придется намъ отступить за Бельбекъ, чтобъ и обнажить центръ арміи, и сохранить сообщенія и пути отступленія къ Симферополю. Что же касается до 15-й дивизіи, то ее трогать съ Сѣверной стороны и думать нельзя: она обречена должна быть той же участи, какой подвергаются батареи и укрѣпленія, то есть, собственной оборонѣ, а это значитъ—клади орудіе. При десантѣ на Качѣ, войска на Инкерманѣ не могутъ тронуться съ мѣста и бросить на произволъ судьбы занимаемую ими теперь позицію: 15-я дивизія также не можетъ бросить Сѣверную сторону, чтобъ не оставить укрѣпленія вовсе безъ прикрытія. Остается одна 11-я дивизія. Выдвинуть ее на Бельбекъ нельзя: тогда дорога Бахчисарайская достанется въ руки непріятеля; атаковать высаживающійся десантъ

на берегу—также невозможно: флотъ не допуститъ до этого. Остается одно: выбрать позицію на лѣвой сторонѣ Качи и тамъ ждать непріятеля. Позиція эта, кажется, уже выбрана: на югъ отъ Мамашая. Непріятель, разумѣется, не иначе двинется на Сѣверную сторону, какъ атаковавъ 11-ю дивизію, и окончательно разобьетъ ее, что̀, вѣроятно, и послѣдуетъ, принимая во вниманіе незначительность штыковъ, менѣе 4 тыс. въ цѣлой дивизіи. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ Сѣверная сторона—съ ея укрѣпленіями и 15-й дивизіею обречена будетъ на паденіе. Наконецъ, можетъ представиться еще одинъ случай: одновременно атака съ Черной рѣчки—и десантъ на Качѣ. Но трудно предположить, чтобъ оба эти предпріятія произведены были съ настойчивостію: для этого у непріятеля недостаточно силъ. Однако, и при демонстраціи съ одной стороны,—наши войска уже не могутъ поддерживать одинъ другаго: 11-ю дивизію, въ этомъ случаѣ, опасно стянуть на Инкерманъ: самый незначительный десантъ овладѣетъ тогда Сѣверною стороною.

Говорятъ, все это было представлено на благоусмотрѣніе графа, но онъ не рѣшился войти съ представленіемъ объ уступкѣ Сѣверной стороны непріятелю безъ боя, отзываясь, что уже и безъ того онъ много сдѣлалъ, предложивъ бросить оборону Севастополя. Но вчера, кажется, представилъ главнокомандующему о трудности удержать за собою Сѣверную сторону, если непріятель покусится овладѣть ею открытою силою. Если это такъ, то, безъ сомнѣнія, и въ военномъ совѣтѣ онъ станетъ настаивать на отступленіи.

Погода стоитъ чудесная. Это еще сколько-нибудь смягчаетъ нашу скверную стоянку на голой скалѣ. По близости отъ нашей палатки стоятъ саперы. По вечерамъ мы съ ними козыряемъ, а потомъ ужинаемъ и, за стаканами вина, балакаемъ. Между прочимъ, вчера говорили о томъ, какъ воодушевлять нашего солдата въ дѣлѣ. При этомъ, Ростовцевъ разсказалъ, что онъ два раза водилъ баталіонъ въ штыки, и оба раза солдаты заминались; когда же онъ крикнулъ имъ, чтобы они сняли шапки и перекрестились, и самъ при этомъ перекрестился, то откуда взялась послѣ этого у солдатъ удаль: такъ бойко пошли, что онъ самъ едва успѣвалъ идти впереди нихъ. Всѣ минеры наши подъ Севастополемъ попались въ руки непріятеля; въ томъ числѣ три офицера. Минеры—лучшіе солдаты у саперъ, и всѣ почти георгіевскіе кавалеры; потеря эта чувствительна для саперныхъ баталіоновъ. Оберъ-кротъ, штабсъ-капитанъ М—овъ, особыхъ достоинствъ не имѣетъ; онъ усердно только исполнялъ распоряженія Тотлебена, какъ бы исполнялъ ихъ и всякій другой саперный офицеръ. Теперь оберъ-кротъ боленъ отъ старой болѣзни и лечится въ Одессѣ. Онъ награжденъ Владиміромъ, Георгіемъ и Анною на шею. Репутація его,

какъ и многихъ другихъ героевъ севастопольскихъ, обязана болѣе случаю. Вся заслуга его,—что онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, не вылѣзая, въ рукавѣ минной галлереи.

22-го сентября.

12-ю дивизію Хрущева отъ насъ берутъ въ резервъ. Говорятъ, что цѣль главнокомандующаго—устроить резервную подвижную армію для дѣйствованія съ нею на всѣхъ пунктахъ, гдѣ окажется надобность; мы же на позиціяхъ останемся съ самыми незначительными силами, служа для резервной арміи чѣмъ-то вродѣ ширмы. Разумѣется, при такомъ положеніи дѣлъ, самостоятельной обороны оказать мы не можемъ ни въ какомъ пунктѣ, а потому, при первомъ выстрѣлѣ, и станемъ утекать до лѣсу.

Слухи отрядные: князь Горчаковъ назначается главнокомандующимъ южною арміею; на мѣсто его е. в. Константинъ Николаевичъ; начальникомъ штаба къ нему Лидерсъ, а генералъ-квартирмейстеромъ баронъ Ливенъ. Если слухъ этотъ и неоснователенъ, но изъ него видно, какъ чувствуется въ арміи необходимость кореннаго преобразованія въ лицахъ начальствующихъ, чтобъ хотя этимъ путемъ выйти изъ страдательнаго положенія, въ которое мы теперь поставлены. Дѣйствительно, намъ угрожаютъ со всѣхъ сторонъ: и съ Евпаторіи, и съ Качи, и съ Инкермана, и съ Чоргуна, и даже отъ Керчи и Ѳеодосіи. Такое угрожающее положеніе столько же, если еще и не болѣе, деморализуетъ армію, сколько и потерянныя сраженія. Баронъ Корфъ, отличившійся подъ Евпаторіей, преданъ суду. Приказано артиллеріи и кавалеріи забирать съ Дуванки сѣна, сколько можно, съ тѣмъ, чтобы, на случай отступленія, оставшіеся запасы сѣна на этомъ пунктѣ могли быть преданы огню.

Вчера съ Безакомъ, послѣ обѣда, поѣхали мы кататься верхами и заѣхали на дачу къ Какараки. Онъ угостилъ насъ виноградомъ и превосходнымъ виномъ. Все семейство свое Какараки отправилъ въ Николаевъ и остался одинъ, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ отступленія арміи, и самому налегкѣ улепетнуть.

24-го сентября.

22-го сентября, вмѣстѣ съ Ростовцевымъ, поѣхали мы въ Орту-Каралесъ, въ главную квартиру. Тамъ откровенно объяснилъ я Крыжановскому о моемъ глупомъ положеніи на Инкерманѣ, гдѣ я ровно ничего не дѣлаю, а, между тѣмъ, подвергаюсь всевозможнымъ лишеніямъ, стоя на голой скалѣ, подъ навѣсомъ палатки, и даже подъ выстрѣлами непріятельскими. Крыжановскій на другой же день, 23-го числа, доложилъ обо мнѣ главнокомандующему, и князь при-

казалъ мнѣ вновь состоять при главной квартирѣ. Такимъ образомъ, разстался я съ графомъ Сакеномъ и сегодня прибылъ со всѣмъ имуществомъ въ Орту-Каралесъ, гдѣ помѣстились кое-какъ въ уголкѣ хаты съ какими-то двумя штабными чиновниками, которыхъ и фамилію не знаю.

Оба Ростовцевы—рѣдкіе молодые люди; особенно Николай, съ которымъ прожилъ я на Инкерманѣ десять дней, рѣшительно влюбилъ меня въ себя. Какъ много благородства и возвышенности въ его мысляхъ и чувствахъ, и сколько патріотизма въ немъ; при томъ и имѣетъ репутацію храбраго офицера. Michel также благородный молодой человѣкъ, добрый и привѣтливый, но еще молодъ. Оба они оказали мнѣ много вниманія и дружбы. Да сохранитъ ихъ Богъ обоихъ, они обѣщаютъ много хорошаго для Россіи въ будущемъ. Съ такимъ направленіемъ, какъ они, рѣдко можно встрѣтить молодыхъ людей. Меньшаго, кажется, держатъ до сихъ поръ при главной квартирѣ, чтобъ доставить ему крестикъ, что и онъ самъ хорошо понимаетъ. Вообще въ нашемъ князѣ проявляется черта необъяснимая. Я понимаю его, какъ великаго патріота, пожертвовавшаго цѣлою жизнію на службу царю и отечеству; всѣ помышленія его чисты и безукоризненны; всѣ дѣйствія исполнены самоотверженія. Это вельможа-патріотъ въ настоящемъ значеніи слова. Я убѣжденъ какъ нельзя болѣе, что еслибъ въ настоящую пору предложили ему самую мучительную казнь, съ тѣмъ, чтобъ этимъ средствомъ доставить торжество нашей арміи и Россіи и гибель врагу,—онъ не поколебался бы ни на одну минуту и для нашей славы принялъ бы на себя вѣнецъ мученическій. Съ такимъ характеромъ, казалось бы, человѣкъ долженъ быть совершенно независимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а, между тѣмъ, выходитъ противное. Онъ, какъ видно, опасается всякаго флигель-адъютанта и даже всякаго офицера, пріѣзжающаго изъ Петербурга и имѣющаго какія-либо связи, или, какъ говорится, сильную руку. Всѣмъ такимъ персонажамъ открыто доставляетъ случаи къ отличіямъ и всегда охотно награждаетъ ихъ за самыя ничтожныя перестрѣлки. Такъ теперь и меньшому Ростовцеву явно намекаетъ, что онъ скорѣй доставитъ ему случай наградить его. Немудрено послѣ этого, что покойный Вревскій, какъ говорятъ, болѣе другихъ могъ подвинуть князя рѣшиться на дѣло 4-го августа. Не даромъ въ сложенной пѣсенкѣ на этотъ день есть куплетецъ, въ которомъ покойникъ говоритъ князю à peu près такъ:

Возьми, князь, ты эти горы,
Тогда не будетъ между нами ссоры.

Командировка моя къ графу Сакену, если не ошибаюсь, дѣйствительно состоялась по интригѣ Шейдемана. Предполагаютъ, когда главнокомандующій перейдетъ въ Бахчисарай, — передать главнона-

чальствованіе надъ всею позиціею отъ Сѣверной стороны по Черной рѣчкѣ графу Сакену. Шейдеманъ пронюхалъ объ этомъ, тотчасъ же подвернулся къ графу и склонилъ его хлопотать о назначеніи къ нему его начальникомъ штаба по управленію артиллеріею. Разумѣется, если бы это состоялось, то у насъ, въ артиллеріи, родилась бы новая власть, и, при склонности Шейдемана къ интригамъ, могли бы возникнуть разныя непріятныя столкновенія. Для устраненія этого и назначили вмѣсто Шейдемана меня, но уже не съ званіемъ начальника штаба по части артиллерійской, а съ состояніемъ при графѣ для обезпеченія снарядами полевой артиллеріи. Вотъ причина, почему я десять дней разыгрывалъ при графѣ такую ничтожную роль; онъ ждалъ и желалъ не меня, а Шейдемана, что̀ мнѣ очень хорошо и дали почувствовать. Спасибо Крыжановскому, что наконецъ онъ вырвалъ меня изъ такого глупаго положенія. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, я недолго останусь безъ дѣла.

Барона Корфа, за Евпаторійское дѣло, отрѣшили отъ командованія дивизіею и изгнали изъ арміи; на его мѣсто назначенъ князь Радзивиллъ. Слѣдствіе объ этомъ несчастномъ дѣлѣ производилъ маіоръ князь Васильчиковъ, состоящій при главнокомандующемъ. По слѣдствіи баронъ Корфъ оказался кругомъ виноватымъ; кромѣ безпечности и глупости, онъ и не исполнилъ данной ему инструкціи. Вмѣсто того, чтобъ одному полку отступить по Симферопольской дорогѣ, а другому по Перекопской,—Корфъ съ обоими полками и съ 8 ор. 19-й кон. бат. пошелъ по послѣдней, чрезъ что̀ далъ непріятелю возможность обойти его и разбить на голову. Да еще, говорятъ, и пьяный!

А вотъ и пѣсенка вся на 4-е августа:

Какъ четвертаго числа,
Насъ нелегкая несла
Горы занимать.
А все Вревскій анералъ
Къ Горчакову приставалъ,
Когда подшофѣ:
„Князь, возьми ты эту гору,
„Не входи со мною въ ссору
„Будетъ хорошо“.
Собирали на совѣты,
Всѣ большіе эполеты,
Даже Плацъ-Бекокъ.
Полицмейстеръ Плацъ-Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ
Что ему сказать.
Долго думали, гадали,
Топографы все писали
На большихъ листахъ.
Славно вышло на бумагѣ,
Да забыли про овраги,
А по нимъ ходить.
Князь сказалъ: „ступай, Липранди!“
А Липранди, тотъ атандэ:
„Нѣтъ, молъ, не пойду.
„Туда умнаго не надо,
„Вы пошлите-ка Реада,
„А я посмотрю“.
Выѣзжали князья, графы,
А за ними топографы
На большой редутъ.
Глядь, Реадъ,—возьми да спросту,
Поведи насъ прямо къ мосту,
Нутъ-ка па уру.
Анералъ-то Ушаковъ,
Онъ ужъ вовсе не таковъ—
Все чего-то ждалъ.

Веймаръ плакалъ, умолялъ,
Чтобъ немного обождалъ,
Нѣтъ, ужъ пусть идутъ.
На уру мы зашумѣли,
Да резервы не поспѣли:
Кто-то перевралъ.
На Ѳедюхины высоты
Насъ всего вошли три роты,
А пошли полки.
Наше войско небольшое,
А французовъ было вдвое,
Да секурсу нѣтъ.
Ждали—выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,
Подали сигналъ.
А тамъ Сакипъ апералъ,
Все акаѳисты читалъ
Богородицѣ.
И пришлось намъ отступать.
. . . . . .
. . . . . .

У насъ предполагается новая организація артиллеріи. Дѣло задумано умно.

Война прошлаго и нынѣшняго годовъ, въ Турціи и въ Крыму, не разъ уже обнаруживала различныя неудобства, сопряженныя съ организаціей нашей артиллеріи. Неудобства эти, весьма важныя въ военномъ отношеніи, сами указываютъ на средства, къ какимъ слѣдуетъ прибѣгнуть для уничтоженія ихъ, и, какъ кажется, могутъ быть устранены безъ всякихъ перемѣнъ въ хозяйственномъ и въ матеріальномъ составѣ батарей.

25-го сентября.

Сегодня Крыжановскій показывалъ мнѣ составленный имъ проектъ отъ 7-го сентября — о занятіи Эникале. Для этого надо воспользоваться зимнимъ временемъ, когда ледъ и вьюги изгонятъ непріятельскій флотъ изъ Эникальскаго пролива; но чтобъ онъ вновь не пошелъ чрезъ этотъ проливъ, то устроить сильную батарею на Павловской батареѣ и на противоположной ей косѣ; при томъ, сзади Павловской батареи занять сильную позицію 2-хъ войскъ, которыя обезпечивали бы отъ десанта. Крѣпость должна быть взята въ скоромъ времени, не болѣе 14 дней, если даже и съ значительною потерею въ людяхъ. По предположеніямъ Крыжановскаго нужно, для вооруженія всѣхъ приморскихъ батарей и для усиленной осады Эникале, орудій самаго большого калибра до 350; пороху 50 т. п. и артиллеристовъ до 4 т. Но все это, разумѣется, необходимо приготовить заблаговременно и доставить къ Керченскому полуострову во́-время, прежде наступленія зимы. Между тѣмъ, на этотъ проектъ послѣдовала резолюція: „къ своевременному соображенію“. Изъ этого слѣдуетъ, что примутся за соображенія проекта, когда онъ уже долженъ быть приведенъ въ исполненіе, и кончутъ соображенія тогда, когда Эникале взять уже не будетъ предстоять никакой возможности; ибо ледъ держится не болѣе 4 недѣль, а съ проходомъ льда явится флотъ, а съ появленіемъ флота никакой чортъ Эникале уже не возьметъ.

26-го сентября.

Сегодня былъ церковный парадъ на позиціи отряда Монтрезора и молебствіе по случаю чудотворной иконы, присланной въ армію государемъ чрезъ князя Влад. Барятинскаго,

Большой десантъ непріятельскихъ войскъ,—до 45 т. какъ говорятъ, вышелъ изъ Камышевой бухты; вчера онъ шелъ по направленію къ Евпаторіи, а потому съ этой стороны и ждали появленія непріятеля. Но сегодня получено извѣщеніе, что десантъ миновалъ Евпаторію и направился далѣе на сѣверъ. Разумѣется, извѣщеніе это породило много предположеній и разныхъ толковъ. Болѣе всего боятся за Одессу. У Лидерса войскъ не много, и едва-ли онъ успѣетъ воспрепятствовать десанту и отразить его отъ Одессы. Правда, тамъ настроено много береговыхъ приморскихъ батарей, но, по всей вѣроятности, непріятель съ ними въ бой не вступитъ, а выкинетъ съ ними такую же штуку, какъ и съ Павловской батареей на Керченскомъ полуостровѣ: обойдетъ ихъ съ тылу, высадивъ десантъ въ нѣсколькихъ верстахъ выше или ниже Одессы. Овладѣніемъ Одессы непріятель нанесетъ намъ ударъ чувствительный. Не говоря уже о нравственномъ пораженіи, мы понесемъ и потерю матеріальную. Въ Одессѣ и около ея, кромѣ артиллерійскаго имущества, много запасовъ коммиссаріатскаго и провіантскаго вѣдомствъ. Всѣ эти запасы попадутся или въ руки непріятеля, или же будутъ преданы огню. Кромѣ сего, съ овладѣніемъ Одессы, непріятель можетъ угрожать Николаеву и сообщеніямъ Крымской арміи черезъ Перекопъ. Но въ утѣшеніе можно сказать, что, вѣроятно, Одесса не такъ дешево достанется непріятелю, какъ достались ему Керчь, Эникале и Ѳеодосія. Не всякій же разъ торжествовать ему надъ нами.

Послѣ обѣда ѣздилъ я верхомъ на позицію къ Колобову. У нихъ тамъ вышла исторія. Крыжановскій посылалъ молодаго Сержпутовскаго на ихъ кухни, которыя оказались вовсе не гастрономическія; у армянина же Челокаева оказалась даже говядина съ червями. За все это написали имъ бумажки, съ обѣщаніемъ поступить съ виновными по всей строгости законовъ. Колобовъ сконфуженъ, а армянинъ, вѣроятно, придумываетъ крючокъ, посредствомъ котораго могъ бы отдѣлаться отъ всей строгости законовъ.

Конно-артиллерія наша, въ эту кампанію, нечего сказать, славно отличается. Всего была два раза употреблена въ дѣлѣ, и оба раза потеряла орудія: Карамзинъ надѣлилъ турковъ—четырьмя, а Корфъ французовъ—шестью.

Когда полумертваго генерала Тимоѳеева несли на носилкахъ, Сакенъ имѣлъ бодрость сказать: „Когда онъ выздоровѣетъ,—я пре-

дамъ его суду". Тимоѳеевъ умеръ. Но грозить человѣку судомъ, когда у него штуцерная пуля въ головѣ, едва-ли рекомендуетъ Сакена съ чувствительной стороны. По мнѣнію многихъ, онъ человѣкъ злой и черствый, но разъигрываетъ роль нравственнаго богомольца, и какъ эта роль ему удается, то изъ этого и заключаютъ, что онъ человѣкъ не глупый. Что же касается до меня, то я не могу простить ему, зачѣмъ онъ, 27-го числа, не былъ на Малаховомъ курганѣ. Малодушіе—неизвинительное. Между тѣмъ, когда ему сказали, что Корфъ, за Евпаторійское дѣло, изгнанъ изъ арміи, онъ тотчасъ же перекрестился, проговоривъ своимъ смиреннымъ голосомъ: „Слава Богу". Разсказываютъ про него также, что какъ-то однажды на оборонительной линіи упала передъ нимъ бомба съ потухшею трубкою. Замѣтивъ это, онъ тотчасъ же перекрестилъ ее, сказавъ при этомъ солдатамъ: „Не бось, ребята, теперь её не разорветъ". Когда же вслѣдъ за этимъ, упала другая бомба съ горящею трубкою, онъ первый бросился отъ нея за траверсъ; бомбу разорвало. Какъ солдатъ нашъ ни довѣрчивъ, но, вѣрно, понялъ, что и Сакенъ не отъ всякой бомбы откреститься можетъ.

Видѣлъ Павлова. Онъ говоритъ, что Хрулевъ чувствуетъ себя нехорошо, и вчера, больной, едва могъ выѣхать изъ Бахчисарая въ Симферополь. Но бранный духъ его и до сихъ поръ не покидаетъ. Не даромъ же Комсинъ прозвалъ его кровожаднымъ.

28-го сентября.

Вотъ уже третій годъ, какъ вездѣ и постоянно насъ бьютъ. Съ открытіемъ кампаніи, кромѣ Синопа, Россія не стяжала ни одной побѣды. Немудрено послѣ этого, что войска наши деморализованы. Особенно теперешнее положеніе наше незавидное. Ежедневно ждемъ со всѣхъ сторонъ наступленія, а сами и помышлять не смѣемъ ударить на непріятеля. Нужно или кончить войну во что бы то ни стало съ тѣмъ, чтобъ въ будущемъ, при другихъ условіяхъ и на другомъ театрѣ войны,—отблагодарить гг. французовъ за Севастополь и за уничтоженіе черноморскаго нашего флота,—или же употребить всѣ усилія, чтобъ воскресить Крымскую армію и поставить ее въ возможность—серьезно угрожать непріятелю. Къ сожалѣнію, какъ кажется, не прибѣгаютъ ни къ тому, ни къ другому средству; мира не заключаютъ, а, между тѣмъ, и не даютъ средствъ къ веденію войны съ успѣхомъ. Нуждаемся мы въ солдатахъ,—намъ шлютъ мужиковъ ратниковъ; намъ нужны опытные и свѣдущіе генералы,—намъ присылаютъ Бен—фа, Ст—рга, Рж—аго, которые никогда и пороху не нюхали, а при томъ, одинъ изъ нихъ, Ст—ргъ, едва-ли говоритъ и

по-русски; вмѣсто штуцеровъ,—замѣняютъ ружья кремневыя—ударными; за неимѣніемъ мортиръ,—вмѣсто навѣсныхъ, стрѣляютъ выстрѣлами прицѣльными, да еще изъ короткихъ каронадъ, которыя давно уже пора бы было потопить въ морской пучинѣ; офицеровъ замѣняютъ унтеръ-офицерами и юношами-юнкерами; словомъ, вездѣ и во всемъ полу-мѣры, ни къ чему не ведущія и ничего добраго не обѣщающія. По-моему, нужно начать реформу съ головы арміи. При всемъ глубокомъ уваженіи моемъ къ нему, какъ къ человѣку и къ патріоту, нельзя не сознать, что онъ качествъ главнокомандующаго, особенно для настоящей эпохи,—не имѣетъ; да и окружающіе его совѣтники, Коцебу, Ушаковъ и Бутурлинъ, едва-ли пользуются въ арміи солдатской хвалой, этимъ безотчетнымъ довѣріемъ, которое одно можетъ подвинуть массу на самыя трудныя и опасныя предпріятія. Хрулевъ обязанъ своимъ успѣхамъ единственно, быть можетъ, тому, что успѣлъ заслужить довѣріе и любовь отъ солдатъ: съ нимъ и за нимъ полки шли повсюду безъ оглядки. Не безполезно также было бы присутствіе въ арміи одного изъ великихъ князей, который принялъ бы начальство надъ какою-либо пѣхотною дивизіей, безъ шталмейстеровъ и церемоніальмейстеровъ, а съ однимъ или двумя адъютантами; и забывъ на это время, что онъ принцъ крови, понесъ бы службу наравнѣ съ другими дивизіонными начальниками, безъ малѣйшихъ особыхъ правъ и преимуществъ, въ родѣ того, какъ въ прошедшемъ году командовали дивизіями принцы Наполеонъ и Кембриджскій. Такой примѣръ высокаго самоотверженія могъ бы быть, во многихъ отношеніяхъ, благодѣтельнымъ для арміи. Не говоря уже о томъ, что полки, за августѣйшимъ своимъ начальникомъ, весело и радостно пошли бы въ огонь и воду,—какой великій примѣръ для другихъ начальниковъ дивизій и бригадъ? Кто изъ нихъ осмѣлился бы жаловаться, не говорю на опасности, потому что на это у насъ и безъ того никто не жалуется, но крайней мѣрѣ гласно, но на трудности и на лишенія боевой службы, когда въ глазахъ ихъ сынъ и братъ вѣнценосцевъ будетъ нести такую же службу, какъ и они. А въ героизмѣ ихъ высочествъ и въ готовности ихъ жертвовать собою за милую всѣмъ намъ Россію никто изъ русскихъ усумниться не можетъ и не долженъ. Къ тому жъ, отъ подобнаго назначенія могла бы быть еще и другая польза для будущаго. Великій князь, прослуживъ нѣсколько мѣсяцевъ въ дѣйствительной, армейской службѣ, имѣлъ бы возможность лично убѣдиться,—въ какихъ именно преобразованіяхъ радикальныхъ нуждается наша армія, изучилъ бы бытъ солдатъ и офицеровъ, степень нравственнаго ихъ развитія, внутреннюю организацію полковъ, ихъ хозяйство, отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ и т. п. Все это, безъ сомнѣнія,

принесло бы плоды благодѣтельные въ будущемъ, когда, наученные горькимъ опытомъ, станутъ требовать отъ русской арміи не того, что требовалось отъ нея исключительно во времена оны.

29-го сентября.

Вчера Крыжановскій, послѣ обѣда, сказалъ мнѣ, что меня командируютъ въ г. Николаевъ, къ его выс. Михаилу Николаевичу, по части вооруженія этого города. Между прочимъ, изъ словъ его, если не ошибаюсь, видно, что у насъ недовольны распоряженіями по предмету вооруженія, и вообще не совсѣмъ довѣряютъ опытности состоящихъ при его высочествѣ артиллеристовъ, въ томъ числѣ и юнаго графа Левашева. Романа Ивановича Кноринга въ Николаевѣ уже нѣтъ, а Вилькена, тамошняго начальника артиллеріи, какъ кажется, также оттерли. Словомъ, командировка, если не ошибаюсь, довольна щекотливая. Пошли мнѣ Богъ достаточно сноровки и умѣнья, чтобъ выполнить все какъ слѣдуетъ, честно и добросовѣстно! Но прежде всего спасибо Крыжановскому за довѣріе.

Сегодня, къ авангарду нашему стянули три пѣхотныя дивизіи и 20 эскадроновъ. Всѣ эти войска поступили подъ начальство Сухозанета. Изъ баши-бузуковъ, завтра съ разсвѣтомъ, поѣдутъ туда за мечами Бенкендорфъ, Барятинскій, Michel Ростовцевъ. Будемъ ли мы атаковать, или князь получилъ извѣщеніе, что непріятель намѣревается прорваться чрезъ этотъ пунктъ,—ничего не извѣстно.

О поѣздкѣ моей въ Николаевъ говорилъ мнѣ сегодня и дѣдушка. Но о томъ, приготовляютъ ли для меня отправленіе,—не извѣстно.

Сформированъ артиллерійскій резервъ. Кажется, будетъ состоять онъ [изъ двухъ батарей пѣшихъ, и трехъ конныхъ, подъ начальствомъ ген. Нѣмчинова; расположатъ его на Качѣ. Въ числѣ конныхъ батарей—назначена и 21-я бат. Колобова.

Мишель Ростовцевъ приходилъ ко мнѣ прощаться. Онъ недоволенъ своей командировкой. Да и положеніе его преглупое: подвергать свою жизнь опасности безъ всякой пользы для дѣла общаго. Я простился съ нимъ, какъ съ самымъ близкимъ роднымъ. Боже сохрани, если его израсходуютъ! Обоихъ ихъ я люблю, какъ братьевъ. А при томъ, и убѣжденъ, что, съ ихъ направленіемъ, они въ будущемъ могутъ быть полезными слугами Россіи.

1-го октября.

Вчера утромъ Крыжановскій диктовалъ мнѣ подробныя свѣдѣнія объ орудіяхъ, снарядахъ, порохѣ и свинцѣ, которые хранятся на Сѣверной сторонѣ и въ другихъ складахъ, ближайшихъ къ Крыму. По

разсмотрѣніи этихъ свѣдѣній, нѣкоторыя оказались неполными, а потому—за дополнительными надо было послать въ Бахчисарай; кромѣ сего, свѣдѣнія отъ Шейдемана, по обыкновенію, оказались лживыми; поэтому придется мнѣ самому, для повѣрки ихъ, съѣздить на Сѣверную сторону. Такимъ образомъ, едва-ли я выѣду ранѣе двухъ или трехъ дней въ Николаевъ. А сказать правду, хотѣлось бы поскорѣе удрать отъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ.

3-го октября.

Третьяго дня, 1-го октября, ѣздилъ на Сѣверную сторону къ Шейдеману, Гасинскому и Пестичу,—для собранія и повѣрки свѣдѣній объ артиллерійскомъ имуществѣ. Всякаго добра тамъ много, но отчетность о немъ плоха. Многое могли бы оттуда перевезти въ Николаевъ, хоть, напримѣръ, картечь разной величины, которой тамъ такъ много, что и перечесть до сихъ поръ не могутъ, да, дескать, не успѣли, а теперь уже поздно: скоро начнутся крымскія грязи. 124 мѣдныхъ орудія морскаго вѣдомства приказано секретно закопать въ землю; кажется, прошедшею ночью, стали хоронить ихъ у самаго кладбища, чтобы нельзя было различить—гдѣ покоится человѣкъ, а гдѣ орудіе. А Шейдеманъ—самый пустѣйшій человѣкъ въ мірѣ; чтобы узнать его надо имѣть съ нимъ какое-нибудь дѣло. Если бы не Гасинскій и не Пестичъ, я никакого бы толку не добился отъ этого хвастуна, болтуна и шарлатана.

2-го октября, съ разсвѣтомъ, возвратившись въ главную квартиру, я засѣлъ съ Крыжановскимъ за работу и проработалъ съ нимъ, почти не вставая съ мѣста, до полуночи. Зналъ я въ мою службу неутомимаго работника, который, бывало, не отрывается отъ занятій въ продолженіе восьми и десяти часовъ—это Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, но, сказать правду, Крыжановскій перещеголялъ въ этомъ отношеніи и его: онъ работаетъ не по часамъ, а по суткамъ. Занятія наши заключались въ приведеніи въ ясность и въ порядокъ всѣхъ имѣющихся въ управленіи свѣдѣній объ орудіяхъ, снарядахъ, порохѣ, свинцѣ и вообще обо всемъ, относящемся до крѣпостной, осадной, морской, сухопутной и полевой артиллеріи. И наработали много, но не кончили. Сегодня, сейчасъ, пойду опять къ нему. А выѣду отсюда, вѣроятно, не ранѣе завтрашняго дня.

Вечеромъ являлся къ Крыжановскому молодой графъ Левашевъ, адъютантъ его высочества великаго князя Михаила Николаевича. Онъ только-что прискакалъ изъ Николаева. По наружности Левашевъ—и учтивъ, и привѣтливъ, и скроменъ, и толковитъ, но глаза у него подозрительны: все смотритъ исподлобья. Теперь онъ не возвратится въ Николаевъ, а останется здѣсь, вѣроятно, для мечей. Отъ

него узналъ я, что при его высочествѣ находится и А. И. Философовъ. Если онъ вспомнитъ о моей прежней службѣ, то я чрезъ него могу свободный имѣть доступъ къ его высочеству. Дай-то Богъ, чтобы поѣздка моя въ Николаевъ кончилась благополучно.

Какъ Шейдемана раскусилъ я вполнѣ, имѣвъ съ нимъ дѣло, такъ равно и понялъ необыкновенныя достоинства Крыжановскаго, поработавъ съ нимъ эти два дня. Во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ онъ замѣчательный: кроткій и мягкій по чувствамъ и со способностями умственными замѣчательными. Кромѣ сего, исполненъ онъ и другихъ качествъ превосходныхъ. Если будетъ онъ со временемъ стоять во главѣ артиллеріи, то онъ много принесетъ существенной пользы этому роду оружія.

Завтра утромъ выѣзжаю—сначала въ Бахчисарай, гдѣ получу подорожную и прогоны, а тамъ далѣе.

Получена телеграфическая депеша о непріятельскомъ флотѣ. Отъ Одессы онъ отошелъ и прибылъ къ Кинбурну и Очакову; канонерскія его суда сдѣлали по Кинбурну нѣсколько выстрѣловъ, потомъ незначительная часть войскъ высадилась на берегъ.

8-го октября.

Наконецъ, вырываю свободную минуту. 4-го, рано утромъ, выѣхалъ изъ Орты-Каралесъ. До Бахчисарая провожалъ меня Колобовъ. Тамъ, собравъ въ артиллерійскомъ штабѣ дополнительныя свѣдѣнія о снарядахъ, взялъ подорожную и прогоны и отправился въ Симферополь, откуда уже на почтовыхъ, чуть свѣтъ, 5-го числа, покатилъ въ Николаевъ. Ѣхалъ день и ночь, очертя голову; только въ Перекопѣ остановился ночью часовъ на пять.

7-го, рано утромъ, прискакалъ въ Николаевъ и тотчасъ же явился къ великому князю. Его высочество принялъ меня милостиво и приказалъ явиться къ нему съ докладомъ въ 9-ть часовъ вечера. Тутъ же видѣлъ я Вилламова и Философова. Оба они меня узнали. Философовъ такой же, какимъ былъ и прежде: стелетъ мягко... Жалуется на подагру, но на видъ свѣжъ и бодръ. Вечеромъ у доклада его высочество былъ ко мнѣ еще милостивѣе, чѣмъ утромъ, изволилъ разспрашивать обо всемъ, что дѣлается въ Крыму, и съ большимъ вниманіемъ прослушалъ весь докладъ.

Кинбурна и Очакова уже нѣтъ: первый занятъ непріятелемъ съ боя, а второй нами взорванъ на воздухъ. Здѣсь рождается вопросъ: къ чему строить и содержать укрѣпленія, которыя не имѣютъ самостоятельной обороны? Неужели для того, чтобы взрывать ихъ на воздухъ при первомъ появленіи непріятеля? Таковы были всѣ укрѣп-

ленія наши на восточномъ берегу Чернаго моря: Павловская батарея, Эникале, Очаковъ, Кинбурнъ, и всѣ они погибли или попались даромъ въ руки непріятеля. О, война эта, вѣроятно, многому насъ научитъ.

Сегодня утромъ прибѣжалъ ко мнѣ Кесарь Павловъ и, встревоженный, объявилъ, что флотъ непріятельскій показался уже въ виду нашихъ батарей, и что великій князь приказалъ калить ядра. Тотчасъ же замѣтна стала суматоха въ городѣ. Дамы укладываются, чтобы улепетнуть скорѣе изъ-подъ выстрѣловъ. Но, сколько мнѣ кажется, тревога эта напрасная: въ настоящее, позднее время года едва-ли непріятель рѣшится на какое-нибудь серьезное покушеніе противъ Николаева. Быть можетъ, позондируетъ онъ наши береговыя батареи, попробуетъ, осмотритъ мѣстность и съ этимъ возвратится во-свояси въ Черное море. Посмотримъ, что будетъ завтра.

Чудакъ А. А. Волконскій. Не имѣлъ я времени побывать у него, а онъ обидѣлся этимъ и приказалъ мнѣ сказать, что не онъ, а я,—какъ его сынъ, долженъ къ нему пріѣхать. Впрочемъ, говорятъ, онъ теперь боленъ. Остановился въ той же гостиницѣ, „Петербургской“, въ которой останавливался и по переѣздѣ чрезъ Николаевъ въ Крымъ. Говорятъ, былъ военный совѣтъ, въ которомъ рѣшили, чтобы государь выѣхалъ изъ Николаева.

9-го октября.

Вчера прискакалъ ко мнѣ курьеръ съ приказаніемъ отъ великаго князя явиться къ нему. Засуетившись, забылъ саблю: дорогою же, когда хотѣлъ вернуться за саблею, извозчикъ остановился и ни за что не соглашался ѣхать назадъ. Я вскочилъ съ дрожекъ, чтобы идти пѣшкомъ, но дерзкій извозчикъ ухватился за мою шинель и сорвалъ ее съ плечъ. Что было дѣлать? Ночь, на улицѣ ни души, а великій князь ждетъ. Нечего было дѣлать—я уступилъ. Заплатилъ извозчику цѣлковый, чтобы онъ только отдалъ мнѣ шинель, и пѣшкомъ побѣжалъ въ гостиницу за саблею. Настоящій разбой!

По-прежнему, при докладѣ его высочество обошелся со мною чрезвычайно милостиво. Между прочимъ, доложилъ я ему и мой рапортъ къ дѣдушкѣ. Онъ вполнѣ его одобрилъ и приказалъ послать чрезъ курьера; приказалъ также: отыскать удобныя мѣста для устройства складовъ пороховыхъ, какого-то отставнаго моряка Волохова, который берется устроить особаго рода биндюги для перевозки самыхъ большихъ тяжестей, и запросить Крыжановскаго чрезъ телеграфъ: какія сдѣланы распоряженія на счетъ доставки картечи изъ Севастополя въ Николаевъ. Все это я тотчасъ же исполню.

Кесарь Павловъ—предобрѣйшее существо, но и препустѣйшее; удивлялся, какъ это можетъ онъ занимать мѣсто командира гарнизона, особенно въ настоящее время. Безпорядковъ у него тьма-тьмущая. Вчера видѣлъ я его лабораторію и удивился: тамъ, просто, ничего нѣтъ—ни порядка, ни устройства. А при теперешнихъ обстоятельствахъ лабораторія—весьма важный предметъ: это душа и жизнь оборонительныхъ верковъ. Надо устроить такъ, чтобы, не вредя Павлову, устроить ему лабораторію.

Непріятель показывался въ двадцати верстахъ отъ Николаева, у какихъ-то передовыхъ нашихъ батарей, съ которыми, помѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, возвратился назадъ. Этимъ все и кончилось.

10-го октября.

Приказанія великаго князя я исполнилъ, о чемъ и доложилъ вчера его высочеству. При этомъ, Михаилъ Николаевичъ изволилъ мнѣ передать свѣдѣнія объ орудіяхъ, которыя состоятъ на-лицо въ Николаевѣ для вооруженія, съ тѣмъ, чтобы, согласно этимъ свѣдѣніямъ, донесъ я и Сержпутовскому, что̀ мною и исполнено.

Утромъ вчера заѣзжалъ я къ Николаю Андреевичу Баумгардту. Онъ бросился ко мнѣ въ объятія, какъ къ брату родному. Теперь онъ уже генералъ и состоитъ при герцогѣ Мекленбургскомъ: доволенъ очень своимъ положеніемъ, преимущественно въ томъ отношеніи, что, состоя при Дворѣ, успѣлъ сдѣлать хорошія связи, чрезъ которыя надѣется обезпечить будущность своихъ дѣтокъ.

Онъ человѣкъ теплой души, хотя, по характеру, и неуживчивъ. Но я не могу забыть участія, которое принималъ онъ во мнѣ, въ бытность мою подъ судомъ, о чемъ и сказалъ ему.

13-го октября.

Сегодня день рожденія великаго князя Михаила Николаевича. Его высочество милостивъ ко мнѣ до-нельзя. Къ столу его величества изъ штабъ-офицеровъ меня одного пригласили. Послѣ обѣда, государь подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Какъ давно я тебя не видѣлъ; какъ много жалѣлъ я о тебѣ, и какъ мнѣ досадно было, что ты былъ въ такомъ положеніи“. Я прослезился. Потомъ сталъ онъ разспрашивать меня о настоящей моей службѣ.

Въ эти два дня я много работалъ. По четыре и по пяти разъ бывалъ у доклада великаго князя. Между прочимъ, успѣлъ составить соображеніе о доставкѣ орудій большаго калибра съ Сѣверной стороны Севастополя въ Николаевъ, на которое вчера же послѣдовало

высочайшее разрѣшеніе. Объ этомъ его высочество приказалъ мнѣ тотчасъ же донести начальнику артиллеріи для доклада князю Горчакову. Такъ какъ фельдъегерь ѣхалъ въ ночь, то я и проработалъ цѣлый вечеръ.

Получено извѣстіе весьма непріятное изъ Малой Азіи. И тамъ однѣ неудачи. Муравьевъ атаковалъ Карсъ и былъ отбитъ. Потеря у насъ значительная: отъ 6.500 до 7.000 выбыло изъ строя; кромѣ сего, убито и ранено много генераловъ: въ числѣ ихъ убитъ Ковалевскій и раненъ Бримеръ. Но Муравьевъ не отступилъ: остался на прежней позиціи и продолжаетъ блокировать Карсъ.

Третьяго дня самъ его высочество объявилъ мнѣ, что получена депеша отъ Горчакова о томъ, что непріятель въ 30 или 40 тысячахъ вышелъ изъ Евпаторіи и покушается ударить на наши сообщенія. Эта депеша всѣхъ встревожила, и всѣ ждали въ Крыму большаго дѣла, но, къ счастью, получена новая депеша, что непріятель возвратился въ Евпаторію.

Вчера его высочество сказалъ мнѣ, что государь императоръ изволилъ уже назначить начальникомъ артиллеріи въ Николаевѣ,—какъ морской, такъ и сухопутной,—Кноринга. Это извѣстіе меня очень огорчило. Съ назначеніемъ Кноринга, вѣроятно, сношенія мои съ его высочествомъ прекратятся, и я буду возвращенъ въ армію. Но и самое назначеніе неудачное. Кноринтъ—человѣкъ не распорядительный и несвѣдущій, а при томъ и въ неладахъ съ Метлинымъ, генералъ-губернаторомъ.

Отъ этого можетъ произойти много зла. Метлинъ, хотя его многіе и не хвалятъ, но человѣкъ онъ умный и распорядительный. Онъ особенно благоволитъ ко мнѣ. Въ послѣдніе эти дни я съ нимъ имѣлъ частыя сношенія, и по всѣмъ дѣламъ онъ мнѣ оказалъ много содѣйствія.

Философова я боюсь, какъ въ средніе вѣка боялись инквизитора. Это человѣкъ холодный и страшный. Впрочемъ, сегодня, когда я явился къ нему, онъ принялъ меня очень ласково,—да и вообще, по наружности, онъ очень со мною обходителенъ. Но великій князь просто ангелъ. Завтра приказалъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ по батареямъ.

Michel Ростовцевъ сегодня возвращается въ Петербургъ. Государь обласкалъ его, наградилъ орденомъ и посылаетъ его къ отцу. Сегодня проведу съ нимъ послѣдній вечеръ и, Богъ вѣсть, увидимся ли когда-нибудь еще на этомъ свѣтѣ!

Николай Волконскій явился ко мнѣ въ солдатской формѣ. Онъ молодецъ по наружности и, какъ кажется, доволенъ настоящею службою.

Видѣлъ во дворцѣ и Рейсиха. Такой же, какимъ былъ и прежде:

добрый и пустой. Изъ всѣхъ здѣшнихъ генераловъ болѣе другихъ дѣльный, какъ кажется, Мейеръ. Государь сегодня особенно былъ милостивъ и внимателенъ къ артиллеристамъ, по случаю дня рожденія нашего генералъ-фельдцейхмейстера.

15-го октября.

Вчера сопровождалъ великаго князя по батареямъ. Его высочество былъ ко мнѣ весьма внимателенъ и обо всемъ изволилъ относиться ко мнѣ.

По возвращеніи съ батареи провожали Ростовцева и подвыпили малую толику у меня въ нумерѣ. Обѣдало насъ человѣкъ пять, а осушили бутылокъ больше. Теперь безъ него мнѣ скучно.

17-го октября.

Вчера ѣздилъ въ адмиралтейство. Чудесно оно устроено. Какія мастерскія и какія машины! И сколько мастеровъ и матеріаловъ разнаго рода. Съ такими средствами, кажется, можно было бы укрѣпить не одинъ, а десять Николаевовъ.

О непріятелѣ имѣется извѣстіе, что онъ садится у Очакова на корабли и, кажется, собирается возвратиться во-свояси, въ Черное море. Оно и должно быть такъ: въ столь позднее время года невозможно ему предпринять что-нибудь противъ Николаева. Но что̀ дѣлается въ Крыму—ничего не извѣстно.

Какъ только не суечусь и не бѣгаю,—такъ становится мнѣ грустно:—какъ это досадно, что не имѣю никакой возможности узнать—надолго ли останусь въ Николаевѣ, чтобы выписать своихъ. По всему замѣтно, что пока великій князь здѣсь, — меня не вышлютъ изъ Николаева, но долго ли останется самъ онъ тутъ. Какъ онъ самъ выразился—пріѣдетъ Кнорингъ, и тогда его вліяніе кончится,—а съ Кнорингомъ мнѣ служить не хотѣлось бы: лучше уже въ Крымъ.

Знакомыхъ въ Николаевѣ, можно сказать, у меня одинъ только Павловъ. Вечеркомъ, какъ только освобожусь отъ хлопотъ, заѣзжаю къ нему и у него ужинаю. Семья у него добрая и хлѣбосольная. Для знакомства — такихъ людей я очень люблю, но дѣлъ имѣть съ нимъ не дай Богъ: безтолковъ!

Вчера переѣхалъ изъ гостиницы на квартиру. Комнатка чистенькая и сухая. Но мнѣ скучно и грустно — одному. Особенно сегодня, самъ не знаю почему; страшная тоска легла на душу. Въ тѣ дни грустилъ меньше, быть можетъ, потому, что не доставало для этого и времени.

18-го октября.

Сегодня былъ у Тотлебена. Онъ показывалъ мнѣ планъ погребковъ пороховыхъ. По положенію, должны быть устроены проходы по бокамъ и въ срединѣ, а на планѣ только одинъ проходъ въ срединѣ. Когда я ему это замѣтилъ, онъ началъ горячо говорить, что они, инженеры, никакихъ болѣе положеній не придерживаются, что Севастополь доказалъ, что прежнія положенія—глупость и т. п. Оказалось, что человѣкъ этотъ отъ раны чрезвычайно сдѣлался нервнымъ и раздраженнымъ, что̀ послѣ подтвердилъ мнѣ и капитанъ Хлѣбниковъ, который вмѣстѣ со мною ѣздилъ осматривать мѣста для погребковъ. Выбрали мѣста только для трехъ, а для остальныхъ двухъ—выберемъ послѣ, такъ какъ инженеры разомъ всѣхъ пятерыхъ строить не могутъ.

Написалъ къ моей милой Сашенькѣ письмецо. Сильно скучаю я по ней и по Коко.

Вечеромъ доложилъ откровенно великому князю, что планъ, составленный Тотлебеномъ для погребковъ, не соотвѣтствуетъ существующимъ на этотъ предметъ у насъ положеніямъ. Великій князь Николай Николаевичъ, услышавъ объ этомъ, тотчасъ же подошелъ къ столику и сталъ отстаивать планъ Тотлебена, ссылаясь на то, что погребки эти строятся на время и что у инженеровъ недостатокъ въ матеріалахъ. На это я доложилъ, что сдѣланныя Тотлебеномъ упущенія столь важны, что артиллеристы должны протестовать противъ этого всѣми силами; что у насъ существуютъ инструкціи на счетъ храненія и сбереженія пороха, которыя выполнить невозможно, когда, вмѣсто трехъ, будетъ всего одинъ проходъ въ погребѣ, что, наконецъ, боченки съ порохомъ, поставленные у самой стѣны, могутъ отсырѣть, и порохъ сдѣлается негоднымъ для употребленія. Въ продолженіе этого разговора, генералъ-фельдцейхмейстеръ сильно меня поддерживалъ и, кажется, будетъ настаивать, чтобы планъ для погребковъ былъ измѣненъ согласно съ положеніями. Посмотримъ, что будетъ, но, во всякомъ случаѣ, досадно, что я поставился въ такое положеніе, что по неволѣ долженъ наживать себѣ враговъ.

Сегодня вечеромъ были у меня Н. Я. Чернобаевъ и Зотиковъ. Обоимъ обрадовался я какъ нельзя болѣе, но особенно—Чернобаеву. Старика этого я люблю и уважаю. Въ бытность мою въ Кіевѣ, онъ много оказалъ мнѣ добра и участія. Человѣкъ онъ, во всѣхъ отношеніяхъ, превосходный: и добрый, и умный, и деликатный, и свѣдущій. Вспомнили о былóмъ—о Кіевѣ, о Брунѣ, Арбузовѣ, покойникѣ Катоновѣ, Гюббенетѣ, и время прошло невидимо.

19-го октября.

Вчера ночью, получилъ записку отъ Вилламова слѣдующаго содержанія: „Его высочеству угодно, чтобы вы сегодня же повидались съ ген.-ад. Тотлебеномъ и условились бы съ нимъ на счетъ пороховыхъ погребовъ. ген.-ад. Тотлебенъ уже предварительно на все согласенъ". И дѣйствительно, когда я пріѣхалъ къ Тотлебену, онъ весьма кротко меня выслушалъ и на все согласился. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть погребки не по фантазіи инженеровъ, а такіе, какіе полагаются.

Утромъ, вмѣстѣ съ его высочествомъ ѣздили осматривать избранныя мною мѣста для погребовъ, которыя онъ вполнѣ одобрилъ. Потомъ завернулъ я покурить сигарочку къ Баумгардту. Онъ мнѣм ного и долго разсказывалъ объ орудіяхъ большаго калибра, которыя придумалъ онъ для дальней стрѣльбы, о произведенныхъ надъ ними опытахъ, о разныхъ комитетахъ, въ томъ числѣ и объ арміи, ученомъ, о Безакѣ, о горныхъ заводахъ,—и разсказывалъ дѣльно, умно и занимательно. Это человѣкъ съ большими свѣдѣніями, энергическій, умный, дѣятельный и могъ бы быть въ настоящее время чрезвычайно полезнымъ для службы, а, между тѣмъ, ровно ничего не дѣлаетъ, состоя при герцогѣ. Утромъ читаетъ газеты, потомъ обѣдаетъ у государя, а вечера играетъ у великихъ князей въ карты, — вотъ въ чемъ состоятъ всѣ его обязанности.

Прибылъ къ его высочеству Родашковскій, штабсъ-капитанъ гвардейской конной артиллеріи, котораго я видѣлъ еще на Инкерманѣ. Это долженъ быть большой пройдоха, шарлатанъ, хвастунъ, но человѣкъ со свѣдѣніями по артиллерійской части, — самъ же изъ поляковъ. Онъ привезъ разные проекты объ укрѣпленіи гирлъ Днѣпровскихъ.

Завтра долженъ прибыть сюда Кнорингъ. Такимъ образомъ его высочество перестанетъ заниматься вооруженіемъ Николаева, а потому и моя участь должна порѣшиться. Но мнѣ чудится, что меня оставятъ при Кнорингѣ, а этого я очень не желалъ бы, хотя въ Николаевѣ прозимовать и пріятнѣе, чѣмъ въ Крыму.

О событіяхъ военныхъ никакого слуху; даже не извѣстно достовѣрно: вышелъ ли непріятель изъ лимана?

20-го октября.

Въ концѣ доклада великій князь объявилъ мнѣ, что Кнорингъ просилъ уже его о назначеніи мнѣ состоять при немъ. На это отвѣчалъ я, что, въ настоящее время, никто ни отъ чего отказываться не долженъ, но я боюсь встрѣтить много неудовольствій, служа съ

Кнорингомъ. Впрочемъ, быть можетъ, нуждается во мнѣ и Крыжановскій. Великій князь возразилъ мнѣ, что обо всемъ можно списаться и все уладить, но что я здѣсь, въ настоящее время, могу быть полезенъ. Въ заключеніе, приказалъ мнѣ завтра же явиться къ Кнорингу. Вообще, сегодня особенно милостивъ былъ ко мнѣ великій князь, и по всему замѣтно, что онъ оцѣнилъ мою службу и мои труды.

22-го октября.

Вчера у доклада великій князь изволилъ сказать мнѣ, что я останусь при немъ до тѣхъ поръ, пока самъ онъ пробудетъ въ Николаевѣ. Изъ этого можно полагать, что при Кнорингѣ не останусь.

На счетъ непріятеля здѣсь совершенно теперь уже успокоились. Даже приказано коммиссаріатской коммиссіи возвратиться въ Херсонъ. Но въ Крыму чего-то ждутъ. 15-я пѣхотная дивизія двинулась форсированнымъ маршемъ къ Перекопу; сегодня туда же пошла 7-я конная батарея (Зыбина) съ однимъ Уланскимъ полкомъ.

26-го октября.

Сегодня утромъ, 26 октября, въ 8 часовъ, уѣхалъ изъ Николаева въ Бахчисарай государь, а завтра туда же поѣдутъ великіе князья—Николай и Михаилъ. Сегодня былъ у меня послѣдній докладъ; кончивъ его, великій князь Михаилъ Николаевичъ взялъ меня за руку, поцѣловалъ и сказалъ: „Благодарю васъ за усердную, добросовѣстную и полезную службу“. Потомъ, когда я уходилъ, онъ вторично взялъ меня за руку и сказалъ: „Богъ дастъ, скоро опять увидимся“. Никогда не ожидалъ я, чтобы такъ удачно и счастливо исполнилъ я порученіе въ Николаевѣ.

До послѣдней минуты его высочество былъ и внимателенъ, и милостивъ ко мнѣ, но, главное, вполнѣ довѣрялъ мнѣ. Если бы я могъ постоянно служить при немъ, онъ нашелъ бы во мнѣ самаго вѣрнаго слугу. Воспоминаніе объ этихъ немногихъ дняхъ, въ которые я имѣлъ счастіе быть приближеннымъ къ великому князю, не изгладится изъ моей памяти. Философовъ также при прощаньѣ поцѣловалъ меня. Но этотъ человѣкъ на мои глаза много измѣнился. Онъ какъ будто поглупѣлъ. Его настоящее, повидимому, не завидное. По всему замѣтно, что онъ вліянія никакого не имѣетъ. Впрочемъ, не Вилламовъ, а онъ, ѣдетъ съ князьями въ Крымъ.

Опять положеніе мое неопредѣленное. Надолго ли останусь я при Кнорингѣ, не извѣстно, и что я буду дѣлать при немъ?

О Крымѣ слуху никакого. Но я по-прежнему убѣжденъ, что кампанія этого года не кончится безъ драки кровопролитной.

Благодаря Бога, погода до сихъ поръ стоитъ превосходная,—дни теплые и свѣтлые. А это чрезвычайно важно для земляныхъ работъ. Если инженеры дремать не будутъ, то Николаевскія укрѣпленія наши подвинутся впередъ,—и мы можемъ окопаться такъ, что непріятелю не легко будетъ подойти къ Николаеву весною.

27-го октября.

Сегодня проснулся, можно сказать, свободнымъ человѣкомъ. Съ отъѣздомъ великаго князя улетѣли и всѣ мои занятія и заботы. Послѣ чаю, не торопясь, отправился пѣшечкомъ къ Кнорингу. Онъ принялъ меня какъ нельзя болѣе внимательно, даже сказалъ, что самъ собирался ко мнѣ, чтобъ меня не безпокоить. Но докладъ мой, относившійся исключительно до вооруженія, выслушалъ слегка, поверхностно; кажется, эту главнѣйшую часть его обязанности онъ едва-ли и понимаетъ. Такъ что, ни одной резолюціи не положилъ на тѣ свѣдѣнія, которыя, по повелѣнію его высочества, ему я докладывалъ, а передалъ къ исполненію разныя глупыя бумаги, вовсе и не относящіяся даже до вооруженія Николаева. Для меня собственно этотъ трудъ несравненно легче, и если это будетъ такъ и далѣе, то я претендовать не буду: спокойно прозимую въ Николаевѣ. Но выиграетъ ли отъ этого сухопутная артиллерія, крѣпостная и полевая, равно морскаго вѣдомства собственно въ Николаевѣ, надъ которой, по высочайшей волѣ, назначенъ начальствовать?—Едва-ли!

Обѣдалъ въ „С.-Петербургской гостинницѣ“. Офицеровъ тамъ всевозможныхъ родовъ службы—тьма-тьмущая, но болѣе другихъ ополченцевъ. Въ Николаевѣ, кажется, другихъ войскъ и нѣтъ кромѣ ополченцевъ. По крайней мѣрѣ, вездѣ ихъ однихъ только и встрѣчаемъ.

Послѣ обѣда завернулъ ко мнѣ Волоховъ. Великій князь Николай Николаевичъ предложилъ ему составить соображеніе на счетъ постройки въ Николаевѣ желѣзной дороги, на протяженіи 25 верстъ. По словамъ Волохова, предпріятіе это встрѣтило сильную оппозицію отъ великаго князя Константина Николаевича, а потому государемъ и не утверждено. Впрочемъ, и сумма для постройки такой дороги выходила довольно значительная,—до 270 тыс. Волоховъ не сказалъ мнѣ, почему возсталъ противъ этой операціи великій князь Константинъ Николаевичъ, потому ли, что не предвидѣлъ успѣха, или потому, что не находилъ крайней надобности въ желѣзной дорогѣ, или же, наконецъ, по причинѣ стоимости ея. Послѣднее, вѣроятно, не могло подвинуть великаго князя на оппозицію, если бъ признавалъ онъ

существенную отъ дороги пользу. Нѣтъ сомнѣнія, что морякамъ дорога не понравилась, по крайней мѣрѣ, недѣлю тому назадъ, Петлинъ, разговаривая со мной объ этомъ предпріятіи, сильно осуждалъ его. Во-первыхъ, онъ не допускалъ возможности прочно утвердить рельсы на такой глинистой почвѣ, какая въ Николаевѣ; во-вторыхъ, дорогу проработаютъ цѣлую зиму, и она поспѣетъ не ранѣе, какъ къ веснѣ, и тогда въ ней надобности не будетъ, ибо вездѣ будетъ сухо. Вѣроятно, разсужденіе это доложилъ онъ и великому князю. Не хотятъ же моряки, особенно Петлинъ, постройки желѣзной дороги единственно потому, что матеріалы потребуютъ изъ ихъ адмиралтейства, а онъ скупъ на нихъ, какъ жидъ. Въ этомъ я лучше всего убѣдился при постройкѣ въ здѣшнемъ адмиралтействѣ Волохова дрогъ.

Записки стараго актера.

I [1]).

Приступая ко второй части моихъ записокъ, хочу дополнить первыя нѣкоторыми пропущенными подробностями, характеризующими пережитое время.

До пожара Большаго театра въ 1852 году въ немъ помѣщалось все управленіе, т. е. контора, внизу въ небольшомъ залѣ съ тремя окнами, въ сторону Малаго театра. При входѣ изъ большихъ сѣней для публики въ дверь, слѣва передъ вами былъ полутемный узенькій корридоръ, образованный невысокими, аршина въ три, перегородками, какія ставятся въ очень немудреныхъ нумерахъ. За этими перегородками были еще поперечныя перегородки, раздѣлявшія помѣщеніе на небольшія комнатки, какъ справа, такъ и слѣва, во всю длину зала. Въ каждой такой комнаткѣ помѣщался столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, гдѣ и возсѣдалъ столоначальникъ извѣстнаго отдѣла и при немъ писецъ или два.

Отдѣловъ было немного: во-первыхъ, конторка бухгалтера, комнатка, такъ называемаго, репертуарнаго стола, далѣе — столъ гардеробный, столъ хозяйственный, для бесѣды съ разными поставщиками, засимъ кабинетъ управляющаго конторой Верстовскаго и, наконецъ, рядомъ съ нимъ, большая деревянная клѣтка, гдѣ можно было видѣть, какъ, пользуясь каждой свободной минутой, усердно молился на образъ съ большой стеклянной лампадой казначей Иванъ Евдокимовичъ Покровскій; въ прилизанномъ черномъ, какъ смоль, паричкѣ, изъ-подъ котораго большими сосками торчали остатки собственныхъ рыжихъ

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1905 г.

съ просѣдью волосъ, съ лицомъ, представлявшимъ одинъ сплошной угорь, такого цвѣта какъ у индюка, когда онъ сердится, со всѣми мельчайшими оттѣнками.

Человѣкъ онъ былъ характерный, вѣчно чѣмъ-то недовольный и раздраженный. При раздачѣ жалованья не бывало ни одного мѣсяца, чтобы онъ кому-нибудь изъ несвѣдущихъ служащихъ не вручилъ неудобной бумажки, которую не принимаютъ ни въ одной лавкѣ. Разъ она принята изъ оконца клѣтки и получившій отошелъ, казначей обратно ее не приметъ, а начнетъ долго и раздраженно доказывать, что неудобныхъ бумажекъ въ казнѣ не бываетъ. „Отдайте туда, гдѣ взяли, а у меня неудобныхъ нѣтъ, я ихъ не принимаю".

Никакія просьбы, никакія жалобы бѣдняковъ не заставляли его измѣнить свое рѣшеніе. Это знали всѣ, а потому усердно разглядывали бумажки тутъ же у оконца, что̀ его страшно раздражало, и лицо-угорь, когда онъ не разсерженъ, было только пунцовое съ небольшими оттѣнками, но при раздраженіи мгновенно принимало ярко-багровый цвѣтъ, съ причудливо выступавшими голубыми и лиловыми оттѣнками раздраженнаго индюка. „Васъ тутъ триста человѣкъ придетъ, а я одинъ, нельзя такъ долго разглядывать".

А разъ было выражено такое неудовольствіе, оно уже не прекращалось до конца выдачи. Всѣ получали, отходили въ сторону, а голосъ казначея, на подобіе дребезжавшей, попорченной трубы, продолжалъ назойливо лѣзть въ ухо каждому.

Передъ началомъ выдачи совершались слѣдующія довольно сложныя операціи: во-первыхъ, шла долгая молитва съ колѣнопреклоненіемъ, глубокими вздохами передъ образомъ съ большой лампадой, потомъ открывалась конторка, и одинъ за другимъ извѣстнымъ порядкомъ вынимались ордена, прикалывались и навѣшивались на подлежащія мѣста, и, прежде чѣмъ водворить орденъ на указанное мѣсто, онъ осѣнялъ себя огромнымъ крестомъ и съ благоговѣніемъ цѣловалъ каждый. Когда эта долгая процедура кончалась, онъ подходилъ къ оконцу клѣтки, гдѣ находилась другая конторка, побольше, снова осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и тогда уже открывалъ ее. Тутъ лежали деньги, съ такой же молитвой взятыя раньше изъ желѣзнаго сундука, стоявшаго въ сторонѣ у стѣны.

Но надо отдать ему справедливость, онъ не всегда былъ раздраженъ, и у него бывали минуты необыкновеннаго доброжелательства. Напримѣръ, является господинъ или госпожа, получающіе 95 рублей, что̀ по тому времени считалось очень много. Вдругъ пунцовое лицо осклабляется пріятной улыбкой, отсчитывая депозитки, кладя аккуратно одну на другую: „тридцать, тридцать три, тридцать шесть, тридцать девять, сорокъ". Рука всей пятерней положена на бумажки, пріятная

улыбка во все лицо. „Довольно, право, довольно!...“ голосъ насколько возможно дѣлается мягкимъ и нѣжнымъ.

— Вѣдь проживете!... право, проживете, сколько ни дай. А тутъ прожили, приходите ко мнѣ: Иванъ Евдокимовичъ, у меня денегъ нѣтъ, а я вамъ сейчасъ двѣ красненькихъ, пожалуйте — получите. Опять прожили, опять ко мнѣ, а я вамъ, пожалуйте красненькую, а то и двѣ. Глядишь, до конца мѣсяца и обошлись, а тутъ кромѣ жалованья еще и скопъ!... Право, не берите всѣхъ, добро вамъ хочется сдѣлать.

— Нѣтъ ужъ, добрый человѣкъ, давайте всѣ.

— Ну, что жъ, мнѣ какъ хотите.

Пріятная улыбка исчезаетъ, и ликъ багровѣетъ до ушей. „75, 80, 85, 90“. Пятерня снова на пачкѣ денегъ, и длинный пронизывающій взглядъ, кажется, готовый проникнуть въ самую душу получателя, останавливается на немъ вопросительно.

— И пятерки не оставите?!!

— Нѣтъ.

Кучка денегъ злобно отталкивается къ получающему.

— На-те, берите!... Мнѣ все равно. Послѣ сами жалѣть будете.

— Иванъ Евдокимовичъ!... — слышится голосъ изъ кабинета управляющаго.

Несмотря на свое физическое убожество (немного согнутую ногу и въ бокъ выдавшееся бедро), Иванъ Евдокимовичъ или Квазимодо, какъ между собой называли его всѣ, что бы ни дѣлалъ въ эту минуту, мгновенно бросалъ все и, насколько позволяло убожество, быстро ковылялъ въ кабинетъ управляющаго. При входѣ его, прежде всего слышалось властное длинное — Э-э!... дальше тихія неразборчивыя слова начальника и въ высшей степени смягченная труба казначея.

По выходѣ изъ кабинета отъ начальника, глядя на лицо казначея, можно было судить, какова была бесѣда: лицо пунцовое—значитъ, все благополучно, багровое съ сильно выраженными оттѣнками—значитъ, была не совсѣмъ спокойная бесѣда. Вообще, при возглась управляющаго во всемъ помѣщеніи конторы дѣлалась особенная тишина, такъ что можно было слышать скрипъ пера кого-нибудь изъ столоначальниковъ, навѣрное писавшаго хуже обыкновеннаго, такъ какъ тряслись руки.

Послѣ пожара театра, хотя контора уцѣлѣла, но начальство распорядилось взять для нея частное помѣщеніе, и вотъ недалеко отъ театра наняли небольшой домъ, немногимъ просторнѣе прежней конторы.

По возобновленіи сгорѣвшаго театра въ 1856 году, мѣста для конторы не нашлось, и она осталась въ наемномъ помѣщеніи.

Съ назначеніемъ Л. Ѳ. Львова, дирекція купила около Малаго театра домъ бывшихъ военныхъ кантонистовъ, весь передѣлала, перестроила, и воспитанницы изъ старой школы со всѣмъ штатомъ были переведены въ новое зданіе, а уже на ихъ мѣстѣ основалась контора, съ управляющимъ Пельтомъ во главѣ. И разсыпались три стола со столоначальниками, клѣткой казначея, конторкой бухгалтера и кабинетомъ управляющаго по громадному зданію бывшей школы.

Неклюдовъ, замѣстившій Львова, занялъ казенную квартиру, служившую раньше для пріѣзда изъ Петербурга директора Гедеонова, внизу подъ конторой, а Пельтъ, послѣ него утвердившись на мѣстѣ, уже прямо отдѣлилъ для себя часть бельэтажа и съ каждымъ годомъ присоединялъ по комнатѣ. Наконецъ, помѣщеніе конторы было сдвинуто въ огромный мраморный залъ и рядомъ бывшую рекреаціонную, а все остальное цѣликомъ стало квартирой управляющаго и частью квартирой Бѣгичева. А съ ихъ легкой руки, не только старое зданіе бывшаго училища, а даже вновь выстроенный двухъэтажный корпусъ по переулку цѣликомъ поступилъ подъ квартиры чиновниковъ.

Подъ управленіемъ Пельта и Бѣгичева театръ замѣтно сталъ клониться къ упадку. Этому способствовало не одно непониманіе дѣла первымъ или халатность и неряшество къ своимъ обязанностямъ вторымъ, а во многихъ случаяхъ тутъ были и другія причины. Для того чтобы принять въ драматическую труппу двухъ никому неизвѣстныхъ любительницъ, которыхъ они ужъ и такъ набрали довольно за свое управленіе, была уволена талантливѣйшая молодая актриса, только два года вышедшая изъ школы и съ перваго шага на сценѣ въ трагической роли произведшая очень большое впечатлѣніе и на публику, и на товарищей. Всѣ безъ исключенія предсказывали ей блестящую будущность. Не привожу множество другихъ примѣровъ подобныхъ безцеремонныхъ продѣлокъ, которые они практиковали, не стѣсняясь.

Послѣ десяти, одиннадцати лѣтъ такого правленія Пельтъ умеръ, и исправлять его должность назначили бывшаго инспектора школы и смотрителя Малаго театра Обера. Какъ старый служака, ретивый лишь въ томъ, что заключалось въ предѣлахъ „отъ сихъ и до сихъ“, конечно, онъ не могъ поддержать падающаго дѣла, да, кромѣ того, самъ такъ уже размякъ, что ничѣмъ не проявлялъ своего „я“, а дѣлалъ все по словамъ Бѣгичева: что скажетъ онъ, то и будетъ.

Около двухъ лѣтъ тянулось это мертвящее исправленіе должности. Театръ мало-по-малу сталъ посѣщаться публикой все меньше и меньше, даже въ такіе мѣсяцы, когда въ прежнее время билеты брались съ боя. Всѣ, истинно преданные искусству, опустили головы и съ отчаяніемъ смотрѣли въ будущее. Какъ исполнители чужой

воли, какъ бы ни шла она въ разрѣзъ съ общими понятіями, должна быть исполнена, и увы!... скрѣпя сердце исполнялась.

Вдругъ прошелъ радостный слухъ!... новый управляющій!... Да кто?... Литераторъ, писатель гр. С. И самъ будетъ завѣдывать сценой, будетъ ставить избранныя имъ пьесы, возстановитъ намъ Островскаго, Писемскаго, которыхъ играли только тогда, когда ставить новое или возобновлять хорошее старое было лѣнь. И опять въ наше темное царство проникъ свѣтлый лучъ надежды; каждый спрашивалъ: „когда же? Скоро ли?“ И, наконецъ, вся труппа Малаго театра собралась на сценѣ для встрѣчи съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго начальника писателя-литератора.

Вступительная рѣчь къ труппѣ была дѣльная, толковая, много обѣщающая. Многія указанія на текущій репертуаръ, на его недостатки были безусловно справедливы. Вообще вся рѣчь подняла духъ и поселила надежду на скорое исцѣленіе недуга, которымъ столько лѣтъ страдалъ нашъ театръ. Бѣгичевъ, какъ и всегда, весело и добродушно посмѣивался, какъ будто словамъ и обѣщаніямъ начальника онъ не придавалъ ровно никакого значенія.

Сезонъ начался такъ же безцвѣтно, вяло, какъ и всѣ предыдущіе. Гр. С. постоянно въ литерной ложѣ; послѣ каждаго акта приходилъ на сцену, хвалилъ исполненіе и каждый разъ заявлялъ, что нужно позаботиться освѣжить репертуаръ, и онъ уже принялъ мѣры, даже имѣетъ отъ одного извѣстнаго, почтеннаго автора обѣщаніе дать свою пьесу; сюжетъ ему извѣстенъ, роли для всѣхъ превосходныя, и мужскія и женскія, „такъ, что вамъ, господа, есть надъ чѣмъ поработать“, прибавлялъ онъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій обѣщанная пьеса получена, роли расписаны, розданы; назначена читка. Самъ почтенный авторъ не пріѣдетъ, а поручилъ ему, т. е. гр. С., заняться постановкой.

Въ общемъ пьеса, оказалась не пьесой, а рядомъ скучныхъ, длинныхъ безцвѣтныхъ монологовъ; не люди въ ней дѣйствуютъ, а какія-то ходячія тенденціи; при каждой встрѣчѣ двухъ, трехъ лицъ, слышите, что всѣ вмѣстѣ и каждый порознь поучаютъ другъ друга, всѣ обижены, всѣ недовольны; пьесы никакой нѣтъ, одни слова, въ которыхъ ни новаго, ни интереснаго тоже не имѣется. И что особенно странно, пьеса безспорно русская, дѣйствіе происходитъ въ одной изъ коренныхъ нашихъ губерній, а между тѣмъ чувствуется необыкновенно тяжелый слогъ и обороты рѣчи совсѣмъ не русскіе, такъ и кажется, что это плохой переводъ не то съ нѣмецкаго, не то съ французскаго языка.

Пьеса, конечно, не могла имѣть успѣха и послѣ втораго представленія сдана въ архивъ. Потомъ была поставлена вторая, почти

такого же достоинства, третья была немногимъ лучше двухъ первыхъ, и только старыя пьесы съ лучшими силами труппы поддерживали еще престижъ Малаго театра.

Кончился сезонъ, и на душахъ работниковъ не просвѣтлѣло, какъ они надѣялись, а еще болѣе сгустился окружающій мракъ отъ обманутыхъ ожиданій.

На слѣдующую зиму повторилось почти то же самое. Интересенъ выводъ какой сдѣлалъ начальникъ изъ охлажденія публики къ Малому театру: по его мнѣнію это происходитъ потому, что публикѣ просто надоѣли одни и тѣ же лица актеровъ и актрисъ, а чтобы поднять, освѣжить и заставить опять интересоваться публику, всѣ актеры и актрисы должны служить не болѣе одного сезона, за симъ увольняться, и на слѣдующую зиму вся труппа должна быть новая, совершенно незнакомая публикѣ. „И такъ должно поступать постоянно, мѣняя труппу“, завершилъ онъ.

— Хоръ поетъ хорошо, когда спѣлся,—отвѣчали ему.

— Я говорю не о хорѣ, а объ интересѣ публики къ новымъ лицамъ.

Но должно быть сама судьба сжалилась надъ несчастными художниками, и этотъ странный планъ не былъ приведенъ въ исполненіе: въ концѣ сезона, почему, не извѣстно, онъ долженъ былъ оставить службу, а съ нимъ вмѣстѣ, тоже по неизвѣстной причинѣ, вышелъ со службы и Бѣгичевъ.

Слѣдъ, оставленный его недолгой службой, какъ и всѣми его предшественниками, заключался въ двухъ новыхъ столахъ въ конторѣ съ новыми столоначальниками и писцами. Это, впрочемъ, было обычнымъ явленіемъ у каждаго начальника.

Въ одномъ изъ этихъ столовъ прикладывались печати къ почтамтскимъ повѣсткамъ для засвидѣтельствованія личности получателя, а къ другому столу мнѣ не приходилось обращаться и его дѣятельность такъ и осталась для меня тайной.

II.

Новый начальникъ И. М. П—ковъ былъ не литераторъ, а отставной военный; джентльменъ, въ полномъ смыслѣ слова; добръ, простъ, искренекъ, довѣрчивъ. Эти дорогія качества, по моему личному мнѣнію, далеко не всегда достигаютъ тѣхъ благихъ результатовъ, какіе по справедливости они должны бы вызывать въ окружающихъ.

Новый начальникъ никому не представлялся, рѣчей никакихъ не произносилъ, а въ первый же спектакль по пріѣздѣ вошелъ къ намъ въ такъ называемую „курилку“; просто, безъ всякихъ околичностей, рекомендовался, кто онъ, и почему здѣсь, что̀, конечно, своей неожиданностью произвело нѣкоторое смущеніе; мы не привыкли такъ встрѣчать начальниковъ. Антрактъ вслѣдствіе сложной постановки сцены былъ нѣсколько болѣе обыкновеннаго, и за этотъ короткій срокъ бесѣда приняла такую простую обыкновенную форму, какъ будто это былъ не начальникъ, а самый обыкновенный знакомецъ, постоянный посѣтитель курилки. Каждый антрактъ онъ приходилъ къ намъ и все болѣе и болѣе становился своимъ.

Такъ проходила недѣля, другая; сборы продолжали быть слабыми, и онъ выражалъ сожалѣніе и удивленіе, что публика такъ холодно и безучастно стала относиться къ Малому театру, несмотря на художественное исполненіе и удивительный ансамбль, котораго онъ никогда и нигдѣ не видалъ, кромѣ Малаго театра.

Хотя ставились новыя пьесы, дѣйствительно съ серьезными достоинствами, хотя наши премьеры и премьерши вызывали громы рукоплесканій, но тѣмъ не менѣе чувствовалось, что поле дѣятельности ихъ сужено и не даетъ простора во всю ширь проявить свои дарованія.

Между тѣмъ главный режиссеръ, или режиссеръ—по навыку, какъ я назвалъ его въ первой части моихъ записокъ (о немъ мнѣ придется говорить много, уже какъ о дѣйствующемъ лицѣ, прослужившемъ пятьдесятъ лѣтъ), понялъ сразу, съ кѣмъ на этотъ разъ ему приходится имѣть дѣло, и извѣстными ему путями, которыми столько разъ завоевывалъ свое незаслуженное положеніе, заставилъ и новаго начальника увѣровать въ свою непогрѣшимость, въ смыслѣ обширныхъ знаній дѣла, а главное, въ свою безукоризненную, неподкупную честность, вслѣдствіе чего, за выходомъ въ отставку Бѣгичева, какъ инспектора репертуара, онъ достигъ того, что на эту должность не было назначено новое лицо, а всю власть инспектора скромно, тихо, безъ шума и грома присвоилъ себѣ. Назначеніе репертуара, раздача ролей,—все дѣлалось по его негласному усмотрѣнію.

Каждый день являясь къ контору съ докладомъ о своихъ дѣйствіяхъ по сценѣ, онъ къ собственнымъ измышленіямъ прикладывалъ печать начальника, какъ будто такое распоряженіе исходило отъ него, а онъ только исполнитель его предначертаній.

Создавъ такой щитъ, ограждающій его отъ нареканій, онъ совершалъ иногда просто возмутительныя продѣлки; зная, что охотниковъ бесѣдовать съ начальствомъ найдется немного, онъ всегда имѣлъ возможность представить дѣло такъ, что выходило если поступить

иначе, значитъ, повредить дѣлу. А чтобы показать, какъ онъ понималъ дѣло, приведу такой примѣръ: при постановкѣ трагедіи Алексѣя Толстаго „Борисъ Годуновъ“, въ сценѣ представленія посольствъ онъ придумалъ такой эффектъ: входитъ персидскій посолъ, съ блестящей свитой въ тронную палату Годунова, вдругъ за кулисами раздаются звуки превосходнаго стройнаго военнаго оркестра, играющаго современный персидскій маршъ.

Да вѣдь какъ заботился, говорятъ, чтобы они не заиграли какой другой, а непремѣнно персидскій.

Александръ Николаевичъ Островскій, прекрасно зная обширныя знанія главнаго режиссера, особенно въ историческихъ, народныхъ произведеніяхъ, старался избѣгать его услугъ, тѣмъ болѣе, что всегда самъ ставилъ свои пьесы; но нельзя же и главному режиссеру съ своей стороны не принять участія въ постановкѣ, вѣдь это подрываетъ воображаемый престижъ въ глазахъ подчиненныхъ, престижъ, которымъ онъ дорожилъ больше всего.

Репетиція съ авторомъ назначена въ одиннадцать часовъ, онъ же собираетъ народъ въ половинѣ десятаго (статисты и говорящіе мелкіе актеры), для уясненія имъ изображаемыхъ событій, того, какъ въ этомъ случаѣ они должны вести себя и т. д. Возился онъ съ этими объясненіями цѣлыхъ полтора часа, все повторяя и повторяя трудныя мѣста. Пріѣхалъ Александръ Николаевичъ, началась репетиція, а вотъ и народная сцена. Смотритъ Александръ Николаевичъ и недоумѣваетъ!.. Наконецъ спрашиваетъ режиссера:

— Это что жъ такое они дѣлаютъ?

Режиссеръ услужливо объясняетъ. Александръ Николаевичъ, съ присущей ему добродушной улыбкой, оправляя снизу свою рыженькую бородку, ласково и снисходительно говоритъ:

— Этого вѣдь совсѣмъ не нужно. По исторіи-то оно не такъ выходитъ. Нѣтъ, вы оставьте это дѣло!.. Я ужъ самъ какъ-нибудь сдѣлаю.

Вотъ вамъ и престижъ!..

Послѣ этого, до конца жизни режиссеръ не могъ равнодушно слышать имя Александра Николаевича, а когда овладѣлъ полномочіями инспектора репертуара, то всѣ произведенія Островскаго на много лѣтъ были изгнаны съ московской сцены и только изрѣдка, по особому случаю, ихъ можно было видѣть на афишѣ, и то тогда, когда объ этомъ заговорила вся печать.

Какъ случилось, что онъ не зналъ о готовящемся ему сюрпризѣ, можно было только удивляться, такъ какъ онъ зналъ всегда рѣшительно все!..

Были ли у него шпіоны, это не извѣстно, но о малѣйшемъ случаѣ,

бывшемъ или готовящемся быть, онъ былъ прекрасно освѣдомленъ. А на этотъ разъ была для него дѣйствительно неожиданность.

По обыкновенію шла бесѣда въ курилкѣ съ начальникомъ, который уже окончательно обворожилъ всѣхъ своей простотой, искренностью; разсуждали о томъ, что сборы хотя и поправляются, публика видимо опять начинаетъ интересоваться театромъ, но все какъ-то туго, и какія бы принять мѣры, чтобы еще болѣе расположить ее къ театру. Вдругъ онъ предлагаетъ слѣдующій способъ:

— А что вы скажете, господа, если одинъ разъ въ недѣлю мы всѣ будемъ сбираться у меня? Конечно, прошу запросто, по дѣлу, и будемъ обсуждать сообща, какъ и что намъ предпринять? Я думаю, что это можетъ помочь бѣдѣ.

Предложеніе небывалое, изъ котораго можно видѣть, съ кѣмъ мы имѣли дѣло. Всѣ съ восторгомъ ухватились за эту мысль, такъ какъ, дѣйствительно, это лучшій способъ стряхнуть спячку, общій застой.

Является режиссеръ съ докладомъ, что сцена готова, можно начать,—и сюрпризъ ему тоже готовъ:

— С. А., я сейчасъ предложилъ... и въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ дѣло.

Тутъ самъ Талейранъ позавидовалъ бы умѣнію нашего режиссера скрывать свои мысли!... но отъ насъ — лицедѣевъ, ничего укрыться не могло!... Мы были слишкомъ хорошо знакомы съ этимъ типичнымъ, не русскимъ лицомъ и ясно видѣли сокращеніе мускуловъ, исказившихъ его неожиданностью и злобой!... Правда, это было только пойманное мгновеніе, какъ молнія, а слѣдующее — оно уже озарилось улыбкой и полнымъ согласіемъ: „Что лучшаго способа и придумать невозможно“.

Такъ какъ было получено такое искреннее согласіе со стороны главнаго составителя репертуара, вѣра въ котораго видимо все росла и укрѣплялась у начальника, то въ слѣдующій антрактъ былъ опредѣленъ день и часъ перваго совѣщанія.

Впрочемъ, на первое режиссеръ не явился, объясняя свое отсутствіе спѣшной, неотложной работой.

Хозяинъ и хозяйка оказались простыми, радушными людьми; въ присутствіи ихъ каждый чувствовалъ себя, какъ дома.

Первое совѣщаніе было горячо, велось энергично и въ будущемъ обѣщало принести ту пользу, на которую всѣ разсчитывали и надѣялись. Второе, третье обсужденіе, несмотря на молчаливое присутствіе главнаго режиссера, велось удачно, а далѣе стали происходить задержки въ рѣшеніяхъ, маленькіе споры, неудовольствія, и эти проявленія, къ несчастью, росли и множились. Почему? Думаю, мелкихъ причинъ было не мало, а главная—это справедливость русской

пословицы: „своя рубашка ближе къ тѣлу“; съ этимъ же чувствомъ всякая забота объ общемъ благѣ отходитъ на второй планъ. Такъ и въ этомъ дѣлѣ: каждый старался предлагать ту пьесу, гдѣ для него имѣлась интересная роль. А общее благо, публика? Конечно, никто не скажетъ прямо, но думаетъ каждый: „Разъ я играю роль, которая мнѣ нравится, а я, разумѣется, играю ее хорошо (въ глубинѣ души: съ неподражаемымъ совершенствомъ), вотъ и благо для публики видѣть меня и наслаждаться“.

Несмотря на то, что тотъ, кому принадлежала иниціатива этихъ совѣщаній, какъ предсѣдатель велъ себя мастерски, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону, заботясь только о примиреніи и равновѣсіи общихъ интересовъ,—но эти стремленія не приводили къ желанной цѣли. Червь самолюбія, да какого! актерскаго!... точилъ и точилъ всѣхъ и вызывалъ раздраженіе.

Съ каждымъ совѣщаніемъ общее волненіе усиливалось, многіе стали отставать, не являться подъ разными предлогами, и, наконецъ, совѣщанія заглохли и прекратились совсѣмъ.

Эта неудача въ душѣ предсѣдателя, замѣтно поселила разладъ. Всѣ его добрыя намѣренія примирить, успокоить, разбились о наше самолюбіе и неуступчивость. Были и другія причины, которыя заставили его измѣнить свое мнѣніе о нѣкоторыхъ изъ насъ. Увы!... въ какомъ же обществѣ не бываетъ исключеній. Кромѣ того, думается, что на дальнѣйшія его отношенія къ намъ отчасти повліяло и режиссерское воздѣйствіе, а мы нашими распрями и иными поступками, только подтвердили его прежнія увѣренія въ нашу неподготовленность къ самопомощи. На этотъ разъ онъ былъ правъ; глубоко вѣрю, что главными виновниками неудачи были мы сами. Я не кладу вины на всѣхъ, это была бы клевета, но гдѣ же видано, чтобы въ цѣломъ стадѣ овецъ не нашлось одной или двухъ испорченныхъ.

Съ окончаніемъ совѣщаній, нашъ бывшій предсѣдатель замѣтно сталъ избѣгать посѣщенія курилки, хотя бывалъ на сценѣ почти каждый антрактъ, что̀ вызывало со стороны нѣкоторыхъ изъ насъ недостойное глумленіе по его адресу.

Разъ задавшись мыслью помочь дѣлу хоть въ будущемъ, онъ не оставилъ ее, несмотря на неудачу перваго опыта. Онъ чаще и чаще сталъ посѣщать театральную школу и, наконецъ, рѣшилъ возобновить давно упраздненные драматическіе классы, пригласивъ въ преподаватели Г. Н. Ѳедотову и О. А. Правдина.

Оба, безъ всякаго вознагражденія со стороны дирекціи, съ полной охотой и любовью принялись за дѣло.

Какъ во времена Щепкина и Самарина, ими были приглашены къ участію молодые начинающіе актеры и актрисы. Впрочемъ, ника-

кихъ приглашеній и дѣлать не нужно было, такъ какъ всѣ сами наперерывъ другъ передъ другомъ просили ихъ объ этомъ, не только драматическіе, но даже и балетные; кромѣ того стали являться и посторонніе, не принадлежащіе къ театру.

Въ первую же зиму дѣло пошло успѣшно; маленькія комедіи, сцены, даже такія произведенія, какъ „Снѣгурочка“ Островскаго. Все это было только начало, первые шаги, а съ такими преподавателями смѣло можно было надѣяться на блестящее будущее.

Возстановитель классовъ видимо былъ въ полномъ восторгѣ. Г. Н. Ѳедотова пригласила на спектакль нашего бывшаго учителя И. В. Самарина; вообще, всѣ, кто служилъ дѣлу, а не лицамъ и собственному „мамону“, видѣли въ этой нелегкой работѣ двухъ даровитыхъ товарищей доброе будущее нашей родной сцены и заботу о благѣ театра нашего предсѣдателя.

Прошла зима, наступило вакаціонное время, и занятія прекратились. Съ августа снова начался наплывъ учениковъ, еще большій, чѣмъ раньше, преподаватели же не только не уменьшили своей энергіи, а еще болѣе отдались принятому на себя дѣлу.

Не могу утверждать, въ августѣ или сентябрѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что А. Н. Островскій поступаетъ къ намъ завѣдующимъ сценой, а А. А. Майковъ—завѣдующимъ хозяйственной частью. Нашъ предсѣдатель остается только управляющимъ конторой. Поступленіе Майкова до насъ не касалось и намъ было все равно, тотъ ли, другой ли, но поступленіе Островскаго, во всей труппѣ безъ исключенія, вызвало восторгъ неописуемый!.. Еще бы!.. Самъ Александръ Николаевичъ!.. Да такое счастье можно было видѣть только во снѣ. Кто изъ насъ не зналъ его, когда онъ по двѣ, по три недѣли бывалъ у насъ, ставя свои произведенія!.. Кто не слыхалъ несравненнаго чтенія пьесъ, когда онъ знакомилъ насъ съ ними!.. Кто не видалъ его, ходящаго позади сцены съ заложенными руками за спину и внимательно слушавшаго репетицію? Кому изъ насъ не случалось обращаться къ нему, какъ къ автору, за дозволеніемъ сократить въ своей роли то, что нѣсколько задерживало ходъ и стѣсняло актера. И какой отвѣтъ получался на это:

„А мнѣ что за дѣло? Я не судья въ этомъ случаѣ. Вамъ нужно, васъ стѣсняетъ, и выкидывайте, что хотите. Я писалъ, а принимать на себя приходится вамъ, значитъ, вамъ оно и чувствительнѣе“. Многіе же другіе авторы, обыкновенно, не только не позволятъ выкинуть ни одного слова, а если даже случайно выйдетъ перестановка ничтожной фразы, такъ ужъ слышите замѣчаніе автора отъ суфлерской будки: „Вы переставили фразу“. Это, видите ли, авторъ обладаетъ своеобразнымъ языкомъ, въ его произведеніи нельзя ни одного слова ни выкинуть, ни переставить.

Вся труппа въ полномъ составѣ поѣхала на Николаевскій вокзалъ встрѣчать дорогаго каждому писателя, начальника и человѣка. Заранѣе былъ заказанъ обѣдъ, куда прямо съ вокзала и поѣхали всѣ.

Тутъ произошелъ маленькій, въ сущности, ничтожный инцидентъ: вмѣстѣ съ Островскимъ пріѣхалъ и Майковъ; мы это знали раньше и желали пригласить и его, какъ новаго хозяина, такъ сказать, просить его сдѣлать намъ честь своимъ присутствіемъ, но когда Александръ Николаевичъ вышелъ изъ вагона, гдѣ сидѣлъ и Майковъ, мы уже видѣли только одного Островскаго, Майкова съ нимъ не оказалось: онъ куда-то шмыгнулъ и скрылся. Это странное исчезновеніе Александръ Николаевичъ объяснилъ такъ:

— Онъ чувствуетъ себя усталымъ и на обѣдѣ быть не можетъ.

Мы пожалѣли и не приписывали этому никакой иной причины, кромѣ сказанной Александромъ Николаевичемъ. „Но умыселъ другой тутъ былъ“ и объ обѣдѣ съ нами, какъ баринъ стараго закала, имѣлъ собственное соображеніе.

Обѣдъ былъ въ высшей степени интересный своими рѣчами, какъ главнаго виновника его, такъ и со стороны актеровъ. Даже нашъ знаменитый художникъ-парикмахеръ Bienvenue (Сильванъ), на невообразимо ломаномъ русскомъ языкѣ, не преминулъ сказать нѣсколько сердечныхъ привѣтственныхъ словъ великому драматургу, равно какъ и объ ожидающей насъ новой эрѣ. Смыслъ получилъ общее одобреніе, но слова, которыми была высказана рѣчь, увы!.. вызвали смѣхъ.

Прошло дня три, Александръ Николаевичъ заявляетъ на репетиціи, что Майковъ желаетъ представиться труппѣ и для этого назначается такой-то день.

— Только прошу васъ во фракахъ, господа. Вѣдь онъ у насъ чудакъ большой руки и обожаетъ парады. Ужъ сдѣлаемъ ему это удовольствіе, дальше онъ нашего дѣла касаться не будетъ, онъ только по хозяйству мастакъ.

День назначенъ, репетиціи нѣтъ, и вся труппа, разодѣтая парадно, ожидаетъ на сценѣ Островскаго и Майкова. Одиннадцать часовъ; капельдинеръ вбѣгаетъ, запыхавшись, и гласитъ: „Пріѣхали, идутъ“. Первымъ входитъ Александръ Николаевичъ, въ мундирѣ, за нимъ, сѣменя ножками, показался маленькій, невзрачный, еще не старый человѣчекъ, тоже въ мундирѣ.

— Вотъ тебѣ, Аполлонъ Александровичъ, вся наша труппа.

Маленькій человѣчекъ на эту рекомендацію какъ-то странно кивнулъ головкой, не то намъ, не то Островскому, и при этомъ отвѣтилъ только однимъ звукомъ—„Г-мъ!..“ Оба пошли по линіи стоящихъ актеровъ и актрисъ.

Александръ Николаевичъ, останавливаясь передъ каждымъ, назы-

валъ имя и фамилію, Майковъ тоже пріостанавливался, — быстро взглядывалъ въ лицо, произносилъ—„Г-мъ!..“ и шелъ дальше. Наконецъ, дошелъ до машиниста Малаго театра, маленькаго, толстенькаго человѣчка (который еще наканунѣ преусердно просилъ Александра Николаевича представить Майкову и его). „Вотъ нашъ машинистъ К—въ“, произнесъ Александръ Николаевичъ.

Майковъ сравнительно долго, въ упоръ, смотрѣлъ ему въ лицо и тоже произнесъ только—„Г-мъ!..“

Такъ обойдя всѣхъ до послѣдняго человѣка, не сказавъ никому ни одного слова, онъ тѣмъ же порядкомъ направился къ выходу, а за нимъ уже слѣдовалъ Александръ Николаевичъ.

Да простятъ мнѣ это сравненіе: сцена представленія ужасно походила на осмотръ лошадей.

По уходѣ начальниковъ всѣ остались въ какомъ-то недоумѣніи на нѣсколько секундъ. Вдругъ раздается голосъ Владиміра Александровича Макшеева:

— А знаете, господа!.. Мнѣ понравилась рѣчь Майкова, очень искренна, сердечна, а главное—не пустословитъ.

Эта выходка завершилась аплодисментами и общимъ хохотомъ.

III.

Недѣли за двѣ до извѣстія, которое дошло до труппы о назначеніи Островскаго, всѣ были очень удивлены полученнымъ репертуаромъ, выдаваемымъ обыкновенно на недѣлю, гдѣ значились двѣ пьесы давно забытаго Островскаго. Послѣ встрѣчи его, какъ начальника, опять двѣ пьесы на одной недѣлѣ. Александръ Николаевичъ заявилъ главному режиссеру и составителю репертуара:

— Вотъ что, С. А., покорнѣйше прошу моихъ пьесъ не ставить. Я поступилъ совсѣмъ не для этого; мнѣ еще и такъ предстоитъ ставить „Воеводу“, такъ оно и неблаговидно выходитъ.

Вскорѣ, дѣйствительно, назначена была читка „Воеводы“; читаетъ авторъ, а это всегда было праздникомъ для всѣхъ: не только участвующіе, а и неучаствующіе всегда являлись слушать это дивное, несравненное чтеніе. На этой читкѣ Александръ Николаевичъ заявилъ слѣдующее:

— Я, господа, ввожу для постановки всѣхъ новыхъ пьесъ такое правило: кромѣ этой читки, еще будетъ три. Поставимъ на сценѣ столы, засядемъ всѣ, и каждый будетъ читать свою роль, давая по

возможности тонъ и характеръ лица. Это важно потому, что всѣ участвующіе будутъ вслушиваться въ общій строй и такимъ образомъ все сольется въ единый хоръ. Прямо переходя къ движеніямъ и игрѣ на сценѣ, этого строя достигнуть очень трудно. И вы увидите это на дѣлѣ, когда мы начнемъ репетицію послѣ этихъ трехъ считокъ. Дальше считаю необходимыми генеральныя репетиціи въ костюмахъ: это также хорошая провѣрка того, что сдѣлано.

Такъ въ первый разъ былъ поставленъ „Воевода“, и всѣ отъ мала до велика почувствовали, что это нововведеніе принесло исполненію дѣйствительно такую огромную пользу, о которой можно было только мечтать. Эта новость замѣтно отразилась и на общемъ вниманіи публики. Такимъ же порядкомъ ставилась трагедія „Марія Стюартъ“ и всѣ другія послѣдующія.

Бесѣдуя въ „курилкѣ“ о томъ, о другомъ, Александръ Николаевичъ поинтересовался узнать о школѣ; отвѣты получились смѣшанные: отъ служащихъ „мамону“—насмѣшка и глумленіе, разумѣется, съ такими прикрасами, которыхъ не было и быть не могло; отъ другихъ, наоборотъ, очень благопріятные отзывы.

— Надо будетъ взглянуть, что они тамъ творятъ.—Но Г. Н. Ѳедотова ускорила дѣло и сама просила его взглянуть на ихъ занятія. Пріѣхалъ Александръ Николаевичъ, смотрѣлъ весь спектакль (въ школѣ) и остался, повидимому, очень доволенъ.

Сколько прошло времени послѣ посѣщенія школы, не могу вспомнить, только стали у насъ ходить странные слухи, что Александръ Николаевичъ думаетъ преобразовать драматическіе классы и что у него уже составленъ проектъ о полномъ переустройствѣ. Пока дальше слуховъ дѣло не шло.

Въ школѣ все дѣлалось, какъ и раньше, и спектакль за спектаклемъ шли своимъ чередомъ.

Вдругъ узнаемъ, что Гликерія Николаевна Ѳедотова взыскана высочайшей милостью: ей пожалованы великолѣпныя изумрудныя серьги, но, въ виду преобразованія школы и драматическихъ классовъ, занятія въ нихъ на время прекращаются.

Многіе искренно пожалѣли о закрытіи классовъ, на которые возлагалось столько надеждъ, но утѣшались тѣмъ, что это временно, а дальше опять безкорыстные работники будутъ продолжать начатое дѣло. Другіе почему-то необыкновенно радовались, или, вѣрнѣе, злорадствовали, по секрету увѣряя всѣхъ, что Александръ Николаевичъ уже намѣтилъ преподавателемъ петербургскаго актера — ветерана Бурдина. А пока на мѣстѣ живаго дѣла помѣстился—проектъ.

Между тѣмъ, пьесы, поставленныя Островскимъ, дѣлали огромные, небывалые сборы; театръ, публика, актеры видимо ожили.

Нашъ симпатичный начальникъ и возстановитель драматическихъ классовъ совсѣмъ пересталъ бывать въ театрахъ и занимался только конторой. Она же кстати очень возрасла численностью служащихъ. Напримѣръ: во всей конторѣ при Верстовскомъ было только четыре стола, всѣхъ столоначальниковъ и писцовъ не болѣе двѣнадцати, тринадцати человѣкъ, а когда я оставилъ службу въ 1901-мъ году, штатъ служащихъ, или, какъ у насъ говорили, начальствующихъ лицъ, былъ слишкомъ девяносто человѣкъ.

—

IV.

Съ самаго основанія театровъ еще не было такого хозяина-эконома, да вѣроятно и впредь никогда не будетъ, какимъ былъ Аполлонъ Александровичъ Майковъ. Во всѣхъ казенныхъ зданіяхъ, принадлежащихъ дирекціи, не осталось ни одного подвала, ни одного помѣщенія, не исключая и чердаковъ, которые бы онъ не осмотрѣлъ и тщательно не изслѣдовалъ. Погреба, сараи, амбары, амбарушки, чуланы, всѣ закоулки, гдѣ что-либо могло храниться, все было принято во вниманіе.

Весь хозяйственный инвентарь, лопаты, ломы, кирки, метлы и такъ далѣе, все было провѣрено, подсчитано, сдано и строго-настрого велѣно хранить и беречь пуще глаза.

Каждый день съ самаго ранняго утра начинался просмотръ и провѣрка, что взято, сколько, чего, для какихъ надобностей, и чего и сколько должно остаться. Вдругъ запросъ вахмистру—хранителю вещей:

— Гдѣ метлы?—куда дѣвались метлы?—Третьяго дня ихъ былъ тутъ цѣлый уголъ!

— Вчерашняго числа, ваше превосходительство, отправлено въ Малый театръ 50-ть штукъ, да въ Большой 75-ть, въ школу—тоже 30-ть.

— Что они съ ума сошли, по сколько берутъ?

— Время зимнее, ваше превосходительство, метла,—вѣдь она ломается.

— Г-мъ!.. завтра нужно покупать. Утромъ иди въ Охотный рядъ и жди меня.

— Слушаю-съ.

— А песокъ-то весь тутъ, только и осталось?

— Точно такъ, ваше превосходительство. Гололедь была два дня, много извели. Прикажите требовать".

И такъ въ этомъ духѣ чуть не каждый день происходилъ осмотръ всего. Склады находились при зданіи конторы; тутъ главнымъ образомъ и происходили эти сцены. Но въ самую контору, гдѣ помѣщались столы со столоначальниками, онъ заглянулъ всего одинъ разъ при пріемѣ всего хозяйства, далѣе же всѣ три года службы не былъ ни разу, но, конечно, прекрасно зналъ все.

Слово „контора“ раздражало его и приводило въ трепетъ!.. такъ онъ почему-то ненавидѣлъ это учрежденіе. Поэтому устроилъ себѣ кабинетъ въ новой школѣ, куда и являлись чиновники по хозяйственной части съ докладомъ о требованіи режиссеровъ по составленнымъ монтировкамъ всего, что нужно для новыхъ пьесъ. Особенно раздражали его монтировки оперныя и балетныя.

— Это что такое?! 500 аршинъ бархату... Да это грабежъ!.. Плисъ, плисъ, плисъ, плисъ и больше ничего. Вотъ еще прелесть!.. Атласъ, канаусъ!.. Да вы что, разорить хотите дирекцію?

— Ваше превосходительство, контора составила смѣту, сообразясь съ требованіями монтировки, а точно ли это необходимо, мы судить не можемъ.

— Не можете?—такъ-съ!.. а вы скажите имъ... такъ и скажите, не желаютъ ли они коленкору... такъ и скажите, что это я приказалъ спросить. Боже милосердный!.. Да это что жъ такое!.. Горностай понадобился!.. Нѣтъ-съ, каково-съ? горностай!—съ ума сошли, прямо всѣ режиссеры съ ума сошли. Скажите имъ, я разрѣшаю—бѣлый коленкоръ, и пусть обошьютъ хвостиками изъ чернаго сукна, вмѣсто настоящихъ. Какой чортъ разберетъ оттуда. настоящіе они или нѣтъ, никто провѣрять и ощупывать не пойдетъ. Такъ и скажите тамъ у себя, въ вашей конторѣ.

Такія препирательства происходили при всѣхъ требованіяхъ, особенно, гдѣ дѣло касалось дорогихъ предметовъ, напримѣръ, высокихъ сапогъ съ раструбами для оперныхъ спектаклей.

— Сорокъ рублей!.. Господи помилуй, да это разбой! дневной грабежъ!.. Помилуйте, пара сапогъ сорокъ рублей, неугодно ли-съ! Ну, первыя роли, такъ и быть, пару, двѣ разрѣшить можно, а тутъ еще цѣлая свита придворныхъ, какихъ-то рыцарей. Другой и пропищитъ то полторы ноты, а ты ему сапоги въ сорокъ рублей подавай. Нѣтъ-съ, нѣтъ, не разрѣшаю-съ! Пусть картонные что-ли какіе, или лубочные сдѣлаютъ бутафоры, декораторы подкрасятъ, поддѣлаютъ и пусть надѣваютъ ихъ, какъ гамаши, а настоящихъ отъ этого грабителя Пироне, такъ и передайте тамъ вашей конторѣ, я не разрѣшаю.

Приходитъ костюмеръ съ портными въ Малый театръ на репетицію примѣривать боярскіе кафтаны, шубы, вновь сшитые для персо-

нажей. Матеріалъ пріобрѣтенъ самимъ Майковымъ, гдѣ-то по дешевымъ цѣнамъ. Нужно было удивляться, гдѣ онъ добылъ, отыскалъ такую заваль!.. Парча не парча, Богъ ее знаетъ, что такое! И ко всему этому, полы, спины, воротники, рукава обшиты позументомъ, который употребляется для обивки дешевыхъ гробиковъ. Этого матеріала онъ накупилъ цѣлую уйму на всякій случай. Портные жалуются: „помилуйте, совсѣмъ пришивать невозможно-съ! отъ иголки прорывается“.

Цѣлые два года еще послѣ смерти Александра Николаевича онъ мучилъ всѣхъ такой странной разсчетливостью.

Наконецъ, всѣ возопіяли и не хотѣли выходить на сцену въ такихъ костюмахъ. Жалоба дошла до Петербурга, и его просили по возможности разрѣшать лучшій матеріалъ. Этого было довольно, чтобъ онъ тоже возопіялъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ потворствовать транжирству я не желаю,—и подалъ въ отставку, объясняя всѣмъ: „грабежъ, грабежъ, чистый грабежъ!“.. За всѣмъ усмотрѣть невозможно. Простой метлы нельзя поручить купить, все самому нужно, а не доглядѣлъ и попался. Вдругъ докладъ: въ Большомъ театрѣ во время бывшаго града на 800 рублей стеколъ выколочено. Оставить нельзя, приказалъ вставить. Недѣли черезъ двѣ, пріѣзжаю рано утромъ въ театръ, иду въ фойэ, посмотрѣть, все ли въ порядкѣ, натерты ли полы. Спрашиваю сторожа, гдѣ тутъ у васъ особенно много стеколъ побило?

— Когда-съ?

— А вотъ когда градъ былъ?

— У насъ, говоритъ, ваше превосходительство, слава Богу-съ!.. всего, говоритъ, вотъ съ этой стороны не то пять, не то шесть стеколъ побило. Такъ я и присѣлъ на мѣстѣ! Помилуйте, развѣ тутъ убережешься!

П. Р.

Къ исторіи харьковскаго земскаго ополченія въ 1812 году.

(По семейному архиву рода Хорватовъ).

Въ сентябрѣ 1902 года, въ слободѣ Головщинѣ, Грайворонскаго уѣзда, Курской губерніи, у мѣстныхъ купцовъ, братьевъ Власенковъ, нашелъ я большую связку старыхъ бумагъ Хорватовскаго семейнаго архива. Головщина, нынѣ принадлежащая графу Толстому, въ теченіе болѣе столѣтія была достояніемъ рода Хорватовъ. Тамъ на покоѣ, въ отставкѣ, проживалъ Іосифъ Ивановичъ Хорватъ, правитель сначала Воронежской, а затѣмъ Екатеринославской губерніи; тамъ же жилъ сынъ его Иванъ Осиповичъ, памятный и теперь въ Курской и Харьковской губерніяхъ по открытому образу жизни и страсти къ театру и музыкѣ; жилъ тамъ и послѣдній изъ головщинскихъ Хорватовъ, сынъ Ивана Осиповича, Николай Ивановичъ, нѣсколько трехлѣтій бывшій мѣстнымъ предводителемъ дворянства. Николай Ивановичъ умеръ одинокимъ. Послѣ его смерти, въ числѣ другаго имущества, былъ растащенъ семейный архивъ, и только благодаря Власенкамъ, которые скупили бумаги у мѣстныхъ крестьянъ, архивъ уцѣлѣлъ отъ окончательнаго истребленія. Сохранившіяся бумаги главнымъ образомъ касаются Іосифа Ивановича Хорвата и относятся къ концу XVIII и началу XIX вѣка.

Предлагаемое сообщеніе извлечено мною изъ этой группы этихъ бумагъ, которая составилась очевидно при оправданіи себя Іосифомъ Ивановичемъ Хорватомъ въ глазахъ императора Александра I-го, неблагосклонно отнесшагося къ протесту Хорвата по случаю образо-

ванія въ 1812 году Харьковскаго ополченія. Бумаги эти даютъ довольно цѣнный матеріалъ для уясненія общественнаго настроенія и взаимныхъ отношеній мѣстныхъ дѣятелей того времени.

24-го сентября 1812 года состоялось опредѣленіе собранія предводителей слободско-украинскаго дворянства объ образованіи „ополченія для собственной защиты".

Подробности образованія ополченія обсуждались въ собраніи предводителей 26-го сентября.

Губернскій предводитель Андрей Ѳедоровичъ Квитко сдѣлалъ собранію слѣдующее заявленіе:

„Столица государства нашего Москва, по несчастнымъ обстоятельствамъ, находится въ рукахъ непріятеля; многократныя побѣды наши не останавливаютъ его стремленія на Россію; губерніи, близкія къ театру войны, подняли оружіе и поголовно вооружились на собственную защиту. Разоривъ мѣста, чрезъ которыя проходилъ непріятель къ Москвѣ, онъ не можетъ ни возвращаться чрезъ оныя, ни избрать ихъ зимними своими квартирами; а сіе и даетъ намъ поводъ къ опасенію, что, въ случаѣ пораженія своего, обратный путь его можетъ быть близко къ нашимъ мѣстамъ; въ случаѣ же, если бы принятый планъ ретирады продолжался, то арміи, приближаясь къ нашимъ предѣламъ, подвергали бы насъ всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя отъ дѣйствій военныхъ вблизи неминуемо происходятъ. Извѣстно, что бѣглецы изъ армій, составляя большія кучи, разбойничаютъ, разоряютъ, истребляютъ и сожигаютъ такія селенія, которыя во ста или болѣе верстахъ отъ мѣстъ, проходимыхъ арміями, находятся. А потому всѣ сіи обстоятельства и должны обратить на себя вниманіе наше, яко такихъ особъ, которымъ дворянство ввѣрило всѣ пользы свои, защиту собственности и все благосостояніе. Краткость времени не позволяетъ составить общее дворянское собраніе, а положеніе обстоятельствъ требуетъ рѣшительныхъ мѣръ; и потому долгомъ поставляю собранію войти въ подробнѣйшее обо всемъ, до того предмета относящемся, разсужденіе, и, собраніемъ своимъ представляя лицо всего дворянства, приступить къ средствамъ опредѣлительнымъ и такимъ, которыя бы дали, елико то возможно, способы къ огражденію нашего края, чести и безопасности губерніи".

Собраніе предводителей приняло въ собраніи слѣдующія обстоятельства: 1) общее собраніе дворянства уже изъявило готовность, сверхъ выставляемыхъ изъ 50 душъ по одному казаку, выставить въ случаѣ надобности новыя силы, о чемъ 31-го іюля составленъ былъ приговоръ; 2) мѣстный гражданскій губернаторъ, бывъ извѣстенъ о желаніи казенныхъ поселянъ участвовать въ вооруженіи, вслѣдствіе тогдашнихъ обстоятельствъ, угрожавшихъ Москвѣ, изъ-

явилъ свое согласіе на то, чтобы дворянство и на ихъ счетъ сдѣлало опредѣленіе; 3) приведеніе въ дѣйствіе этихъ предположеній было остановлено высочайшимъ манифестомъ, по которому губерніямъ, болѣе отдаленнымъ отъ Москвы, не велѣно выставлять ополченія, такъ какъ ополченія, выставленнаго губерніями, окружающими Москву, оказалось достаточно для защиты столицы. „Но какъ обстоятельства съ того времени приняли совсѣмъ другой видъ; опасность сдѣлалась большею и военныя дѣйствія приближаются къ нашимъ предѣламъ,—говорится въ протоколѣ собранія предводителей,—то, не имѣя достаточнаго времени на составленіе общаго дворянскаго собранія, собраніе предводителей, полагая, что воля дворянства рѣшительно изъяснена въ приговорѣ 31-го іюля, общимъ подписаніемъ утвержденнымъ, въ которомъ дворянство опредѣлило въ случаѣ надобности выставить для собственной защиты новыя силы; а какъ надобность сія существуетъ теперь болѣе, нежели когда-либо, то потому и опредѣляемъ:

1) Приговоръ, общимъ дворянскимъ собраніемъ учиненный, о выставленіи въ случаѣ надобности новыхъ силъ для собственной защиты, привести въ исполненіе, и для того предводителямъ, отправясь въ свои уѣзды, составить тотчасъ въ оныхъ собранія и приступить къ назначенію ратниковъ съ каждыхъ пятидесяти душъ по одному человѣку. Но если дворянству какого уѣзда угодно будетъ сіе ополченіе выставить въ большемъ числѣ, то сіе отъ собственнаго его произволенія зависитъ.

2) Такое ополченіе есть слѣдствіе желанія всего дворянства, обнаруженнаго въ первый день бывшаго общаго собранія, когда всѣ почти желали выставить ратника изъ 25 душъ; но опредѣливъ на первый разъ выставить половину оныхъ, предоставляли употребить остальное число тогда, когда положеніе дѣлъ того потребуетъ. Но какъ, по волѣ всемилостивѣйшаго государя нашего, рекрутскій наборъ назначенъ съ 50 душъ, то, замѣняя оный въ число назначеннаго вооруженія намъ остается, вслѣдствіе учиненнаго общимъ собраніемъ приговора, выставить еще таковое же число, и тогда лишь только жертва, отечеству нами приносимая, сравнится съ пожертвованіемъ всѣхъ сосѣднихъ нашихъ губерній, ибо, не уступая никому изъ нихъ въ любви къ отечеству, и мы способны къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя на вѣчныя времена прославятъ дворянство россійское и которыя теперь во всемъ блескѣ обнаружены тѣмъ, что многіе дворяне въ губерніяхъ, близкихъ къ военнымъ дѣйствіямъ, взявъ съ собой всѣхъ людей, годныхъ къ поднятію оружія, присоединились къ арміи.

3) Дворянство, крестьяне наши и казенные крестьяне всѣхъ наименованій, мы всѣ подданные одного государя, всѣ сыны того же

отечества, которое, къ сожалѣнію нашему, непріятели теперь разоряютъ! Намъ угрожаютъ одинаковыя опасности; мы должны быть соединены воедино, должны быть связаны во всѣхъ пользахъ нашихъ! А потому и вооруженіе должно быть совокупное. Желаніе ихъ къ тому при всякомъ случаѣ обнаруживается, и если бы предложено имъ было и поголовное вооруженіе, подобно какъ въ другихъ губерніяхъ, то со всею охотою они бы къ тому приступили. Если при обстоятельствахъ менѣе важныхъ, при одномъ только опасеніи, что непріятель ворвется во внутренность Россіи, его превосходительство г. здѣшній губернаторъ позволилъ дворянству дѣлать свое назначеніе и на счетъ казенныхъ крестьянъ, бывъ увѣренъ въ ихъ согласіи, то можно ли сомнѣваться, что при теперешнемъ положеніи, когда древняя столица наша и многія губерніи находятся въ рукахъ непріятельскихъ, казенные крестьяне не раздѣлятъ съ нами части ополченія. А потому дворянство, въ лицѣ предводителей своихъ, относится къ его превосходительству и покорнѣйше проситъ возобновить данное прежде позволеніе, полагая то необходимо нужнымъ.

4) Вооруженіе назначаемаго ополченія есть важнѣйшій предметъ занятія собранія предводителей, а потому они съ полною довѣренностію относятся къ дворянству и всѣмъ прочимъ состояніямъ и просятъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ у себя пушки, ружья, пистолеты и сабли, принести ихъ въ жертву для собственной защиты, съ тѣмъ, что, по минованіи надобности, оныя имъ возвратятся; для сего, полагая на каждомъ изъ нихъ свои знаки, да благоволятъ представлять оныя къ уѣзднымъ предводителямъ, отъ которыхъ въ принятіи того оружія выдаваемы будутъ росписки.

5) Отъ воли и желанія дворянства зависитъ, коликое число казаковъ назначить конныхъ и пѣшихъ; какимъ образомъ произвести назначеніе для оныхъ опытныхъ и надежныхъ чиновниковъ изъ дворянства; какое назначить для нихъ и ратниковъ содержаніе и прочіе расходы. На все сіе должно быть сдѣлано положеніе въ уѣздномъ собраніи,—ибо вооруженія каждаго уѣзда, покуда не встрѣтится надобность вывести оное на границы губерніи, должны быть подъ вѣдѣніемъ предводителя того уѣзда и избранныхъ военныхъ чиновниковъ, по удобности, какую сей по долгу своему имѣетъ на доставленіе всего нужнаго для ополченія, по надобности сохраненія должнаго въ уѣздѣ порядка.

6) Предводители, бывъ извѣстны, что нѣкоторые помѣщики имѣютъ пушки, годныя быть употребленными для защиты, и имѣя ихъ въ виду болѣе 20, употребятъ все стараніе испросить ихъ въ жертву, или пріобрѣсти другимъ образомъ, и, избравъ офицеровъ отставныхъ изъ артиллеріи, приведеніе оныхъ въ порядокъ поручать имъ. Для пріисканія же пороху и снарядовъ возьмутъ особыя мѣры.

7) Дабы дать возможность усердію всѣхъ состояній обнаружиться на защиту отечества, подобно какъ то происходило въ столицахъ и другихъ губерніяхъ, всѣ желающіе сдѣлать пожертвованія деньгами, порохомъ, свинцомъ, хлѣбомъ всякаго рода, виномъ, сѣномъ и овсомъ, представляютъ оныя въ уѣздахъ предводителямъ оныхъ, которые, выдавая въ полученіи принятаго росписки, отдаютъ пожертвованія на храненіе избраннымъ казначеямъ и коммиссарамъ.

8) Всякаго состоянія и званія люди, не состоящіе въ спискахъ дворянъ и на службѣ, кромѣ крестьянъ помѣщичьихъ, буде желаютъ добровольно быть защитниками отечества, объявляютъ о желаніи своемъ въ уѣздахъ предводителямъ и поступаютъ въ составъ ополченія по ихъ усмотрѣнію; а въ городѣ Харьковѣ они имѣютъ являться къ губернскому предводителю, изъявляя при томъ, имѣютъ ли на то свое оружіе, а буде желаютъ служить въ конницѣ—то лошадь, и могутъ ли служить на своемъ содержаніи; таковые войдутъ тотчасъ въ составъ ополченія, а безоружные и не могущіе сами себя содержать—внесутся въ особый списокъ, дабы по соображеніи числа оныхъ съ числомъ пожертвованной суммы сдѣлать тогда о нихъ положеніе.

9) Просить его превосходительство г. губернатора, чтобы отставныхъ изъ военной службы унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ можно было употребить на службу въ ополченіяхъ въ каждомъ уѣздѣ; таковыхъ дворянство беретъ на свое содержаніе, обѣщая выдавать имъ жалованье и платить подати за тѣхъ, которые состоятъ въ подушномъ окладѣ.

10) Если бы по какимъ-либо причинамъ не послѣдовало намъ позволенія составить ополченія соединенно съ казенными обывателями, въ такомъ разѣ по многимъ важнымъ причинамъ и мы не можемъ приступать къ составленію своего ополченія".

Въ томъ же собраніи предводителей 26-го сентября было опредѣлено: „для точнаго и вѣрнаго свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, отправить депутата Изюмскаго уѣзда г. капитана Сергѣя Алексѣевича Левшина, которому препоручаемъ выполнить слѣдующее:

1) Прибывъ къ арміи, явиться у г. дежурнаго генерала и чрезъ него просить быть допущеннымъ къ г. главнокомандующему арміями, его свѣтлости князю Михайлѣ Ларіоновичу Голенищеву-Кутузову, которому,

2) лично вручить изъявленіе благодарности слободско-украинскаго дворянства, за подписаніемъ предводителей; потомъ вслѣдъ затѣмъ вручить представленіе губернскаго предводителя дворянства и, получивъ на оное словесный или письменный отвѣтъ, тотъ же часъ съ нарочною эстафетою отправить оный на имя губернскаго предводителя съ увѣдомленіемъ, къ симъ обстоятельствамъ относящимся. Для

отправленія же сего эстафета г. депутату Левшину выдать изъ дворянской суммы денегъ сто рублей.

„Сіе увѣдомленіе и предписаніе его свѣтлости будетъ служить руководствомъ въ дѣйствіяхъ дворянскихъ; а потому, до полученія онаго, назначеннаго ополченія не выставлять. Но, получивъ оное и усмотрѣвъ, что дѣйствительно въ томъ настанетъ надобность, по увѣдомленію губернскаго предводителя дворянства, приговоры собранія предводителей, 24-го и 26-го сентября состоявшихся, тотчасъ привести въ исполненіе.

„Г. депутату Левшину на проѣздъ и прочіе расходы выдать изъ дворянской суммы тысячу рублей".

Письмо губернскаго предводителя слободско-украинской губерніи къ князю Кутузову, отъ 28-го сентября 1812 года, было слѣдующаго содержанія:

„Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь!

Слободско-украинское дворянство по полученіи высочайшаго манифеста, призывающаго всѣ состоянія на оборону отечества, опредѣлило составить значительное ополченіе; но въ самое то время, когда оное составлялось, послѣдовало высочайшее повелѣніе, отмѣняющее сіе ополченіе, мѣсто котораго заступилъ рекрутскій наборъ.

Побѣды вашей свѣтлости подаютъ несомнительную надежду, что врагъ знаменитыми подвигами вашими будетъ, наконецъ, истребленъ, или изгнанъ изъ предѣловъ Россіи; но по преданности слободско-украинскаго дворянства къ августѣйшему престолу и любви къ отечеству оно, желая способствовать общему дѣлу всѣми возможными ему способами, въ лицѣ моемъ осмѣливается просить вашу свѣтлость не оставить его извѣщеніемъ о томъ, что если военныя дѣйствія будутъ приближены къ предѣламъ губерніи нашей, то въ такомъ разѣ изволите ли вы, свѣтлѣйшій князь, полагать, что ополченіе сей губерніи, изъ дворянскихъ и казенныхъ крестьянъ составленное, должно быть нами приготовлено и выставлено.

Благоволите, свѣтлѣйшій князь, руководствовать насъ въ семъ разѣ повелѣніями вашими".

18-го октября губернскій предводитель Квитка получилъ отъ князя Кутузова слѣдующій отвѣтъ (отъ 8-го октября):

„Господину слободско-украинскому губернскому предводителю дворянства Квиткѣ.

Съ сердечною признательностью читалъ я отношеніе вашего превосходительства отъ лица всего слободско-украинскаго дворянскаго сословія, приписывающаго успѣхи оружія моему усердію. Я съ своей стороны справедливо долженъ сказать, что отечество будетъ признательно слободско-украинскому дворянству за усерднѣйшее напряженіе

его къ защитѣ онаго. Между тѣмъ, собраннымъ ополченіемъ должно распорядить такимъ образомъ, чтобы оное, ограждая предѣлы губерніи своей, съ той стороны, которая ближе, или можетъ быть ближе къ театру войны, пріобучалось къ порядку; когда же оному надобно будетъ дѣйствовать, то не премину снабдить его моими повелѣніями".

30-го октября собраніе предводителей и уполномоченныхъ депутатовъ отъ дворянства нѣсколькихъ уѣздовъ сдѣлало слѣдующее постановленіе:

1) Поелику побѣдоносное россійское оружіе весьма значительно перемѣнило положеніе обстоятельствъ со времени подписанія упомянутыхъ приговоровъ (т. е. 31-го іюля, 24-го и 26-го сентября) и достовѣрные полученные здѣсь слухи объ отраженіи непріятеля къ окрестностямъ Вязьмы и о преслѣдованіи бѣгущихъ его войскъ, бывъ подтверждены депутатомъ нашимъ капитаномъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Левшинымъ, который сіе утро прибылъ изъ арміи, не оставляютъ теперь мѣста опасенію, чтобы военныя дѣйствія могли приблизиться къ предѣламъ нашей губерніи; съ другой стороны, какъ не получено еще оффиціальнаго извѣстія о согласіи казенныхъ поселянъ участвовать въ мѣрахъ, принимаемыхъ дворянствомъ, наипаче же извѣстія о томъ, угодно ли будетъ правительству допустить таковое участвованіе, то и дѣйствительное составленіе предположеннаго земскаго ополченія на сей разъ пріостановить. И сіе съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что мысль дворянства была составить не столько противодѣйство образованной непріятельской арміи (къ чему ополченіе таковое безъ тяжелыхъ орудій и опытности не можетъ быть съ пользою употреблено), какъ защиту селеній сего края отъ грабительства отдѣляющихся партій, какъ то сіе видно изъ приговора 24-го сентября. Но, дабы ни въ какомъ случаѣ не понести на себѣ укоризны безпечности, не свойственной сынамъ отечества, борющагося еще съ врагами своими; дабы соотвѣтствовать прежнимъ нашимъ началамъ, которыя были изложены отъ лица дворянства губерніи нашей предъ его свѣтлостью высокоповелительнымъ защитникомъ имперіи, княземъ Михайломъ Ларіоновичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ, и заслужить его благосклоннѣйшее одобреніе, то

2) Предоставить каждому помѣщику назначить изъ поселянъ своихъ, въ сходство вышеупомянутыхъ приговоровъ, особливо же перваго (31-го іюля), изъ каждыхъ пятидесяти душъ по одному казаку, и, вооружа и снабдивъ ихъ пристойнымъ образомъ, пріучать къ военному порядку, отнюдь не отдѣляя ихъ однако отъ жилищъ и обыкновенныхъ ихъ упражненій и не составляя изъ нихъ отрядовъ ни подъ какимъ видомъ. Если же въ общемъ собраніи какого уѣзда разсуждено

будетъ составить и списки назначеннымъ въ казаки, по личной перекличкѣ оныхъ, то сіе не возбраняется, съ тѣмъ только, чтобы они послѣ сего немедленно были по домамъ ихъ распущены.

3) По полученіи разрѣшенія вышняго правительства относительно до казенныхъ поселянъ, въ уѣздахъ приступить немедленно къ назначенію способныхъ и достойныхъ чиновниковъ по числу казаковъ, предполагаемыхъ въ каждомъ уѣздѣ. Разумѣется само собою, что сіи чиновники назначатся предпочтительно изъ дворянъ, служившихъ уже въ войскѣ. Мы увѣрены, что никто не будетъ уклоняться отъ званія, опредѣленнаго ему собраніемъ его уѣзда (это значило бы самопроизвольно лишить себя добраго имени навсегда), но по первому призыву немедленно поспѣшитъ явиться къ своему мѣсту.

4) На сей же конецъ теперь же открыть у каждаго уѣзднаго предводителя подписки для безпомѣстныхъ дворянъ и разночинцевъ, желающихъ занимать мѣста въ земскомъ ополченіи, по предположенію 8-й статьи приговора 26-го сентября. Что принадлежитъ до начальниковъ губернскаго и другихъ, не подлежащихъ назначенію въ уѣздахъ, то уѣздныя собранія, при назначеніи чиновниковъ, о которыхъ выше сказано, составятъ посредствомъ баллотированія списки особъ, почитаемыхъ ими достойнѣйшими занять таковыя мѣста, и на основаніи уже сихъ списковъ рѣшительное назначеніе, равно какъ и выборъ двухъ кандидатовъ въ губернскіе начальники предоставится собранію, имѣющему составиться по образу нынѣшняго. Объ упомянутыхъ кандидатахъ представится на благоусмотрѣніе г. главнокомандующаго россійскими арміями, разумѣется въ такомъ случаѣ, если бы военныя дѣйствія приблизились къ границамъ сей губерніи.

5) Составъ предполагаемаго ополченія будетъ по примѣру милиціи, образованной въ 1807 году, слѣдовательно, всѣ чиновники должны быть тѣхъ же наименованій.

6) На основаніи предположеннаго въ статьѣ 2-й, продовольствіе нашего ополченія не потребуетъ никакихъ особенныхъ издержекъ до того времени, пока оное не приведется въ движеніе; тогда же предоставится каждому уѣзду взять приличныя и сообразныя мѣры, въ изобрѣтеніи коихъ истинный патріотизмъ никогда не находилъ затрудненій.

7) Изъ вышеписаннаго очевидно, что теперь на первый случай будетъ имѣть мѣсто назначеніе только и домашнее пріуготовленіе, а не дѣйствительное составленіе нашего ополченія, что̀ совершенно согласно и съ волею его свѣтлости высокоповелительнаго г. фельдмаршала, выраженной въ отзывѣ его къ губернскому предводителю сими словами: „когда же ополчу (т. е. ополченію) надобно будетъ дѣйствовать, то не премину снабдить его моими повелѣніями“. И

такъ дворянство будетъ ожидать повелѣній сихъ. А нынѣшнее собраніе по самому порядку вещи, и по извѣстной дѣятельности губернскаго предводителя, ввѣряемъ ему извѣщеніе дворянства, какъ объ упомянутыхъ повелѣніяхъ, такъ и вообще обо всемъ, что къ сему предмету относиться будетъ".

Однако, мысль объ образованіи ополченія для собственной защиты не встрѣтила полнаго сочувствія среди дворянъ Слободско-Украинской губерніи. Мнѣнія раздѣлились, и нѣсколько уѣздовъ высказалось противъ составленія ополченія.

Такъ въ опредѣленіи собранія дворянъ Харьковскаго уѣзда, отъ 30-го сентября 1812 г., т. е. спустя четыре дня послѣ составленія протокола собранія предводителей дворянства о подробностяхъ составленія ополченія, мы читаемъ: „Какъ на то (т. е. на составленіе ополченія) нѣтъ высочайшей волп, ниже и никакого отъ правительства повелѣнія, да и о настоящей опасности отъ врага Россіи извѣщенія здѣшняя губернія не имѣетъ, то и на таковое самопроизвольное ополченіе мы согласиться не смѣемъ и о испрошеніи о томъ дозволенія ни къ кому относиться не намѣрены, зная то, что охраненіе насъ и всей Россіи поручено прозорливому, опытному и неусыпному г-ну главнокомандующему его свѣтлости генералъ-фельдмаршалу Михайлѣ Ларіоновичу Голенищеву-Кутузову, отъ коего не было бъ упущено повелѣнія о ополченіи, если-бы для края сего какая-либо опасность настояла, да и правительство, въ случаѣ нужды, само не упуститъ сдѣлать о томъ свое распоряженіе, и тогда мы съ усердіемъ должны выполнить все то, что повелѣно будетъ".

Не присутствовавшій на этомъ собраніи помѣщикъ Харьковскаго уѣзда генералъ-лейтенантъ Іосифъ Ивановичъ Хорватъ прислалъ харьковскому уѣздному предводителю Познанскому письмо слѣдующаго содержанія (отъ 30-го сентября 1812 года):

„Милостивый государь мой, Іона Николаевичъ!

Искреннѣйше васъ благодарю за предварительное извѣщеніе о предположеніи г-на губернскаго предводителя ополчить Украйну противъ врага всей Россіи. Необходимостью поставляю вамъ объяснить, что въ своевольномъ и, можетъ быть, излишнемъ предположеніи я участвовать не могу и приступить по таковому на крестьянъ моихъ налогу безъ высочайшаго именнаго указа не смѣю, особливо еще и потому, что охраненіе наше и всей Россіи поручено прозорливому, опытному и неусыпному главнокомандующему арміею г-ну генералъ-фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Кутузову, отъ коего не было бъ упущено повелѣть ополчиться, если бы какая опасность для края сего настояла. За симъ чистосердечно объясняюсь, что ни въ семъ, ни въ подобныхъ своевольныхъ предположеніяхъ я участвовать и согласиться

не смѣю, а какъ изъ доставленныхъ вами, милостивый государь мой, копій вижу, что г. губернскій дворянства предводитель отправилъ съ такимъ предположеніемъ г. генералъ-фельдмаршалу свѣтлѣйшему князю Кутузову, отъ имени всего дворянства, вслѣдствіе чего мню, не угодно ли будетъ предложить господамъ дворянамъ уѣзда нашего отправить къ его свѣтлости съ донесеніемъ о несправедливомъ его, г-на губернскаго предводителя, представленія, на каковыя издержки можете получить отъ меня деньги. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь мой, покорнѣйшій слуга Іосифъ Хорватъ".

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, вѣроятно, послѣ 18-го числа, когда былъ полученъ отвѣтъ князя Кутузова, губернскій предводитель Квитка обратился къ уѣзднымъ предводителямъ Слободско-Украинской губерніи съ предложеніемъ составить собраніе для выбора отъ каждаго уѣзда двухъ депутатовъ, которые должны были присутствовать 30-го октября въ общемъ собраніи предводителей и депутатовъ всѣхъ уѣздовъ для разрѣшенія вопроса объ ополченіи.

Предложеніе Квитки дало поводъ высказаться противъ ополченія и нѣкоторымъ другимъ, сверхъ Харьковскаго, уѣздамъ Слободско-Украинской губерніи.

Изъ постановленій дворянъ Ахтырскаго уѣзда отъ 25-го и 28-го октября видно, что дворяне отклонили даже предложеніе объ избраніи и посылкѣ депутатовъ, заявивъ, что „безъ высочайшей монаршей воли и безъ предписанія вышняго правительства не смѣютъ сами собой произвесть ополченія въ дѣйство".

На общемъ собраніи предводителей и депутатовъ 30-го октября 1812 г. противъ ополченія высказались многіе изъ депутатовъ.

Въ особомъ мнѣніи, приложенномъ къ постановленію общаго собранія предводителей и депутатовъ отъ 30-го октября, эти лица, въ объясненіе своего отрицательнаго отношенія къ ополченію, ссылались на отсутствіе высочайшей воли и распоряженій высшаго правительства, а въ отношеніи губернскаго предводителя Квитки и уѣздныхъ, подписавшихъ постановленія отъ 24-го и 26-го сентября, валковскіе и волчанскіе депутаты принимаютъ даже угрожающій тонъ, требуя копій этихъ постановленій, письмо Квитки къ князю Кутузову, отвѣтъ послѣдняго и постановленіе 30-го октября, выражая намѣреніе представить все это „куда слѣдуетъ", такъ какъ приговоры 24-го и 26-го сентября были составлены „безъ воли, свѣдѣнія и согласія всего дворянства".

Какъ видно, вопросъ объ ополченіи, вызывая страстное къ себѣ отношеніе, обострился до крайностей. Подтвержденіемъ этому служатъ также слѣдующіе любопытные документы.

„Изюмскаго уѣзда г-ну предводителю, какъ и всему почтеннѣй-

шему дворянству, прибывшему въ собраніе, помѣщика Шидловскаго представленіе.

Бывъ въ крайне худомъ положеніи моего здоровья, я поспѣшно по позыву г-на предводителя являюсь и по долгомъ размышленіи, надѣясь на позволеніе и уваженіе, не хочу умолкнуть, чтобы не представить мою домогательную обязанность, состоящую на моихъ мнѣніяхъ на милостивое вниманіе вамъ, знаменитое сословіе.

Непоколебимою преданностью государю и отечеству мы всѣ дышимъ и на все должны быть готовы, оставя и то, что и пользы наши неразлучны. Никто изъ насъ не вѣдалъ такъ далеко крайностей, какъ теперь предсказываютъ казенные поселяне, окружающіе насъ, отъ которыхъ доходятъ и до крестьянъ нашихъ, тогда когда мы всѣ видѣли, что ополченіе именнымъ повелѣніемъ уничтожилось и рекрутскій наборъ послѣдовалъ. Складочныя деньги съ души по 10 руб. непомѣрны, судя недородъ хлѣба и прочую повинность; хлѣбъ, въ магазейнахъ требуемой, коего нѣтъ, умножаетъ крайность, а къ тому, не должны ли быть готовы къ рекрутскому набору для неминуемаго пополненія полковъ, тогда съ кого будемъ поставлять? Какъ и прочія встрѣчающіяся требованія волами, погоньщиками, лошадьми и прочимъ, на внутреннюю стражу отъ моровой язвы и бродягъ безпашпортныхъ люди потребны. Но о сей предохранительности бденіе возложено всемилостивѣйшимъ нашимъ государемъ на господъ правителей губерній. Послѣ всего сего кого оставляемъ, забывая себя, воздѣлывать поля, прокормить старыхъ и малолѣтнихъ, чѣмъ будемъ въ силахъ содержать предполагаемое войско, какъ и надъ оными начальниковъ, поступая на толь важныя предпріятія, не сдѣлавъ собранія общаго, ниже прежде одумано, гдѣ оружіе, порохъ и прочее, чего по сколько надо, на сколько времени и что прійдется сбирать съ душъ же, обременяемыхъ при всякихъ постановленіяхъ собственныхъ? Собираемый народъ никакой пользы намъ сдѣлать не удобенъ; и разоряя оной поборами изъ-за именныхъ повелѣній, не подвергнемъ ли себя же законному осужденію и отвѣту Богу? Со предпріятіемъ выдумываемаго вооруженія не относились ко всѣмъ, какъ будто было можно одной части располагать цѣлостью. Теперь требуется отъ насъ два депутата съ полнымъ уполномочиваніемъ довѣренностью. Какую мы дать можемъ безъ содроганія по неизвѣстности и даже расположенію, на ваше разсужденіе отдаюсь, почтеннѣйшее сословіе. Чѣмъ понадѣяться, когда предначиналось по выше объясненному; да и самые учредители должны согласиться, что вѣрнаго исчисленія, весьма затруднительнаго, сдѣлать въ невозможности. Милостивые государи! Предположенное, по мнѣнію моему, выше нашихъ силъ. Если разсудите заняться исчисленіемъ хотя бы предназначаемому народу оста-

ваться и внѣ губерніи, то конечно найдете необходимо и сборъ до 12 руб. съ души, кромѣ мелкопомѣстныхъ, кои въ такомъ разѣ и за поступившаго человѣка должны будутъ пополнять складочныя деньги ко уравненію, хотя бы и ниже цѣны, положенной за рекрута. По предмету настоящаго приглашенія я ссылаюсь на ваше безпристрастіе, честь и званіе, г. предводитель, милостивый государь. Былъ ли я отъ васъ извѣщенъ о предположеніи на вооруженіе? было ли собраніе въ нашемъ уѣздѣ, для чего совѣщанія всѣхъ нашихъ собраній? Какой сдѣланъ и котораго числа на сіе общій протоколъ? Дано ли по оному право и довѣріе дѣйствовать именемъ всего дворянства? Но какъ сіе не было, и я согласія моего и довѣренности никому на сіе не давалъ и въ мысляхъ не имѣлъ, то и предаю мою неповинность общему разсмотрѣнію. А что же принадлежитъ до дачи и вооруженія людей моихъ, по положенію господъ предводителей учиненному, оставя, что люди потребны на пополненіе рекрутскихъ наборовъ, всѣхъ повинностей и прокормленія семействъ, на сіе и сумма необходима несчетная и самими устроителями досюда невѣдомая, не имѣя коей, сбирать съ душъ не съ чего, по скудности моего народа, за который я прошлаго году вынужденъ былъ всѣ казенныя повинности заплатить, равно какъ и теперь пополнять хлѣбъ, въ случаѣ требованія—коего вовсе у крестьянъ моихъ недостаетъ—равно какъ и у меня по неурожаю сего лѣта. Да и священными законами запрещено чинить какіе-либо налоги на души. И по симъ достаточнымъ причинамъ согласиться я не смѣю; какъ потому, что государь глава и попечитель, и вѣдаетъ все и устрояетъ къ лучшему. Если же будетъ высочайшее его повелѣніе на что бы ни было, я съ вѣрноподданническою готовностью и усердіемъ выполнять счастьемъ почту, заключая и тѣмъ, что всякія законныя требованія властями, закономъ постановленныя, бдительно исполнять, пока существую, готовъ. Съ непоколебимымъ почтеніемъ и преданностью честь имѣю быть вамъ, знаменитое сословіе, милостивые государи, всепокорнѣйшій слуга Романъ Шидловскій“.

Къ этому представленію дворянство Изюмскаго уѣзда, высказавшееся за ополченіе, отнеслось весьма своеобразно и составило таковое постановленіе:

„1812 г. октября 26-го дня, собранію Изюмскаго уѣзда и предводителю дворянства, бывшему для выбора по предмету составленія для собственной защиты ополченія двухъ дворянъ, подано здѣшняго уѣзда отъ помѣщика, гвардіи прапорщика Романа Шидловскаго представленіе, коимъ онъ, изъявляя на сей выборъ несогласіе, описываетъ причины, его къ тому побудившія. Собраніе дворянства, по разсмотрѣніи сего представленія, находитъ: господинъ Шидловскій говоритъ:

1-е. Никто изъ дворянъ не вѣдаетъ такъ далеко крайностей, какъ теперь предсказываютъ казенные поселяне, отъ коихъ доходитъ и до его крестьянъ,—но что сіи предсказанія въ себѣ заключаютъ и не скрываютъ ли чего противнаго законамъ или государственной и частной пользѣ, ничего не объясняетъ. 2-е. Мнѣніе господина Шидловскаго по случаю настоящаго рекрутскаго набора о складочныхъ деньгахъ съ души по десяти рублей, будто-бы сія повинность непомѣрна, сколько подразумѣть можно, относится противу законодательной власти, ибо какъ великопомѣстныхъ владѣльцевъ съ крестьянъ ихъ наборъ рекрутъ, такъ и съ малопомѣстныхъ взысканіе рекрутскихъ складочныхъ денегъ производится по высочайшему повелѣнію. Далѣе онъ, Шидловскій, изъявляетъ несогласіе на все то, что въ собраніи дворянства объ ополченіи предположено. А посему собраніе и полагаетъ таковое господина Шидловскаго представленіе чрезъ здѣшняго уѣзднаго предводителя представить при настоящемъ въ городѣ Харьковѣ дворянскомъ съѣздѣ господину губернскому предводителю или гражданскому губернатору".

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ документовъ, слободско-украинское ополченіе не состоялось, и все дѣло ограничилось только одними постановленіями. Министръ полиціи Балашовъ отношеніемъ отъ 4-го ноября 1812 г. увѣдомилъ мѣстнаго губернатора, что комитетъ внутренняго ополченія призналъ ненужнымъ „предполагаемое харьковскимъ дворянствомъ составленіе временной военной силы", и, слѣдовательно, послѣднее постановленіе, отъ 30-го октября, не было даже времени привести въ исполненіе.

Однако распря среди слободско-украинскаго дворянства по вопросу объ ополченіи, возникшая не безъ вліянія партійности и оскорбленныхъ самолюбій, не прошла незамѣченною въ Петербургѣ и въ лицѣ Хорвата получила справедливое осужденіе со стороны государя.

Отношеніемъ отъ 6-го декабря 1812 г. министръ полиціи Балашовъ увѣдомилъ слободско-украинскаго гражданскаго губернатора, что государь императоръ „признавъ предлагаемую харьковскимъ дворянствомъ мѣру, свидѣтельствующую усердіе его, по измѣнившимся обстоятельствамъ, ненужною, высочайше повелѣть изволилъ объявить помянутому дворянству монаршее благоволеніе, а между тѣмъ генералъ-лейтенанту Хорвату поставить на видъ, что при желаніи ополчиться противу отечественнаго врага большей части дворянъ Харьковской губерніи, небольшое число оставшихся къ тому непреклонными не можетъ быть принято правительствомъ съ выгоднымъ заключеніемъ на счетъ послѣднихъ; и что ожиданіе высочайшаго на составленіе ополченія повелѣнія, чѣмъ отзывался генералъ-лейтенантъ Хорватъ, по отдаленности края того, не можетъ служить ему изви-

неніемъ; ненадобность же ополченія воспослѣдовала уже послѣ и не могла быть тогда предвидима".

Хорватъ, считая себя незаслуженно обиженнымъ, подалъ на высочайшее имя всеподданнѣйшее прошеніе, вслѣдствіе котораго были потребованы объясненія отъ харьковскаго губернатора Бахтина и губернскаго предводителя Квитки.

„Всемилостивѣйшій государь, — писалъ Хорватъ 10-го марта 1813 года,—счастливы народы, гдѣ всякій вѣрноподданный съ невинностью въ полной увѣренности на покровительство законовъ и гдѣ святостію оныхъ ограждаясь, можетъ изливать моленія свои къ престолу своихъ государей. Въ такой счастливой долѣ Россія подъ благословляемою державою великихъ прародителей твоихъ благоденствовала, и съ вожделѣннымъ восшествіемъ вашего императорскаго величества образована вновь обѣтами въ высочайшемъ манифестѣ въ безсмертную славу имени твоего потомству.

При такомъ благоденствіи покоящихся подданныхъ твоихъ, государь обожаемый, я, прослужа много лѣтъ въ военной и гражданской службѣ, сохраняя до глубокой старости усердіе къ службѣ вашего императорскаго величества и отечеству, удостоенный самыхъ лестныхъ для сердца вѣрноподданнаго высочайшихъ благоволеній и наградъ въ званіи и отличіяхъ, обнесенъ нынѣ дерзновенною клеветою господина губернатора Бахтина якобы въ нежеланіи участвовать, для пользы службы, съ общею волею дворянъ на ополченіе, и за сіе не только безъ суда, но и безъ отвѣта моего оскорбленія на чести, съ предписаніемъ министра полиціи губернатору Бахтину отъ высочайшаго имени вашего императорскаго величества поставить мнѣ на видъ.

Всемилостивѣйшій государь! Честь, заслуженная мною, жертвою крови за отечество и сохраненіемъ правилъ благородства и нравовъ до глубокой старости, дороже мнѣ самой жизни, а потому въ необходимости нахожусь утруждать священную особу вашу быть услышану. Губернаторъ Бахтинъ, враждующій мнѣ за дѣла съ братомъ моимъ, по коимъ онъ удаленъ отъ присутствія по его дѣламъ, и за то, что я не захотѣлъ участвовать въ даръ, ему собранный до пятидесяти тысячъ рублей, якобы по согласію всего дворянства, на которое едва-ли былъ въ собраніи приговоръ, но ниже извѣщеніе, а по желанію губернскаго предводителя Квитки съ нѣкоторыми единомышленниками устроенной. Относительно ополченія губернскій предводитель Квитка, дѣйствующій съ губернаторомъ по извѣстнымъ лишь имъ видамъ, не собранію дворянства предлагалъ о сборѣ онаго, но преклоня къ себѣ нѣкоторыхъ предводителей, дѣлали нѣсколько о семъ переговоровъ, дабы собранное ополченіе не къ отсылкѣ въ армію, а для внутренняго защищенія имѣть здѣсь, подчиня начальству уѣзд-

ныхъ предводителей, и хотя приговоръ о семъ, съ неприличнымъ условіемъ въ 10-мъ пунктѣ онаго, подписанъ только 5-ю предводителями безъ вѣдома дворянъ, послѣ высочайшаго соизволенія вашего отъ 12-го іюля прошлаго 1812 года объ остановленіи всеобщаго ополченія и въ сей съ прочими губерніями и въ противность законовъ безъ высочайшаго дозволенія на вооруженіе въ землѣ воинства; но предводитель губернскій, съ дозволенія губернанатора, осмѣлился послать главнокомандующему арміями генералъ-фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Кутузову-Смоленскому, депутата съ донесеніемъ, якобы уже ополченіе въ готовности, и получа его свѣтлости о семъ предписаніе, какъ поступать съ ополченіемъ, остался Квитка въ необходимости собирать въ губернскій городъ предводителей съ депутатами для окончательнаго объ ополченіи семъ положенія, о чемъ и вышли объявленныя противорѣчія. На которое и я, бывъ послѣдній вопрошенъ, не могъ дать, яко несходное съ пользою службы и противное узаконеніямъ, моего согласія, опасаясь, дабы не могло отъ сбора сего войска безъ должнаго устройства, подобныхъ наглостей выйтить, какъ произошли въ Валкахъ съ плѣнными турками, коихъ въ нѣсколько дней убито болѣе 530 человѣкъ, отъ губернскаго города въ 46 верстахъ, куда губернаторъ не поѣхалъ къ усмиренію, и сіи несчастныя жертвы погибли неповинно, коимъ придано видъ бунта по форменному слѣдствію, хотя бунтующіе при защищеніи своемъ убили не болѣе одного и двухъ ранили, а расхищенное имущество убіенныхъ турокъ не открыто при ономъ. Вотъ истинное дѣло, которому дерзновенная клевета губернатора Бахтина придала видъ по своему подбору, въ опроверженіе коихъ подносимыя въ копіяхъ бумаги докажутъ оправданіе.

Государь провосуднѣйшій! Повелите собрать должныя справки мимо Бахтина, кому благоугодно приказать будетъ, и повелите изслѣдовать. Я твердо удостовѣренъ, что невинность моя удостоена будетъ высочайшаго вашего покрова, и я, оправданный въ единомъ взорѣ благоволенія вашего императорскаго величества, обрѣту награду за тяжкія скорби, злобою мнѣ нанесенныя, которая не останется предъ правосудіемъ вашимъ и прозорливостію безъ воздаянія".

Слободско-украинскій гражданскій губернаторъ И. И. Бахтинъ, вслѣдствіе постановленія комитета министровъ, далъ 3-го октября 1813 г. за № 7647 главнокомандующему въ Санктъ-Петербургѣ такія объясненія по прошенію Хорвата.

1) „Когда я получилъ,—писалъ Бахтинъ,—отъ слободско-украинскаго губернскаго предводителя Квитки отношеніе отъ 26-го сентября прошлаго 1812 г., подъ № 464, съ приложеніемъ копіи съ приговора о составленіи ополченія, учиненнаго имъ, г. Квиткою, съ

предводителями уѣздными 25-го того же сентября, которыя имѣю честь представить при семъ въ копіяхъ же, тогда же предположивъ представить на благоразсмотрѣніе г. министру полиціи и кавалеру, сдѣлалъ циркулярное мое предписаніе всѣмъ земскимъ исправникамъ и городничимъ о отобраніи отъ войсковыхъ обывателей и прочихъ казенныхъ поселянъ, предварительно долженствующему послѣдовать на представленіе мое разрѣшенію, свѣдѣній: согласны ли они составить совокупно съ дворянами ополченіе? О чемъ далъ знать г. дворянскому предводителю отношеніемъ моимъ отъ 2-го октября, съ котораго копію при семъ представляю.

2) Октября 4-го числа готово уже было и мною подписано, для отправленія съ нарочнымъ, представленіе мое г. министру полиціи, съ котораго копія предоставляется при семъ, но секретарь мой представилъ мнѣ отношеніе харьковскаго уѣзда дворянства предводителя Познанскаго, по предмету того ополченія съ пріобщеніемъ отзывовъ къ нему г. генералъ-лейтенанта Хорвата и генералъ-лейтенантши Бердяевой.

3) Получа оное отношеніе съ помянутымъ отзывомъ, и которое, равно, какъ и отношеніе представляется при семъ же въ копіяхъ, и видя изъ оныхъ новое для меня обстоятельство, а между прочимъ и то, что г. губернскій предводитель писалъ къ покойному генералъ-фельдмаршалу, свѣтлѣйшему князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому, я, по скорости, дабы не медлить отправленіемъ курьера, требовалъ словесно отъ него, г. предводителя, недостающихъ мнѣ свѣдѣній; въ слѣдствіе чего и получилъ отъ него оныя въ вечеру 5-го числа при его отношеніи.

4) Получа оныя свѣдѣнія отъ г. губернскаго предводителя, я, оставя вышепомянутое представленіе мое къ г. министру полиціи отъ 4-го октября въ такомъ видѣ, въ какомъ оно было, написалъ другое дополнительно представленіе отъ 6-го числа и отправилъ съ курьеромъ оба вмѣстѣ. Въ сіе послѣднее мое представленіе, съ котораго копія при семъ представляется, я помѣстилъ тѣ свѣдѣнія, какія 5-го числа получилъ отъ губернскаго предводителя, и приложилъ точныя копіи съ вышепомянутыхъ отношеній харьковскаго уѣзднаго предводителя Познанскаго и съ отзыва къ нему г-на генералъ-лейтенанта Хорвата и г-жи генералъ-лейтенантши Бердяевой.

5) На означенныя мои два представленія г. министру полиціи я имѣлъ честь получить отъ его высокопревосходительства предписаніе отъ 4-го ноября, коимъ мнѣ дано знать, что комитетъ внутренняго ополченія, по измѣнившимся обстоятельствамъ, составленіе военной силы призналъ не нужнымъ, а потомъ получилъ и другое предписаніе отъ 6-го декабря, съ коего точную копію имѣю честь при семъ пред-

ставить. И какъ онымъ предписывалось мнѣ объявить монаршее благоволеніе дворянству Харьковской губерніи и поставить на видъ въ томъ предписаніи изъясненное генералъ-лейтенанту Хорвату, то я о выполненіи перваго отнесся къ г. губернскому предводителю Квиткѣ, а г. Хорвату препроводилъ копію съ того самаго предписанія при моемъ письмѣ.

Изъ всего вышедонесеннаго и изъ самихъ восьми документовъ, въ копіяхъ при семъ представляемыхъ, ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что о г. генералъ-лейтенантѣ Хорватѣ упомянуто мною, и то по самой токмо необходимости, въ одномъ изъ представленій моихъ г. министру полиціи, т. е. отъ 6-го октября 1812 г. подъ № 7543. Я предаю въ проницательное благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства и комитета гг. министровъ, что заслужилъ ли я тѣмъ, что я доносилъ г. министру полиціи объ немъ, г. Хорватѣ, тѣ жесткія на мой счетъ выраженія, какія онъ помѣстилъ во всеподданнѣйшемъ своемъ прошеніи. Я только и донесъ о томъ, что изъ копій съ письма его, г. Хорвата, къ предводителю Познанскому, ко мнѣ доставленной, я, увидя нѣкоторыя обстоятельства, мнѣ неизвѣстныя, требовалъ потому свѣдѣнія отъ губернскаго предводителя, и что отъ него получилъ, а при томъ копію съ самаго того письма г. Хорвата представилъ къ г. министру полиціи. Изъ-за сего стоилъ-ли я названія дерзостнаго и злобнаго клевстника, каковымъ онъ, г. Хорватъ, предъ лицомъ моего государя желалъ меня представить,

Онъ, г. генералъ-лейтенантъ Хорватъ, въ томъ же своемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи изъявляетъ, что будто я враждую ему, злобствуя за брата его (т. е. д. с. с. Хорвата), по дѣламъ коего я удаленъ отъ присутствія; симъ выраженіемъ изъясня онъ, г. Хорватъ, токмо часть существующей истины, желалъ, какъ видно, жалобѣ своей на меня придать видъ правдоподобія, ибо, хотя то истина, что мнѣ запрещено по дѣламъ его брата присутствовать, но онъ, г. Хорватъ, во-первыхъ, не упомянулъ, что сіе запрещеніе послѣдовало потому, что братъ его за неприличныя въ одномъ изъ своихъ въ здѣшнее губернское правленіе прошеній выраженія на счетъ мой, яко начальника губерніи, хотя и не равняющіяся съ теперешними выраженіями его, генералъ-лейтенанта Хорвата, преданъ законному сужденію; а мнѣ по тому самому до окончанія надъ нимъ суда запрещено по дѣламъ его въ губернскомъ правленіи присутствовать; а во-вторыхъ, онъ, Хорватъ, скрылъ и то, что я уже давно прекратилъ на брата его личную мою претензію, ибо представлялъ даже Правительствующему Сенату по 6-му департаменту рапортомъ, что я оную оставляю, а братъ его, г. генералъ-лейтенанта Хорвата, посылалъ объ оном въ тотъ же департаментъ прошеніе; хотя Правительствующій Сенатъ, не

уважа ни рапорта моего, ни прошенія его, г. д. с. с. Хорвата, предписалъ продолжать надъ нимъ сужденіе, яко повелѣнное его императорскимъ величествомъ. Изъ каковыхъ двухъ обстоятельствъ, мною донесенныхъ, я надѣюсь, ваше высокопревосходительство ясно усмотрѣть изволите, что вышеизъясненное выраженіе г. Хорвата, во всеподданнѣйшемъ прошеніи помѣщенное, есть совершенно несправедливо.

Г. генералъ-лейтенантъ Хорватъ во всеподданнѣйшемъ своемъ прошеніи не упустилъ упомянуть и о сдѣланномъ мнѣ, съ высочайшаго его императорскаго величества дозволенія, подаркѣ, простирающемся будто до 50 тысячъ рублей, и будто-бы безъ согласія дворянства, а по желанію губернскаго предводителя Квитки съ его единомышленниками устроенному; но на сіе я имѣю честь вашему высокопревосходительству донести слѣдующее:

а) Подарокъ, мнѣ сдѣланный, простирается только до 45 тысячъ рублей съ небольшимъ, въ томъ числѣ отъ дворянства только 35 тысячъ, а достальныя 10 тысячъ отъ купцовъ харьковскихъ.

б) Не дворянство было начальнымъ къ тому поводомъ, а харьковское купечество, которое безъ свѣдѣнія моего посылало о дозволеніи меня подарить прошеніе къ государю императору.

в) Какъ дѣйствовалъ губернскій предводитель Квитка относительно собранія для меня подарка, состоящаго въ вышеизъясненной суммѣ, и правильно ли, или неправильно онъ поступалъ, я не извѣстенъ, но въ томъ удостовѣренъ, а со мною, надѣюсь, и всѣ хорошо знающіе меня и мои правила, что полученъ мною тотъ подарокъ не посредствомъ каковыхъ-либо пропсковъ и пронырства, а единственно потому, что я имѣлъ счастіе пріобрѣсть себѣ любовь въ губерніи отъ многихъ моимъ безкорыстіемъ и безпристрастіемъ. Ежели бы я былъ таковъ, какимъ г. Хорватъ во всеподданнѣйшемъ своемъ прошеніи меня представить стремится, тогда бы я, тѣмъ паче при умѣренномъ образѣ моей жизни, не впалъ бы въ долги, и для заплаты оныхъ не имѣлъ бы нужды въ подаркѣ отъ дворянства и купечества.

г) Что я не въ состояніи злобствовать за неучаствованіе въ ономъ подаркѣ, а тѣмъ паче до такой степени, какъ г. Хорватъ представить желаетъ, въ томъ осмѣливаюсь сослаться на всѣхъ меня знающихъ, а если бы нужно было, то бы я могъ представить даже и доказательства, опровергающія то, что на меня г. Хорватъ взвести желаетъ, ибо, хотя при полученіи подарка чрезъ посредство губернскаго и уѣздныхъ предводителей, мнѣ оный представившихъ, я и не зналъ именъ участвовавшихъ въ немъ дворянъ, но въ послѣдствіи времени узнавши случайно по слухамъ о иныхъ участвовавшихъ и не участвовавшихъ, я нѣкоторымъ изъ послѣднихъ, имѣвши къ тому случай, дѣлалъ добро и отдавалъ имъ должную справедливость.

Что касается до того, что будто относительно ополченія губернскій предводитель Квитка дѣйствовалъ со мною по извѣстнымъ намъ видамъ, то я не могу ничего противу сего объяснить, не имѣя понятія, какіе виды г. Хорватъ мнѣ и предводителю приписываетъ, и не понимая, какія бы непозволенности въ семъ случаѣ были возможны. Но что я не во всемъ съ г. предводителемъ Квиткою былъ согласенъ, слѣдственно, дѣйствовалъ, не какъ единомышленникъ дѣйствуетъ съ другимъ, а какъ начальникъ губерніи съ губернскимъ предводителемъ, сіе доказываетъ и одинъ мой отвѣтъ г. Квиткѣ, отъ 2-го октября къ нему писанный, съ котораго, какъ выше значитъ, представлена при семъ копія, хотя, впрочемъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ я находилъ учрежденіе военной силы въ губерніи нужнымъ и не противнымъ пользѣ.

Наконецъ, изыскавъ все, что токмо ко вреду моему служить можетъ, г. генералъ-лейтенантъ Хорватъ включилъ во всеподданнѣйшее свое прошеніе и нимало не относящееся до предмета его просьбы, несчастное происшествіе, случившееся отъ драки, начатой въ городѣ Валкахъ отъ военноплѣнныхъ турковъ. Но о семъ происшествіи и о послѣдствіяхъ его ваше высокопревосходительство были извѣстны въ свое время изъ представленій моихъ 1812 г., перваго—отъ 20-го іюля подъ № 5699, втораго—отъ 10-го августа подъ № 6140, третьяго—отъ того же 10-го августа подъ № 6141 и четвертаго—отъ 7-го сентября подъ № 6793, и я надѣюсь, что ваше высокопревосходительство изъ оныхъ моихъ представленій видѣть изволили, что ни предупредить, ни отвратить сего несчастнаго происшествія мнѣ не было возможности, да уповаю при томъ, что, ежели бы мною въ чемъ-либо поступлено было неправильно, ваше высокопревосходительство не упустили бы съ меня взыскать, или по крайней мѣрѣ дать мнѣ хотя оное замѣтить.

Мнѣ остается только присовокупить къ донесенному выше вашему высокопревосходительству объ ономъ происшествіи только то, что сверхъ производимаго въ Валкахъ слѣдствія, я, въ продолженіе производства онаго, былъ тамъ къ личному моему удостовѣренію въ истинѣ, и что имущество плѣнныхъ и убитыхъ турковъ, отысканное, а частію и самими жителями приносимое, во время продолженія того слѣдствія, возвращаемо было оставшимся плѣннымъ и посланному отъ пашей, находившихся въ Харьковѣ, чиновнику, какъ то изволите частію усмотрѣть изъ упомянутаго выше представленія моего отъ 10-го августа подъ № 6140. Слѣдствіе же по разсмотрѣніи губернскимъ правленіемъ отослано, на основаніи законномъ, въ присутственное мѣсто, т. е. въ Валковскій уѣздный судъ, откуда поступить должно по порядку въ палату уголовнаго суда. При чемъ губернское

правленіе не упустило въ указѣ своемъ изъ виду поступковъ прикосновенныхъ къ моему происшествію чиновниковъ, какъ-то: правившаго тогда въ Валкахъ городническую должность, также тамошняго земскаго исправника и уѣзднаго стряпчаго; а ежели оное слѣдствіе отослано было въ уѣздный судъ и не такъ скоро, какъ бы мнѣ желалось, дабы скорѣе виновные, въ чемъ слѣдовать будетъ, по законамъ могли быть наказаны, то причиною сему было, что присланнымъ въ Харьковъ отъ трехбунчужнаго Ахметъ-паши изъ Молдавіи турецкимъ почетнымъ чиновникомъ, для отысканія по здѣшней губерніи, равно, какъ и по нѣкоторымъ другимъ, плѣнныхъ малолѣтнихъ и прочихъ турковъ, произошли, хотя оказавшіяся послѣ и неправильными, требованія касательно имущества побитыхъ въ Валкахъ турковъ, но по которымъ происходила переписка и ожидаемо было мною отвѣты отъ означеннаго трехбунчужнаго Ахметъ-паши.

Кончивши мое донесеніе, основанное на сущей истинѣ, слѣдовало бы теперь мнѣ просить моего удовольствія на г. генералъ-лейтенанта Хорвата, но я оное, равно какъ и всѣ дѣйствія мои, предаю въ проницательное комитета гг. министровъ благоусмотрѣніе".

Губернскій предводитель дворянства Квитка, на предписаніе главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, отъ 18-го іюля, доносилъ ему 22-го августа того же года, слѣдующее:

„Переписка г.-л. Хорвата по сему предмету происходила съ предводителемъ Харьковскаго уѣзда, а не со мною, который доставленный къ нему отъ г. Хорвата отзывъ препроводилъ къ здѣшнему г. гражданскому губернатору, а сей представилъ оный начальству; я же ни отъ харьковскаго уѣзднаго предводителя, ни отъ г.-л. Хорвата не получалъ по сему никакихъ отзывовъ и никакихъ о г. Хорватѣ не дѣлалъ донесеній ни г. губернатору, ни другимъ начальствамъ".

Квитка счелъ необходимымъ высказаться и по поводу ополченія и подарка Бахтину.

„Долговременное управленіе нынѣшняго губернатора нашею губерніею,—пишетъ онъ,—открыло, наконецъ, дворянству свойства его, въ теченіе времени увѣрились въ безкорыстіе его, безпристрастіе и въ расположеніе его вспомоществовать всему справедливому и полезному для губерніи, а видѣвши его обремененнымъ большимъ семействомъ, безъ всякаго состоянія и имущества, дворяне, желая улучшить его состояніе и пріискивая къ тому средства, вознамѣрились было испросить высочайшее дозволеніе на покупку ему земли, на которой, поселя крестьянъ, доставить чрезъ то семейству его убѣжище и пропитаніе и имѣть удовольствіе водворить его навсегда въ своей губерніи. Во время таковыхъ пріуготовленій дворянства, купечество

здѣшнее, желая оказать таковую же благодарность, испрашивало высочайшаго соизволенія на поднесеніе ему денежнаго подарка; но какъ на то высочайшей воли не послѣдовало, то и дворянство не осмѣливалось подобнымъ прошеніемъ утруждать особу его императорскаго величества; но какъ совѣщанія о семъ между дворянами еще продолжались и слухи о томъ дошли къ г. губернатору, то онъ, опасаясь, чтобъ мы, дѣйствуя мимо его, не навлекли чрезъ то подозрѣніе въ соучастіи съ нами, письмомъ своимъ, въ деревню, въ которой я тогда находился, писаннымъ, изъяснялъ свои на сей счетъ безпокойства и просилъ меня всякое потому дѣйствіе, яко противное высочайшей волѣ, остановить. Я отвѣчалъ на письмо его, что дворянство, дѣйствительно, желало и желаетъ улучшить его состояніе; но, видѣвши отказъ, купечеству въ томъ сдѣланный, не отваживается испрашивать на то высочайшаго дозволенія.

Потомъ чрезъ нѣсколько времени, я имѣлъ честь получить оффиціальный отзывъ его высокопревосходительства г. министра полиціи, съ изъясненіемъ высочайшаго соизволенія на предположенія нашего дворянства улучшить состояніе своего губернатора, съ котораго копію при семъ имѣю честь приложить. Въ слѣдствіе чего я извѣстилъ о семъ гг. уѣздныхъ предводителей, которые, получивъ добровольные взносы для сего предмета отъ дворянства, прибыли въ губернскій городъ, и 1-го мая восемь уѣздныхъ предводителей явились вмѣстѣ со мной къ г. губернатору и вручили ему даръ дворянства, въ 35.545 руб. состоящій; остальные же два уѣздные предводителя по болѣзни не могли лично на сей разъ находиться и потому участки своихъ уѣздовъ доставили ко мнѣ при отношеніяхъ. Сумма сія поднесена вообще отъ дворянства г. губернатору безъ всякаго списка лицъ, въ семъ участвовавшихъ, а потому и неизвѣстно ему ни имена особъ, ни число взнесенной отъ каждаго суммы.

Въ доказательство общаго желанія нашего дворянства принять участіе въ защитѣ отечества, имѣю честь вашему высокопревосходительству изъяснить, что, по выслушаніи высочайшаго манифеста, въ собраніи онаго 31-го іюля, общее желаніе дворянства было дать на службу въ ополченіе изъ 25 душъ по одному ратнику, но потомъ опредѣлено было поставить онаго на тотъ разъ съ 50 душъ; а въ случаѣ надобности, еще выставить новыя для защиты силы; но потомъ, по высочайшему соизволенію, вмѣсто ополченія, послѣдовалъ рекрутскій наборъ и съ такого числа душъ въ должное время исправно выставленный.

Вторженіе непріятеля въ древнія россійскія границы, приближеніе его къ Москвѣ и отступленіе нашихъ армій заставляло все благородно мыслившее дворянство думать о средствахъ, которыми бы,

вспомоществуя общему дѣлу, могли предохранить отечество отъ несчастій, ему угрожающихъ. По сему предмету я безпрестанно получалъ отзывы отъ дворянъ, которые или словесно, или письменно изъявляли мнѣ готовность свою на защиту государя и отечества и напоминали мнѣ обязанность мою дѣйствовать волею дворянства тогда, когда придетъ къ тому время. Сіе несчастное время, наконецъ, наступило; извѣстіе о занятіи Москвы поразило всѣхъ умы, бо́льшая часть дворянства, не приходя отъ того въ уныніе, готовилась вооружиться, и, наконецъ, отъ меня стали требовать того оффиціально. Многолюднѣйшій дворянствомъ и населеніемъ своимъ Изюмскій уѣздъ прислалъ къ начальнику губерніи и ко мнѣ депутатовъ, прося позволенія на вооруженіе себя и людей своихъ, а дворянство Купянскаго, Зміевскаго и Лебединскаго уѣздовъ чрезъ предводителей своихъ оффиціально изъявило таковую же готовность. Почему и по вѣрноподданническому долгу, и по собственнымъ чувствамъ моимъ я, бывъ обязанъ дѣйствовать, — пригласилъ всѣхъ господъ предводителей въ собраніе, ибо испрашивать позволеніе на составленіе общаго собранія дворянства не было времени и, казалось, не было въ томъ и надобности, ибо мнѣ и прочимъ предводителямъ извѣстны были образъ мыслей дворянъ и единодушное почти всѣхъ ихъ желаніе, чтобы, удаливъ во внутренность Россіи семейства свои, употребить всѣ силы къ защищенію и не пережить порабощенія своего.

При таковыхъ обстоятельствахъ составилось 24-го сентября собраніе предводителей, въ которомъ, по выслушаніи моего предложенія, заключенъ былъ приговоръ о надобности вооруженія и подписанъ мною и всѣми наличными предводителями, числомъ всего девятью человѣками; остальные же два, по болѣзни не прибывъ въ собраніе, отзывались потомъ о согласіи своемъ на сдѣланное опредѣленіе. Въ семъ и послѣдующемъ потомъ собраніи разсуждаемо было о числѣ вооруженія, содержаніи его и прочихъ подробностяхъ, до того касающихся, не было ни отъ кого противорѣчій, и 25-го числа подписанъ семью предводителями приговоръ въ подтвержденіе приговору, 24-го числа заключенному, въ которомъ всѣ распоряженія, до того касающіяся, были означены. Тогда же положено было отправить дворянина для пріисканія въ Тулѣ оружія, которому поручено также было, если найдетъ къ тому удобность и обстоятельства будутъ того требовать, явиться къ г. главнокомандующему арміями съ изъявленіемъ готовности нашего дворянства на вооруженіе и испрашивая его на то повелѣній, буде по усмотрѣнію его настоитъ въ томъ надобность, а между тѣмъ донесли о желаніи составить ополченіе и г. губернатору, прося его испросить на то позволенія отъ начальства. Вслѣдствіе чего отъ г. губернатора отправленъ на нашъ счетъ нарочный къ г. ми-

нистру полиціи съ испрошеніемъ позволенія на составленіе ополченія; а для пріисканія къ покупкѣ оружія и для полученія по сей части предписаній отъ г. главнокомандующаго отправился дворянинъ капитанъ Левшинъ съ отношеніемъ, коего копію при семъ имѣю честь приложить.

Послѣ сего предводители отправились въ свои уѣзды, и я ни отъ одного изъ нихъ и ни отъ кого изъ дворянъ не получалъ отзывовъ въ опроверженіе сдѣланному предположенію предводителей, но узналъ отъ г. губернатора, что отъ харьковскаго уѣзднаго предводителя подана къ нему бумага, съ приложеніемъ отзыва генералъ-лейтенанта Хорвата, а потомъ узналъ же отъ его превосходительства, что оныя 6-го числа октября отправлены отъ него къ г. министру полиціи, слѣдовательно, отзывъ генералъ-лейтенанта Хорвата о нежеланіи его участвовать въ ополченіи съ прочимъ дворянствомъ послѣдовалъ при учиненіи предположенія объ ономъ и когда на составленіе онаго дворянство испрашивало позволенія, а не послѣ полученія на то въ отвѣтъ предписанія.

Капитанъ Левшинъ, по возвращеніи своемъ 30-го октября, доставилъ мнѣ отзывъ его свѣтлости г. главнокомандующаго арміями, въ копіи при семъ прилагаемый, изъ котораго и извѣстія, 4-го ноября въ арміи напечатаннаго, и которое я при семъ осмѣлился приложить, ваше высокопревосходительство изволите увидѣть, что его свѣтлость г. главнокомандующій арміями, вопреки показаніямъ г.-л. Хорвата, не полагалъ ополченія нашей губерніи уже собраннымъ. А какъ между тѣмъ непріятель, по выгнаніи изъ Москвы, обращенъ былъ въ бѣгство, то г. министръ полиціи, по высочайшему соизволенію, предписалъ г. губернатору объявить нашему дворянству за усердіе его высочайшее благоволеніе, но что, по измѣнившимся обстоятельствамъ, не настоитъ болѣе надобности въ ополченіи.

Симъ образомъ получило свое окончаніе предположеніе дворянства объ ополченіи, а высочайшее оному благоволеніе было засвидѣтельствованіемъ, что оно исполнило при семъ важномъ обстоятельствѣ всю свою обязанность. И сія высочайшая милость оказана ему дѣйствительно по справедливости, ибо, кромѣ весьма малаго числа особъ, предпочитавшихъ сохраненіе своего имущества общей пользѣ и пріискивавшихъ разные предлоги, на благовидныхъ причинахъ ими основываемыхъ, отклонить и малѣйшіе отъ себя расходы, всѣ прочіе, какъ истинные сыны отечества, готовы были на всякія жертвы и почитали обязанностію предупреждать въ томъ желаніе правительства".

Какой имѣла конецъ эта исторія съ Хорватомъ, изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи бумагъ не видно.

І. А. Горновскій.

Новосильцевъ о конституціи царства-Польскаго.

По новымъ архивнымъ даннымъ.

Извѣстны обстоятельства, среди которыхъ создалась Польская конституція 1815 года, и отношенія къ ней и къ русскимъ со стороны различныхъ классовъ польскаго населенія того времени [1]). Поэтому напомнимъ здѣсь лишь о нѣкоторыхъ ближайшихъ фактахъ.

Въ день спѣшнаго выѣзда съ Вѣнскаго конгресса ближе къ новому театру войны, на Рейнъ, императоръ Александръ I утвердилъ для учреждаемаго царства Польскаго „Основы конституціи“ и подписалъ соотвѣтственный манифестъ (13/25-го мая 1815 г.). Относительно устройства царства опредѣлялся на конгрессѣ лишь общій принципъ, а форма предоставлялась добровольному усмотрѣнію государя. Принимая титулъ царя польскаго, Александръ предоставлялъ себѣ право даровать этому государству, предназначенному состоять подъ особымъ управленіемъ, то „внутреннее развитіе“ (extension intérieure), которое признается за благо. Посему ни въ „Основахъ“, ни въ манифестѣ еще не было точныхъ и достаточныхъ опредѣленій формы, и ее предстояло выработать. Послѣ торжествъ объявленія царства и по принесеніи жителями присяги, комитетъ изъ польскихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго, занялся составленіемъ „конституціонной хартіи“ или устава, при чемъ государь желалъ видѣть въ управленіи формы возможно „либеральныя“.

---

[1]) Послѣдняя монографія по данному предмету—Н. Ѳ. Дубровина „Послѣ Отечественной войны“, „Русская Старина“, 1904, февр. кн.

Недостатка въ нихъ не было въ изготовленномъ актѣ. Государь подписалъ (15/27-го ноября) его въ Варшавѣ, среди шумныхъ торжествъ, на возвратномъ своемъ пути чрезъ нее изъ-за границы. Намѣстникомъ своимъ государь назначилъ, однако, не князя Адама Чарторыйскаго, мечтавшаго о занятіи этого поста, а осторожнаго ветерана польскаго генерала князя Заіончека; великій князь Константинъ Павловичъ остался главнокомандующимъ русскою и польскою арміей съ оффиціальнымъ званіемъ лишь генералъ-инспектора всей кавалеріи; коммиссаромъ императорско-царскаго величества былъ другъ дѣтства и довѣренное лицо государя, Н. Н. Новосильцевъ. Вскорѣ послѣдовало и торжественное объявленіе утвержденнаго акта, со врученіемъ его сенату (12/24-го декабря).

Цѣлью государя было щедрыми своими дарами вызвать въ полякахъ прочныя чувства признательности и тѣмъ тѣснѣе связать царство съ имперіей. До довершенія дѣла конституціи польскіе руководители видимо и держали себя такъ, чтобы укрѣплять его въ такой мысли. Высшаго своего выраженія новыя дружественно-польскія отношенія достигли въ первый пріѣздъ (31-го октября—18-го ноября с. ст. 1815 г.) Александра въ Варшаву, въ качествѣ общепризнаннаго царя польскаго. Затѣмъ, по утвержденіи и объявленіи конституціонной хартіи дѣла стали быстро измѣняться.

„Никогда завоеванная нація“, замѣтилъ Прудонъ, „не была въ такомъ счастливомъ положеніи“, между тѣмъ „мечты поляковъ послѣ 1815 г. направлены были единственно къ тому, чтобы воспользоваться дарованною имъ Александромъ I конституціею, какъ орудіемъ противъ него же“. Главная масса населенія была, правда, довольна, что избѣгла опасности новаго раздѣленія между сосѣдними державами и осталась подъ властью русскаго императора; она не проявляла враждебныхъ дѣйствій. Самъ намѣстникъ, умудренный опытомъ, старался еще примирять возникшіе русско-польскіе интересы [1]). Совсѣмъ иначе желало бы большинство другихъ видныхъ дѣятелей. Подъ покровомъ той самой конституціи, которая, по намѣреніямъ государя, должна была служить прочною основой къ лучшему объединенію царства съ

[1]) „Я долженъ засвидѣтельствовать“, записалъ о кн. Заіончекѣ современникъ, хорошо знавшій его, Kozmian, „что свои надежды и такой образъ своихъ дѣйствій онъ опредѣлялъ убѣжденіемъ, что Польша можетъ существовать, имѣть значеніе и сохранять свою народность лишь только въ соединеніи съ Россіей; онъ полагалъ, что отъ нашихъ усилій возстановить полную независимость, причинившихъ столько бѣдствій нашему краю, слѣдуетъ отказаться, и слѣдуетъ въ соединеніи съ Россіей искать навсегда обезпеченія права польской народности и достиженія матеріальнаго благосостоянія; и этой цѣли онъ посвятилъ всѣ свои силы“. Наша статья въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“, 1898. I, 35.

имперіей, они всѣми мѣрами старались развивать отдѣльность, обособленность, подготовлять даже независимость царства, иные не замедлили проводить идеи и прямо республиканскія. Особенно упорно дѣйствовала партія Чарторыйскихъ, о которой еще въ 1816 г. Заіончекъ доводилъ до вѣдѣнія государя, что она „походитъ на заговоръ и можетъ имѣть всѣ послѣдствія онаго, ежели не обратятъ на оную вниманія“. Сеймы чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе дѣлались бурными.

Редакція конституціи, дѣйствительно, какъ бы намѣренно допускала весьма растяжимыя толкованія; кромѣ того, польскій ея текстъ, изданный варшавскимъ сенатомъ, уходилъ въ этомъ отношеніи еще далѣе французскаго оригинала, подписаннаго рукою Александра.

„Конституціонный уставъ“ располагался въ такомъ порядкѣ: политическія отношенія царства (1 глава), общія гарантіи (2 глава), правительство (3 глава съ подъотдѣлами), царь, регентство, намѣстникъ и государственный совѣтъ и проч.; національное представительство (4 глава), и проч. [1]).

Обязанный наблюдать за общими государственными интересами, комиссаръ императорско-царскаго величества Новосильцевъ счелъ своимъ долгомъ представить государю свое мнѣніе о редакціи „конституціоннаго устава“ съ присоединеніемъ проекта устава въ исправленномъ видѣ.

Въ одномъ изъ варшавскихъ архивовъ сохраняется отрывокъ французскаго черновика записки Новосильцева, заключающей въ себѣ мысли, которыя должны были войти въ это всеподданнѣйшее представленіе [2]).

[1]) *Charte Constitutionelle du Royaume de Pologne.*

Titre I: Relations politiques du Royaume.
Titre II: Garanties générales.
Titre III: Du Couvernement.
Capitre I: Du Roi.
Capitre II: De la Régence.
Capitre III: Du Lieutenant et du Conseil d'Etat.
Capitre IV: Des branches de l'Administration.
Titre IV: De la Représentation Nationale.
Titre V: De l'Ordre judiciaire.
Titre VI: De la force armée.
Titre VII: Dispositions générales.

Ustawa Konstytucyina Królestwa Polskiego.

Tytul pierwszy: Stosunki polityczne Królestwa.
Tytul drugi: Zareczenia ogólne.
Tytul trzeci: O Rządzie.
Rodzial pierwszy: O Królu.
Rodzial drugi: O Regencyi.
Rodzial trzeci: O Namiestnikw i o Radzie Stanu.
Rodzial czwarty: O Wydziatach Rządowych.
Tytul czwarty: O representacyi Narodowéy.
Tytul piaty: O Sądownictwie.
Tytul szósty: O sile Zbroynéy.
Tytul siódmy Urządzenia Ogólne.

[2]) Архивъ новыхъ дѣлъ при Канцеляріи Варшавскаго генералъ-губернатора, по описи № 811: Дѣла Архива собственной Канцеляріи намѣстника его императорскаго-царскаго величества въ царствѣ Польскомъ: „Бумаги Н. Н.

Въ виду исторической цѣнности его, мы приведемъ его весь, въ возможно близкомъ переводѣ къ подлиннику.

...„Демократическій и революціонный принципы—излагается въ немъ—привьютъ гангрену всему народу и, наконецъ, вызовутъ въ немъ пламенное желаніе перемѣнить монархическое, даже отечески-попечительное, правительство на самое тираническое и буйное, основанное на самодержавіи народа, т. е. на правительство республиканское.

„Во всякомъ другомъ предметѣ слишкомъ пристальное и подробное разсматриваніе формы и порядка можно бы считать педантизмомъ, но не въ данномъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о предметѣ такого большаго значенія, какъ конституціонная хартія. Здѣсь какъ нельзя болѣе слѣдуетъ взвѣшивать каждое употребляемое слово, никогда не будетъ здѣсь лишнимъ обращеніе самаго строгаго вниманія на порядокъ, въ которомъ предметы идутъ одинъ за другимъ, и никогда не надо бояться быть безъ мѣры воздержнымъ: надо сказать только то, что необходимо выразить. Если актомъ столь необыкновеннымъ, какъ хартія, создаются постановленія о предметахъ, необходимыхъ по существу и сущность которыхъ можетъ мѣняться, то правительство лишь совершенно напрасно свяжетъ себѣ руки и само себѣ подготовитъ затрудненія къ тому времени, когда обстоятельства потребуютъ реформы. Редакція слишкомъ небрежная или неточная также представляетъ очень серьезныя неудобства: она даетъ людямъ поводы и средства увеличивать то, что законодатель считалъ нужнымъ въ своей мудрости пожаловать имъ; возбуждаетъ въ различныхъ учрежденіяхъ стремленія къ расширенію своихъ правъ на счетъ другъ друга и даетъ пищу ненависти, которую враги общественнаго спокойствія желаютъ внушать въ народахъ противъ авторитета власти.

„Но что болѣе всего способствуетъ тому, чтобы сбивать людей съ дороги въ ихъ политическихъ мнѣніяхъ и давать имъ ложное направленіе, это—порядокъ въ распредѣленіи предметовъ, особенно когда ставятъ ихъ на мѣстѣ несообразномъ съ требованіями сущности правительства. Напримѣръ, мы видимъ, что въ монаршей конституціи поставили „царь“ послѣ „правительство“, а главу „правительство“ послѣ главъ о гарантіи и о политическихъ отношеніяхъ. Нетрудно предвидѣть толкованія, къ которымъ такіе недостатки должны давать поводъ, и послѣдствія, которыя отсюда должны происходить. Послѣд-

---

Новосильцева, найденныя въ бывшемъ Варшавскомъ Обществѣ любителей наукъ между бумагами Сташица“.—Судя по сохранившейся описи бумагъ Новосильцева, ихъ оставалось и было много, и необыкновенно цѣнныхъ для исторіи того времени, но изъ нихъ теперь въ Архивѣ лишь самое небольшое число... Со временемъ мы сообщимъ и объ этихъ остальныхъ документахъ.

ній недостатокъ, крайне большой въ теперешней конституціи королевства, былъ видимо намѣренно скомбинированъ со всѣми, уже указанными выше, недостатками, чтобы этимъ создать одно цѣлое, способное относительно формы правительства производить въ душѣ публики только чувства и идеи, совершенно противоположныя правительству, какое монархъ имѣлъ въ виду установить по конституціи, пожалованной имъ народу лишь по своему великодушію.

„Если все изложенное выше о конституціи будетъ ясно доказано въ „Запискѣ“ и въ „Комментаріи“ (dans le Mémoire et le Commentaire) о нынѣшней конституціи царства, которыя я предполагаю представить и о которыхъ я только-что говорилъ; и если нашъ августѣйшій монархъ будетъ убѣжденъ, что все зло, котораго можно опасаться, и все вліяніе, которыя головы экзальтированныя, приверженцы своихъ партій и разрушители порядка и общественнаго спокойствія, могутъ имѣть на людей слабыхъ, незнающихъ и неопытныхъ, если, говорю, онъ будетъ убѣжденъ, что все это зло и вліяніе происходитъ отъ плохаго состава конституціи, дающей поводъ сбивать съ дороги публику, которая можетъ толковать, какъ угодно, неясное и двусмысленное въ семъ актѣ: то, конечно, тотъ же самый благодѣтельный геній, который даровалъ конституцію, теперь по прежнимъ же мотивамъ гуманности и великодушія будетъ заботиться также наконецъ объ очищеніи ея отъ всего, могущаго находиться въ ней несовмѣстимымъ съ монархическимъ правительствомъ и способнаго возбуждать и поддерживать въ душѣ народа иллюзіи, опасныя не менѣе химерическихъ.

„Такъ какъ я убѣжденъ въ истинности сего, то я почелъ своимъ новымъ долгомъ преданности и признательности самому могущественному и великодушному государю—повергнуть къ его стопамъ опытъ конституціи царства исправленной и приведенной въ гармоническое соотвѣтствіе съ истиннымъ существомъ правительства (un essai de Constitution du Royaume, revue et mise en harmonie avec la vraie nature de son gouvernement). Я надѣюсь, что, выполняя такимъ образомъ святой долгъ, предписываемый мнѣ постояннымъ ко мнѣ довѣріемъ монарха, я вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаю существенную услугу польскому народу, отношенія котораго ко мнѣ неизмѣнно таковы, что я могъ быть всегда только доволенъ ими. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не услуга, и большая, по крайней мѣрѣ въ глазахъ спокойныхъ гражданъ, уважаемыхъ людей,—предложить средство, способное придать конституціи авторитетъ и постоянство, которыхъ она не имѣетъ и имѣть которыя она не можетъ, и надѣяться, пока она хранитъ въ себѣ сѣмена собственнаго своего разрушенія? Развѣ это—не спасать ее отъ несомнѣнной опасности, стараться очистить ее, отстраняя изъ

нея все, что не принадлежитъ къ ея системѣ и что тѣмъ не менѣе даетъ развращеннымъ и безпокойнымъ людямъ средства сбивать съ пути общество и поддерживать въ немъ иллюзію, будто оно можетъ требовать республиканскаго представительства, представительства самодержавнаго народа? Какой человѣкъ можетъ быть столь ограниченнымъ, чтобы не предвидѣть, что такія требованія совершенно недопустимы правительствомъ Россійской имперіи, которая, при ея колоссальномъ могуществѣ, ея народонаселеніи и громадномъ пространствѣ, не могла бы ни въ какомъ случаѣ поддерживать себя въ своей силѣ, цѣлости, благѣ и величіи при какомъ-нибудь иномъ правленіи, какъ только подъ правительствомъ монархическимъ? Развѣ можно предполагать, что эта монархія, соединенная съ царствомъ Польскимъ, составляющимъ едва 15-ю часть ея народонаселенія, позволила терпѣть близъ себя и, такъ сказать, на собственной груди распространеніе принциповъ, долженствующихъ уничтожать правительство, на которомъ основано счастіе и спокойствіе ея, вопреки большей части державъ Европы, находящихся теперь въ пожарѣ или наканунѣ пожара? Развѣ это не настоящее сумасшествіе—думать, что самодержавная власть будетъ равнодушными глазами смотрѣть въ средѣ членовъ сейма на этихъ рабскихъ подражателей апостоловъ революціи, на этихъ поклонниковъ и на эти отголоски самыхъ извѣстныхъ въ Европѣ демагоговъ, когда они обезьянски провозглашаютъ въ своихъ рѣчахъ самыя пагубныя доктрины, опираясь на правѣ, что они, по конституціи, будто-бы могутъ говорить съ безмѣрной свободой? Конечно, нѣтъ; никакой благоразумный человѣкъ не позволитъ себя питать подобной иллюзіей, не можетъ такъ ошибаться и не видѣть исхода, котораго должно ожидать, если бъ существованіе конституціи царства служило только предлогомъ и средствомъ деморализировать народы и ставить въ неудобное положеніе, компрометтировать время самое...“ (благополучное?)

На этомъ обрывается записка; въ концѣ ея, на полѣ, имѣются еще двѣ замѣтки:

„На глазахъ верховной власти законъ общаго спасенія стоитъ выше всякаго другаго закона“ (Aux yeux de la Puissance Souveraine, la Loi du Salut public est au dessus de toute autre).

„Конституціи не только подчинены сему закону, но даже онѣ не имѣютъ ничего положительнаго, кромѣ заботы, какъ только подкрѣплять и обезпечивать это общее спасеніе“ (Les Constitutions sont non seulements subordonnée à cette loi, mais elles n'ont même rien de réel si ce n'eut été le soin d'assurer et de garantir ce même salut).

Для кого предназначалась Новосильцевымъ эта его записка—во-

просъ второстепенный [1]). Важны тѣ воззрѣнія, которыя высказываются авторомъ, и его сообщенія объ исправленіи имъ текста конституціи королевства. Вопросъ о политическихъ взглядахъ Новосильцева, объ его службѣ и дѣятельности въ Польшѣ и о составленной имъ „Государственной уставной грамотѣ Россійской имперіи“ должны быть теперь разсматриваемы при лучахъ свѣта, бросаемыхъ даннымъ документомъ.

Профессоръ **Дм. Цвѣтаевъ.**

[1]) То, что она находится въ папкѣ бумагъ Новосильцева, найденныхъ въ бывшемъ Варшавскомъ Обществѣ любителей наукъ между бумагами „Сташица“, не рѣшаетъ еще вопроса. Другіе документы, имѣющіеся въ той же папкѣ и сшитые съ этой запиской, не могутъ имѣть никакого отношенія къ Сташицу; это именно—черновикъ протеста Новосильцева предъ Высшей судебной палатой на ея рѣшеніе по дѣлу о судившихся членахъ тайныхъ обществъ, черновики нѣсколькихъ писемъ и сообщеній государю, в. кн. Константину и т. п. Однако извѣстно, что отношенія Новосильцева съ Сташицемъ были хорошія, и Сташицъ предложилъ и рекомендовалъ его въ почетные члены Общества любителей наукъ, называя его „мужемъ ученымъ“. См. это предложеніе въ нашемъ трудѣ: „Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ“, т. II, кн. 2, стран. 224.

Восточная политика Наполеона [1]).

II.

Рюфенъ, оставленный повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ, былъ бы радъ какъ можно скорѣе сложить всю отвѣтственность на посланника, такъ какъ, со времени отъѣзда оттоманской миссіи въ Парижъ, послы англійскій и русскій осаждали Диванъ требованіями сдѣлать выборъ между Франціей и союзными державами. Константинополю предстояло быть въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ тѣмъ пунктомъ, гдѣ должны были столкнуться соперничающія вліянія, и сама Порта нуждалась въ поддержкѣ уполномоченнаго представителя Наполеона.

Себастіани прибылъ въ Константинополь 9-го августа 1806 года, послѣ крайне утомительнаго путешествія вслѣдствіе сильной жары. Онъ былъ предметомъ грандіозной встрѣчи въ турецкой столицѣ; великій визирь и рейсъ-эфенди поднесли ему въ подарокъ великолѣпныхъ лошадей; въ распоряженіе его была отдана дача для лѣтняго пребыванія. Послы Англіи и Россіи жаловались на такія неслыханныя почести, которыя вовсе не согласовались съ дипломатическими обычаями.

Въ самомъ дѣлѣ, Порта чувствовала себя успокоенной присутствіемъ французскаго посла. „Она только и ждала момента, говорилъ Себастіани, чтобы стряхнуть съ себя иго и показать себя независимой державой“.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1904 г.

24-го августа, когда Себастіани еще не успѣлъ представиться султану, господари Молдавіи и Валахіи были уже отрѣшены отъ должности: вмѣсто Мурузи былъ назначенъ Каллимахи, а вмѣсто Ипсиланти—Александръ Сутцо. Прежніе были представителями русскаго вліянія, дѣятельными агентами расчлененія Оттоманской имперіи, путемъ возрожденія его христіанскаго населенія; они имѣли огромное вліяніе на Диванъ, гдѣ раздавали золото пригоршнями. Эти господари мечтали о переворотѣ въ имперіи, къ которому готовилось все населеніе греческаго вѣроисповѣданія. Первый сигналъ къ революціи былъ поданъ Сербіей; остальныя провинціи собирались послѣдовать ея примѣру, а вслѣдъ за ними, русское правительство преслѣдовало свои честолюбивыя намѣренія. Поэтому Себастіани, видя энергію, проявленную Портой, торжествовалъ: „Порта вчера только вышла изъ-подъ опеки и вліянія Россіи, говорилъ онъ, и, вернувшись къ прежней системѣ, принялась за необходимыя мѣры для своего спасенія“.

Русскій посолъ Италинскій былъ страшно озлобленъ, протестовалъ противъ нарушенія трактатовъ, грозилъ скорымъ объявленіемъ войны и отправилъ экстреннаго курьера въ Петербургъ. Англійскій посолъ Арбутнотъ счелъ долгомъ заговорить въ такомъ же тонѣ, адресовалъ Портѣ „бѣшеную ноту“, обвиняя ее въ томъ, что она окончательно подпала подъ французское вліяніе.

28-го августа султанъ принялъ Себастіани на торжественной аудіенціи; вопреки установленному обычаю, посолъ получилъ разрѣшеніе сохранить при себѣ оружіе и былъ принятъ султаномъ съ выраженіемъ величайшей благосклонности. Аудіенція продолжалась долго, и, вслѣдствіе важности обстоятельствъ, разговоръ перешелъ границы обычныхъ банальностей. Себастіани заявилъ султану, что императоръ Наполеонъ готовъ былъ отказаться отъ права раздачи бератовъ, или патентовъ на натурализацію, оттоманскимъ подданнымъ, каковымъ пользовались иностранныя державы; и совѣтовалъ султану лишить этого права Россію, которая злоупотребляла имъ, развращая этимъ населеніе Турецкой имперіи.

Селимъ, тронутый этой уступкой, понялъ, что Наполеонъ хотѣлъ только отстранить русское вліяніе, и, казалось, былъ готовъ отдаться всецѣло въ руки французской политики. Не только господари были отрѣшены отъ должностей, но и Юсуфъ-ага, глава русской партіи въ Константинополѣ, былъ отосланъ въ Мекку. Султанъ хорошо зналъ, что онъ возбудитъ этимъ злобу Россіи и готовился къ сильному сопротивленію. Къ сожалѣнію, онъ не могъ имѣть полнаго довѣрія къ своему войску; безпорядки, произведенные янычарами въ Румеліи, были только-что подавлены; онъ понималъ недостатокъ военныхъ

силъ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи Селимъ обратился за помощью къ Себастіани, прося его выписать изъ Франціи морскаго инженера и артиллерійскаго офицера. Какъ и въ предъидущемъ столѣтіи, Порта поступала въ школу къ Франціи. Себастіани могъ уже поздравить себя съ тѣмъ, что „исполнилъ всѣ намѣренія его величества".

Но его торжество было непродолжительно. 29-го сентября, къ Италинскому прибылъ экстренный курьеръ отъ русскаго правительства, и посолъ адресовалъ Портѣ очень энергичную ноту, въ которой говорилъ, что императоръ Александръ крайне раздраженъ отрѣшеніемъ господарей отъ должности, ибо это есть нарушеніе хатти-шерифа, даннаго въ сентябрѣ 1802 г.; господари должны были оставаться на своемъ посту еще въ теченіе трехъ лѣтъ; они были отрѣшены безъ согласія на то русскаго посла и безъ указанія причинъ, объясняющихъ подобное дѣйствіе. Поэтому петербургское правительство, ссылаясь на прежнія конвенціи, требуетъ немедленнаго возвращенія обоихъ господарей и сохраненія ими своихъ должностей до окончанія семилѣтняго срока. Никакой уклончивый отвѣтъ принятъ не будетъ. Въ томъ случаѣ, если Порта не пожелаетъ принять условій этого ультиматума, Италинскій будетъ немедленно отозванъ.

На этотъ ультиматумъ Порта отвѣтила 13-го октября нерѣшительной нотой: что Россія также не уважала трактатовъ и что верховная власть Порты не признавалась на Іоническихъ островахъ, гдѣ русскія должностныя лица распоряжались какъ хозяева; и что князь Ипсиланти измѣнникъ, и потому отставка его необходима.

Италинскій настаивалъ на своемъ: возвращеніе господарей имѣло уже пагубныя послѣдствія, говорилъ онъ, и вызвало нѣчто вродѣ анархіи. Виддинскій паша Пасванъ-Оглу воспользовался этимъ, чтобы вторгнуться съ шайкой разбойниковъ въ Валахію, гдѣ онъ заставилъ христіанъ заплатить ему огромную контрибуцію. Необходимо возстановить порядокъ въ странѣ, успокоить населеніе и вернуть господарямъ ихъ авторитетъ; иначе, русское правительство будетъ принуждено вмѣшаться въ дѣло и заступиться за христіанъ; это есть право, обезпеченное Россіи Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ.

Казалось, что султанъ и его министры были готовы выказать большую храбрость; они приказали укрѣпить Бендеры и крѣпости Босфора, организовать два большихъ лагеря въ Рущукѣ и въ Виддинѣ, и потребовали изъ Азіи многочисленную армію, которую собирались отправить въ Силистрію. Себастіани однако не очень довѣрялъ имъ: „Все это приказано, но все это будетъ плохо исполнено и будетъ готово лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ какой обманчивой безопасности жило турецкое правительство до сего дня! Какъ оно мало

заботилось о будущемъ. А что станетъ съ Архипелагомъ, острова котораго населены лишь греками, всецѣло преданными Россіи, что будетъ съ нимъ? Будетъ ли возможно защищать Дарданеллы? Не думаю!" говорилъ онъ.

Турецкое правительство раздѣляло эти опасенія. Ультиматумъ Италинскаго навелъ страхъ на Порту; министры чувствовали, что не могутъ вести войну, „казначейство было пусто, укрѣпленія полуразрушены и плохо вооружены, войско малочисленно и плохо организовано".

Одно присутствіе Себастіани въ Константинополѣ не могло остановить Россію. Поэтому, отдавая арміи воинственныя приказанія, султанъ писалъ въ то же время Наполеону, 6-го октября, объясняя ему, почему онъ былъ вынужденъ вернуть господарей. Онъ оправдывался тѣмъ, что Россія отказалась отъ ратификаціи послѣдняго трактата и жаловалась на нарушеніе трактата 1802 г. и что Англія угрожала также начать непріязненныя дѣйствія въ томъ случаѣ, если между Россіей и Портой вспыхнетъ война. Такимъ образомъ, въ виду того, что Италинскій угрожалъ отъѣздомъ, а Англія вмѣшательствомъ, и оба намѣреваются объявить войну, „чтобы избѣжать такую преждевременную крайность, противную законамъ религіи", оттоманское правительство рѣшилось водворить Ипсиланти и Мурузи на ихъ прежнія мѣста. Это длинное разсужденіе имѣло нѣкоторое основаніе; извѣстіе о непризнаніи трактата прибыло въ Константинополь лишь въ послѣднихъ числахъ сентября. Если же Порта отрѣшила господарей, ссылаясь лишь на франко-русскій трактатъ, тогда у этого энергичнаго поступка отнимается бо̀льшая часть его значенія; въ такомъ случаѣ, Порта рѣшилась на это, убѣжденная въ томъ, что ничѣмъ не рискуетъ. Между тѣмъ, Себастіани вынесъ впечатлѣніе, что оттоманское правительство руководствовалось лишь страхомъ „и привыкло уже къ желѣзной розгѣ".

12-го октября Арбутнотъ представилъ Портѣ ноту, въ которой говорилось объ образованіи четвертой коалиціи, грозномъ вооруженіи Пруссіи, Швеціи, Россіи и Англіи, о томъ, что Наполеонъ будетъ уничтоженъ этой силой и во всякомъ случаѣ не будетъ въ возможности помочь Турціи. 15-го октября новые господари, Сутцо и Каллимаки, были въ свою очередь отрѣшены отъ должности, и предшественники ихъ возвращены на свои мѣста. По этому случаю Себастіани далъ просторъ своему негодованію. „Это самое постыдное покорство, которое когда-либо встрѣчалось въ лѣтописяхъ этой имперіи", писалъ онъ. Князья Ипсиланти и Мурузи, люди очень богатые, развратили министровъ Порты, въ особенности рейсъ-эфенди; турецкое министерство находится отнынѣ „въ вассальномъ положеніи". Оно

управляется лишь деньгами и страхомъ. Стоитъ только вспомнить оттоманскую политику за послѣдніе годы, продолжаетъ посолъ; она находилась всегда въ зависимости отъ внѣшнихъ событій".

Послѣ Маренго Порта рѣшила послать миссію въ Парижъ; послѣ образованія третьей коалиціи она отказалась признать за Наполеономъ императорскій титулъ; послѣ Аустерлица она послала чрезвычайнаго посла, Мухибъ-эфенди. Нынѣ она узнаетъ объ образованіи четвертой коалиціи и находится у ногъ Россіи. Себастіани проситъ аудіенціи у султана, рейсъ-эфенди отказываетъ ему.

Порта вскорѣ увидѣла, что сила была еще на сторонѣ Наполеона; первый выстрѣлъ на полѣ Іенскаго сраженія, казалось, уничтожилъ четвертую коалицію. 11-го ноября Наполеонъ собственноручно извѣстилъ Селима о своей побѣдѣ, поддерживалъ его рѣшимость и внушалъ твердыя намѣренія. Одновременно съ этимъ Талейранъ повторялъ Себастіани императорскія инструкціи. Политическое равновѣсіе турецкаго правительства снова заколебалось; рейсъ-эфенди пожелалъ видѣть Себастіани и имѣлъ съ нимъ важное совѣщаніе; онъ высказалъ готовность къ союзу съ Франціей, хотя хотѣлъ еще съ этимъ повременить. Въ одинъ прекрасный день счастье оружія могло еще повернуться противъ Наполеона, и потому трудно было брать на себя обязательства относительно будущаго. Рейсъ-эфенди намѣревался послать чрезвычайнаго посла къ императору Наполеону для переговоровъ по поводу заключенія этого договора. Ему хотѣлось также узнать планы императора относительно Польши; быть можетъ, онъ боялся этого опаснаго сосѣдства. „Какой умъ способенъ измѣрить планы этого великаго генія?" отвѣчалъ на это Себастіани, и когда посолъ настаивалъ на необходимости поторопиться, рейсъ-эфенди охотно согласился съ нимъ. „Да, необходимо торопиться, сказалъ онъ, но все же невозможно высказаться, пока не окончатся вооруженія, а это займетъ нѣсколько недѣль, при чемъ было бы все-таки желательно узнать о намѣреніяхъ императора Наполеона, захочетъ ли онъ дать союзу характеръ наступательный или оборонительный?" Приходилось также считаться съ кораномъ, запрещающимъ проливать кровь и допускающимъ войну лишь въ случаѣ законнаго права защиты. Эти вопросы требовали размышленія.

Однако необходимо было не раздражать Наполеона на всякій случай; 25-го ноября Селимъ написалъ ему трогательное посланіе; онъ выразилъ свою радость по случаю побѣды при Іенѣ, увѣрялъ императора въ своихъ дружескихъ чувствахъ и нетерпѣливо ожидалъ случая высказать ихъ.

Храброе настроеніе Селима подверглось тяжкому испытанію. Въ тотъ моментъ, когда онъ былъ убѣжденъ, что удовлетворилъ Россію

возвращеніемъ господарей, а Наполеона краснорѣчивыми изліяніями дружбы, русская армія перешла Днѣстръ (10-го ноября) въ трехъ пунктахъ: 6.000 человѣкъ заняли Хотинъ, подъ командой князя Долгорукова; 10.000—подъ командой генералъ-анъ-шефа Михельсона вступили въ Яссы безъ выстрѣла и двинулись къ Бухаресту; 20.000 человѣкъ завладѣвали Бендерами и осадили Измаилъ. Эти извѣстія вызвали въ Константинополѣ ужасное волненіе; русскій посолъ самъ былъ озадаченъ и смущенъ этими извѣстіями; онъ не зналъ, какія объясненія представить Портѣ, такъ какъ онъ довольно долгое время не зналъ въ точности намѣренія своего правительства. Лишь 15-го (27-го) ноября, россійскій канцлеръ, баронъ Будбергъ, написалъ Италинскому письмо изъ Петербурга, дошедшее до посла въ половинѣ декабря. Русское правительство объясняло слѣдующимъ образомъ своему послу это неожиданное рѣшеніе: по полученіи извѣстія о пріѣздѣ Себастіани въ Константинополь и отрѣшеніи князей Ипсиланти и Мурузи, Россія,ославъ свой ультиматумъ Италинскому, сформировала армію на Днѣстрѣ. Какъ извѣстно, ультиматумъ былъ переданъ Портѣ лишь 29-го сентября. 1-го октября, писалъ Будбергъ, не имѣлось еще о немъ извѣстій—это вполнѣ естественно, ибо 1-е октября русскаго календаря соотвѣтствуетъ 12-му октября григоріанскаго календаря. Въ Петербургѣ были убѣждены, что Порта отвергла ультиматумъ; однако, государь согласился выждать до 15-го (29-го) октября. Въ тотъ же самый день султанъ вернулъ господарей; извѣстіе объ этомъ не могло придти въ Петербургъ ранѣе начала ноября.

Итакъ, 28-го октября русское правительство послало Михельсону приказъ идти въ Молдавію „для возстановленія въ этомъ краѣ прежнихъ отношеній, утвержденныхъ трактатами, для остановки французскаго владычества, грозившаго Портѣ окончательнымъ закрѣпощеніемъ и, если потребуется, для того, чтобы встать лицомъ къ лицу съ французскими войсками въ Далмаціи“.

23-го октября въ Петербургъ пришло извѣстіе о возстановленіи господарей; оно не сопровождалось никакими объясненіями; императоръ Александръ выжидалъ, не посылая новыхъ инструкцій Михельсону, и, получивъ впослѣдствіи болѣе ясныя депеши, рѣшилъ однако, что подобное удовлетвореніе недостаточно: „это единичное удовлетвореніе не представляетъ необходимыхъ гарантій относительно намѣреній Порты; оттоманскіе министры продолжаютъ имѣть длинныя конференціи съ французскимъ посломъ, они не отдали еще никакихъ приказаній касательно выполненія приказа о возстановленіи господарей. Валахія опустошается шайками Пасвана-Оглу и находится въ самомъ ужасномъ положеніи, а между тѣмъ Россія торжественно гарантировала ея спокойствіе“. Вотъ почему императоръ Александръ

*

рѣшилъ не отзывать генерала Михельсона, находившагося за предѣлами Днѣстра. Надобно было, чтобы Порта обезпечила русскимъ судамъ свободный проходъ въ Босфоръ и возобновила съ Россіей и Англіей союзный договоръ 1798 года „во избѣжаніе того, чтобы неудовольствіе Россіи не имѣло пагубныхъ послѣдствій для неприкосновенности оттоманской территоріи". Другими словами, русское правительство требовало союза Порты съ Россіей, или безсрочной оккупаціи княжествъ русскими. Во всякомъ случаѣ это былъ рѣшительный отвѣтъ на первые успѣхи Себастіани.

Онъ всѣми усиліями сталъ возбуждать турокъ къ мести; объяснялъ имъ, что честолюбивые виды распространяются очевидно на Сербію и Черногорію, гдѣ она хочетъ поддержать возстаніе съ цѣлью поднять всю Грецію на островахъ и изгнать турокъ изъ Европы. Такова была всегда политика Россіи, начиная съ временъ Екатерины II, говорилъ онъ. Генералъ Михельсонъ объяснялъ событія иначе; вступивъ въ Молдавію, онъ объявилъ о самыхъ мирныхъ намѣреніяхъ, предлагалъ оттоманскимъ властямъ сохранить свои должности въ интересахъ порядка, говоря, что онъ желаетъ лишь защитить Турцію противъ господства французовъ; что Наполеонъ имѣетъ ясное намѣреніе уничтожить янычаръ, образовать низамъ [1]), съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сдѣлаться императоромъ восточной имперіи; а такъ какъ Россія только желаетъ добра Портѣ, то Михельсонъ обѣщалъ удалиться тотчасъ, какъ Порта исполнитъ свои обязательства; а пока онъ не начнетъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій, если онъ не будетъ вызванъ на это. И такъ, Франція и Россія оспаривали другъ у друга честь быть полезными Турціи.

Не слѣдуетъ однако понимать подобныя увѣренія буквально. Наполеонъ и Александръ были, быть можетъ, одинаково склонны стать императорами восточной имперіи и царствовать въ Константинополѣ. Но Александръ I, внукъ Екатерины II, казалось, былъ гораздо ближе къ собору св. Софіи и потому гораздо опаснѣе. Султанъ, полагая, что присутствіе Наполеона на Вислѣ помѣшаетъ Россіи дѣйствовать на Дунаѣ, и надѣясь, что французскія побѣды заставятъ Михельсона отступить, продолжалъ слушаться совѣтовъ Себастіани, но слѣдилъ съ величайшимъ безпокойствомъ за событіями польской войны.

И въ самомъ дѣлѣ, положеніе Оттоманской имперіи было самое критическое, и тревога Селима была вполнѣ понятна. У него не было самыхъ необходимыхъ средствъ для веденія войны; оборона Босфора и Дарданеллъ была въ жалкомъ состояніи, паши на Дунаѣ не слу-

[1]) Регулярное войско.

шались правительства, думали только о собственныхъ интересахъ и вели себя независимо; зная о приближеніи русскихъ войскъ, о появленіи ихъ въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Дуная, они не спѣшили увѣдомить о томъ султана и не спрашивали инструкцій; въ Рущукѣ Мустафа-байрактаръ, получивъ отъ Михельсона увѣренія въ его добрыхъ намѣреніяхъ, не зналъ, какой политики ему держаться. Самъ рейсъ-эфенди, по словамъ Себастіани, выказывалъ себя „совсѣмъ русскимъ“ и былъ безъ сомнѣнія „подкупленъ Муруви“.

Между тѣмъ, два англійскихъ судна, подъ командой контръ-адмирала Левиса, появились неожиданно и бросили якорь у Константинополя. Левисъ не объяснилъ причины своего появленія; султанъ, еще болѣе обезпокоенный этимъ, поспѣшилъ высказать англійскому послу самыя дружественныя увѣренія и даже просилъ его содѣйствія у его русскаго коллеги, чтобы получить успокоительныя объясненія касательно занятія княжествъ. Но Наполеонъ продолжалъ вмѣшиваться въ дѣла, поддерживать энергію Порты своими дружескими письмами. 1-го декабря онъ писалъ лично Селиму изъ Познани, увѣряя его въ своей дружбѣ и преданности: „Пруссія, союзница Россіи, исчезла, писалъ Наполеонъ, моя армія на Вислѣ, и Варшава въ моей власти. Прусская и русская Польша возстала и организуетъ свои арміи, чтобы вновь завоевать независимость. Насталъ моментъ завоевать и вашу независимость... Если вы были осторожны до сей минуты, то дальнѣйшая снисходительность къ Россіи была бы слабостью и гибелью для вашей имперіи“. Одновременно съ этимъ Талейранъ сравнивалъ, судьбу Турціи съ судьбою Польши въ письмѣ къ Себастіани: „Порта потеряла свою независимость съ тѣхъ поръ, какъ пала Польша, и она обрѣтетъ ее только тогда, когда эта монархія снова воспрянетъ“. Себастіани долженъ былъ передать эти слова турецкимъ министрамъ, и императоръ уполномочилъ его подписать тайный оборонительный и наступательный союзъ, съ помощью котораго онъ гарантировалъ Портѣ неприкосновенность ея провинцій: Молдавіи, Валахіи и Сербіи: „поторопите Порту сосредоточить войска около Хотина, и я обязуюсь не заключать мира съ Россіей, иначе какъ совмѣстно съ нею“.

Такимъ образомъ Порта поддерживалась лишь рукой императора; онъ одинъ вдыхалъ жизнь въ это умирающее тѣло. Неужели же она покажетъ себя менѣе сильной, чѣмъ Персія, которая вооружила 80.000 человѣкъ для борьбы противъ Россіи на югѣ Кавказа? говорилъ Наполеонъ. Неужели Порта не воспользуется случаемъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ съ французами на Вислѣ и съ персами Арменіи, и оттѣснить въ концѣ концовъ Россію въ ея пустыню? Насталъ моментъ вернуть все то, что она принуждена была уступить Россіи полвѣка тому назадъ, и спастись, быть можетъ, навсегда отъ грозящей ей погибели.

Обстоятельства казались столь благопріятными, что Порта рѣшилась дѣйствовать. Она разсчитывала, что Англія не поддержитъ Россію, и потому старалась щадить англійское правительство и не порывала съ нимъ оффиціально дружескихъ сношеній. Порта была также увѣрена, что русскіе, находившіеся въ Княжествахъ, не могли быть опасными теперь, ввиду присутствія Наполеона въ Польшѣ, что мѣшало имъ итти слишкомъ далеко на югъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо было принять твердое рѣшеніе; Россія держала въ своихъ рукахъ часть Оттоманской имперіи и способствовала ея распаденію; Порта не могла взирать на это равнодушно, ей было настоятельно необходимо принять совѣты Наполеона и довѣриться Себастіани. Въ половинѣ декабря 1806 года рѣшеніе Порты было принято. 16-го числа Себастіани имѣлъ аудіенцію у султана въ Кіоскѣ Прѣсныхъ водъ; онъ передалъ ему послѣднее письмо Наполеона; султанъ, казалось, былъ готовъ объявить войну Россіи, затѣмъ посолъ присутствовалъ на совѣщаніи всѣхъ министровъ, на которомъ также было рѣшено объявить войну, и Себастіани было разрѣшено увѣдомить о томъ своего императора. Посолъ добился того, чтобы Италинскому и всей русской миссіи не были причинены при этомъ обычныя непріятности и чтобы оттоманское правительство держало себя въ этомъ случаѣ, какъ цивилизованная нація; и чтобы русскимъ было разрѣшено покинуть Константинополь въ полной безопасности. То было блестящей побѣдой надъ мусульманскимъ варварствомъ, и Италинскій былъ благодаренъ Себастіани за то, что онъ избавилъ его отъ тяжелаго заключенія въ Семибашенный замокъ.

Объявленіе войны должно было послѣдовать нѣсколько дней спустя со всѣми формальностями, какихъ требовали мусульманскіе законы, съ цѣлью возбудить противъ врага религіозный фанатизмъ населенія.

Войско, находившееся въ Румеліи, получило приказаніе немедленно отправиться на Дунай. Азіатскія войска были отозваны въ Константинополь, чтобы встать подъ священныя знамена подъ командою великаго визиря, ибо это была священная война, къ которой призывались всѣ силы Ислама, чтобы преградить Россіи путь въ Константинополь. На глазахъ удивленнаго Себастіани началось сильное возбужденіе мусульманскихъ страстей; паши изъявили свою преданность. На дружественныя увѣренія Михельсона байрактаръ Мустафа отвѣтилъ жалобой на занятіе Молдавіи русскими немедленной посылкой войскъ въ Валахію и заявленіемъ, что онъ самъ пойдетъ во главѣ войска. Въ Виддинѣ Пасванъ-Оглу также сталъ дѣйствовать рѣшительно и двинулся на Дунай, съ 40-тысячнымъ войскомъ. Въ Малой Азіи абхазцы и эрзерумскій паша, вторглись въ Грузію. Подобно

волнѣ, поднялась вся Турція, чтобы поглотить иноземцевъ, вторгнувшихся въ ея предѣлы.

Но все это не было стройно организовано, и Себастіани опасался, что энтузіазмъ не будетъ ни дѣйствителенъ и ни продолжителенъ, „здѣсь нужно бы имѣть французскихъ офицеровъ“, писалъ онъ Талейрану, султанъ также просилъ ихъ, главнымъ образомъ, артиллерійскихъ офицеровъ и инженеровъ, но они не могли пріѣхать такъ скоро. Пока, посолъ отправилъ капитана Лакура въ Эрзерумъ и зятя своего, и адъютанта де-Коньи на Дунай. Что касается его самого, то ему не было разрѣшено оставить Константинополь, гдѣ его присутствіе было необходимо для поддержанія оттоманскаго правительства въ принятомъ рѣшеніи. Италинскій былъ смущенъ извѣстіемъ о занятіи Молдавіи русскими войсками, а англійскій посолъ чрезвычайно волновался, стараясь не допустить разрыва. „Онъ велъ себя очень глупо“, говоритъ Себастіани, онъ являлся три дня подрядъ во дворецъ Дивана, врываясь туда силой, грозилъ, говорилъ дерзости, указывая на англійскія суда, стоявшія у Золотаго Рога; турецкіе министры сдерживали свой гнѣвъ, не желая порвать съ нимъ, такъ какъ у нихъ была плохая защита отъ англійскихъ пушекъ. Арбутнотъ, со своей стороны, старался волновать населеніе ложными извѣстіями о томъ, будто половина французской арміи уничтожена русскими, а другая половина находится въ госпиталяхъ, гдѣ свирѣпствуетъ диссентерія; что Испанія и Португалія присоединились къ коалиціи и послали войска въ Пиренеи; что Парижъ въ полномъ возстаніи. Себастіани и испанскій посолъ были принуждены опровергать всѣ эти сказки тѣмъ, кто имъ вѣрилъ.

Султанъ настоялъ на своемъ: 24-го декабря онъ оффиціально объявилъ Италинскому о разрывѣ дипломатическихъ сношеній, при чемъ высказалъ слѣдующія причины неудовольствія Порты: со времени заключенія мира въ Яссахъ, Россія продолжала подстрекать подданныхъ султана, брала ихъ на свои суда, выдавала патенты на натурализацію, возбуждала Сербію къ возстанію и безъ всякаго права заняла турецкую крѣпость Анакрію на Ріонѣ. Въ Албаніи и даже въ Константинополѣ Россія сманивала оттоманскихъ подданныхъ въ свою армію и въ концѣ-концовъ заняла Молдавію, не объявляя войны. Далѣе, Россія силой взяла Хотинъ и Бендеры, прислалъ турецкимъ властямъ ложный манифестъ. Таковы были причины, по которымъ Италинскому предложено въ три дня покинуть Константинополь вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ посольствомъ.

Получивъ это заявленіе, Италинскій, спустя нѣсколько часовъ, выѣхалъ въ Мальту на англійскомъ суднѣ. Въ тотъ же день Россіи была оффиціально объявлена война. Оба господаря Молдавіи и Ва-

лахіи были вновь отрѣшены отъ должностей. Великій визирь объявилъ о своемъ скоромъ отъѣздѣ на Дунай, вслѣдствіе чего возгорѣлся народный энтузіазмъ; но оттоманское министерство оставалось ко всему невозмутимо; рейсъ-эфенди держалъ себя таинственно, а остальные сановники Порты, какъ бы нехотя, принимали участіе въ событіяхъ. Себастіани не могъ побороть эту косность и равнодушіе: ему наскучило постоянно толкать этихъ людей на борьбу, когда они не хотѣли сражаться; онъ былъ доволенъ полученными результатами, но не надѣялся сдѣлать бо́льшаго; онъ находился въ Константинополѣ всего 4 мѣсяца, а уже писалъ Талейрану: „я прошу у его величества отозвать меня отсюда; я сдѣлалъ все, что зависѣло отъ меня, служа моему великому монарху, и прошу въ видѣ награды послать меня въ армію, я предпочелъ бы служить простымъ волонтеромъ, нежели оставаться здѣсь дольше“. Онъ питалъ презрѣніе къ правительству, при которомъ былъ аккредитованъ, и къ націи, которую старался поднять и возбудить къ дѣйствію. Онъ смотрѣлъ на Константинополь, какъ на мѣсто ссылки. Себастіани находилъ турокъ неспособными къ борьбѣ съ русскими или англичанами и боялся быть увлеченнымъ въ катастрофу, угрожавшую Турціи; ему противно было чувствовать себя привязаннымъ къ этому трупу. Въ началѣ 1807 г. гибель Турціи казалась близка; это было въ Европѣ всеобщее мнѣніе; событія, кои французскій посолъ видѣлъ вблизи, подтверждали это мнѣніе.

Порта была безсильна, султану еле повиновались въ его столицѣ; янычары роптали, образуя рядомъ съ правительствомъ нѣчто вродѣ мятежнаго правленія. Въ подвластныхъ Турціи провинціяхъ царствовала какая-то феодальная анархія. Въ Азіи и въ Европѣ каждый паша былъ хозяинъ въ своей провинціи, подчасъ могущественнѣе самого султана въ столицѣ. Христіанскія провинціи становились, подобно Сербіи, почти независимыми; въ сущности Оттоманская имперія была близка къ гибели, и великія державы смотрѣли на нее, какъ на свою добычу.

Россія не могла проявить рѣшительныхъ дѣйствій; а Константинополь былъ беззащитенъ. И кто же могъ бы поручиться, что онъ не будетъ захваченъ Англіею? Что значили Аустерлицкая и Іенская побѣды въ сравненіи съ фактомъ занятія англичанами столицы султана? Такое событіе было бы рѣшительнымъ моментомъ въ европейской исторіи.

Но Англія въ этомъ случаѣ оплошала. При объявленіи войны Россіи со стороны Турціи, Англія объявила себя нейтральною „лишь бы Турція не вступала въ союзъ съ Франціею“.

Англійскій консулъ въ Бухарестѣ, Соммерсетъ, получилъ прика-

заніе освѣдомиться какъ можно лучше о намѣреніяхъ русскаго генерала Михельсона, пригласившаго его къ себѣ на обѣдъ. Но русскій агентъ въ этомъ городѣ, Родофиникинъ, относился къ нему „съ изысканной любезностью", но большимъ недовѣріемъ, ничего не разъяснилъ англійскому консулу и запретилъ своимъ секретарямъ что-либо разсказывать. Однако Соммерсетъ самъ подмѣчалъ многое, что доказывало ему, что не все обстояло благополучно въ русской арміи; всюду царитъ безпорядокъ, она не подвигалась впередъ, хотя продолжала выражать Турціи торжественное и совершенно неумѣстное презрѣніе.

Ипсиланти вмѣшивался во все „особенно въ то, въ чемъ онъ самъ не имѣлъ никакого понятія"; онъ назначалъ министровъ и смѣнялъ ихъ на другой же день; дѣлалъ смотры, предсѣдательствовалъ въ Диванахъ съ напускнымъ величіемъ, возбуждалъ ненависть даже среди своихъ старыхъ молдавскихъ подданныхъ и глупостью своей компрометтировалъ успѣхи русскихъ.

„Россія хорошо бы сдѣлала, покончивъ свою распрю съ Портой полюбовно", говорилъ Соммерсетъ.

Что касалось Англіи, то она считала для себя опаснымъ нарушить добрыя отношенія къ Россіи и натолкнуть ее на сближеніе съ Франціей, а на случай, если бы эти державы вздумали ускорить рѣшеніе Восточнаго вопроса, лондонское правительство считало нужнымъ быть на-готовѣ и внимательно слѣдить за всѣмъ, что происходило въ Константинополѣ.

Въ теченіе января Арбутнотъ получилъ наконецъ оффиціальныя инструкціи. Ему было приказано требовать возобновленія англо-турецкаго союза 1798 г.; удаленія Себастіани изъ Турціи, возвращенія англійскому флоту крѣпостей въ проливахъ, уступки Россіи Молдавіи и окончательнаго заключенія мира. Англія слишкомъ явно дѣйствовала за-одно съ Россіей, ибо тяжелыя условія, навязанныя султану, могли лишь раздражать его и усилить вліяніе Себастіани, которому не трудно было убѣдить Порту, что англичане и русскіе хотятъ гибели Турціи, у которой одна лишь защита — союзъ съ Франціей. На требованія англичанъ рейсъ-эфенди, Галетъ-паша, предложилъ заключить перемиріе съ Россіей на три мѣсяца; Арбутнотъ отклонилъ это предложеніе.

25-го января, по этому поводу, происходила послѣдняя конференція, на которой англійскій посолъ не зналъ, какъ объяснить требованія своего правительства, которое ни въ чемъ не могло упрекнуть Турцію. Онъ выставилъ причиною явное пристрастіе Турціи къ Франціи; со времени прибытія Себастіани, Англія требовала, чтобы Порта возобновила прежнія дружескія отношенія съ Россіей и съ Англіей,

отстранивъ французское посольство. Русскія войска уже приближались къ Дунаю, и англійскія суда находились въ Архипелагѣ. Въ случаѣ, если Порта не согласится на уступки, Англія грозила, что ея флотъ начнетъ свои дѣйствія совмѣстно съ русскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ „дабы вмѣстѣ войти въ Дарданеллы“. Галетъ-паша, рѣшеніе котораго относительно соглашенія съ Себастіани было принято, не затруднился отвѣтить на эти обвиненія. Онъ энергично возразилъ на угрозы, что: „французскій посолъ никоимъ образомъ не старался повліять на Порту; къ тому же Франція не владычествуетъ на морѣ и ничего не можетъ сдѣлать противъ Константинополя. Господари при дунайскихъ провинціяхъ были отрѣшены отъ своихъ мѣстъ лишь потому, что злоупотребленія, совершенныя ими, были доказаны, и французскій посолъ узналъ объ этомъ лишь одновременно съ остальными жителями Константинополя. Возвративъ наконецъ этихъ преступныхъ господарей и перенеся вслѣдствіе этого „самое ужасное оскорбленіе для независимой державы“, султанъ Селимъ явно доказалъ этимъ свое желаніе не прерывать сношеній ни съ Россіей, ни съ Англіей. Такимъ образомъ „сдѣлавъ великое усиліе, поставивъ себя выше тѣхъ чувствъ, которыя властвуютъ надъ людьми, султанъ собирался купить миръ и благосостояніе своихъ подданныхъ цѣной жертвъ, крайне тяжелыхъ для него, согласясь даже принять господарей у себя во дворцѣ“ и выказать имъ свою благосклонность. Въ уплату за уступчивость, онъ добился лишь войны; провинціи султана были захвачены; русскіе генералы распространяли въ его Имперіи самые дерзкіе манифесты. Султанъ надѣялся, что Великобританія отнесется къ нему великодушнѣе и оцѣнитъ его старанія уладить все къ лучшему; онъ горько сожалѣетъ о томъ, что ошибся; но, все же „смѣшно упоминать о вліяніи Франціи, когда Порта сдѣлала все, что хотѣла Англія“. Во всякомъ случаѣ, султанъ вѣритъ въ справедливость своего дѣла; эта имперія существуетъ по волѣ Бога, великаго и милостиваго, и если такова воля небесная, несмотря на отчаяніе, до котораго довели султана, онъ сумѣетъ употребить необходимую энергію въ защиту своего государства.

Въ тотъ самый вечеръ, когда происходилъ вышеприведенный разговоръ, 25-го января, Арбутнотъ отправился на судно „Эндиміонъ“, подъ флагомъ контръ-адмирала Левиса, гдѣ былъ устроенъ праздникъ, и куда были приглашены главные англійскіе коммерсанты въ Константинополѣ. Вдругъ, среди ночи, „Эндиміонъ“ снялся съ якоря и направился въ Дарданеллы; и посолъ объявилъ гостямъ, что они не вернутся болѣе въ столицу, и что сношенія съ Портой прерваны. Всѣ присутствующіе протестовали и жаловались, напоминая о томъ, что оставили въ Константинополѣ свои семьи и имущество; жалобы

ихъ оказались напрасными, судно продолжало идти, и турки пропустили его, не вѣдая, что на немъ находится англійскій посолъ. Въ Тенедосѣ „Эндиміонъ“ присоединился къ другимъ судамъ, образовавъ довольно сильную эскадру. 29-го января Арбутнотъ предъявилъ вновь свой ультиматумъ Портѣ, возложивъ на нее отвѣтственность за жизнь и имущество оставшихся въ Турціи англичанъ. Одновременно съ этимъ, Англія просила датскаго посла взять подъ свое покровительство женщинъ и имущество англичанъ въ Константинополѣ, при содѣйствіи французскаго посла. Не ожидая этой просьбы, Себастіани исполнилъ свой долгъ по отношенію къ оставшимся англичанамъ. Смущенный быть можетъ своимъ поведеніемъ, Арбутнотъ написалъ вскорѣ нѣсколькимъ членамъ дипломатическаго корпуса письма, объясняя причину своего отъѣзда тѣмъ, что не могъ въ безопасности продолжать сношенія съ Портой. Съ своей стороны Порта объявила, что не находитъ приличнымъ продолжать переговоры съ посломъ, покинувшимъ свой постъ; и что она пошлетъ объясненія прямо въ Лондонъ; въ особомъ циркулярѣ къ иностраннымъ посламъ Порта жаловалась на внезапный отъѣздъ Арбутнота, которому вмѣстѣ съ англійскими подданными не было причинено никакого зла. Вѣроятно, Арбутнотъ побоялся заключенія въ Семибашенный замокъ, что̀ было обычаемъ въ Турціи. Однако, отношенія Порты съ Англіей не были прерваны въ теченіе цѣлаго мѣсяца; переговоры длились весь февраль. Англичане неоднократно грозили Портѣ войной, хотя сами не рѣшались начать ее; они думали, что угрозы будутъ достаточны. Быть можетъ, эти угрозы и были бы достаточны, если бы въ Константинополѣ не было Себастіани. Политика угрозъ вообще дурная политика.

На другой день послѣ своего отъѣзда Арбутнотъ вручилъ драгоману Порты ноту, заявляющую о томъ, что въ скоромъ времени ожидается соединеніе русскихъ судовъ съ англійскими, и что Константинополю грозитъ опасность въ томъ случаѣ, если турки откажутся отъ предложеній англійскаго правительства. На это рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что вслѣдствіе возбужденія мусульманъ Высокая Порта не можетъ указать на достаточно безопасное мѣсто, гдѣ могли бы происходить конференціи. Тогда въ дѣло вмѣшался Дуквортъ, говоря, что британскій посолъ считаетъ миссію свою оконченной, и что, если Портѣ удастся избавиться отъ иностраннаго вліянія, она можетъ вывѣсить свой парламентерскій флагъ. Одновременно съ этимъ Левису были даны инструкціи на случай, если Турція вступитъ въ переговоры. Ему приказано было отвѣтить приблизительно слѣдующее: „Англія напоминаетъ Портѣ о поведеніи Франціи, въ особенности Бонапарта, по отношенію къ ней, и о желаніи послѣдняго довести

Оттоманскую имперію до окончательнаго распаденія, между тѣмъ какъ Россія и Англія явились при этихъ обстоятельствахъ самыми преданными союзницами Турціи, которая безъ нихъ потеряла бы Египетъ и Сирію. Министрамъ султана предоставлялось рѣшить, кто принесъ больше вреда Турціи: Франція или другія ея союзницы.

Посолъ императора Наполеона преувеличилъ успѣхи своего монарха: въ дѣйствительности французская армія въ Польшѣ находилась въ весьма критическомъ положеніи; англійскія суда наоборотъ очень близки, и имъ будетъ легко повредить Константинополю; всѣ приморскія турецкія владѣнія могутъ попасть въ руки англичанъ. Немыслимо, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ англійскій и французскій послы находились одновременно въ столицѣ. Даже Англія соглашалась лишь на то, что отозваніе Себастіани не было бы объявлено оффиціальнымъ порядкомъ и осталось бы совершенно конфиденціальнымъ.

Англія рѣшительно возлагала всю отвѣтственность новой турецкой политики на Себастіани, въ чемъ она была совершенно права. Себастіани являлся интимнымъ совѣтникомъ султана, у него искали опоры и просили его содѣйствія, видя въ немъ отраженіе могущества Наполеона. Себастіани передавались всѣ ноты англійскаго посла, и онъ былъ украшенъ орденомъ Полумѣсяца; въ то же время цѣнные подарки посылались императору и Талейрану. Но Себастіани, со своей стороны, не вѣрилъ тому, что Порта могла оказать какое-либо противодѣйствіе; онъ зналъ трусость турецкихъ министровъ и не думалъ, что въ нихъ удастся поддержать энергію, которой они такъ хвастали. Онъ чувствовалъ, что они волнуются, встревоженные слухами о странныхъ пораженіяхъ, понесенныхъ французами. Эти ложные слухи распространялись австрійцами. Изъ Вѣны пришло извѣстіе отъ 16-го января, что весь корпусъ Бернадота разбитъ, русскіе вступили въ Варшаву; французы потеряли 100.000 человѣкъ и отступили къ Познани, они находятся въ крайне бѣдственномъ положеніи, и нужно, чтобы у Наполеона было бы въ десять разъ больше ума, чтобы выйти изъ этого положенія. Сообщенія его съ Рейномъ порваны мятежемъ гессенцевъ, побившихъ баварцевъ, уничтожившихъ гарнизонъ въ Майнцѣ и остановившихъ рекрутовъ, шедшихъ изъ Франціи. Русскіе и англичане высадились въ Неаполѣ. Іосифъ бѣжалъ во Флоренцію; австрійское войско сосредоточено въ Богеміи. Эти извѣстія были подтверждены 19-го января изъ Черновицъ: „вся французская армія обращена въ бѣгство, Мюратъ раненъ смертельно; неудовольствіе арміи страшное; въ ней масса дезертировъ. Генералы недовольны Бонапартомъ, жалуются на то, что онъ похоронилъ честь французской арміи въ болотахъ Польши; Австрія намѣрена объявить себя противъ него“.

Эти, отчасти правдивыя, извѣстія распространялись съ цѣлью сломить турецкое упорство и заставить Турцію исполнить требованія Англіи. Себастіани сомнѣвался въ твердости турокъ, Талейранъ раздѣлялъ его мнѣніе и даже желалъ соглашенія Порты съ Англіей. Вообще Талейранъ не желалъ войны Турціи съ Англіей, такъ какъ это могло помѣшать ихъ диверсіи на Дунаѣ противъ Россіи. Но онъ ошибался; турки ни въ какомъ случаѣ не были въ состояніи произвести сколько-нибудь успѣшную диверсію на южной границѣ Россіи, въ чемъ Наполеонъ имѣлъ случай вскорѣ убѣдиться. Однако, англійскія суда продолжали сосредоточиваться въ водахъ острова Тенедоса, и Арбутнотъ возобновилъ переговоры съ Портой при посредствѣ драгомана Пизани, которому онъ писалъ въ одной изъ своихъ инструкцій (9-го февраля): „англійское правительство будетъ удовлетворено, если султанъ прикажетъ прекратить непріязненныя дѣйствія противъ Россіи; отвѣтъ ожидается не позже завтрашняго вечера, но какой бы ни былъ этотъ отвѣтъ, британскій флотъ обязательно д о л ж е н ъ войти въ Константинополь; турки должны сами рѣшить, войдетъ ли онъ врагомъ или другомъ“.

Англичане боялись столько же, какъ и турки, неминуемаго разрыва, не бывъ увѣрены въ своихъ силахъ. 19-го февраля, при южномъ вѣтрѣ, адмиралъ Дуквортъ оставилъ два судна при входѣ въ Дарданеллы и вошелъ въ проливъ съ шестью линейными судами. Онъ прошелъ мимо крѣпостей; укрѣпленія еще не были окончены, несмотря на дѣятельность Лакура. Турецкія батареи открыли огонь противъ англійскихъ судовъ, но безъ серьезныхъ результатовъ. На огонь англичане не отвѣчали и отошли къ сѣверу. При выходѣ изъ пролива въ Мраморное море, Дуквортъ увидалъ турецкую эскадру, экипажъ который по случаю праздника отсутствовалъ; чтобы отомстить за нѣсколько ядеръ, брошенныхъ въ нихъ, англичане совершили преступленіе, на которое способна лишь эта нація: они сожгли шесть турецкихъ судовъ. Пожаръ судовъ былъ замѣченъ въ Константинополѣ, „и взволновалъ всѣ умы“. Когда 20-го февраля англійская эскадра появилась ввиду Константинополя и встала на якорь противъ сераля, тамъ поднялась страшная тревога, послышались крики женщинъ и вздохи евнуховъ, что̀ по всей вѣроятности доставило англичанамъ большое удовольствіе.

Весь городъ былъ объятъ ужасомъ, никто не ждалъ такого происшествія. Константинополь былъ беззащитенъ, и адмиралъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ, въ чемъ не сомнѣвался также и Себастіани, который писалъ по этому поводу Талейрану: „ужасъ турокъ неописуемъ: они думаютъ лишь о томъ, какъ окончить дѣло миромъ и съ помощью низостей добиться благопріятныхъ условій; батареи, которыя я старался

постронть, не окончены, я—единственный здѣсь человѣкъ, заинтересованный въ защитѣ города; ваше превосходительство не можете представить себѣ ту беззаботность, которая существовала здѣсь до сихъ поръ, а теперь наступилъ страхъ; султанъ подпишетъ въ данный моментъ все, что угодно, и не только я буду принужденъ покинуть столицу, но, если того пожелаютъ англичане, меня посадятъ въ тюрьму". Положеніе Константинополя было дѣйствительно критическое; и если бы англичане воспользовались моментомъ, то они могли бы уничтожить турецкую эскадру и морскія учрежденія. Себастіани писалъ: „нельзя скрыть, что былъ моментъ, когда англичане могли добиться всего, и если бы на другой день послѣ прихода они попробовали войти въ Константинополь, то это произошло бы безъ всякихъ затрудненій; турецкій флотъ находился въ то время при выходѣ Босфора въ Черное море; во всякомъ случаѣ онъ не могъ служить защитою Константинополю". Селимъ былъ готовъ пойти на всякія уступки, и требовалась вся энергія Себастіани для поддержки его въ борьбѣ. 20-го февраля Султанъ послалъ наконецъ одного изъ своихъ офицеровъ во французское посольство, съ увѣдомленіемъ, что турки не чувствуютъ въ себѣ силъ къ защитѣ и что они не могутъ отвѣчать за полную безопасность Себастіани, ибо англичане по всей вѣроятности укажутъ на него, какъ на виновника войны. Хотя Себастіани ожидалъ отъ нихъ подобной выходки, но онъ не могъ сдержать своего негодованія и писалъ по этому поводу: „я отвѣтилъ Исаакъ-бею, что ничто не заставитъ меня покинуть постъ, указанный мнѣ моимъ монархомъ, что французскій посолъ есть представитель слишкомъ великой державы, чтобы ему бояться народнаго возмущенія; и что я прошу его передать султану, что подчиненіе требованіямъ англичанъ было бы не только ударомъ, нанесеннымъ чести Оттоманской имперіи, но угрожало бы ему потерею Европейской Турціи, и что ему даже лучше было покинуть столицу и уѣхать въ Адріанополь, чѣмъ отдать англичанамъ державу съ 30-милліоннымъ населеніемъ; что согласіе Великой Порты на ноту Арбутнота не только лишитъ ее дружбы императора Наполеона, но даже возбудитъ его гнѣвъ".

Въ тотъ самый день въ посольство пришло изъ Варшавы отъ 20-го января письмо отъ Наполена, адресованное султану, въ которомъ онъ поздравилъ его съ рѣшеніемъ изгнать русскихъ изъ Молдавіи: „Ваше величество можетъ вполнѣ быть увѣреннымъ, что я всѣми силами приду ему на помощь, писалъ императоръ. Русская армія продолжаетъ бѣжать передъ моими войсками. Наступилъ моментъ упрочить существованіе имперіи оттомановъ; необходимо, чтобы ваше величество приняли энергичныя мѣры, предложенныя преданными ему народами, и не давали бы общимъ врагамъ нашимъ ни

минуты покоя". Себастіани поспѣшилъ перевести это письмо и передать его по назначенію. Что могла предпринять Порта? Уступить англичанамъ значило отдать имъ Константинополь въ то время, когда Россія завладѣвала Молдавіей и грозила Валахіи; это было равносильно распаденію имперіи и могло возбудить злобу Наполеона, котораго считали тогда единственнымъ защитникомъ Оттоманской имперіи; не уступать Англіи — значило сохранить драгоцѣнный союзъ съ Наполеономъ, надѣяться на побѣду, столь необходимую для престижа Порты. Это могло, быть можетъ, вернуть ей прежнее величіе и упрочить навѣки существованіе Оттоманской имперіи, какъ говорилъ самъ Наполеонъ.

Все это понимали въ Константинополѣ и рѣшили оказать противодѣйствіе англичанамъ; къ Себастіани обратились съ просьбою руководить турецкое правительство своими совѣтами; онъ явился, можно сказать, истиннымъ защитникомъ турецкой столицы противъ Англіи.

21-го февраля судно „Royal-Georges" вывѣсило парламентерскій флагъ; тотчасъ къ адмиралу Дукворту былъ посланъ Исаакъ-бей для переговоровъ, англичане вручили ему ноту, въ которой оффиціально объявляли о своемъ благополучномъ проходѣ черезъ Дарданеллы, подъ „страшнымъ огнемъ турецкихъ батарей"; предлагали въ послѣдній разъ вести переговоры, требуя отвѣта не позже слѣдующаго дня; условія ихъ были тѣ же, что̀ и въ нотѣ отъ 25-го января, но съ нѣкоторыми добавленіями; а именно, требовалось удалить Себастіани, рискуя войною съ Франціей, отдать немедля англичанамъ турецкій флотъ (15 судовъ и 15 фрегатовъ), со всѣмъ снабженіемъ на 6 мѣсяцевъ, отдать Дарданеллы и Босфоръ въ распоряженіе англичанъ, удовлетворить Россію, оставивъ ей до заключенія мира Молдавію, Валахію и укрѣпленія на Дунаѣ, заключить союзъ съ Англіей и Россіей. Англичане такимъ образомъ вздумали закрыть Востокъ для Наполеона. Но чрезмѣрныя требованія Англіи заставили султана заподозрить ее въ намѣреніи посягнуть на цѣлость его имперіи, и это сразу подняло въ его глазахъ значеніе Себастіани.

Французскій посланникъ энергично принялся за организацію обороны Константинополя; хотя онъ мало вѣрилъ въ благополучный исходъ, „по крайней мѣрѣ мы спасемъ честь", писалъ онъ Талейрану. Предложенныя имъ услуги были приняты; все населеніе поддерживало его; паника не пошла далѣе стѣнъ гарема и продолжалась лишь нѣсколько часовъ. Селимъ горячо принялся за вооруженіе; это наэлектризовало народъ; всѣ негодовали противъ коварства англичанъ. Внезапное появленіе англичанъ въ столицѣ, безъ объявленія войны, въ ту минуту, когда русскіе также внезапно заняли Молдавію, давало, по мнѣнію Себастіани и турокъ, политикѣ союзниковъ характеръ не-

честный, возмутившій мусульманъ; дѣло касалось ихъ независимости, и они приготовились къ отчаянной борьбѣ. Себастіани не ожидалъ встрѣтить въ нихъ такую энергію, но эта вспышка была непродолжительна. Себастіани составилъ нѣсколько записокъ объ оборонѣ города, которыя были переведены на турецкій языкъ и послужили руководствомъ для министровъ султана. Онъ считалъ необходимымъ защитить городъ отъ бомбардировки, не допустивъ приближенія англійскихъ судовъ, и охранить входъ въ Константинополь, дабы англійская эскадра не могла проникнуть въ гавань и уничтожить турецкій флотъ. Вся задача состояла, слѣдовательно, въ томъ, чтобы соорудить наскоро нѣсколько сильныхъ батарей, которыя могли бы отвѣчать на атаку англійскаго адмирала, или отнять у него всякую охоту къ атакѣ. Дѣла было много, но все было сдѣлано; всюду распоряжался Себастіани съ своими секретарями и нѣсколькими французскими офицерами. Испанскій посолъ, маркизъ Альменора, съ секретаремъ принималъ также въ дѣлѣ живое участіе, онъ организовалъ роту испанскихъ канонеровъ и возбуждалъ грековъ къ дѣятельности, султанъ и его министры проявили также необычайную дѣятельность. Султанъ находился весь день среди своихъ солдатъ и поддерживалъ всеобщій подъемъ духа своею щедростью; онъ разспрашивалъ инженеровъ, былъ веселъ и вѣроятно былъ убѣжденъ, что онъ сталъ достоинъ своего знаменитаго друга Наполеона; онъ удивлялся тому, что можетъ, въ случаѣ надобности, сдѣлать кучка энергичныхъ людей, и выражалъ публично свое уваженіе французамъ. „Г-нъ посолъ“, говорилъ онъ однажды Себастіани въ присутствіи своихъ министровъ и членовъ французской миссіи, „я считаю ваше присутствіе въ Константинополѣ даромъ, ниспосланнымъ намъ съ небесъ. Я никогда не забуду важныхъ услугъ, оказанныхъ вами; вы съ честью исполнили намѣренія вашего великаго государя“.

Въ турецкой столицѣ перестали бояться англичанъ и по мѣрѣ того, какъ проходилъ страхъ, возрастало всеобщее одушевленіе. 28-го англичане пробовали завладѣть однимъ изъ острововъ, принадлежащимъ къ группѣ Принцевыхъ острововъ, въ двухъ миляхъ отъ Константинополя. 60 человѣкъ турокъ, которые засѣли тамъ въ греческомъ монастырѣ, отбили атаку, убили много англичанъ; остальные были принуждены удалиться. Вѣсть объ этомъ дѣлѣ немедленно разнеслась въ Константинополѣ; оно было сочтено предвѣстникомъ побѣды.

Въ то время французы и турки дѣйствовали столь энергично, Дукворть и Арбутнотъ сначала выжидали результаты переговоровъ Дивана, а затѣмъ противный вѣтеръ помѣшалъ постановкѣ кораблей для бомбардировки. Они скоро поняли, что ихъ маленькая эскадра могла быть уничтожена турецкими батареями, ибо знали, что работы

по укрѣпленіямъ шли усиленныя и что возвращеніе эскадры было сопряжено съ большой опасностью. Несмотря на эти, вполнѣ основательныя, опасенія, они старались запугать султана, въ надеждѣ на какое-нибудь соглашеніе, которое вывело бы ихъ флотъ и ихъ самихъ изъ опаснаго положенія, въ какое они себя поставили. Но они не спѣшили удалиться, чтобы это не имѣло вида бѣгства, стараясь поддержать въ глазахъ турокъ свое достоинство; но дѣло ихъ было уже проиграно. Дуквортъ попробовалъ снова завязать переговоры и 21-го послалъ свой ультиматумъ, ожидая на слѣдующій день отвѣта. 23-го числа Порта сдѣлала запросъ, кто будетъ уполномоченнымъ со стороны Англіи для веденія переговоровъ? Дуквортъ отвѣчалъ, что если Порта гарантируетъ его безопасность, онъ самъ готовъ оставить эскадру и отправиться для переговоровъ въ то мѣсто, которое будетъ ему указано. При этомъ онъ жаловался на дѣлаемыя приготовленія къ защитѣ города, требовалъ скораго отвѣта, предупреждая, что иначе всѣ турецкія суда въ Мраморномъ морѣ будутъ уничтожены. Порта предложила мѣстомъ переговоровъ крѣпость на азіатскомъ берегу въ 7-ми миляхъ отъ Константинополя. Дуквортъ согласился, но въ виду отдаленности не отправился туда самъ, а послалъ контръ-адмирала Левиса, между тѣмъ, пять человѣкъ англичанъ, одинъ чиновникъ и четыре матроса, бывшіе въ шлюпкѣ, были захвачены турками и препровождены на азіатскій берегъ. Адмиралъ потребовалъ ихъ немедленнаго освобожденія, но получилъ отказъ. 26-го числа должно было явиться турецкое судно за англійскими депутатами, но оно не пришло, и пять арестованныхъ англичанъ все еще не были освобождены. Адмиралъ сдѣлался умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ и заявилъ, что онъ не настаиваетъ болѣе на сдачѣ турецкаго флота и крѣпостей, и даже уступкѣ Молдавіи и Валахіи Россіи и удовлетворяется уже удаленіемъ французскаго посла и возобновленіемъ тройственнаго наступательнаго и оборонительнаго союза между Россіей, Англіей и Портой. На это рейсъ-эфенди отвѣчалъ, что во всей Оттоманской имперіи не существуетъ клочка земли, куда могъ бы вступить англичанинъ, безъ того, чтобы не стать предметомъ ярости народа, и потому совѣтъ рѣшилъ прекратить всѣ переговоры, пока англійская эскадра не покинетъ Константинополя и не пройдетъ Дарданеллы.

Англійскій адмиралъ былъ внѣ себя отъ гнѣва и угрожалъ, говоря, что не пойдетъ болѣе ни на какія уступки и будетъ настаивать на исполненіи требованій ультиматума. Онъ выждалъ еще дня два, надѣясь, что Диванъ пойдетъ на уступки и не желая показать, что онъ собирается уступить. 1-го марта англійская эскадра подняла паруса и, снявшись съ якоря, приблизилась къ Константинополю. Всѣ думали,

что начнется бомбардировка; въ столицѣ и во французскомъ посольствѣ сильно волновались; но англійскія суда вернулись къ прежнему мѣсту стоянки у Принцевыхъ острововъ. Такимъ образомъ они маневрировали весь день, то подходя, то удаляясь, какъ бы вызывая на сраженіе. Наконецъ, къ вечеру они ушли къ югу и исчезли изъ вида. Ночь прошла въ безпокойствѣ. 2-го по утру константинопольское населеніе поспѣшило на городскія стѣны и убѣдилось, что врагъ отступилъ. На стѣнахъ находился и султанъ. Народъ благословлялъ его, всѣ ликовали; энтузіазмъ все возрасталъ. Селимъ благодарилъ Себастіани, приписывая ему главную заслугу. Экипажи турецкой эскадры съ крикомъ требовали разрѣшенія преслѣдовать враговъ, но Себастіани былъ противъ этого, боясь, чтобы какая-нибудь неосторожность не испортила дѣла; тогда народъ сталъ волноваться, и Селимъ былъ принужденъ приказать капитанъ-пашѣ преслѣдованіе непріятеля. Эскадра быстро приготовилась къ отплытію при радостныхъ кликахъ толпы.

Извѣстіе объ отступленіи англичанъ было получено лишь 4-го марта съ курьеромъ, посланнымъ французскимъ консуломъ въ Галипополь. 2-го марта съ минарета въ Галипополѣ замѣчено было 13 парусныхъ судовъ; въ этотъ же день суда стали на якорь между Лампсакомъ и Нагарой. 3-го марта адмиральское судно направилось къ проливу и къ вечеру прошло мимо первой турецкой батареи, встрѣтившей его сильнымъ огнемъ. Нѣсколько англійскихъ судовъ получили сильныя поврежденія и потеряли много людей. 4-го марта адмиралъ Дукворть всталъ снова на якорь у острова Тенедоса. „Слава Богу“, писалъ одинъ офицеръ англійской эскадры „что мы вышли, наконецъ, изъ этого адскаго пролива; могло быть еще хуже“.

Это было блестящимъ торжествомъ наполеоновской политики и главнымъ образомъ Себастіани. Турки выражали свою благодарность различными манифестаціями. „На улицахъ останавливали французовъ и изливали на нихъ благословенія. Даже греки, и тѣ, казалось, ослабѣли къ Россіи; по приказанію патріарха они усердно работали надъ укрѣпленіями Константинополя. Впослѣдствіи жители Мореи представили султану петицію, прося, чтобы имъ позволили участвовать въ войнѣ противъ Россіи, и обѣщая непоколебимую преданность; они собирались также просить Наполеона, чтобы онъ ходатайствовалъ за нихъ у султана.

Нѣсколько дней спустя, послѣ пораженія англичанъ, Себастіани былъ на частной аудіенціи у Селима, на которой присутствовалъ лишь великій визирь. Султанъ выразилъ твердое намѣреніе безпрекословно исполнять желанія Наполеона. Онъ приказалъ арестовать всѣхъ англичанъ и конфисковать ихъ имущество, запретилъ торговать

въ своей имперіи англійскимъ товаромъ и просилъ Себастіани, чтобы всѣ необходимые продукты для Турціи высылались изъ Франціи; написалъ алжирскому бею, чтобы онъ всѣми силами стѣснялъ англійскую торговлю и обращался съ французами, какъ съ самыми дорогими и вѣрными союзниками. Это было равносильно системѣ континентальной блокады. Вскорѣ было приказано двинуть 25.000-ю армію на Дунай. Султанъ заявилъ свое удовольствіе по случаю составленнаго Наполеономъ проекта послать шесть линейныхъ судовъ въ Черное море, дабы совмѣстно съ турецкимъ флотомъ начать дѣйствія, и попросилъ о присылкѣ артиллеристовъ, офицеровъ и учителей, для обученія турокъ. Было рѣшено, что соединенныя силы Турціи и Франціи сдѣлаютъ попытку высадить свои войска на берегахъ Крыма. Селимъ согласился даже принять въ Виддинѣ 25.000-ю французскую армію, пришедшую изъ Далмаціи, для присоединенія къ оттоманской арміи и для совмѣстныхъ рѣшительныхъ дѣйствій въ Молдавіи и на Днѣстрѣ. Казалось, что турки окончательно примкнули къ французской политикѣ; Селимъ вполнѣ руководствовался желаніями Наполеона и говорилъ французскому послу: „напишите моему августѣйшему другу, императору французовъ, что я буду дѣлать все, что онъ найдетъ нужнымъ, чтобы побороть нашихъ общихъ враговъ, русскихъ и англичанъ“.

Себастіани писалъ въ томъ же духѣ: „у вашего величества нѣтъ болѣе вѣрнаго и искренняго друга, какъ султанъ Селимъ, и твердость, которую онъ только-что проявилъ, доказываетъ, что дружба его не будетъ безплодна“.

Наполеонъ поспѣшилъ вознаградить Себастіани орденомъ Почетнаго легіона, который по порученію императора былъ переданъ ему изъ рукъ самого султана.

Англичане живо почувствовали неудачи, постигшія ихъ; они долго не вѣрили разсказамъ о событіяхъ, происшедшихъ въ Константинополѣ.

Первыя извѣстія о нихъ были приняты съ недовѣріемъ: „это было бы до такой степени необычайно“, писали въ англійскихъ газетахъ, „и такъ ново для нашихъ морскихъ лѣтописей, что намъ ни въ какомъ случаѣ нельзя этому повѣрить! Можетъ ли быть, чтобы Дуквортъ, дѣйствовавшій съ такимъ отличіемъ противъ французовъ, и Левисъ, который сражался и побѣждалъ вмѣстѣ съ Нельсономъ, бѣжали передъ турками! Это слишкомъ неправдоподобно и требуетъ разъясненія“.

Самолюбіе англичанъ не могло помириться съ неудачей, которая грозила поколебать ихъ значеніе въ Константинополѣ, гдѣ преклонялись только передъ силою, и такимъ образомъ между ними и французами завязалась упорная борьба за преобладаніе въ Турціи.

*

Присутствіе англичанъ у побережья оттоманскихъ владѣній было постоянною угрозою Наполеону и напоминало ему о необходимости дѣйствовать осторожно. Какъ знать, до чего простерлись бы его честолюбивые виды на Турцію, если бы ему удалось вытѣснить англичанъ изъ Средиземнаго моря?

Пока они находились тамъ, онъ не могъ согласиться на раздѣлъ турецкой имперіи, изъ опасенія какъ бы они не захватили себѣ львиную долю. И это заставило его провозгласить вмѣстѣ съ ними принципъ неприкосновенности Турціи.

Россія, Англія и Франція были одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы наслѣдіе султана не досталось кому-либо изъ нихъ одному; поэтому величайшая сила Турціи заключалась въ соперничествѣ великихъ державъ, которое было вызвано ихъ желаніемъ поживиться на счетъ этой одряхлѣвшей и разлагавшейся монархіи.

IV.

Послѣ Іены и побѣды надъ пруссаками, Наполеонъ занялъ Польшу, вытѣснилъ русскихъ изъ Варшавы, остановилъ ихъ дальнѣйшее наступленіе и расположился на зимнихъ квартирахъ около нижней Вислы, а 1-го апрѣля 1807 г., для того чтобы лучше слѣдить за русскою арміею и ускорить покореніе Данцига, который долженъ былъ обезпечить безопасность лѣваго фланга великой арміи, онъ покинулъ Варшаву и поселился въ замкѣ Финкенштейнъ, недалеко отъ Остероде. Тамъ онъ оставался два мѣсяца, неподалеку отъ Варшавы и Силезіи, въ сношеніи съ Талейраномъ, который сосредоточилъ дипломатическія сношенія въ самой Варшавѣ.

Въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцѣ 1807 г. замокъ Финкенштейнъ явился такимъ образомъ какъ бы центромъ міра, гдѣ глава великой арміи, вынужденный, по случаю зимней поры, оставаться въ бездѣйствіи, непрерывно посвящалъ время занятіямъ, не забывая своихъ плановъ относительно Востока.

Польша, бывшая нѣкогда для Европы оплотомъ противъ русскаго варварства, была почти возстановлена. Поэтому Наполеонъ могъ мечтать объ устройствѣ Востока; „организація Востока была великимъ дѣломъ политики XVIII столѣтія“, писалъ Левисъ. Политика эта была начата Россіей со временъ Петра Великаго: русскіе цари и царицы мечтали основать въ свою пользу, на развалинахъ Оттоманской имперіи, Греческую имперію.

Наполеонъ, со своей стороны, мечталъ удалить Россію изъ Средиземнаго моря и Константинополя, и оттѣснить ее къ Азіи, и въ этомъ отношеніи онъ является наслѣдникомъ вѣковыхъ французскихъ традицій, которыя, со временъ крестовыхъ походовъ, имѣли значительное вліяніе на Востокѣ. Наполеонъ находилъ, что наслѣдіе турокъ, пришедшихъ изъ Азіи, должно было достаться не Россіи, а французамъ,—наслѣдникамъ Рима и борцамъ за цивилизацію; въ этомъ заключалась политика Наполеона въ 1807 году. Сначала Наполеонъ попробовалъ употребить свои усилія на побѣду надъ Англіею, на униженіе и на уничтоженіе Британской имперіи, за зло, причиненное ею Франціи въ теченіе цѣлаго столѣтія; въ этомъ заключалось политическое честолюбіе императора въ 1803 и 1804 годахъ. Но съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились; дессантъ въ Англію не удался, и Наполеонъ навсегда отказался отъ этой мысли. При Аустерлицѣ и Іенѣ онъ побѣдилъ великія державы Европы, сталъ главой имперіи Карла Великаго и подобно ему пришелъ въ столкновеніе съ славянскими расами. Теперь онъ поставилъ себѣ задачей удалить Россію изъ Европы. Задача эта была не легка и требовала огромныхъ подготовленій, но онъ надѣялся съ нею справиться.

Мысль эта была внушена ему политическимъ положеніемъ Европы въ 1807 г. Въ тылу у него была вся Французская имперія, сильная и славная послѣ долгаго періода изнеможенія; къ его услугамъ были Германія и Рейнскій союзъ, который съ энтузіазмомъ служитъ въ рядахъ великой арміи, подъ командой будущаго короля Вестфаліи, Жерома Бонапарта. Въ его распоряженіи была вся Италія, онъ имѣлъ союзницей Турцію, гдѣ Себастіани руководилъ оттоманской политикой.

Такимъ образомъ весною 1807 г. сфера дѣйствій Наполеона захватила огромное пространство; если бы провести окружность круга чрезъ Данцигъ, Варшаву, Константинополь и Тегеранъ, то оказалось бы, что все находившееся къ западу и юго-западу отъ этой окружности, исключая прибрежной полосы, повиновалось волѣ Наполеона.

На востокѣ оставалась Россія, которую Наполеонъ намѣревался довести до того, чтобы она, какъ прежде, была лишь Московскимъ государствомъ, или чтобы она перенесла свою дѣятельность въ Азію. Между тѣмъ, русское и прусское правительства напрягали свои усилія, чтобы побудить къ союзу Австрію, и безъ сомнѣнія надѣялись на успѣхъ. Несмотря на Іену и Эйлау, они не уменьшали своихъ требованій. Александръ I и Фридрихъ-Вильгельмъ подписали 26-го апрѣля Бартенштейнскую конвенцію, по которой они обязывались не заключать мира одинъ безъ другаго. Россійскій императоръ обѣщалъ своему союзнику возвращеніе всѣхъ его владѣній и даже „округле-

ніе“ ихъ. Рейнскій союзъ предполагалось уничтожить, реорганизовавъ Германію подъ гегемоніей Пруссіи и Австріи; Италію собирались освободить изъ-подъ вліянія Франціи. „Рѣчь шла о томъ, чтобы вычеркнуть изъ исторіи не только послѣдствія Іены, но и послѣдствія Ульма и Аустерлица; таковъ былъ смыслъ тройственнаго союза, заключеннаго въ 1805 и 1806 годахъ“.

Союзники мало разсчитывали на Англію, любящую дѣйствовать самостоятельно; континентальная блокада еще не пугала ее, и поэтому она не спѣшила придти на помощь союзникамъ, а пробовала диктовать законы султану и стремилась завладѣть Константинополемъ или Египтомъ. Но и то и другое ей не удалось.

Союзники возлагали надежды на вмѣшательство Австріи, которая однако устала постоянно платиться за другихъ; за послѣднія 15 лѣтъ она претерпѣла всевозможныя бѣдствія и искала отдыха, считая безумствомъ останавливать побѣдоносное шествіе Наполеона. Предложенія русскаго и прусскаго правительства не были приняты, и они должны были довольствоваться добрыми пожеланіями Австріи. Въ этомъ случаѣ, Наполеонъ помѣшалъ союзникамъ; онъ самъ мечталъ о союзѣ съ вѣнскимъ правительствомъ и въ началѣ 1807 года хотѣлъ серьезно осуществить на практикѣ программу Талейрана: увеличить Австрію до Дуная, заключить съ ней союзъ и оттѣснить Россію въ Азію. Эта программа была развита въ XIX столѣтіи.

Наполеонъ предложилъ Австріи союзъ и, желая принудить ее къ нему, грозилъ сближеніемъ съ Россіей, пугая ее постоянно успѣхами послѣдней въ центральной Европѣ. „Настанетъ день, говорилъ онъ барону Венсену, когда я приду въ Вѣну съ 100.000-й арміей и буду защищать эту столицу противъ русскаго вторженія“. „Русская опасность, прибавлялъ онъ, должна способствовать тѣсному сближенію Франціи съ Австріей: если возродится Польша, то Австрія не потеряетъ ничего и получитъ крупное вознагражденіе, напримѣръ, Силезію, или Сербію съ Бѣлградомъ, или даже молдаво-валахскія княжества“.

Былъ ли Наполеонъ чистосердеченъ, обѣщая это, или обманывалъ одновременно Талейрана и Вѣнскій дворъ, съ цѣлью выиграть время и не допустить Австрію присоединиться къ союзникамъ? Какъ бы то ни было, Австрія не приняла предложеній Франціи, и чтобы быть полезной Пруссіи и Россіи—симпатіи ея всегда были на ихъ сторонѣ—она предложила свое посредничество и созывъ общаго конгресса, для переговоровъ о мирѣ. Россія и Пруссія тотчасъ согласились на это, что̀ заставило Наполеона предполагать недоброжелательство со стороны Австріи, и хотя онъ смотрѣлъ на это какъ на неудачу, но не подавалъ Австріи повода къ разрыву. Онъ согла-

сился даже на предложеніе Австріи созвать конгрессъ, увѣряя, что никто больше него не желаетъ мира, что всѣ народы жаждутъ его, и что пришла пора удовлетворить ихъ. Но съ Талейраномъ онъ говорилъ иначе, а именно, что надо во что бы то ни стало помѣшать Австріи „двинуться“ и убѣдить ее въ томъ, что она держитъ въ своихъ рукахъ судьбу Европы.

Занимая Австрію въ теченіе весны всякими предложеніями, Наполеонъ выигрывалъ время, а въ іюнѣ мѣсяцѣ началась Фридландская кампанія. Событія, происходившія тогда въ Константинополѣ и на Дунаѣ, отвлекали вниманіе Австріи отъ Вислы и Эльбы. Оккупація Молдавіи русской арміей генерала Михельсона тревожила Австрію, не знавшую о тайныхъ намѣреніяхъ петербургскаго правительства. „Австрія и Франція“, говорилъ Наполеонъ въ 50-мъ бюллетенѣ великой арміи, „одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы не видѣть Молдавію, Валахію, Сербію, Грецію, Румелію и Анатолію игрушкой честолюбія московитовъ“.

Того же требовали и интересы Англіи, но она не понимала этого и была заодно съ Россіей, отчасти съ цѣлью слѣдить за послѣдней, ибо, разумѣется, не чувство солидарности съ Россіей заставило ее, въ отвѣтъ на занятіе русскими Бухареста, пройти Дарданеллы и атаковать Константинополь. Но атака не удалась и, благодаря усердію Себастіани и французскихъ офицеровъ, возбудила гнѣвъ турокъ противъ русскихъ и англичанъ. Этому способствовалъ союзъ съ Франціей и вліяніе Себастіани, которому султанъ подарилъ, въ знакъ признательности, дачу въ Терапіи, конфискованную у Ипсиланти. По выраженію англичанъ, Себастіани сталъ великимъ визиромъ султана Селима. Но Себастіани тяготился пребываніемъ въ Константинополѣ. Онъ участвовалъ въ кампаніи 1805 года и былъ раненъ подъ Аустерлицомъ; новая должность помѣшала ему участвовать въ Іенскомъ сраженіи, и онъ тосковалъ по великой арміи; почти въ каждомъ письмѣ къ Талейрану онъ умолялъ, чтобы императоръ позволилъ ему покинуть Турцію. Но Наполеонъ писалъ ему: „Сдѣлайте все, чтобы вывести Турцію изъ ея сонливости“, и Себастіани, читая между строкъ, какъ мало императоръ довѣрялъ энергіи турокъ, старался хоть на минуту выводить ихъ изъ этой апатіи.

Когда русскіе были задержаны въ Бухарестѣ и англичане удалены изъ Константинополя, Себастіани указалъ Селиму, что насталъ удобный моментъ навѣки избавиться отъ вмѣшательства въ ея дѣла Россіи, вернуть Портѣ ея прежнюю независимость и даже славу, изгнавъ московитовъ за предѣлы Днѣстра, отнявъ у нихъ Крымъ и берега Чернаго моря, чтобы воздвигнуть полумѣсяцъ на землѣ, которую попирали нѣкогда великіе завоеватели Ислама.

Русскіе шли впередъ медленно; у Михельсона было всего 25.000 человѣкъ, большая часть его солдатъ была отозвана въ Польшу. Измаильскій паша оказалъ имъ упорное сопротивленіе, задержавъ этимъ весь лѣвый флангъ русской арміи. Эти неудачи заставили христіанъ Балканскаго полуострова упасть духомъ; тѣ, которые отозвались на призывъ Михельсона, стали выражать ему горькія жалобы: „наши отцы, говорили они, предупреждали насъ, что въ вашихъ рукахъ мы можемъ быть лишь орудіемъ, которымъ жертвуютъ для малѣйшей благовидной причины; счастливы тѣ, которые остались вѣрны султану!“ Русскіе опасались скораго прибытія арміи великаго визиря, и Михельсонъ старался мирными переговорами задержать его въ Константинополѣ и писалъ, между прочимъ, рущукскому пашѣ, что Россія вовсе не воюетъ съ Портой, и что онъ въ скоромъ времени очиститъ Бухарестъ. На это паша съ хитростью отвѣтилъ ему слѣдующее: „Ты не воюешь съ Великой Портой, но осаждаешь ея крѣпости; ты взялъ Хотинъ, Бендеры и убилъ мусульманъ, спрятавшихся въ нихъ. Мы знали, что русскіе наши враги, мы знали, что они храбры, но мы не знали, что они такъ лицемѣрны; перестань притворяться, бѣги, но не позорь себя отвратительной ложью и напрасными увертками. Если ты не врагъ намъ, вернись назадъ за Днѣстръ и не возбуждай мятежей въ нашей землѣ“.

Положеніе Михельсона было таково, что если бы турки съумѣли дѣйствовать въ то время энергично, то они могли бы нанести ему не мало вреда. Но великій визирь ничего не сдѣлалъ, чтобы достигнуть желаемой цѣли; онъ столкнулся съ недоброжелательствомъ дунайскихъ пашей, а войско его разошлось; единственнымъ результатомъ героическихъ намѣреній султана было лишь разореніе страны, которая должна была кормить собственное войско; между тѣмъ какъ оно стояло въ бездѣйствіи, „покуривая трубки и сидя скрестивши ноги“, какъ писалъ Себастіани.—Турецкая армія была страшной только на бумагѣ; многихъ солдатъ, числившихся въ спискахъ, въ дѣйствительности не существовало; уже много лѣтъ постоянные гарнизоны янычаръ образовали помѣщичьи колоніи и, несмотря на это, продолжали получать содержаніе и пользовались всѣми привилегіями своего званія, хотя совершенно были лишены военныхъ знаній.

Но Наполеонъ, толкнувшій Турцію въ войну, думалъ, что ея войско на Дунаѣ гораздо сильнѣе и что съ его помощью удастся совершить на южной границѣ Россіи крупную диверсію. Въ концѣ января Наполеонъ объявилъ маршалу Мармону о своемъ намѣреніи послать 25.000 человѣкъ въ Видднн;. „Вы будете такимъ образомъ служить правымъ флангомъ великой арміи и вполнѣ можете поло-

житься на турокъ... вы найдете въ Босніи лошадей, годныхъ для артиллеріи", говорилъ Наполеонъ.

Султанъ Селимъ былъ очень доволенъ намѣреніями императора; онъ также обрадовался, когда узналъ отъ Себастіани, что Наполеонъ собирался послать шесть линейныхъ судовъ и нѣсколько ротъ артиллеріи, чтобы вмѣстѣ съ турецкой эскадрой войти въ Черное море; онъ мечталъ о дессантѣ въ Крыму. 25.000-я армія ожидалась въ Виддинѣ, гдѣ должна была получить провіантъ въ изобиліи. „Подъемъ духа прекрасный; турки храбры и довѣряютъ французамъ, выражая страшную ненависть къ Россіи и къ Англіи; на улицахъ останавливаютъ французовъ и благословляютъ ихъ". Такъ писалъ Себастіани къ Талейрану.

Извѣстіе о посылкѣ 25.000-й французской арміи въ Турцію произвело сильное волненіе, котораго не ожидали ни султанъ, ни Наполеонъ; оно было встрѣчено всеобщимъ протестомъ. Христіанское населеніе, дружественное Россіи, испугалось военнаго франко-турецкаго союза, который могъ, по мнѣнію христіанъ, надолго упрочить владычество оттомановъ. Понятно, что христіане не могли разсчитывать на Францію, союзницу Турціи, какъ они разсчитывали и надѣялись на Россію.

Паши еще больше озлобились, когда разнесся слухъ о томъ, что далматская армія двинется вдоль Дуная. Мустафа проявилъ сильный гнѣвъ, въ виду чего французскій консулъ Ламаръ нашелъ необходимымъ на время покинуть Рущукъ и удалиться въ Систово; паша Травникскій не хотѣлъ брать на свою отвѣтственность прибытіе французовъ на его территорію; Али Янинскій упрекалъ султана за то, что онъ поощрялъ честолюбивые замыслы Франціи, послѣ того какъ удалось стряхнуть съ себя иго Россіи. Поддерживаемые янычарами, паши боялись, чтобы французская армія не послужила для истребленія ихъ самихъ, съ цѣлью окончательнаго преобразованія Турціи; половина Дивана раздѣляла ихъ опасенія, почему началась борьба противъ французскаго вмѣшательства. Это было вполнѣ естественно, такъ какъ подобное событіе могло имѣть важное значеніе; къ тому же турки не позабыли походъ Бонапарта въ Египетъ и въ Сирію. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ императоромъ, они еще больше боялись его честолюбія. Турки считали возможнымъ, что Наполеонъ одинъ или совмѣстно съ Россіей или Австріей будетъ способствовать распаденію Оттоманской имперіи, и присутствіе 25.000-й французской арміи на нижнемъ Дунаѣ, во время заключенія Тильзитскаго мира, казалось началомъ этого распаденія. Когда Себастіани извѣстилъ Талейрана о недоброжелательствѣ пашей, то Талейранъ поспѣшилъ отвѣтить, что армія не будетъ послана, а что по просьбѣ

султана въ Константинополь пришлютъ еще нѣсколько офицеровъ и 600 канониръ и что по этому поводу необходимо заключить письменное соглашеніе. Однако, переговоры съ турецкимъ посломъ Вахидъ-эфенди, который прибылъ въ Данцигъ для переговоровъ о заключеніи союза между султаномъ и Наполеономъ, не привели ни къ какимъ результатамъ.

Вахидъ-эфенди посолъ говорилъ красивыя фразы, любовался войсками императора, съ интересомъ осматривалъ укрѣпленія Данцига и утверждалъ, что ихъ видъ доставляетъ ему такое же удовольствіе, какъ побѣда оттомановъ. Но, когда вопросъ коснулся составленія параграфовъ соглашенія, рѣчь его звучала иначе. Посолъ султана утверждалъ, что согласно даннымъ ему инструкціямъ, онъ могъ заключить оборонительный союзъ противъ Россіи на трехлѣтній срокъ; въ этихъ инструкціяхъ ничего не говорилось о торговыхъ привилегіяхъ Франціи на Востокѣ и ничего касающагося Англіи: „можно было думать, что Англія ихъ лучшій другъ“, писалъ Ру, секретарь Коленкура, которому поручено было вести переговоры. Коленкуръ настаивалъ на заключеніи наступательнаго союза противъ Россіи и Англіи. Услыхавъ это, турокъ пришелъ въ ярость; онъ былъ согласенъ говорить о вѣчной дружбѣ, но слово „союзъ“ казалось ему опаснымъ, и онъ не считалъ себя уполномоченнымъ заключить его; „ни одинъ добрый мусульманинъ не можетъ говорить о наступательномъ союзѣ“, утверждалъ онъ: „наши законы и религія приказываютъ намъ защищаться, но никогда не атаковать; и если мы не можемъ вести наступательную войну, то мы не можемъ и заключать союза, имѣющаго такой характеръ. Что касается Англіи, то онъ ничего не могъ рѣшить, ибо не получалъ насчетъ ея оффиціальныхъ инструкцій“. А съ того момента какъ турецкія пушки стрѣляли въ Дарданеллахъ по судамъ адмирала Дукворта, прошло три мѣсяца. Переговоры турецкаго посла съ Коленкуромъ такъ и не привели ни къ чему. Чрезъ нѣсколько дней Наполеонъ возобновилъ операціи противъ Россіи, въ которыхъ турки не приняли никакого участія. Отъ турокъ онъ ожидалъ лишь военной диверсіи; а когда обстоятельства измѣнились и въ ней уже не оказалось надобности, то онъ поспѣшилъ отказаться отъ мысли объ этомъ безполезномъ для него и стѣснительномъ союзѣ. Традиціи франко-турецкаго соглашенія, существовавшія болѣе чѣмъ два столѣтія, были въ то время лишь военнымъ орудіемъ въ рукахъ Наполеона.

Живой мертвецъ [1]).

Изъ сибирской жизни.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Сибири, не такъ чтобы уже очень давно, жилъ богатѣйшій купецъ, большой самодуръ, какого теперь ужъ не встрѣтишь. Но въ прежнія времена, когда разыгралась разсказываемая здѣсь, случившаяся въ дѣйствительности исторія, попадались частенько среди купечества типичные самодуры, особенно тамъ, въ далекой и тогда еще всѣми забытой странѣ золота и каторжниковъ. Похлопывая по туго набитому карману, они въ грошъ никого не ставили и дѣлали, что хотѣли.

Получивъ отъ отца огромное состояніе, богатый пріискъ и сдавъ почти всѣ дѣла на руки служащихъ, купецъ превесело проводилъ время, т. е. бражничалъ и безпутствовалъ. Въ Сибири все грандіозно: рѣки величайшія, степи безграничныя, горы—уходящія въ небо, богатства—многомилліонныя, пьянство и развратъ—безъ мѣры и смысла. Когда-то, благодаря этому всепоглощающему пьянству, надолго была запрещена намъ торговля въ предѣлахъ Поднебесной имперіи. Китайцы не могли снести безобразій русскихъ купцовъ и выгнали ихъ изъ своей страны.

„Я не видалъ ни единаго мѣста, писалъ знаменитый Палласъ, въ которомъ былъ бы въ такой степени распространенъ развратъ, какъ въ Томскѣ“.

И вотъ, придерживаясь сибирскаго масштаба, жилъ и нашъ ку-

[1]) Одинъ изъ причастныхъ къ дѣлу лицъ живъ и понынѣ.

пецъ Андрей Поликарповичъ Смирновъ, человѣкъ не первой уже молодости, вдовецъ.

Натура у него была дикая, безъ удержу; для него существовалъ одинъ только законъ—его желанія. Онъ былъ и добръ, по какъ-то по-своему. Иногда былъ не прочь помочь ближнему, но этотъ ближній долженъ былъ всячески унижаться и льстить купеческому самолюбію. Въ жертву послѣднему Смирновъ готовъ былъ принести все, забыть даже Бога, которому, казалось, всегда усердно молился, и честь, понятія о которой были у него, впрочемъ, довольно-таки растяжимы. Не меньшихъ размѣровъ у Смирнова была и гордость — онъ никого не считалъ равнымъ себѣ. Всѣ у него были, кромѣ толстосумыхъ милліонеровъ, „мелкота и голь перекатная“.

Напивался купецъ и до зеленаго змія, и до бѣлыхъ слоновъ, но никогда до того, чтобы размякнуть душою. Наоборотъ, гордыня у него при этомъ росла и росла.

Находили на него иногда, впрочемъ, и дни нѣкотораго душевнаго просвѣтлѣнія—ему какъ будто дѣлалось совѣстно того пьянства и безобразія, въ которыхъ онъ погрязалъ. Эти перерывы купецъ начиналъ съ того, что по цѣлымъ часамъ усиленно парился въ банѣ и отдавалъ строжайшій приказъ—гнать всѣхъ собутыльниковъ, повадившихся ходить къ нему ежедневно. Слегка начиналъ онъ при томъ заниматься и дѣлами. По праздникамъ исправно ходилъ въ церковь, усердно клалъ поклоны, хотя и это все выходило у него безъ смиренія. Но такія просвѣтлѣнія не продолжались особенно долго — не таковъ былъ купецъ, чтобы вести мирный, тихій образъ жизни,—ему были нужны сильныя ощущенія. Все запретное, нелегко и просто дававшееся, его сердцу особенно было любезно.

Въ городѣ, гдѣ онъ жилъ, почти все было покорно ему; власти усиленно угождали — выгодно было. По словамъ одного писателя, нигдѣ не было такого рабскаго поклоненія богатству, какъ въ Сибири. А купецъ былъ щедрый—не препятствуй только нраву его. Доходы Смирнова были таковы, что бросать тысячи было ему ни по чемъ. Къ тому же свернутыя скулы, выбитые зубы—купецъ любилъ „мордобой“—дешево цѣнились тогда.

Особенно Смирновъ сыпалъ деньгами во время своихъ частыхъ поѣздокъ по торговымъ дѣламъ, на пріискъ, гдѣ творились непостижимыя по своему безобразію дѣла. Съ наступленіемъ осени купецъ любилъ уѣзжать въ „первогильдейную“ Кяхту, куда съѣзжались купцы съ Нижегородской ярмарки. За его отмѣнно сдѣланнымъ возкомъ ѣхали приказчики и кто-нибудь изъ пріятелей. Почти всегда онъ съ собою „прихватывалъ“ какую-нибудь „хозяюшку“, которыя мѣнялись у него постоянно. У купца, какъ у Людовика XV, были

своего рода поставщики, на обязанности которыхъ лежало „откапывать“ подходящихъ. И на этотъ предметъ онъ денегъ не жалѣлъ, хотя подходящій „товаръ“, благодаря его невзыскательному вкусу, стоилъ также недорого.

Купецъ разразился бы смѣхомъ, если бы ему кто сказалъ, что можно искренно полюбить одну женщину и довольствоваться семейною жизнью.

— Что бобылемъ-то сидѣть!—сказалъ ему однажды старикъ, богатый купецъ.—Женись въ другой разъ и дѣтей приживи — все на старость утѣшеніе!

— На кой лядъ мнѣ все это!—отвѣтилъ Смирновъ—И невѣсты-то подходящей нѣтъ для меня: на бѣдной не стоитъ—отъ сродственниковъ житья не будетъ, а на богатой — не нуждаюсь — своего добра не прожить. И лоботрясовъ-то этихъ мнѣ тоже не нужно. Ежели что послѣ меня останется, все прожгутъ, подлецы, и добромъ не помянутъ!

И кутилъ купецъ цѣлые годы.

II.

Однажды, послѣ долгихъ безобразій, остепенился Смирновъ. Въ ближайшее воскресеніе поѣхалъ къ обѣднѣ; вошелъ въ церковь, перекрестился на иконостасъ и, по обычаю, поклонился на всѣ стороны. При этомъ онъ замѣтилъ стоявшую въ сторонѣ молодую дѣвушку, небогато одѣтую и совсѣмъ не въ купеческомъ вкусѣ — маленькую, худенькую, хотя и очень красивую. Первое время купецъ обратилъ на нее вниманіе потому только, что она ему была незнакома, а въ городѣ всѣхъ, почему-либо выдающихся, онъ зналъ на перечетъ. Взглянулъ Смирновъ на дѣвушку, отвернулся и началъ молиться, т. е., размашисто креститься да подпѣвать пѣвчимъ. Но что за притча—все ему хочется посмотрѣть на незнакомку. Даже выругалъ онъ за это себя—не пристало-де его высокостепенству въ храмѣ Божіемъ на людяхъ пялить на дѣвокъ глаза, да и дѣвка-то не стоитъ того—что-то ужъ больно худа.

Но нѣтъ, нѣтъ и какъ-то невольно снова посмотритъ онъ на дѣвушку, выбранитъ себя и снова скоситъ глаза,—и такъ всю службу. Когда она окончилась, пошли прикладываться ко кресту. Купецъ, по обыкновенію, полѣзъ первый, разсѣянно выслушалъ поздравленіе священника „съ праздничкомъ“, отошелъ въ сторону и

внимательно, незамѣтно для другихъ, сталъ наблюдать за дѣвушкой, которая послѣ „прикладыванія“, потупивъ свои красивые глаза и не глядя ни на кого, вышла изъ церкви. Пошелъ и Смирновъ, какъ-то задумавшись, хотя и позвалъ на пирожокъ кой-кого изъ купцовъ почище. Выпили по малости, закусили, но все вышло пристойно—честь-честью. Купцу очень хотѣлось спросить кого-нибудь, кто такая привлекшая его вниманіе дѣвушка, но, странное дѣло, почему-то стѣснялся. Прежде бывало въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно велись подробные переговоры, обсуждались мѣры и т. д. А теперь—и вдругъ совѣстно. „Тфу! чортъ возьми, прости Господи! вотъ штука-то!“—думалъ про себя купецъ.

Дивятся и домашніе, смотря на своего хозяина: какъ будто Андрей Поликарповичъ другимъ сдѣлался. Въ прежніе отдыхи отъ кутежей онъ не такъ себя велъ. Ходитъ теперь какой-то странный, задумчивый, но не злой. Хотя пріятелей не избѣгаетъ, но почти не пьетъ. И молодцовъ своихъ повѣрилъ, упущенія нашелъ, но мордобоемъ не занялся, а только выговоръ сдѣлалъ.

Скоро Смирновъ увидѣлъ снова въ церкви дѣвушку. На этотъ разъ онъ впередъ не пошелъ, на свое мѣсто, гдѣ коврикъ для него былъ положенъ, а сталъ нѣсколько позади, чтобы было можно, не обращая вниманіе другихъ, смотрѣть на нее. Выйдя по окончаніи службы, онъ послѣ изрядной борьбы съ собою, обратился къ одному изъ своихъ собутыльниковъ съ вопросомъ, указывая на дѣвушку:

— Чья она?

— А это дочь новаго смотрителя, отвѣтилъ собутыльникъ. Только, Андрей Поликарповичъ, она къ нашей компаніи не подойдетъ—образованная, да и дѣвка-то, сами видите, грошъ цѣна.

Эта обычная въ былое время фраза теперь сильно задѣла почему-то купца. Онъ отвернулся отъ пріятеля и сильно выругался. Пріятель недоумѣвалъ, пробовалъ заговаривать, но Смирновъ поѣхалъ домой, не удостоивъ его больше ни единымъ словомъ. Новаго смотрителя купецъ зналъ—онъ какъ-то являлся къ нему, низко кланялся, льстилъ сладенькимъ голоскомъ въ ожиданіи, вѣрно, подачки.

— Заурядная дрянь! рѣшилъ тогда Смирновъ—за три рубля купишь!

И эта заурядная дрянь, какъ называлъ онъ всѣхъ покладистыхъ мелкихъ чиновниковъ, теперь выросла въ его глазахъ—она была отцомъ дѣвушки, такъ сильно приглянувшейся ему. Богатый купецъ поилъ и кормилъ всѣхъ, но самъ у другихъ бывалъ съ большимъ разборомъ, считая это честью великою, которою удостоить не всѣхъ было можно. Ему очень хотѣлось поближе познакомиться съ дѣвушкой, поговорить съ нею, но гордость не позволяла пойти къ

смотрителю. При всемъ томъ онъ не хотѣлъ, чтобы кто догадался о его зарождавшейся склонности.

Въ такомъ колебаніи прошла уже не одна недѣля, проходилъ и весь мѣсяцъ. И выпивалъ въ это время купецъ, но никакого баловства себѣ не позволялъ, и состоявшую при немъ, такъ сказать, очередную „хозяюшку“ прогналъ. Въ виду открывшейся ваканціи, приставали къ нему поставщики съ предложеніями, но ничего не могли добиться. Ни на какіе соблазны купецъ не шелъ и самихъ соблазнителей прогналъ весьма неделикатнымъ образомъ. Скромная дѣвушка крѣпко засѣла у него въ головѣ, неожиданно какъ-то облагородила его мысли—ни на минуту Смирновъ не останавливаться на возможности обычнымъ путемъ удовлетворить свои желанія. Часто думалъ купецъ о дѣвушкѣ—она была для него существомъ уже близкимъ, дорогимъ. При этомъ почему-то постоянно ему вспоминалась и его покойная жена, непонятно отождествляясь съ дѣвушкой. Мысли о нихъ какъ-то переплетались. Никогда образъ симпатичной дѣвушки не становился рядомъ ни съ одной изъ его бывшихъ метрессъ. Когда онъ видѣлъ какую-нибудь изъ женъ своихъ знакомыхъ, ему назойливо лѣзъ въ голову вопросъ, никогда не приходившій прежде, почему онъ, именитый купецъ, живетъ на свѣтѣ одинокимъ и не заведетъ себѣ настоящей, законной хозяйки, которую бы не совѣстно было показать почетнымъ гостямъ. И вотъ эти думы, вытѣсняя прежнія безпутныя мысли, вылились, наконецъ, въ опредѣленное желаніе. И послѣ долгихъ колебаній и размышленій купецъ рѣшилъ:

— Пошлю-ка къ ней сватовъ—пусть тамъ и дочь бѣднаго смотрителя! Нашихъ капиталовъ достаточно—изъ бѣдной сдѣлается богатой. А тятеньку отседова выпроводимъ, чтобъ, значитъ, не срамилъ тестя.

Сватовъ онъ выбралъ попроще, которымъ можно было приказать идти и до времени, пока что, держать языкъ за зубами.

Сваты были посланы. Съ ними обратно пришелъ и отецъ благодарить благодѣтеля за великую честь. По уходѣ смотрителя купецъ началъ разспрашивать, какъ было принято его предложеніе дочерью, при чемъ конечно былъ увѣренъ, что услышитъ только лестное для себя. Сваты очень хвалили невѣсту, но, видимо, что-то замалчивали. И только послѣ грознаго приказа не врать и говорить все, повѣдали, что отецъ чуть не прыгалъ отъ радости, а дочь... дочь рѣшительно заявила, что не пойдетъ за него, Андрея Поликарповича, хотя онъ и первостатейный купецъ, что предпочитаетъ бѣдность мужу пьяницѣ и развратнику.

— Да плюньте вы на нее, Андрей Поликарповичъ, заключили свой разсказъ сваты. Съ вашими ли капиталами да брать такую голую пиголицу! Не такую кралю найдемъ! Захотите только!

Неожиданный отказъ огорошилъ купца. Какъ! Ему, богачу такому, кяхтинскому первогильдейнику, ему, предъ которымъ все преклоняется, осмѣлились отказать! И кто же! Какое-то тамъ ничтожество, которому и вправду грошъ цѣна.

И жестокая обида глубоко запала въ душу. Смирновъ ужъ не думалъ надъ тѣмъ, что ему отказываетъ любимая женщина, которой онъ такимъ образомъ лишится. Его теперь только приводило въ ярость, что ему нанесена обида, что всѣ въ городѣ скоро узнаютъ, будутъ злорадствовать и смѣяться по угламъ надъ нимъ, именитымъ купцомъ.

Чѣмъ больше думалъ онъ надъ этимъ оскорбленіемъ, тѣмъ сильнѣе росло въ немъ чувство обиды и желаніе поставить на своемъ. Зародившіяся нѣжныя чувства уступили озлобленію. И такъ еще недавно милый образъ сразу сдѣлался для него ненавистнымъ. Онъ съ сжатыми кулаками метался по комнатамъ, неистово бранился, клялся поставить на своемъ во что бы то ни стало и послѣ отомстить за кровную обиду. Все, пожалуй, купецъ могъ бы простить, хотя прощать ничего не любилъ, только не уязвленія своего самолюбія, ни малѣйшаго униженія своей персоны.

На другой день Смирновъ послалъ за смотрителемъ и объявилъ, что отсыплетъ пять тысячъ ему лично, если онъ добьется согласія своей дочери. Смотритель клялся, что дочь отказала такъ, сгоряча, что на это не стоитъ и вниманія обращать, что она не посмѣетъ идти противъ родительской воли. Получить такую сумму для бѣдняка было такъ соблазнительно, что онъ постарался и дѣйствительно добился довольно скоро согласія своей дочери...

Чрезъ нѣкоторое время Андрей Поликарповичъ своей собственной особой явился къ смотрителю и сдѣлалъ оффиціальное предложеніе. Молодая дѣвушка ничего ему не отвѣтила, а только отвернулась, и все это вышло для него ужъ какъ-то обидно. Заплаканные глаза и сильная блѣдность свидѣтельствовали только о томъ, какъ много выстрадала за это время бѣдная дѣвушка.

Отъ невѣсты своей вышелъ купецъ еще болѣе оскорбленнымъ.

Съ свадьбой очень спѣшили. Будущій тесть торопилъ, чтобы получить обѣщанныя деньги за продажу дочери; купецъ—чтобы поставить на своемъ.

Въ церковь невѣсту привезли почти силою. Шатаясь, подошла она къ аналою и едва выстояла обрядъ вѣнчанія. На вопросъ, не обѣщалали кому другому, отвѣтила рыданіемъ. Священникъ, въ ожиданіи хорошей платы, удовольствовался такимъ отвѣтомъ и связалъ этихъ такъ мало подходившихъ другъ къ другу людей. Купецъ задалъ пиръ, на которомъ было много почетныхъ гостей. Самолюбіе его было удовле-

творено, но нанесенная обида оставила въ сердцѣ неизгладимый слѣдъ; забыть ее онъ, по натурѣ своей, не могъ и не хотѣлъ. И ненавистное чувство къ женѣ росло, подогрѣваемое ея холодностью и явнымъ отвращеніемъ. Смирновъ тиранилъ жену всячески, даже первое время билъ, а послѣ пересталъ обращать на нее вниманіе и повелъ свою прежнюю жизнь.

III.

Годъ такъ спустя послѣ свадьбы на службу къ купцу поступилъ одинъ молодой человѣкъ—Василій Ивановичъ Баргузиновъ. Онъ былъ необыкновенно прилеженъ къ своимъ обязанностямъ, тихъ, скроменъ и не пилъ ничего, что̀ было въ Сибири, особенно среди торговаго люда, величайшею рѣдкостью. Смирновъ, хотя часто и смѣялся надъ его скромностью, но очень былъ расположенъ къ нему. Баргузиновъ сталъ вести отчетность по всѣмъ торговымъ дѣламъ, раскрылъ много злоупотребленій, повысилъ доходность. Мало-по-малу онъ вполнѣ пріобрѣлъ довѣріе своего хозяина. Андрей Поликарповичъ сдѣлалъ его своимъ главнымъ довѣреннымъ, самъ же все чаще и чаще сталъ уѣзжать то на пріискъ, гдѣ его безпутство превосходило всякія вѣроятія, то на китайскую границу. Въ эти долгія отсутствія произошло сближеніе довѣреннаго съ женою хозяина.

Первое время робкая и осторожная любовь не была никѣмъ замѣчена, но со временемъ, поощряемые частыми отлучками Смирнова, любящіе другъ друга молодые люди сдѣлались смѣлѣе и, какъ водится, менѣе осторожны. Сначала ихъ отношенія подмѣтили домашніе. Баргузиновъ пользовался большимъ уваженіемъ всѣхъ за свою обходительность, привѣтливость и, главное, за то, что не наушничалъ. Хозяйку же любили потому, что жалѣли, видя съ нею обращеніе мужа-тирана. Поэтому всѣ, кому извѣстна была тайна, взяли молодыхъ людей какъ бы подъ свое покровительство, такъ какъ собственно купца никто не любилъ за его крутой нравъ и непомѣрную гордость. Такъ прошло не мало времени. Иногда, хотя крайне рѣдко и мимолетно, купецъ заявлялъ свои права на жену. Поэтому, замѣтивъ беременность ея, онъ принялъ это на свой счетъ и открытіемъ остался даже очень доволенъ. Чѣмъ больше задумывался онъ надъ этимъ, тѣмъ больше надежда сдѣлаться отцомъ ему улыбалась. Даже на жену онъ началъ смотрѣть нѣсколько иначе. Будучи разъ за что-то разсерженъ на нее, онъ, сдерживая себя, сказалъ:

— Вздуть бы тебя по-настоящему слѣдовало, да только вотъ жаль будущаго наслѣдника!

Однажды, сидя въ кругу своихъ благопріятелей, Андрей Поликарповичъ наполнилъ стаканы и торжественно провозгласилъ:

— Выпьемъ, други, за благополучное пришествіе на свѣтъ Божій наслѣдника моихъ капиталовъ!

Тостъ былъ подхваченъ дружно, крикнули „Ура"! принесли поздравленія и пожеланія. Но при этомъ многіе какъ-то странно переглянулись и усмѣхнулись. Благодаря опьяненію, гости не были осторожны, тогда какъ купецъ, занятый своими мыслями, пилъ мало, почему все это замѣтилъ и сталъ мраченъ. Въ душу его запало подозрѣніе, хотя онъ и не могъ допустить возможности измѣны жены. На нее онъ смотрѣлъ по Домострою, считалъ, что облагодѣтельствовалъ ее, взявъ безприданницею въ свой богатый домъ, „вытащилъ изъ грязи", „допустилъ до себя".

Нѣсколько дней продумалъ Смирновъ надъ этимъ вопросомъ. Смущало его то обстоятельство, что отъ первой жены у него не было дѣтей, и вообще ни одна изъ его многочисленныхъ фаворитокъ не подарила ему ребенка.

Нѣкоторое время онъ мысленно искалъ возможныхъ виновниковъ на сторонѣ, но не находилъ ихъ. Жена его, что называется, шагу изъ дома не дѣлала и никакихъ знакомствъ не имѣла. Искать же ихъ у себя дома онъ и не думалъ—кто изъ его подвластныхъ могъ осмѣлиться посягнуть на его честь! И купецъ мало-по-малу совсѣмъ успокоился.

— Что же! отъ другихъ не было, а отъ нея вотъ и могло случиться—думалъ онъ.

И долго, быть можетъ, продолжалъ бы онъ находиться въ столь пріятномъ заблужденіи, если бы на дорогѣ Баргузинова не сталъ злой человѣкъ.

Такъ спустя мѣсяцъ послѣ пирушки съ ея торжественнымъ тостомъ, къ Смирнову явился одинъ прогнанный со службы приказчикъ и сталъ умолять принять его обратно. Баргузиновъ уволилъ его со службы за воровство, но хозяину о томъ не сообщилъ, такъ какъ пользовался большой самостоятельностью. Къ тому же въ подобныя мелочи Андрей Поликарповичъ вмѣшиваться не любилъ. Выслушавъ просьбу, Смирновъ спокойно сказалъ:

— Не мое это, братецъ, дѣло. Проси Василія Ивановича, ежели чего ужъ ты дурнаго не сдѣлалъ.

Въ тотъ же день купецъ спросилъ Баргузинова, за что онъ прогналъ являвшагося къ нему. Управляющій доложилъ правду.

— И хорошо, братъ, сдѣлалъ! И впередъ такихъ всѣхъ въ шею гони, благодаренъ буду!

Но судьба уже начала отворачиваться отъ молодыхъ людей. На другой день на глаза Андрею Поликарповичу снова попался изгнанный приказчикъ. Безъ всякихъ предисловій купецъ, будучи не въ духѣ и въ разносительномъ настроеніи, накинулся на него, разругалъ и грозилъ для примѣра „свернуть“ вору шею. Видя, что хозяину все извѣстно и, сообразивъ, что его дѣло потеряно, приказчикъ рѣшилъ жестоко отомстить Баргузинову.

— Я не виновенъ!—сказалъ онъ. Вашей милости наговорили. Довѣренный боится, чтобы я изъ усердія не выдалъ, значитъ, тайны и старается меня сплавить.

— Какой тайны! Что зря мелешь! Проваливай, пока цѣлъ!—кричалъ Смирновъ.

— Большая тайна, вѣрно говорю, да только для одной вашей милости. Ежели бы узнали, то самого повѣреннаго въ шею выгнали!

Увѣренный тонъ приказчика заинтересовалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ встревожилъ какъ-то Андрея Поликарповича.

— Какая, спрашиваю, тайна? Говори сейчасъ!

— Ежели прикажете, скажу. Только позвольте лучше въ комнатѣ, чтобы, значитъ, никто не могъ услыхать!

Дѣло происходило на дворѣ, около воротъ.

Еще болѣе заинтересованный, Андрей Поликарповичъ молча кивнулъ головой, провелъ приказчика въ свою комнату, старательно закрылъ за собою дверь и, усѣвшись въ кресло, сказалъ:

— Ну, говори! да помни, ежели напраслину по злобѣ скажешь—пришибу, а твоя будетъ правда, знаешь меня, расправа короткая—виновнаго вонъ со двора, а тебя обратно и награжу.

— Ваша милость, довѣренный, значитъ, выгналъ меня потому, что знаетъ о моемъ къ вамъ усердіи... не смѣло началъ приказчикъ. Онъ, вѣрно, сталъ опасаться, чтобы я не доложилъ вамъ про ихнюю, значитъ, любовь...

— Какую любовь?! не тяни!—сказалъ купецъ подавленнымъ голосомъ. Его охватило какое-то непонятное волненіе. Онъ и не подозрѣвалъ, какую тайну собирается открыть ему приказчикъ, но чувствовалъ, что узнать о ней ему будетъ тяжело. Видъ у Смирнова былъ сумрачный, грозный. Доносчикъ, видя это, сильно испугался и охотно бы уже отказался отъ намѣренія своимъ открытіемъ произвести полный переворотъ въ домѣ, гдѣ, повидимому, все обстояло благополучно.

— Чего молчишь, говори! гаркнулъ купецъ, поднявшись съ кресла и подходя къ оробѣвшему приказчику. Тотъ попятился назадъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

*

— Слышишь, приказываю тебѣ! заревѣлъ уже Смирновъ, схвативъ его за грудь.

— Ваша милость, лепеталъ приказчикъ, не серчайте... изъ усердія... хотѣлъ доложить... довѣренный слюбился съ вашею хозяйкою...

Слова эти произвели на купца ошеломляющее дѣйствіе, словно его кто ударилъ обухомъ. На время онъ утратилъ способность соображать. Мощная рука, сжимавшая предъ тѣмъ грудь приказчика, безсильно опустилась, а не сокрушала реберъ, не сворачивала скулъ, чего опасался доносчикъ. Глаза купца, не моргая, продолжали смотрѣть предъ собою, но не видѣли ничего. Онъ застылъ на мѣстѣ.

Простоявъ такъ довольно долго, онъ тихо подвинулся къ креслу, повалился на него и, тяжело дыша, погрузился въ думу. Приказчикъ продолжалъ стоять, прижавшись всѣмъ тѣломъ къ стѣнѣ, боясь пошевельнуться. Въ комнатѣ царила тягостная тишина. Такъ прошло много времени; цѣлая вѣчность, какъ показалось доносчику.

— Не врешь? спросилъ, наконецъ, купецъ глухимъ, не своимъ голосомъ.

— Правду сказалъ, почти шопотомъ отвѣтилъ приказчикъ. Всѣ это знаютъ.

Снова и на долго воцарилось молчаніе.

— Давно? спросилъ купецъ, смотря куда-то въ сторону скосившимися глазами.

— Какъ только пріѣхалъ — раньше знакомы были.

И снова наступило молчаніе. Смирнову все и вдругъ сдѣлалось ясно—и упорный отказъ теперешней жены выйти за него замужъ, и ея съ перваго же дня враждебное къ нему отношеніе, и появленіе откуда-то неизвѣстнаго человѣка. Теперь легко объяснялъ онъ себѣ усердіе „полюбовника“. Такъ можно было стараться ради какой-либо особенной, затаенной цѣли. Вспомнилось купцу и поведеніе гостей, когда онъ имъ „оповѣстилъ“ о скоромъ появленіи „его“ наслѣдника. Да, теперь все стало понятно.

— Ловко провелъ! сжимая до боли кулаки, подумалъ Смирновъ. И я же самъ былъ пособникомъ, довѣрялъ ему весь домъ, когда на сторонѣ бражничалъ. Ловко... но подожди, дай срокъ, ужо обдумаю!

— Послушай! сказалъ купецъ, вставая съ кресла и подходя къ приказчику. Спасибо, что открылъ... изъ усердія. Удружилъ, не забуду. Пока что, никому ни гу-гу! Узнаю, тысячи не пожалѣю, а упеку далеко — за твое воровство! И, вынувъ изъ бумажника ассигнаціи, прибавилъ: вотъ тебѣ пока за усердіе сотня. А теперь ступай!

IV.

Потянулись дни. Въ домѣ купца, повидимому, все было по-прежнему. Только „самъ“ ходилъ пасмурный, сосредоточенный, хотя и старался ничѣмъ не показать, что тайна молодыхъ людей ему уже извѣстна. Смирновъ, не измѣняя ласковаго обращенія, старательно только сталъ наблюдать за своимъ довѣреннымъ и чаще сталъ звать къ себѣ въ комнату, якобы для совѣщаній. Временами, когда Баргузиновъ читалъ какой-нибудь отчетъ, въ глазахъ купца, устремленныхъ на него, свѣтился зловѣщій огонекъ, а кулаки нервно сжимались. Казалось, вотъ онъ вскочитъ и размозжитъ голову своему оскорбителю. Андрея Поликарповича приводила въ ярость мысль, что въ городѣ, можетъ быть, уже многіе знаютъ о томъ позорѣ, которымъ покрыла его, купца именитаго, законная жена и съ кѣмъ же—съ его слугою. Ему казалось, что всѣ по угламъ глумятся надъ нимъ. Онъ сталъ ненавидѣть знакомыхъ, ненавидѣть своихъ служащихъ. Ему хотѣлось куда-нибудь далеко убѣжать, чтобы только не встрѣчаться съ ними. Но Смирновъ не уѣзжалъ и, странное дѣло, не уѣзжалъ изъ желанія помѣшать влюбленнымъ видѣться въ тайныхъ свиданіяхъ. Подъ предлогомъ неудобства, онъ перенесъ свой рабочій кабинетъ поближе къ спальнѣ жены и принималъ разныя другія, подчасъ ребяческія мѣры. Когда явилась необходимость ѣхать по одному неотложному дѣлу, онъ взялъ съ собою и Баргузинова. Жену свою купецъ просто не могъ видѣть, но сдерживалъ себя—„подождите, молъ, сочтемся“. Побить „полюбовника“, выгнать съ позоромъ казалось Смирнову мелкимъ. Это вызвало бы только скандалъ, и предметомъ насмѣшекъ былъ бы одинъ онъ, Андрей Поликарповичъ. Понимая это, онъ сдерживалъ себя и думалъ глубокую думу. Ему хотѣлось отомстить жестоко, чтобы всѣ видѣли страданіе и униженіе „полюбовниковъ“. Мысль эту онъ лелѣялъ—она укрощала и сдерживала его гнѣвъ, обыкновенно такой необузданный. Она, эта мысль, научила купца даже хитрить, на что́ прежде онъ былъ такъ неспособенъ.

Между тѣмъ приближалось время женѣ родить. Это заставило Смирнова поскорѣе принять какое-либо рѣшеніе, такъ какъ онъ чувствовалъ, что не перенесетъ появленія ребенка. А какъ еще недавно мысль, что онъ сдѣлается отцомъ, радовала его!

Андрей Поликарповичъ совершенно измѣнилъ образъ жизни, пьянствовать почти бросилъ и не водилъ компаніи съ прежними собутыльниками.

Иногда онъ устраивалъ у себя вечера, но гостей звалъ „чистыхъ“, особенно судейскихъ, за которыми старательно ухаживалъ. Онъ часто заводилъ при нихъ рѣчь о своихъ торговыхъ дѣлахъ, о трудности

управляться съ ними. Раза два онъ этакъ издали высказывалъ неудовольствіе на кого-то изъ служащихъ; можно было догадаться, что въ виду онъ имѣлъ Баргузинова. При томъ всемъ гордый купецъ высказывалъ сожалѣніе о своемъ прежнемъ поведеніи и что „чуетъ-де его сердце, что съ нимъ что-нибудь да приключится". Такія рѣчи повергали всѣхъ въ недоумѣніе и невольно обращали на себя вниманіе.

Вскорѣ Смирновъ объявилъ домашнимъ, что ѣдетъ съ Баргузиновымъ на пріискъ. По сибирскимъ понятіямъ, послѣдній отстоялъ не особенно далеко.

По возвращеніи оттуда, что̀ могло случиться недѣли чрезъ двѣ съ небольшимъ, то сейчасъ же и тоже съ Баргузиновымъ поѣдетъ уже надолго на китайскую границу по весьма важному вновь задуманному имъ торговому предпріятію. Начались разныя приготовленія: дѣлались пельмени, замораживались щи, укладывались по мѣшечкамъ чай, сахаръ, заворачивались въ рогожи наливки и пр. Безъ всего этого путешествовать тогда по Сибири, даже и по большому тракту, было нельзя.

Предъ отъѣздомъ Смирновъ усердно началъ заниматься дѣлами, настойчиво собирались непоступившіе еще взносы, говоря, что деньги ему нужны для дѣла, ради котораго ѣхалъ. Съ довѣреннымъ своимъ онъ былъ ласковъ по-прежнему и часто посылалъ его получать крупныя суммы. При этомъ иногда говорилъ:

— Вотъ сдѣлалъ его казначеемъ—боюсь у себя деньги держать; растрачу еще!

А съ Баргузиновымъ между тѣмъ творилось что-то неладное. Выглядѣлъ онъ совершенно разстроеннымъ и настолько былъ разсѣянъ, что заниматься дѣлами почти не могъ. Онъ несмѣло смотрѣлъ въ глаза другимъ, а встрѣчъ съ хозяиномъ избѣгалъ и блѣднѣлъ, какъ полотно, когда тотъ обращался къ нему съ чѣмъ-нибудь. Этой странной перемѣны всѣ домашніе не могли не замѣтить, и о ней велись разговоры. Смирновъ, ясно видя все это, умышленно, въ присутствіи многихъ нѣсколько разъ говорилъ Баргузинову:

— Что это, братецъ, съ тобою—будто грѣхъ какой задумалъ? И весь-то ты какой-то странный! И въ голосѣ купца слышался какой-то задоръ.

Отъ этого Баргузиновъ еще болѣе смущался.

Что касается жены Смирнова, то она, подъ предлогомъ болѣзни, забилась въ свой уголъ и не выходила оттуда. Только горничная говорила, что „сердечная-де все плачетъ да убивается".

Съ большимъ сокрушеніемъ и страхомъ узналъ Баргузиновъ о требованіи хозяина ѣхать съ нимъ и при томъ такъ надолго: на китайскую границу.

Тяжело ему было глазъ-на-глазъ быть съ человѣкомъ, котораго онъ долженъ былъ ненавидѣть, котораго обманывалъ, но который былъ неизмѣнно къ нему добръ и ласковъ. Больно ему было покидать любимую женщину въ то именно время, когда она готовилась сдѣлаться матерью его ребенка. Но приходилось повиноваться.

Между тѣмъ Смирновъ покончилъ свои дѣла. Внимательный наблюдатель подмѣтилъ бы, что предстоящая поѣздка имѣла для него какое-то особенное значеніе и должна была чѣмъ-нибудь ознаменоваться.

По виду, въ особенно хорошихъ отношеніяхъ Смирновъ всегда жилъ съ исправникомъ, до нѣкоторой степени нужнымъ для него человѣкомъ—мало ли что могло случиться при купеческомъ самодурствѣ. Хотя и поважнѣе люди мирволили ему, но не мѣшало имѣть своимъ благопріятелемъ и пониже сошку, чрезъ руки которой, какъ начальника округа, шли многія дѣла. Помимо этого исправникъ, человѣкъ покладистый, веселый и могшій изрядно выпить, былъ всегда желателенъ въ купеческой компаніи. Послѣднее же время Смирновъ особенно часто видѣлся съ исправникомъ, подолгу съ нимъ просиживалъ у себя въ кабинетѣ наединѣ съ закуской, чего прежде не бывало. Впрочемъ и это никого не удивляло—къ его странностямъ всѣ уже давно привыкли. Часто бывало выудитъ онъ кого-нибудь, возится съ нимъ, всюду за собою таскаетъ, а послѣ ни съ того, ни съ сего и прогонитъ.

Насталъ день отъѣзда. Купецъ уѣзжалъ часто, почему для всѣхъ это и было дѣломъ обычнымъ. Смирновъ былъ веселъ, шутилъ со всѣми и даже довольно мирно попрощался съ женою. Баргузиновъ же былъ разстроенъ болѣе обыкновеннаго, что́ у всѣхъ и запечатлѣлось въ памяти.

V.

Прошло нѣсколько дней, и неожиданно для всѣхъ Баргузиновъ возвратился назадъ еще болѣе убитый и разстроенный. На вопросы, почему онъ пріѣхалъ одинъ, довѣренный какъ-то нехотя объяснилъ, что хозяинъ по неизвѣстной причинѣ вдругъ, не давъ и одуматься, приказалъ ему ѣхать обратно домой и ждать его дальнѣйшихъ распоряженій. Зная взбалмошный характеръ купца, его скорыя рѣшенія, никто особенно и не удивился бы тому, если бы на мѣстѣ Баргузинова былъ кто другой—всѣ знали, какъ хозяинъ уважалъ и довѣ-

рялъ ему. Для выясненія всего этого приходилось ждать возвращенія самого Андрея Поликарповича. Прошло еще нѣсколько дней, прошла и вся недѣля. Въ большое недоумѣніе повергнули Баргузинова полученныя бумаги, ничего важнаго не заключавшія, но свидѣтельствовавшія, что Смирновъ на пріискъ не пріѣзжалъ. Объ этомъ тревожномъ обстоятельствѣ довѣренный сообщилъ домашнимъ. Чрезъ три дня пріѣхалъ нарочный съ однимъ нетерпящимъ отлагательства донесеніемъ; и онъ заявилъ, что хозяина на пріискѣ совсѣмъ не было, что, начиная съ такой-то станціи, всѣ ему говорили, что хозяинъ съ довѣреннымъ проѣзжалъ, держа путь на пріискъ. Куда же собственно дѣлся Андрей Поликарповичъ, онъ не зналъ. Всѣ встревожились, чуя что-то недоброе.

Узналъ объ этомъ исправникъ и позвалъ къ себѣ пріѣхавшаго съ пріиска и Баргузинова. Сначала онъ разспросилъ перваго. Исправнику особенно показалось страннымъ то обстоятельство, что вѣсти о проѣздѣ купца сразу обрывались на такой-то станціи. По всей дорогѣ его хорошо знали и такъ скоро забыть о немъ не могли. Выходило, что второй половины пути Смирновъ не проѣзжалъ.

Отпустивъ пріѣхавшаго, исправникъ попросилъ Баргузинова подробно ему разсказать, что именно произошло между нимъ и хозяиномъ и почему онъ вернулся одинъ.

Баргузиновъ началъ разсказывать.

— Выѣхали мы, когда уже смеркалось. Хозяинъ сейчасъ же заснулъ и спалъ до утра; проснувшись, вышелъ на станцію и приказалъ приготовить закуску. Былъ веселъ, угощалъ меня и смѣялся, что я не пью водки. Въ возкѣ, дорогой, хозяинъ со мной не говорилъ почти, а если съ чѣмъ и отзывался, то какъ-то зло. Отобралъ отъ меня деньги. „Давай, братъ, мнѣ, цѣлѣе будутъ!“ сказалъ онъ. Это меня сильно удивило и обидѣло. А на станціяхъ совсѣмъ другой былъ—шутилъ со всѣми, со мной, особенно тамъ, гдѣ сидѣли долго—обѣдали, пили чай. Изъ Большого села мы выѣхали за часъ до сумерекъ. Хозяинъ сейчасъ же началъ придираться, говорилъ, что ему противно ѣхать со мною. „Приказываю тебѣ, говоритъ, такой-сякой, ѣхать обратно домой! Жди тамъ моихъ приказаній!“ Проѣхали еще немного, а хозяинъ и говоритъ: „Противно мнѣ рядомъ сидѣть съ тобою! Вотъ, говоритъ, лучше бы мнѣ пѣшкомъ до станціи дойти!“ Когда мы чрезъ нѣкоторое время стали подъѣзжать къ лѣсу, гдѣ, сказываютъ, недалеко раскольничьи села стоятъ, Андрей Поликарповичъ крикнулъ ямщику „стой!“ Вылѣзъ изъ возка, да и говоритъ: „иди за мной, потолковать съ тобой надо“. Когда вошли въ лѣсъ, онъ меня началъ шибко ругать, а послѣ приказалъ ѣхать обратно домой! „Жди, говоритъ, тамъ моего приказанія, пришлю съ пріиска.

И никому ни гу-гу! о томъ, что тебѣ говорилъ. А самъ, говоритъ, уйду въ расколъ; противно мнѣ, говоритъ, съ вами со всѣми жить!" И ушелъ отъ меня. Я, подождавъ немного, вернулся къ лошадямъ, да и уѣхалъ домой.

Исправникъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Что же это, братъ,—сказалъ онъ,—ты обо всемъ этомъ мнѣ давно не пришелъ доложить. Дѣло выходитъ какое-то странное и преступное—по закону вѣру мѣнять не полагается. Да и чудное ты мнѣ что-то разсказываешь! И чего бы это Андрею Поликарповичу ночью пѣшкомъ чрезъ тайгу къ раскольникамъ идти! Ужъ если бы не хотѣлъ ѣхать съ тобою, то и ссадилъ бы тебя хоть среди дороги, а самъ бы куда пожелалъ, туда и поѣхалъ. Гдѣ же могъ дѣться купецъ? Странно что-то! А ты про сказку-то эту, что пѣлъ мнѣ сейчасъ, кому-нибудь сказывалъ?

— Нѣтъ, Николай Никифоровичъ,—и совѣстно было говорить, что со мною такъ обошелся хозяинъ, да и приказъ его былъ такой.

— Ну, что же!—сказалъ исправникъ. Подождемъ, можетъ, и объяснится. Не иголка купецъ, не затеряется.

О показаніи Баргузинова исправникъ никому не сказалъ ни слова, даже прокурору, съ которымъ толковалъ о таинственномъ исчезновеніи Смирнова. Въ городѣ уже обо всемъ знали. Создалась даже цѣлая фантастическая исторія. А исправникъ все молчалъ, молчалъ и Баргузиновъ.

Прошло и еще нѣсколько дней.

Но вотъ на имя исправника отъ земскаго засѣдателя поступило донесеніе, что найдено мертвое тѣло, сильно объѣденное волками. По всему можно допустить, доносилъ засѣдатель, что покойный принадлежалъ къ зажиточному сословію, по всей вѣроятности къ купеческому. Ни бумагъ, ни денегъ при тѣлѣ найдено не было, только подъ трупомъ нашлись дорогіе золотые часы. Верхняго платья, шапки и сапоговъ не оказалось. Тѣло найдено было въ лѣсу, недалеко отъ опушки, на тропѣ, ведущей въ раскольничье село.

Донесеніе это, собственно заурядное, сильно заинтересовало исправника,—мѣсто, гдѣ было найдено мертвое тѣло, было именно то, гдѣ по словамъ Баргузинова, покинулъ его Смирновъ. Извѣщая доктора о найденномъ тѣлѣ, исправникъ приказалъ ему сказать, что на вскрытіе поѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ. И поѣхалъ. Такъ какъ и доктору онъ ничего не сказалъ о показаніи Баргузинова, то послѣдній подивился желанію исправника ѣхать.

— Что это вы, Николай Никифоровичъ? Дѣла у васъ мало, что по вскрытіямъ для развлеченія ѣздить начали. Я-то радъ, съ начальствомъ хорошо: лошадокъ лучшихъ дадутъ и, главное, все даромъ!

При старыхъ судахъ предварительное слѣдствіе производилось полиціею, и его характерною особенностью былъ всегда безотчетный произволъ. Мертвыя тѣла въ Сибири, вслѣдствіе постоянныхъ разбоевъ по дорогамъ, находились прежде такъ часто, что на нихъ никто особеннаго вниманія и не обращалъ. По большей части убійцъ не находили—ищи ихъ по непроходимымъ лѣснымъ дебрямъ или среди шатавшихся повсюду бѣглыхъ каторжниковъ и поселовъ. Власти обыкновенно выѣзжали на слѣдствіе для очищенія совѣсти, зная впередъ, что дѣло, въ 99-ти случаяхъ изъ ста, придется предать „волѣ Божіей".

Изъ „холодной", гдѣ онъ пролежалъ въ ожиданіи вскрытія, трупъ перенесли въ избу и положили на скамейку. Представлялъ онъ изъ себя ужасную картину—куски оторваннаго отъ костей мяса, перемѣшанные съ клочьями одежды. Можно было только заключить, что покойникъ былъ человѣкъ большаго роста и богатырскаго сложенія. Уцѣлѣвшая кисть руки, какъ и дородство, свидѣтельствовали, что на свѣтѣ жилось ему недурно, не приходилось ни тяжело работать, ни голодать. По остаткамъ одежды трудно было что-либо заключить. Хищные звѣри ужъ какъ-то очень старательно ее изорвали.

Докторъ медленно и нехотя началъ приготовляться къ вскрытію, безцѣльность котораго, по его мнѣнію, была очевидна. Онъ сердито ворчалъ и свое негодованіе изливалъ земскому засѣдателю, видимо также заботившемуся только о томъ, какъ бы поскорѣе сбыть съ рукъ это тѣло, такъ заинтересовавшее его начальника, да и ускакать себѣ домой.

Между тѣмъ исправникъ долго и внимательно присматривался къ трупу, не принимая участія въ разговорѣ. Онъ обходилъ его со всѣхъ сторонъ, наклонялся надъ нимъ, иногда что-то произносилъ. Докторъ, несмотря на то, что и самъ громко посылалъ проклятія по адресу сибирскихъ порядковъ, обратилъ на это вниманіе.

— Что это вы тамъ, Николай Никифоровичъ, интереснаго открыли? Давайте-ка поскорѣе со всѣмъ этимъ покончимъ — во-свояси, вѣдь, скакать далеко.

Не отвѣчая на вопросъ, исправникъ обратился къ засѣдателю:

— Алексѣй Михайловичъ, а гдѣ тѣ часы, которые вы нашли около трупа?

— Они здѣсь, при всемъ производствѣ.

— Покажите-ка!

Засѣдатель вынулъ изъ портфеля, поставленнаго имъ въ углу на скамейкѣ, завернутые въ бумагу часы, развернулъ ихъ и подалъ.

Исправникъ посмотрѣлъ и крикнулъ:

— Ну, конечно!

Присутствовавшіе сильно заинтересовались. Исправникъ же продолжалъ:

— Какъ вы думаете, господа, чей это трупъ? А?

Всѣ подошли поближе и внимательно стали присматриваться.

— Не напоминаетъ ли вамъ ростъ, дородность, цвѣтъ волосъ и, наконецъ, эти часы кого-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ? Присмотритесь внимательно, докторъ, вы-то должны знать.

— Нѣтъ, не соображаю что-то — отвѣтилъ докторъ — скажите яснѣе.

— А кто послѣднее время пропалъ у насъ изъ видныхъ людей при такихъ странныхъ обстоятельствахъ?

— Постойте, постойте!—сказалъ докторъ. Я начинаю что-то смекать. Не имѣете ли въ виду Смирнова! Фигура-то будто его, а часы... докторъ сталъ ихъ разсматривать... не берусь утверждать, но, кажется, его. Купецъ, къ сожалѣнію, никогда не болѣлъ и паціентомъ моимъ не былъ, а компаніи съ нимъ я водить не любилъ. Вамъ лучше знать—пріятели были.

Осмотрѣвъ еще разъ внимательно трупъ, исправникъ категорически заявилъ, что это купецъ Смирновъ. Докторъ тоже склонился къ этому заключенію. Увѣренность исправника раздѣлили и прочіе присутствовавшіе, знавшіе покойника — смотритель станціи, ямщики. Послѣ этого исправникъ, не входя, впрочемъ, въ особенныя подробности, разсказалъ кое-что, не упоминая о Баргузиновѣ, объ исчезновеніи Смирнова. И этотъ разсказъ еще болѣе убѣдилъ всѣхъ въ справедливости догадки. Наружный осмотръ и изслѣдованіе раны выяснили, что Смирновъ былъ убитъ ударомъ ножа подъ лѣвую лопатку. Ножъ былъ на столько длиненъ, что пробилъ сердце и причинилъ мгновенную смерть. Болѣе подробнаго изслѣдованія докторъ не находилъ нужнымъ дѣлать, причина смерти была очевидна...

Исправникъ распорядился возможно скорѣе доставить трупъ въ городъ, куда спѣшно ускакалъ съ докторомъ и самъ. Не заѣзжая даже домой, онъ отправился къ прокурору и сообщилъ ему, кого онъ и другіе признали въ трупѣ, не сдѣлавъ при томъ ни малѣйшаго намека на Баргузинова. Но прокуроръ и самъ зналъ хорошо всѣ обстоятельства и потому сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи Баргузинова и о передачѣ дѣла, въ виду его важности, судебному слѣдователю, который заурядныхъ дѣлъ въ прежнее время не велъ — это лежало на обязанности полиціи.

Баргузиновъ былъ арестованъ немедленно, въ 11 часовъ вечера, когда уже легъ спать. Всѣ, видѣвшіе, въ какомъ состояніи онъ находился до и послѣ поѣздки, въ одинъ голосъ обвинили его въ убійствѣ хозяина.

Трупъ былъ привезенъ въ городъ и прямо въ домъ купца. Многочисленные служащіе признали въ немъ своего хозяина, они были подготовлены къ этому извѣстіемъ, что везутъ именно Смирнова. Несомнѣннымъ подтвержденіемъ служили присланные для осмотра часы, найденные около трупа. Ихъ всѣ признали принадлежащими Андрею Поликарповичу. Когда, такимъ образомъ, это было установлено, немедленно приступили къ похоронамъ, такъ какъ тѣло, пробывшее въ теплой комнатѣ всего лишь нѣсколько часовъ, быстро начало разлагаться. Исправникъ, принявшій на себя въ качествѣ друга покойнаго всѣ хлопоты, распорядился въ виду этого заколотить гробъ наглухо.

Похороны устроили торжественныя. Провожать именитаго купца вышелъ весь городъ, даже высшія власти. Многіе жалѣли покойнаго: одни, что уже негдѣ будетъ вкусно поѣсть и попить, другіе, что прекратилась статья дохода. Искреннихъ же сожалѣній, конечно, не было. Всѣ служившіе у купца облегченно вздохнули: „не встанетъ, моль, не будетъ больше дурить“.

А вдова Смирнова, Марія Яковлевна, потрясенная страшнымъ своею неожиданностью извѣстіемъ и арестомъ Баргузинова слегла въ постель еще до привоза тѣла, котораго такъ и не видала. О ней всѣ какъ-то забыли. Огромное состояніе купца по закону переходило къ будущему ребенку его жены. Духовнаго же завѣщанія Смирновъ не оставилъ.

VI.

Громкое дѣло объ убійствѣ купца и кражѣ очень крупной, по всѣмъ признакамъ, суммы денегъ взволновали весь городъ. Имъ интересовался прокуроръ и прочія власти. Поэтому слѣдователь, къ которому оно поступило, хотя и былъ очень лѣнивъ и медлителенъ, въ данномъ случаѣ долженъ былъ быть энергичнымъ. Не любилъ же онъ этихъ производствъ главнымъ образомъ потому, что, благодаря сибирскимъ разстояніямъ, приходилось ѣздить подчасъ очень далеко. Но онъ надѣялся, что съ этимъ „дѣломъ“ ему не предстояло много хлопотъ: преступникъ обнаруженъ — нужно лишь будетъ добиться отъ него всесторонняго признанія—и все тутъ. Баргузинова привели подъ конвоемъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ, которыхъ можно было и не задавать, такъ какъ обвиняемый былъ хорошо извѣстенъ, слѣдователь строгимъ голосомъ спросилъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ.

— То есть въ чемъ это?—наивно спросилъ Баргузиновъ.

— Какъ въ чемъ!—изумился слѣдователь—въ убійствѣ хозяина и въ кражѣ!

— И не убивалъ я своего хозяина, и денегъ не кралъ никакихъ,— совершенно спокойно сказалъ обвиняемый.

Добродушный слѣдователь, котораго всѣ любили за привѣтливость и простоту, вонзилъ въ Баргузинова свой, какъ онъ думалъ, проницательный взоръ. Но обвиняемый въ свою очередь смотрѣлъ на слѣдователя смѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно спокойно. Въ его глазахъ нельзя было подмѣтить ни тѣни смущенія и лжи. Послѣ долгаго молчанія слѣдователь уже своимъ обычнымъ ласковымъ голосомъ сказалъ:

— Послушай, единственно на одного тебя падаетъ сильное подозрѣніе, что убилъ именно ты. Я вѣдь давно живу здѣсь, знаю, при какихъ обстоятельствахъ женился Смирновъ; слышалъ, что ты любилъ его жену еще до пріѣзда ея сюда. И то мнѣ извѣстно, что ты человѣкъ хорошій, что вѣрно служилъ, самъ не кралъ (покойникъ это всѣмъ говорилъ) и другимъ, наживая себѣ враговъ, не давалъ. Такъ усердствовалъ ты не спроста. Повѣрь, что я, хотя иногда и водилъ хлѣбъ-соль съ покойникомъ, прекрасно его понималъ и вполнѣ тебѣ сочувствовалъ. Поэтому не запирайся, признаніемъ ты только смягчишь свою участь. Пойми, нѣтъ никакого смысла не сознаться— все противъ тебя: тебѣ одному было выгодно отдѣлаться отъ купца— онъ тебѣ мѣшалъ. Ребенокъ-то твой, объ этомъ и говорить нечего. Подумай, для твоей же пользы совѣтую. Говори, ты убилъ?

— Нѣтъ, ваше высокородіе, не я! какъ-то торжественно сказалъ, Баргузиновъ.

Слѣдователь, ожидавшій, что его рѣчь вразумила обвиняемаго съ досады поправился на креслѣ: онъ впалъ въ дурное расположеніе духа—дѣло затягивалось...

— Ну, какъ хочешь, только, помни, хуже будетъ: оправдаться тебѣ не удастся! Теперь разскажи, что найдешь нужнымъ, я запишу. Начинай съ того часа, какъ уѣхали вы изъ дому... Только ужъ лучше бы сразу сознался!—сказалъ слѣдователь съ мольбою въ голосѣ.

— Слушаю, ваше высокородіе, разскажу все, мысли своей не утаю даже. Я не виноватъ—помогите мнѣ!

— Хорошо, братъ, говори. Радъ бы я былъ, если бы не ты оказался виновнымъ.

Вначалѣ Баргузиновъ говорилъ то же, что и исправнику. Далѣе показывалъ нѣсколько иначе и съ бо́льшими подробностями.

— ...Погода стояла не холодная, хорошая; снѣгу еще было не много. Скоро должно было смеркаться. Мы ѣхали молча. Хозяинъ сидѣлъ нахмурившись, часто выглядывалъ изъ возка и внимательно

осматривался. Проѣхали мы Большое село; въ нѣсколькихъ верстахъ виднѣлся лѣсъ. Мѣсто мнѣ было немного знакомо—не далеко оттуда начинаются поселенія раскольниковъ. Проѣхалъ еще нѣкоторое время и, поровнявшись уже съ опушкою лѣса, что̀ недалеко отъ дороги стоитъ, хозяинъ какъ-то особенно крякнулъ, повернулся ко мнѣ и громко сказалъ:

— „Не могу больше оставаться съ тобою, да и со всѣми вами—противны вы мнѣ—уйду въ расколъ. А тебѣ на прощаніе хочу слово сказать, только на сторонѣ. Эй! ямщикъ, остановись-ка!“

Когда возокъ остановился, онъ вылѣзъ изъ него.

— „Подожди-ка насъ тутъ, братецъ! сказалъ онъ ямщику — мнѣ вотъ съ довѣреннымъ потолковать нужно.—Пойдемъ! указывая на тайгу“, сказалъ мнѣ хозяинъ.

Я вылѣзъ. Андрей Поликарповичъ быстро пошелъ, за нимъ я. Иду и думаю: что-то будетъ! Сердце это какъ-то сжалось, не въ добрый часъ, видимо, поѣхалъ я съ нимъ! Шли мы молча; онъ впереди, я сзади по слегка проложенной дорогѣ—кто-то по ней раза два проѣзжалъ. Вошли въ лѣсъ, не далеко, но ямщику уже насъ не было видно. Лѣсъ-то глухой; темно уже почти было. Кедры это въ три обхвата! Хозяинъ какъ-то сразу остановился и обернулся ко мнѣ. Отъ неожиданности я совсѣмъ на него насунулся, а послѣ въ страхѣ попятился назадъ. Онъ какъ-то странно засмѣялся и вплотную подвинулся ко мнѣ, сдвинулъ шапку на затылокъ и взялся въ бока. Я ожидалъ, что онъ меня пришибетъ. Но хозяинъ началъ говорить такимъ голосомъ, какимъ никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ.

— Долго таилъ на душѣ-то я, долго мучился, да терпѣлъ, но, видно, Господь тебя больше любитъ, чѣмъ меня. Послѣ смерти покойницы не скоро я могъ себѣ новую хозяйку по душѣ отыскать. Отыскалъ. Но ты, какъ тать ночной, добро мое похитилъ. Лучше бы ты меня совсѣмъ обокралъ! Не жалѣлъ бы! Вѣрно служилъ, вишь, казны моей расхищать никому не давалъ! А самъ честь-то у меня укралъ и имя мое на посмѣяніе отдалъ. У, гадина! Я ли тебѣ не довѣрялъ! И домъ свой, и все, что у меня было дорогаго, я тебѣ подъ охрану отдалъ. Видно, Богъ хочетъ покарать меня за распутство! Да будетъ Его воля! Уйду къ раскольникамъ, въ скитъ, грѣхи въ ихъ правой вѣрѣ замаливать, а ты поѣзжай назадъ, сейчасъ же поѣзжай! Слышишь! Сиди тамъ, никому ни гу-гу и жди. На пріискъ заѣду и отвѣтъ оттуда пришлю. Разрѣшеніе вамъ дамъ — любитесь себѣ, да меня лихомъ не поминайте!“

— Ушамъ я не вѣрилъ своимъ! продолжалъ Баргузиновъ. Разрѣшеніе намъ хозяинъ хотѣлъ дать, а я думалъ, убить меня хочетъ! Я въ ноги ему повалился, прощеніе сталъ вымаливать. А онъ твердитъ:

„сейчасъ мнѣ поѣзжай домой, тамъ счастье свое найдешь!“ Не хорошо онъ это говорилъ! Слышно было, что издѣвался онъ надо мной. Хоть и темно уже стало, а видно было, какъ угли, горѣли его глаза, словно вотъ прожгутъ насквозь. Сталъ было ему свои резоны приводить и назадъ безъ него ѣхать не соглашался, а онъ какъ крикнетъ: „Нешто, говоритъ, не знаешь меня! сейчасъ мнѣ домой поѣзжай, а тамъ видно будетъ!“

Поднялся я съ колѣнъ; самого-то трясетъ всего, слова больше вымолвить не могу, а хозяинъ махнулъ рукою и, повернувшись, пошелъ вглубь лѣса. Остался я это на мѣстѣ одинъ. Ужъ и не знаю, бѣжать ли мнѣ за нимъ или исполнить его приказаніе. Подождавъ немного, пошелъ было впередъ, но вдругъ стало мнѣ страшно. Тихо это въ лѣсу, только что-то какъ будто шумитъ вдали-то, вѣтеръ качаетъ вершинами; мнѣ же почему-то такъ жутко сдѣлалось на душѣ! И вспомнилъ я это вдругъ, словно вижу, хозяйку нашу—и такъ мнѣ захотѣлось скорѣе увидѣть ее! А можетъ, думаю, и взаправду Богъ намъ счастье хочетъ послать, смирилъ душу хозяина, если уже не ради меня, то за ея страданія! Повернулъ я съ легкимъ сердцемъ и пошелъ къ возку.

Прихожу, сажусь и говорю ямщику: „поѣзжай обратно, откуда выѣхалъ!“

— А купецъ, спрашиваетъ онъ, гдѣ?

— Въ деревню, говорю, пошелъ, къ раскольникамъ, что́ тутъ близко.

— Про деревню-то, говоритъ ямщикъ, я знаю, да чего купецъ-то противъ ночи пошелъ туда?

— Молиться, говорю, захотѣлъ—чудной онъ у насъ, что въ голову взбредетъ, то и сдѣлаетъ.

Недовѣрчиво ямщикъ посмотрѣлъ на меня.

— Такъ ворочать, значитъ? спрашиваетъ.

— Ворочать, говорю—хозяинъ такъ приказалъ.

И поѣхали мы обратно. Я былъ самъ не свой, не могъ съ мыслями собраться.

На станціи и смотритель спрашивалъ, почему я вернулся одинъ, и тоже какъ-то странно смотрѣлъ на меня. Чѣмъ ближе я подъѣзжалъ къ дому, тѣмъ тревожнѣе на душѣ становилось. И хотѣлось мнѣ ѣхать туда, но какъ-то неловко и страшно. Что, думаю, я домашнимъ скажу; не повѣрятъ, чтобы нашъ-то Андрей Поликарповичъ такое колѣнцо отмочилъ—въ скитъ спасаться пошелъ. И дѣйствительно всѣ мнѣ плохо вѣрили. Со страхомъ ждалъ я съ пріиска приказаній хозяина. А какъ стало извѣстно, что тамъ его и совсѣмъ не было, я сильно испугался и не зналъ, что дѣлать. Чуялъ бѣду,

но молчалъ, никому не сказывалъ. Даже исправнику, когда онъ меня призывалъ и разспрашивалъ, доложилъ на половину. Все ждалъ! Послѣ посадили меня, обвинили въ убійствѣ. Говорили мнѣ сторожа, что мертвое тѣло привезли, что въ немъ всѣ признали хозяина; говорили еще, что трупъ-то сильно былъ волками объѣденъ, что, главное, признали по часамъ. Вотъ и все, что могу сказать. Ничего не утаилъ, ничего и не прибавилъ. Чуяло мое сердце бѣду—не вѣрилъ я словамъ Андрея Поликарповича!

Баргузиновъ замолчалъ. Долго молчалъ и слѣдователь.

— Да, братъ, проговорилъ онъ наконецъ. Сдается, что и правду ты говоришь! И хотѣлось бы тому вѣрить. Но все это ужъ очень какъ-то не похоже на твоего бывшаго хозяина. Онъ пьяница, развратникъ, непреклонная натура—въ скитъ спасаться пошелъ, благословеніе вамъ любиться давалъ! Кто этому можетъ повѣрить! Пойми ты, милый человѣкъ: находятъ мертвое тѣло именно тамъ, гдѣ ты съ хозяиномъ въ лѣсу разговоры велъ, и тѣло это оказывается купца. Какъ же ты это объяснишь? Ты изъ лѣсу возвратился одинъ, а купецъ-то пропалъ.

— Что я могу сказать! упавшимъ голосомъ проговорилъ Баргузиновъ. Хозяинъ ушелъ отъ меня, а я къ лошадямъ. Можетъ, и убили его, да и бросили на то мѣсто, гдѣ меня съ нимъ видѣли. А вы, ваше высокородіе, сами осматривали трупъ? Его онъ былъ.

— Видѣлъ. Правду сказать, узнать въ немъ кого-нибудь было трудно. Всѣ говорили, что купецъ; вотъ и часы—его это? спросилъ слѣдователь, вынувъ изъ ящика и показывая ихъ. Баргузиновъ посмотрѣлъ и сказалъ съ болью въ голосѣ:

— Часы хозяйскіе—вѣрно. А могу просить прочесть мнѣ слѣдствіе, какъ, значитъ, трупъ былъ найденъ?

— Изволь, прочту. И слѣдователь прочелъ донесеніе засѣдателя и протоколъ вскрытія.

— Ну, что же? спросилъ онъ, окончивъ чтеніе.

— Да въ томъ самомъ мѣстѣ, вѣрно... только... вотъ докторъ пишутъ, что хозяина ударилъ сзади, и ножъ въ сердце вышелъ. Хозяинъ тогда былъ въ кухлянкѣ (мѣховая рубашка), да въ песцовой дохѣ. Трудно чрезъ мѣха такой ударъ нанести! А доха-то дорогая гдѣ же?

— Ну, пустое говоришь. Трупъ былъ почти раздѣтъ; все унесъ, если не тотъ, кто убилъ, то кто нашелъ.

— Что же! можетъ быть. А часы... вѣдь ихъ-то на толстой шейной цѣпи хозяинъ носилъ... цѣпи-то той здѣсь тоже нѣтъ...

— Это все выяснится. Послѣдній разъ: не хочешь сознаться?

— Не въ чемъ, ваше высокородіе.

Баргузинова увели обратно въ острогъ. Слѣдователь задумался; чувствовалась правда въ показаніи обвиняемаго. Въ произведенномъ засѣдателемъ дознаніи онъ видѣлъ большіе недочеты. Гдѣ дѣлись дѣйствительно доха и цѣпь отъ часовъ? Кто всѣ вещи унесъ, тотъ и убить могъ, да и бросить на мѣсто, подмѣтивъ сцену въ лѣсу, о которой разсказывалъ Баргузиновъ. Все бы хорошо, да только неправдоподобно очень поведеніе купца, не похоже все это на него. И слѣдователь терялся въ догадкахъ. Дѣло запутывалось; а что хуже всего—нужно было ѣхать на мѣсто... Лѣнивый, но добрый и честный слѣдователь заинтересовался дѣломъ.

Хотя все складывалось такъ, что обвиненіе Баргузинова вытекало само собою, слѣдователь тѣмъ не менѣе послѣ долгихъ размышленій началъ склоняться къ мысли, что въ несомнѣнныхъ, казалось бы, уликахъ есть что-то и неправдоподобное. „Да купца ли дѣйствительно то былъ трупъ?“ задалъ даже себѣ вопросъ слѣдователь. Но, вспомнивъ о часахъ, прогналъ отъ себя это сомнѣніе. Посѣтовалъ и на порядки, благодаря которымъ упущенія въ разслѣдованіи, сдѣланныя засѣдателемъ, были уже непоправимы. Жаль было слѣдователю бѣднягу Баргузинова—симпатиченъ онъ ему былъ. Зналъ онъ, что если Баргузиновъ даже и не убивалъ, то все-таки не выпутаться ему изъ разставленныхъ судьбою сѣтей. Не пришло ему только въ голову, что запутать его въ нихъ могли и люди. Проницательностью слѣдователь не отличался, хотя и былъ гораздо выше многихъ другихъ собратьевъ уже тѣмъ, что не считалъ своихъ догадокъ непогрѣшимыми. Въ обвиняемыхъ онъ видѣлъ прежде всего не объектъ обвиненія, а человѣка, который могъ быть виновнымъ, но могъ имъ не быть, несмотря на всѣ непреложныя доказательства; онъ не любилъ сбивать съ толку обвиняемаго коварными вопросами, чтобы любоваться цвѣтами собственнаго краснорѣчія, онъ старался выяснить истину... но всѣмъ его благимъ намѣреніямъ, впрочемъ, всегда мѣшала большая лѣнь. Тѣмъ не менѣе, для Сибири того времени онъ являлся счастливымъ исключеніемъ и чиновникомъ новаго вѣянія.

На другой же день послѣ допроса слѣдователь поѣхалъ на мѣсто преступленія. По дорогѣ смотрителя станцій и ямщики согласно подтвердили показанія Баргузинова о поведеніи купца, равно и то, какъ онъ съ хозяиномъ пошли въ лѣсъ.—„Опушка лѣса, говорилъ между прочимъ ямщикъ, недалеко отъ дороги—крикъ человѣка былъ бы слышенъ, а я ничего не слыхалъ. Да нешто онъ—довѣренный-то, могъ справиться съ такимъ богатыремъ, чтобы тотъ и не пикнулъ!“ закончилъ онъ свое показаніе, сомнительно покачивая головой. Пытался слѣдователь добиться чего-нибудь въ раскольничьей деревнѣ, недалеко отъ которой былъ найденъ трупъ, но безуспѣшно. Впрочемъ, онъ по

опыту зналъ, что при отношеніи раскольниковъ къ „табачникамъ", благодаря ихъ замкнутости, это было до крайности трудно. Слѣдователь вполнѣ довѣрился засѣдателю; по его словамъ, онъ дѣлалъ въ деревнѣ обыскъ, чинилъ допросъ, но тоже безрезультатно. И слѣдователь, ничего опредѣленнаго не выяснивши, возвратился домой.

Слѣдствіе не подвигалось впередъ ни на шагъ. Слѣдователь дѣло держалъ у себя, несмотря на понужденіе прокурора—жаль ему было направлять его дальше, такъ какъ это было бы равносильно признанію Баргузинова виновнымъ, но въ концѣ концовъ онъ былъ вынужденъ это сдѣлать. И бѣдный Баргузиновъ въ качествѣ подсудимаго долженъ былъ предстать предъ грознымъ дореформеннымъ судомъ.

VII.

Даже и теперешній судъ съ присяжными засѣдателями могъ бы признать Баргузинова виновнымъ; но много вѣроятій, что и оправдалъ бы, хотя всѣ его показанія были голословны; тогда какъ данныя за обвиненіе опирались, повидимому, на неопровержимые факты. Но что исправили бы присяжные засѣдатели, того не могъ сдѣлать прежній судъ, постановлявшій свои приговоры по чисто формальнымъ соображеніямъ. И судебныя ошибки были тогда нерѣдки.

Правосудіе должно было быть удовлетворено, и въ жертву ему былъ принесенъ Баргузиновъ, хотя виновность его далеко не была доказана.

Роковой приговоръ, осуждавшій его на каторгу, Баргузиновъ выслушалъ покорно. Сквозь слезы, но громко и отчетливо онъ сказалъ: „Господа судьи, видитъ Богъ, я невиненъ!" Судъ очень снисходительно отнесся къ Баргузинову и назначилъ ему самое меньшее, что могъ.

Одинъ только человѣкъ непоколебимо вѣрилъ въ невинность Баргузинова—вдова Смирнова. Ее ни слѣдователь не допрашивалъ, ни судъ не вызывалъ: зачѣмъ было терзать бѣдную женщину? Въ сущности, не все ли было равно, состоялъ ли Баргузиновъ съ нею въ связи или нѣтъ. Марья Яковлевна не допускала мысли о возможности осужденія горячо ею любимаго человѣка; ей казалось, что судьи должны были раздѣлять ея увѣренность. Но приговоръ былъ произнесенъ, надежды разлетѣлись, какъ дымъ, и осталась одна только грозная дѣйствительность. Повидавшись въ тюрьмѣ съ Баргузиновымъ и поговоривъ съ нимъ, вдова вышла отъ него еще болѣе увѣренная,

что онъ сдѣлался искупительною жертвою, принесенною правосудію. Подъ вліяніемъ горя въ ней появилась небывалая до того времени энергія, и она рѣшилась всѣми средствами дѣйствовать: стала обращаться ко всѣмъ власть имущимъ съ просьбами помочь ей. Всѣ на словахъ принимали участіе, сочувствовали, но доказывали, что измѣнить рѣшеніе суда нельзя, развѣ ужъ будетъ найденъ другой, настоящій убійца. Совѣтовали подыскать ловкихъ, способныхъ людей, которые взялись бы найти его. Вдова не жалѣла средствъ, но „способные“ люди выжимали отъ нея только деньги и ровно ничего не дѣлали. Зная, что исправникъ принималъ во всемъ дѣлѣ большое участіе и называлъ себя другомъ покойнаго, вдова первое время часто обращалась къ нему. Но исправникъ нехотя выслушивалъ ее и убѣждалъ примириться съ дѣйствительностью.

Въ хлопотахъ прошло много времени. Скоро долженъ былъ наступить день отправленія Баргузинова въ Нерчинскіе рудники. Марья Яковлевна рѣшила выйти за него замужъ и, по выясненіи результата стараній, ѣхать за нимъ. Она искренно любила Баргузинова и считала себя причиной несчастія, обрушившагося на его голову: по ея желанію онъ поступилъ на службу къ купцу и тѣмъ осудилъ на безпокойную и опасную жизнь. Марья Яковлевна думала, что купитъ себѣ вблизи острога домъ, поселится въ немъ и первое время, особенно трудное для осужденныхъ, будетъ видѣться съ мужемъ. Она знала, что съ деньгами вездѣ, а въ Сибири въ особенности, все можно сдѣлать; не разъ слыхала, что жены ѣхали за мужьями и, подкупая тюремныхъ церберовъ, сводили каторгу къ простому поселенію.

Дня за два до отправки партіи осужденныхъ въ тюремной церкви совершился обрядъ вѣнчанія, связавшій двухъ такъ разно стоявшихъ въ общественномъ положеніи людей—безправный каторжникъ и богатая свободная женщина, могшая бы прекрасно устроить свою жизнь. Но не такъ разсуждала Марья Яковлевна: она настояла на бракѣ, противъ котораго долго и энергично возставалъ Баргузиновъ, не желавшій связывать жизнь, которая для нея вся еще была впереди.

Нашлось нѣсколько человѣкъ, не измѣнившихъ къ Баргузинову своихъ прежнихъ добрыхъ отношеній. Они были свидѣтелями бракосочетанія и принесли свои поздравленія. Изъ церкви „молодой“, звеня кандалами, уведенъ былъ конвойными, а „молодая“, вся въ слезахъ, была увезена въ домъ перваго мужа.

Она рвалась поскорѣе покинуть и этотъ домъ, и городъ, и всѣхъ этихъ людей, все, что напоминало ей о прежней жизни, о постигшемъ горѣ. Ей теперь даже улыбалась мысль поселиться въ далекомъ Нерчинскѣ, быть одной со своими мыслями и сыномъ-малюткой. Его невинная улыбка приводила ее въ неописанный восторгъ и мирила

съ ниспосланными испытаніями. Она часто рисовала себѣ картину, что ей иногда будетъ удаваться, пуская въ ходъ деньги, устраивать возможность мужу посѣтить ея домикъ, гдѣ она вмѣстѣ съ сыномъ будетъ лелѣять ни въ чемъ неповиннаго страдальца. А послѣ, дастъ Богъ, они и навсегда поселятся вмѣстѣ, чтобы больше уже не разлучаться до конца своихъ дней!

Послѣднее время съ Марьею Яковлевной особенно близко сошлась одна сердобольная купчиха, Прасковья Петровна, необыкновенно добрая, привѣтливая и болтливая. Будучи мало знакома до убійства, она послѣ приняла близко къ сердцу ея горе, часто ее посѣщала и утѣшала. Веселый нравъ новой знакомой благотворно подѣйствовалъ на бѣдную женщину. Марья Яковлевна при ней какъ-то оживлялась, и надежда, утраченная было при столкновеніяхъ съ равнодушіемъ людей, снова въ ней воскресала.

Однажды, зайдя къ Баргузиновой, Прасковья Петровна нашла ее въ слезахъ.

— И опять плакать! воскликнула она. Грѣхъ большой—отчаяніе-то. Молиться надоть о помощи и дѣйствовать!

— Дорогая вы моя, знаю, что грѣхъ, да наболѣло сердце-то. Ни откуда отрады—всѣ обманываютъ, да съ рукъ сбываютъ. Въ Бога вѣрю, а вѣру въ людей потеряла. Ужъ больше хлопотать не могу, силъ нѣтъ. Хочу ѣхать въ Нерчинскъ. Все ему-то легче будетъ!

— Ну чтожъ, дѣло хорошее, только спѣшить особенно нечего—успѣется. Всего не испробовавши, не слѣдъ отъ задуманнаго отказываться! Теперь я къ тебѣ вотъ съ чѣмъ зашла. Можетъ, дастъ Богъ, и выйдетъ бо́льшій толкъ съ моего совѣта, чѣмъ съ исправниковыхъ-то.

— Ужъ и не говорите мнѣ объ этомъ человѣкѣ. Чуетъ что-то сердце мое противъ него! Скажите, что хотѣли мнѣ посовѣтовать. Только отъ васъ и утѣшеніе!

— Сейчасъ выложу—слушай: Ты-то и прежде ничего не знала, что дѣлается у насъ въ городѣ, а теперь и подавно. Но Илью Сазоныча Сухова, конечно, знаешь—богатѣйшій купецъ, большія дѣла ведетъ. Не любилъ онъ съ покойникомъ-то твоимъ компаніи водить, но иногда бывалъ у него большущій такой, борода — что лопата, добрый, только ужъ больно безхитростный.

— Какъ же, знаю!

— Ну такъ вотъ: проявились въ городѣ какіе-то проходимцы, торговое дѣло затѣвали большое, капиталовъ подъискивали у тѣхъ, кто поглупѣе. И обошли они Сазоныча-то въ лучшемъ видѣ. Польстился онъ на большіе барыши. Я ужъ и не сумѣю тебѣ, касатка, сказать, какъ и что, но въ одинъ это денекъ Сазонычу и говорятъ: „подавай

свои денежки-то (да не тысячу тамъ другую, а цѣлую уйму), а не то упечемъ тебя, что и не вылѣзешь". Свѣта Суховъ не взвидѣлъ—выходитъ полное разореніе. Онъ по начальству: „никогда, говоритъ, на то согласія моего не было". А эти артисты-то подсунули Сазонычу бумагу какую-то; тотъ, не разобравъ, подписалъ, а они въ нее эту самую закорючку-то и вписали". Начальство ему говоритъ: „Не можемъ ничего подѣлать, самъ взялъ на себя обязательство! Помирись, говорятъ, можетъ, что и уступятъ". Извѣстно, у насъ все деньги!

А тутъ къ Сазонычу одинъ благопріятель, вотъ какъ я къ тебѣ. „Бѣги, говоритъ, къ жандарму, что не такъ давно изъ Россіи пріѣхалъ. Якшаться, говоритъ, да поминки брать—ни-ни, не по-нашему, сибирскому". Тотъ къ нему и доложилъ все въ лучшемъ видѣ. „Будь, говоритъ, благодѣтелемъ, не дай человѣку погибнуть, за то я тебѣ, ваше благородіе, ужъ вотъ какъ отблагодарю!"

— Хорошо, говоритъ ему жандармъ, постараюсь. Слыхалъ я про этихъ торговыхъ людей, слѣжу за ними. Дай, говоритъ, еще немного понюхаю.

— Ну, и разнюхивать-то ему долго не надо было. Видитъ, провели мошенники Сазоныча. Да какъ двинетъ въ Петербургъ, кажись, самому министру. А оттуда скоро отвѣтъ: въ тюрьму мошенниковъ, а Сазоныча-то отъ всякой отвѣтственности ослобонить. Съ вѣстью-то этою радостною и зашелъ жандармъ къ Сухову. Тотъ его цѣловать, да выпулъ изъ стола здоровенную пачку и говоритъ: „Бери, ваше благородіе, спасибо, что выручилъ!"

— Что это? спрашиваетъ тотъ.

— Бери,—говоритъ Суховъ—не побрезгуй, что мало! А денегъ-то, касатка, было десять тысячъ!

— Спрячъ ихъ!—говоритъ жандармъ.—Не для тебя дѣлалъ, по обязанности, а за труды мои царь нашъ мнѣ платитъ.

Сазонычъ и говоритъ: „Ну, денегъ не хочешь, позволь тебѣ вещь какую на память". Не мытьемъ, думаетъ, такъ катаньемъ. А жандармъ: „Хорошо, говоритъ, отъ этого не откажусь". И осмотрѣлся по комнатѣ, взялъ это со стола китайскую вещицу слоновой кости, пустую, не дорогую. Вотъ, говоритъ, позволь мнѣ это взять на память". А самъ смѣется.

Сазонычъ вытаращилъ отъ удивленія глаза, а послѣ и говоритъ:

— Прости меня, ваше благородіе, что скажу—большой ты чудакъ—такихъ-то я на вѣку своемъ еще и не видывалъ! Не по-сибирски это что-то! И въ поясъ ему поклонъ.

— Вотъ видишь, милая, закончила свое повѣствованіе Прасковья Петровна, сила-то какая у этого жандарма—самому министру не по-

боялся телеграмму послать! Мнѣ и думается, не обратиться ли тебѣ къ нему, можетъ что и выйдетъ!

Удивленіе Сухова было вполнѣ основательно. Въ Сибири ужъ изстари велось такъ. Въ далекія времена, по опредѣленію Соликамскаго лѣтописца, страна „была наполнена присяжными разбойниками, кормящимися властями, для которыхъ украсть, ограбить, даже убить человѣка изъ-за денегъ, продать душу за алтынъ считалось дѣломъ обыкновеннымъ“. Все это пустило такіе глубокіе, мощные корни, которые, когда благія реформы срубили самое дерево, долго и очень долго еще давали обильные отростки. Чѣмъ далѣе уходило печальной памяти время, когда царили „сибирскіе лиходѣи и кровопивцы“, тѣмъ больше мельчали и отростки. Но все еще таившаяся въ корняхъ жизнь выгоняла ихъ постоянно наружу. Бывало тяжелое время и по эту сторону Уральскихъ горъ, но все же оно никогда не носило характера такого тяжелаго произвола и такой непостижимой безнаказанности, доходившей до крайняго цинизма, какъ въ Сибири. Всесильные ея „сатраны“ не далеко тогда ушли отъ азіатскихъ деспотовъ. Изъ нихъ, напр., губернаторъ кн. Гагаринъ творилъ „неслыханныя злодѣйства“. Даже Петру Великому съ трудомъ и не скоро удалось его вытребовать и повѣсить. Кто не слыхалъ о „крыловщинѣ, которая была еще почище бироновщины, о сибирскомъ Аракчеевѣ-Пестелѣ и о „присяжномъ разбойникѣ“ губернаторѣ Трескинѣ... Время ихъ правленія по истинѣ было время „безправное“. Сколько людей было обобрано для удовлетворенія ненасытной алчности грабителей, начиная отъ губернатора и кончая не менѣе всесильнымъ у себя въ станѣ земскимъ засѣдателемъ! Сколько безъ слѣда погибло людей, заживо похороненныхъ въ далекихъ тюрьмахъ, единственное преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они дерзали прибѣгнуть подъ защиту законовъ. Сперанскій очистилъ было на время мрачную атмосферу, удаливъ генералъ-губернатора, предавъ суду двухъ губернаторовъ, 43 чиновниковъ и выгнавъ за разныя злоупотребленія 681 человѣка чиновниковъ же! Но ихъ замѣнять было не кѣмъ—людей не было. Это была свѣтлая эра, но она скоро прошла, и атмосфера снова сгустилась. Туго прививались къ Сибири реформы; долго еще въ прошломъ столѣтіи творилось тамъ нѣчто ужасное, и повсюду раздавался стонъ притѣсняемыхъ на разные лады и способы, благодаря только тому, что до царя было слишкомъ далеко. Но съ теченіемъ времени все, конечно, хотя и медленно сглаживалось, самыя неслыханныя злодѣянія“ мельчали, но все же еще долго держались „кормящіяся власти“, никого не удивляя и считаясь какъ-бы въ порядкѣ вещей.

Настоящій разсвѣтъ въ Сибири начался только недавно.

VIII.

Окрыленная новою надеждою, Марья Яковлевна съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидала слѣдующаго дня, чтобы сдѣлать уже послѣднюю попытку.

— Господи, помоги! шептала она.—Сухова выручилъ—тамъ деньги, а здѣсь живая душа! И все думала, какъ и что сказать, а рѣшила открыть все.—Лишь-бы только выслушать захотѣлъ!—думала она.

Въ пять часовъ вечера Баргузинова сидѣла уже въ кабинетѣ жандармскаго полковника. Въ городѣ говорили, что это простой и добрый человѣкъ, охотно всѣмъ помогавшій совѣтомъ и дѣломъ. Но ходили о немъ и плохіе слухи. Ихъ распускали, впрочемъ, люди, боявшіеся, что въ ихъ сердцахъ могутъ прочесть что-либо для нихъ нежелательное. Дѣло Сухова заставило говорить о полковникѣ. Всѣ могущіе быть только на роляхъ просителей его прославляли, а власть имѣющіе насторожились. Ихъ удивила телеграмма министра прокурору и губернатору, доказавшая, что ихъ дѣйствія контролируются.

Обстановка кабинета да и всей квартиры была скорѣе бѣдная, о достаткѣ не было и рѣчи.

— Вишь, какъ живетъ-то, а отъ десяти тысячъ отказался, подумала Марья Яковлевна.—Человѣкъ, видно!

Чрезъ нѣкоторое время отворилась дверь, и въ комнату твердыми шагами вошелъ небольшаго роста молодой еще штабъ-офицеръ. Протягивая поднявшейся Баргузиновой руку, онъ сказалъ:

— Простите, сударыня, что заставилъ васъ ждать — дѣтишки расшалились и пустить меня не хотѣли. Охотно готовъ служить вамъ. Я знаю, кто вы и зачѣмъ ко мнѣ пожаловали. Поэтому скажите мнѣ все, малѣйшую подробность—можетъ, пригодится.

Слова эти одобрили растерявшуюся было первое время молодую женщину, а упоминаніе полковника о дѣтяхъ вселило къ нему довѣріе.

И Марья Яковлевна начала разсказъ:

Познакомилась она съ Баргузиновымъ давно уже, когда гостила у своей тетки. Они полюбили другъ друга и порѣшили, что Баргузиновъ, собравъ немного денегъ—онъ былъ приказчикомъ и получалъ хорошее жалованіе, попроситъ ея руки. Но скоро отецъ былъ назначенъ смотрителемъ въ тотъ городъ, гдѣ встрѣтилъ ее купецъ. Когда послѣдовало предложеніе послѣдняго, она пробовала бороться. Но отецъ просилъ, грозилъ, билъ даже, морилъ голодомъ и, наконецъ, добился если не согласія, то такого состоянія, при которомъ можно было сдѣлать съ нею, что угодно. Ее одѣли въ подвѣнечное платье и силою повезли въ церковь. Только ужъ послѣ свадьбы и то не

скоро, она нашла возможность дать знать обо всемъ Баргузинову. Появился онъ и своимъ усердіемъ пріобрѣлъ полное довѣріе Смирнова. Марья Яковлевна безъ всякой борьбы сошлась со своимъ прежнимъ женихомъ: такъ какъ считала за собою нравственное право это сдѣлать—никакихъ обѣтовъ вѣрности мужу своему она не давала; она говорила, что этимъ даже хотѣла отомстить ему за обращеніе съ нею, за пьянство и развратъ, совершаемый чуть что не на ея глазахъ. Сближеніе между ними должно было произойти, несмотря ни на какія преграды, а ихъ къ тому же и не было. Повторилась обычная исторія. Одна крестьянка на вопросы слѣдователя, зачѣмъ она, до того времени безупречная, допустила себя до явной измѣны, за что мужъ и покушался ее убить, отвѣтила: „На изгадость ему! Пусть меня не срамитъ предъ людьми, не обижаетъ, когда я и виновата еще ни въ чемъ не была“.

Далѣе Марья Яковлевна жаловалась, что ее не допрашивалъ слѣдователь, что не хотѣли обратить вниманіе на то обстоятельство, что Смирновъ открыто приготовлялся къ своей поѣздкѣ и на его отношенія къ исправнику, съ которымъ онъ, запершись, какъ будто о чемъ-то сговаривался. При этомъ она не утерпѣла и высказала все, что чувствовала противъ исправника.

Полковникъ внимательно слушалъ, иногда задавалъ вопросы. Въ концѣ онъ сказалъ ей, что вообще дѣло ему хорошо извѣстно—онъ былъ на его разбирательствѣ, что тогда еще многое въ немъ ему казалось загадочнымъ.

— Я долго думалъ надъ нимъ, подумаю и еще. Мнѣ говорили, что вашъ прежній мужъ обыкновенно ѣздилъ съ какой-нибудь женщиной. Какая, такъ сказать, состояла при немъ послѣднее время?

— Не знаю, онъ ихъ такъ часто мѣнялъ.

— Я постараюсь собрать точныя справки негласнымъ дознаніемъ. По закону, въ случаѣ какого-либо сомнѣнія, я даже обязанъ это сдѣлать. Помните, все нужно держать въ строгой тайнѣ—отъ этого зависитъ успѣхъ. Говорите, что обращались ко мнѣ, но я посовѣтовалъ вамъ примириться съ судьбою.

Горячо поблагодарила полковника Марья Яковлевна и ушла отъ него, полная надеждъ.

Прежде всего полковникъ пришелъ къ заключенію, что не было доказано, дѣйствительно ли найденное тѣло принадлежало Смирнову. Первымъ призналъ въ немъ купца его же пріятель исправникъ.

— Только зачѣмъ онъ поѣхалъ на вскрытіе. Въ этомъ что-то да кроется—надо выяснить! рѣшилъ полковникъ и позвалъ вахмистра Грязнова.

Для не такъ давно пріѣхавшаго въ Сибирь офицера онъ былъ

неоцѣненнымъ кладомъ, такъ какъ, будучи мѣстнымъ уроженцемъ, зналъ въ городѣ, что называется, все и вся.

Спрошенный по поводу убійства Смирнова, вахмистръ, загадочно покачавъ головою, сказалъ:

— Темное это дѣло, ваше высокоблагородіе!

— Ну, а какъ думаешь, купца ли это было тѣло?

— Не видалъ я покойника, въ поѣздкѣ былъ, поспѣлъ только къ похоронамъ, а гробъ-то ужъ былъ заколоченъ. Вотъ унтеръ-офицеръ Сидоровъ — онъ хорошо зналъ купца, сказывалъ, что ни по чемъ нельзя было признать. Только вотъ часы. Г. исправникъ сказали—купецъ, ну и всѣ купецъ, да купецъ. Можетъ быть и такъ! прибавилъ вахмистръ съ едва замѣтной улыбкой. А этотъ Баргузиновъ, къ примѣру сказать, смирнѣющій человѣкъ былъ—не способенъ онъ на такое дѣло!

Наступило долгое молчаніе. И вахмистръ дѣлалъ какой-то туманный намекъ, и Марья Яковлевна говорила, что не довѣряетъ исправнику.

— Зачѣмъ онъ поскакалъ на вскрытіе! тихо, какъ бы про себя проговорилъ полковникъ... не его это дѣло.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе! громко и какъ бы обрадовавшись, сказалъ Грязновъ.

— Что „точно такъ“?—спросилъ полковникъ, не понявшій сразу, въ чемъ дѣло.

— Я докладываю, что точно незачѣмъ было ѣхать, вотъ и Сидоровъ тогда удивлялся.

Отвѣтъ вахмистра какъ разъ согласовался съ сомнѣніями его начальника.

Совѣщаніе длилось долго, позвали и Сидорова.

На немъ рѣшено было произвести тщательные поиски прежде всего въ городѣ и постараться выяснить казавшееся нѣсколько таинственнымъ поведеніе купца передъ отъѣздомъ. Если онъ что задумывалъ, у него должны были быть помощники. Ихъ-то и нужно было найти. Полковникъ все болѣе приходилъ къ заключенію, что если купецъ и убитъ, то не Баргузиновымъ. И желаніе выручить невинно пострадавшаго человѣка заставляло его поработать. Большія надежды полковникъ возлагалъ на вахмистра.

И, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней Грязновъ доложилъ, что ему удалось открыть одно многообѣщавшее обстоятельство. Зашелъ онъ въ гости къ одному изъ служащихъ въ домѣ покойнаго Смирнова. Сидя за закуской, Грязновъ повелъ разговоръ объ убійствѣ, которое все еще не переставало интересовать всѣхъ. Словоохотливый собесѣдникъ, отвѣчая на ловко задаваемые вопросы, говорилъ, что явной

„полюбовницы“ у купца не было, но что, по словамъ кучера, разъ подъ вечеръ поѣхалъ онъ на конецъ города, остановился около небольшаго домика, вошелъ въ него и пробылъ довольно долго. Провожать его вышла какая-то старуха. Послѣ этого купецъ часто по вечерамъ сталъ уходить изъ дома и возвращаться поздно. И никто изъ домашнихъ не зналъ, гдѣ онъ бываетъ, чего прежде не случалось.

Чрезъ нѣсколько дней Грязновъ выяснилъ: въ домикѣ, куда пріѣзжалъ Смирновъ, временно проживала какая-то красивая молодая женщина, по виду мѣщанка. Пріѣхала она въ городъ неизвѣстно откуда недѣли за три до отъѣзда купца, а черезъ два дня послѣ него также неизвѣстно куда исчезла. Старуха, хозяйка дома, разсказывала, что купецъ встрѣтился съ нею, какъ съ старою знакомою, поцѣловался. Послѣ женщина часто уходила изъ дома по вечерамъ, возвращалась поздно. За квартиру и столъ платила щедро, ѣла разныя сласти и пила дорогое вино.

Сдѣланное открытіе очень обрадовало полковника — выяснялась таинственность, скрывавшая за собою, можетъ быть, что-либо важное. Если женщина поѣхала въ ту же сторону, что и купецъ, то между ними это было условлено. Двухъ искать было уже легче. Свой докладъ Грязновъ закончилъ:

— Очень можетъ быть, ваше высокоблагородіе, что здѣсь-то и неладно что-то. Если, къ слову сказать, купецъ убитъ, то бабенка это все и оборудовала съ кѣмъ-нибудь. Надо поискать у „семейскихъ“ (раскольниковъ), можетъ, слѣдъ и найдется!

IX.

Прежде, чѣмъ посылать вахмистра на поиски, полковникъ рѣшилъ сдѣлать попытку добиться чего-нибудь отъ исправника, въ прикосновенности котораго къ дѣлу былъ почти увѣренъ. При этомъ онъ хотѣлъ прибѣгнуть даже къ хитрости и припугнуть друга покойнаго Смирнова, хотя и понималъ весь рискъ—неудача могла сильно повредить задуманному и принести большія непріятности самому полковнику. Тѣмъ не менѣе онъ отправился къ исправнику и попросилъ удѣлить ему полчаса, чтобы поговорить безъ свидѣтелей. Когда они заперлись въ кабинетѣ, онъ сказалъ:

— Будьте любезны, Николай Никифоровичъ, разскажите мнѣ всѣ подробности, все, что вамъ только извѣстно объ убійствѣ вашего

бывшаго пріятеля. Въ дѣлѣ, вѣдь, этомъ вы принимали такое участіе. Предупреждаю, что не праздное любопытство заставляетъ меня васъ безпокоить.

— Все, что зналъ по этому дѣлу, я сказалъ уже въ свое время и кому слѣдовало. Новаго же съ тѣхъ поръ ничего не узналъ. Впрочемъ, Иванъ Антоновичъ, если что нужно, я, пожалуй, могу и еще разъ повторить.

— Николай Никифоровичъ, выслушайте меня внимательно. Я понимаю, что если бы повелъ слѣдствіе обычнымъ путемъ, ничего бы не добился, хотя бы, допустимъ, вы многое и знали и даже, повторяю—допустимъ, сами принимали какое-либо участіе, разъ разоблаченіе воли почему-либо нежелательно. Уликъ, вѣдь, нѣтъ. Но я даю вамъ честное слово, что все сказанное между нами останется въ глубокой тайнѣ. Я пока добиваюсь только выясненія вопроса, дѣйствительно ли найденное тѣло принадлежало Смирнову, есть основаніе въ этомъ сомнѣваться. Подумайте,—человѣкъ томится на каторгѣ. Мало ли было примѣровъ, что, повидимому, неопровержимыя доказательства разбивались въ пухъ при выясненіи подчасъ самаго ничтожнаго обстоятельства. Прошу имѣть въ виду, что пока я говорю съ вами совершенно частнымъ образомъ.

— Все, что вы изволите говорить, меня сильно удивляетъ, г. полковникъ! Впрочемъ, я готовъ на допросъ, сказалъ, поклонившись, сухимъ тономъ исправникъ.

— Я выражусь нѣсколько яснѣе: тайное слѣдствіе мною давно ведется. Оно уже выяснило многое, выяснитъ, можетъ, и еще кое-что, крайне нежелательное для нѣкоторыхъ.

— Смѣю поинтересоваться, что же вы узнали? спросилъ исправникъ съ насмѣшливою улыбкою на губахъ, но и съ какою-то едва уловимою тревогою въ голосѣ.

— Извольте, если хотите, скажу: мы, напримѣръ, узнали, что Смирнова никто не убивалъ, что онъ живъ и здоровъ, что, впрочемъ, вамъ, Николай Никифоровичъ, лучше извѣстно! сказалъ рѣшительнымъ тономъ полковникъ.

— Иванъ Антоновичъ, шутить изволите! проговорилъ исправникъ; голосъ его при этомъ замѣтно дрогнулъ, а по лицу пробѣжало смущеніе, что̀ не ускользнуло отъ его собесѣдника, все время пристально, не спуская глазъ, смотрѣвшаго на него.

На нѣкоторое время водворилось молчаніе; полковникъ продолжалъ смотрѣть на исправника, старавшагося избѣгать его упорнаго взгляда.

— Ну, такъ какъ же? Подумайте сами, сказалъ снова полковникъ: находятъ мертвое тѣло. Эка, подумаешь, диво какое для сто-

ронки такой, какъ Сибирь! И новичекъ не заинтересуется имъ. А то старый исправникъ, бывшій много лѣтъ засѣдателемъ, спустившій съ рукъ, чтобъ „не возиться“, столько этихъ мертвыхъ тѣлъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего обращаетъ вниманіе на заурядное донесеніе, скачетъ самолично за сотни верстъ, чтобы удовлетворить праздное любопытство, подобно тому, какъ досужіе зѣваки бѣгутъ смотрѣть на повѣсившагося. Ну-ка, подумайте, что̀бы сказали вы, если бы вамъ пришлось обдумать такой поступокъ, хотя бы на моемъ мѣстѣ? Ошибку изволили сдѣлать, Николай Никифоровичъ, и не малую! Но, повторяю, все останется въ тайнѣ, если мнѣ сами разскажете. Хуже будетъ, если истина выяснится инымъ путемъ.

— Право, меня удивляетъ, что вы говорите, Иванъ Антоновичъ, проговорилъ исправникъ, сильно уже дрогнувшимъ голосомъ.

— До свиданія! сказалъ полковникъ, поднимаясь съ кресла. Подумайте надъ моимъ предложеніемъ и обѣщаніемъ сохранить все въ тайнѣ. Если завтра, часовъ въ пять вечера, вы не потрудитесь зайти ко мнѣ, я буду считать это за отказъ съ вашей стороны, и тогда мнѣ останется лишь донести кой-кому о результатѣ моего слѣдствія. До свиданія, буду ждать.

И полковникъ ушелъ; онъ видѣлъ смущеніе исправника, человѣкъ съ чистою совѣстью не такъ бы велъ себя. Офицеръ отъ восторга потиралъ руки и съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтра, зная уже, что исправникъ придетъ. И, дѣйствительно, въ назначенное время онъ пришелъ.

— Очень радъ васъ видѣть, Николай Никифоровичъ! пожимая руку, сказалъ полковникъ.

— Видите, я пришелъ къ вамъ, Иванъ Антоновичъ, только помните, что вы дали мнѣ честное слово.

— Торжественно даю его и еще разъ, но предупреждаю, что сообщеннымъ воспользуюсь для выясненія дѣла. Только будьте покойны, личность ваша не будетъ затронута.

— Вполнѣ вѣрю и поэтому слушайте:

— Какъ-то разъ позвалъ меня къ себѣ Андрей Поликарповичъ и, запершись со мною въ кабинетѣ, сказалъ мнѣ буквально слѣдующее: „Хочешь, говоритъ, заработать пять тысячъ?“—Конечно, говорю, хочу.—„Ну, такъ оборудуй мнѣ вотъ что: такъ недѣльки двѣ спустя послѣ моего отъѣзда, тебѣ донесутъ, что въ такомъ-то мѣстѣ найдено мертвое тѣло. Смотри, не перепутай касательно мѣста-то! Тогда выдумай что-нибудь (здѣсь-то и сплошалъ), поѣзжай самъ и въ тѣлѣ признай меня. Оно будетъ объѣдено собаками, которыя сойдутъ за волковъ; понимаешь? Признать-то въ тѣлѣ почесть никого будетъ нельзя, но ты въ немъ меня опознай вотъ по этимъ часамъ, ихъ всѣ, почитай, знаютъ. А какъ они туда попадутъ, не твоя печаль!“

Предложеніе это меня сильно удивило, хотя самодурство купца у меня давно уже вотъ гдѣ сидѣло! (исправникъ указалъ на шею). За то всегда былъ щедрый, надо правду сказать!

— На что это тебѣ, спрашиваю, комедь-то такую ломать, еще за тебя въ отвѣтъ попадешь! И не согласился.

Часто ко мнѣ подъѣзжалъ онъ съ этимъ предложеніемъ и соблазнялъ, и стращалъ. Сознаюсь, пять тысячъ не давали мнѣ покоя. Думалъ, возьму и брошу эту службу, пока цѣлъ; поѣду въ свою хохландію милую—тридцать лѣтъ ее не видалъ, стосковался по ней. Знаете это: „на тихи воды, на ясны зори, у міръ хрещеный, у край веселый“. Куплю себѣ тамъ хуторокъ, да и умру спокойно. Тридцать лѣтъ ловлю здѣсь каторжниковъ, подбираю тѣла, угождаю начальству да толстосумымъ самодурамъ. За службу свою скопилъ кое-что, а пять тысячъ хорошая была бы прибавка.

— Хорошо, говорю купцу, согласенъ! Купецъ это честь-честью деньги на столъ, ударили по рукамъ.—„Вѣрно, говоритъ, не обманешь, исполнишь?“

— Ладно, говорю, сдѣлаю! Только объясни мнѣ, пожалуйста, на кой лядъ тебѣ это?—„Такъ, говоритъ, шутку загнуть хочу, взбудоражить всѣхъ, а тамъ поживу годковъ нѣсколько на свободѣ вольною птицею, да и бухъ! какъ снѣгъ на голову! Здравствуйте, молъ, господа честные! Вы думали, Андрей-то Поликарповичъ упокойничекъ, а вотъ и нѣтъ! Накось, выкуси! А отчетъ подавай, что безъ меня дѣлали, какъ оборудовали! Вотъ что!“

Догадывался я смутно, зачѣмъ ему это, да шутъ съ нимъ! думалъ—какое мнѣ дѣло! Если до моего отъѣзда отсюда и объяснится, все же въ отвѣтѣ не буду: ну, ошибся! и весь сказъ. Одинъ Богъ не ошибается. А свидѣтелей-то нѣтъ никакихъ. Вотъ и все, Иванъ Антоновичъ! Вамъ удалось какъ-то узнать о моей прикосновенности—удивляюсь вашей проницательности. Радъ буду, если неповинный человѣкъ освободится, а я въ сторонѣ—и волки сыты, и овцы цѣлы.

— Благодарю за откровенность! сказалъ полковникъ. Жалѣть вамъ о ней не придется. Вѣрно, вашу вину не докажешь, хотя бы самъ Смирновъ донесъ на васъ. Но еще одинъ вопросъ: гдѣ теперь обрѣтается этотъ самый „упокойничекъ“?

— Этого ужъ вамъ никакъ не могу сказать! воскликнулъ исправникъ, разводя руками.—„Признай, говорилъ, и больше отъ тебя ничего не требуется“. Сознаюсь, я со страхомъ слѣдилъ за ходомъ слѣдствія. Ну да наши слѣдователи, сами знаете: одинъ, какъ составитъ себѣ „мнѣніе“, такъ и пошелъ подтасовывать подъ него всѣ обстоятельства, не собьете его. А другой, въ родѣ нашего милѣйшаго Андрея Петровича—лишь бы поскорѣе съ рукъ... А тутъ чего же

лучше: исправникъ призналъ и всѣ подтвердили—не стоитъ и головы ломать, хотя она и не „дворянская", впрочемъ.

— Эхъ! вѣрьте мнѣ, видитъ Богъ не солгу! Не одну ночь напролетъ я промаялся—совѣсть мучила! Жаль мнѣ было бѣднягу Баргузинова—хорошій онъ человѣкъ! А Марья Яковлевна, сколько горя она ужъ на своемъ вѣку испытала! Душа болитъ, да что подѣлаешь! Вы думаете, на самомъ дѣлѣ я другомъ былъ купца-то этого! Да развѣ его можно было любить! Вы про меня думаете — звѣрь-человѣкъ. А у этого звѣря есть любящее сердце. Сами знаете, сколько дѣтей-то у меня. Больно было бы оставить ихъ, не обезпечивъ. А какъ, если бы вы знали, хочется бросить скорѣе эту проклятую службу, этотъ скользкій путь, по которому опасно идти. Мало вы еще знаете нашу жизнь. Я поддался не сразу, боролся съ собой, а если и согласился, то, главное, вотъ почему: Смирновъ всесиленъ здѣсь со своими деньгами. Вы думаете, онъ успокоился бы! Какъ бы не такъ! Не удалось бы это, придумалъ другое, а я бы слетѣлъ съ мѣста. У насъ это дѣло обычное. И полетѣлъ бы ужъ за то, что не взялъ! И дуракомъ бы еще обозвали. Грустно все это! Помилуйте, столько лѣтъ вести эту жизнь, лавируя между собственной совѣстью, закономъ, который тебя не помилуетъ, если сорвешься, и освященными вѣками сибирскими порядками! Простите, что все это говорю. Я вижу, вы себя не жалѣете ради другихъ. И васъ подвести кто-нибудь можетъ, смотрите! Я знаю, вы не взяли у Сухова десять тысячъ—онъ, не понявъ такого высокаго поступка, васъ же, простите, чудакомъ называетъ. Вы человѣкъ съ иными понятіями. Мнѣ было бы больно, если бы вы оцѣнили мой поступокъ такъ, какъ онъ долженъ былъ бы казаться всякому, не посвященному въ нашу жизнь.

Все, что говорилъ исправникъ, звучало такъ искренно, такою правдою, что растроганный полковникъ съ чувствомъ только могъ пожать ему руку.

— Я радъ, — весело сказалъ онъ — что моя маленькая хитрость удалась, вѣдь все это я выдумалъ, чтобы только склонить васъ къ признанію. До свиданія, сказалъ онъ, когда исправникъ уходилъ, все окончится теперь хорошо—купца найдемъ, Баргузинова вернемъ, а вы поѣзжайте себѣ съ миромъ въ свою хохландію.

И еще разъ пожавъ крѣпко, по-пріятельски, другъ другу руку, они разстались.

X.

Собственно говоря, признаніе исправника подтвердило только догадки полковника и вселило бо̀льшую увѣренность въ успѣхѣ, да возбудило энергію къ дальнѣйшимъ поискамъ. Приходилось дѣйствовать по заранѣе составленному плану, т. е., посылать Грязнова. Но Смирновъ былъ живъ—это главное. Правда, Сибирь велика, но и такой корабль, какъ богатѣйшій купецъ, не могъ мелко плавать. Не такова была у него натура, чтобы стушеваться совсѣмъ и мирно зажить гдѣ-нибудь въ глуши.

Полковникъ поручилъ Грязнову повидаться, не возбуждая подозрѣній, съ Марьею Яковлевною, успокоить ее и взять нужныя для поисковъ деньги. Съ своей стороны онъ снабдилъ вахмистра свидѣтельствомъ, удостовѣрявшимъ его личность, посланную яко-бы для поимки важнаго преступника, и просьбою къ властямъ о содѣйствіи.

Еще при Петрѣ В. въ Сибири начали поселять раскольниковъ. Жили они по большей части отдѣльными селеніями, въ глухихъ мѣстахъ, къ которымъ вели чрезвычайно трудныя дороги. Раскольники занимались разными промыслами и еще кое-чѣмъ. Изстари сибирскіе повелители сами научили ихъ искусству жить въ дружбѣ съ властями, обдѣлывая темныя дѣлишки и оставаясь безнаказанными.

Грязновъ, проведшій многіе годы на службѣ, гдѣ сосредоточивались всѣ, такъ сказать, самыя сокровенныя тайны, зналъ очень многое. Онъ, напр., зналъ, что въ Сибири каждому можно было уйти отъ какихъ угодно поисковъ, если только „семейскіе“ [1]) соглашались взять на свое попеченіе. Они составляли замкнутое общество, слѣпо повинующееся своимъ коноводамъ. У нихъ во всѣхъ городахъ были свои люди, жившіе въ ладу съ властями и во̀-время ихъ въ случаѣ чего предупреждавшіе.

Зная все это, Грязновъ составилъ планъ дѣйствія. Онъ пустился въ путь, переодѣвшись купцомъ средней руки, и рѣшилъ прибѣгнуть къ своимъ свидѣтельствамъ, когда доведетъ дѣло до конца, а до того старательно избѣгать мѣстныхъ царьковъ — земскихъ засѣдателей. Если какой изъ нихъ былъ причастенъ къ дѣлу пропавшаго купца, что̀ было вполнѣ вѣроятно, то, узнавъ о цѣли посылки жандармскаго вахмистра, могъ бы разрушить весь планъ. Далѣе Грязновъ рѣшилъ

---

[1]) Въ царствованіе Елисаветы Петровны раскольники ссылались цѣлыми семействами.

обратиться къ раскольникамъ съ просьбою скрыть его отъ яко-бы поисковъ и помочь окольными путями выбраться въ безопасныя мѣста. Нравы раскольниковъ, ихъ даже ученіе ему настолько были извѣстны, что онъ надѣялся внушить къ себѣ довѣріе и выпытать отъ нихъ, что ему было нужно.

Дѣло шло къ веснѣ, что облегчало задачу во многомъ.

Свои поиски Грязновъ началъ съ Большаго села, лежавшаго недалеко отъ мѣста убійства. Въ немъ онъ прожилъ нѣсколько дней, узналъ, какимъ способомъ можно было завязать сношенія съ семейскими. Въ селѣ былъ одинъ крестьянинъ-извозчикъ — онъ-то и состоялъ въ какихъ-то таинственныхъ отношеніяхъ къ раскольникамъ. Позднимъ вечеромъ Грязновъ отправился къ нему и, сунувъ въ руку нѣсколько кредитокъ, сталъ просить отвезти его куда-нибудь, гдѣ бы онъ могъ скрыться отъ поисковъ. Крестьянинъ аккуратно сосчиталъ деньги и, расположенный его щедростью, успокоилъ Грязнова:

— Не сумлевайся, милый человѣкъ, доставимъ тебя куда слѣдуетъ! Не впервой. На другой день, подъ вечеръ, они отправились. Выѣхавъ за паскотину (огорожа кругомъ села), вахмистръ вступилъ въ бесѣду, признался, что совершилъ убійство „въ сердцахъ“ и убѣжалъ изъ острога. Словоохотливый возница пустился разсказывать о семейскихъ.

— Попасть къ нимъ, говорилъ онъ между прочимъ, что утонуть среди Байкала—не найдешь и мѣста, гдѣ пошелъ ко дну человѣкъ!

— Наставь меня, будь благодѣтелемъ! просилъ Грязновъ и для поощренія сунулъ крестьянину еще кредитку, что уже совершенно развязало ему языкъ.

— Я,—говорилъ Грязновъ—какъ убѣжалъ это, и думаю: проберусь-ка я въ ваше село. Мнѣ пріятели сказывали, что оттуда къ семейскимъ ушла одна бабенка, укравшая большія деньги, молодая, красавица. Начальству стало извѣстно, что доѣхала до села, а послѣ то-есть, какъ въ воду.

— Бабенка, говоришь? Да это мимо рукъ-то моихъ не должно было пройти. Съ семейскими-то я одинъ въ пріятельствѣ и состою. Да и то, много вашего брата бѣглаго шляется—всѣхъ не упомнишь!

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ Грязновъ заключилъ, что бабенка, ушедшая къ раскольникамъ и скрывшаяся изъ города, — одно лицо. На вопросъ, куда онъ его везетъ, крестьянинъ отвѣтилъ:

— Да туда, куда и всѣхъ—путь-то одинъ!

Наводилъ Грязновъ разговоръ про убійство купца, но безрезультатно. Крестьянинъ, конечно, зналъ это дѣло, такъ какъ и трупъ вскрывали въ ихъ селѣ, но, видимо, закулисная сторона ему не была извѣстна. Грязновъ и такъ былъ доволенъ, что сразу же попалъ на

настоящую дорогу. Если началомъ его не слѣдовалъ купецъ, то навѣрно попалъ на него послѣ. Начало было хорошее. Не будемъ слѣдить за дальнѣйшими похожденіями вахмистра. Крестьянинъ оказался правъ — „путь былъ одинъ“. Въ каждомъ селѣ Грязнова привозили въ тотъ даже домъ, куда попадали и другіе, заметывавшіе свои слѣды. Это были, такъ сказать, этапы „воровскаго пути“. Чѣмъ дальше по нимъ слѣдовалъ Грязновъ, тѣмъ бо́льшую встрѣчалъ откровенность — его считали уже своимъ. Скоро окончательно выяснилось, что здѣсь проѣзжалъ купецъ, что послѣ догнала его и „бабенка“, а далѣе они слѣдовали вмѣстѣ, но медледно, подолгу задерживаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Глушь всюду была страшная. Раскольники съ гордостью говорили, что къ нимъ даже самъ засѣдатель никогда не показывался. Многіе не имѣли никакого представленія о властяхъ предержащихъ. Въ своемъ родѣ сторонка эта могла назваться „Эльдорадо“.

Послѣ долгихъ странствованій Грязновъ выбрался, наконецъ, на большую Сибирскую рѣку. Роль семейскихъ оканчивалась — слѣдъ былъ заметенъ окончательно. Оттуда, нанявъ какое-нибудь суденышко, можно было удобно и безопасно слѣдовать дальше, выбраться на океанъ, свернуть въ Китай, куда хочешь. Но Грязнову удалось узнать, что Андрей Поликарповичъ со своею спутницею вовсе и не думалъ покидать предѣловъ отечества. Оба они никакихъ преступленій не совершали, а ломали только, какъ говорилъ исправникъ, „комедь“. Опасаться за себя имъ было нечего.

Прибывъ на конечный пунктъ этапа, Грязновъ не засталъ, конечно, купца, давно уже уѣхавшаго дальше, ему только сказали, куда Смирновъ направилъ свой путь. Названный городокъ съ каждымъ годомъ начиналъ пріобрѣтать въ Сибири все большее значеніе и привлекать къ себѣ піонеровъ разныхъ категорій. Въ немъ шелъ разнузданный до крайнихъ предѣловъ разгулъ, вино лилось широкою рѣкою. Туда-то въ качествѣ туриста и направилъ свои стопы живой мертвецъ Андрей Поликарповичъ Смирновъ.

Грязновъ задумался, что ему дѣлать дальше. Ѣхать за купцомъ было далеко. На этотъ счетъ все было заранѣ условлено. Самъ Грязновъ остался ждать, пока не получилъ приказанія возвращаться домой.

XI.

Между тѣмъ полковникъ, такъ близко принявшій къ сердцу печальную судьбу Баргузинова, въ силу чьихъ-то стараній, былъ переведенъ въ одну изъ самыхъ глухихъ губерній. Явствовало, что „его убрали“. Сбылось пророчество исправника. Скрѣпя сердце, полковникъ хотѣлъ уже было уѣзжать на мѣсто назначенія, но вотъ получена была отъ вахмистра телеграмма съ извѣстіемъ, что купецъ находится въ такомъ-то городѣ. Это сильно обрадовало полковника и заставило на время задержаться. Полетѣли телеграммы съ просьбами задержать и выяснить личность.

Дальнѣйшее соблюденіе тайны уже было не нужно. Прокуроръ въ свою очередь снесся съ кѣмъ слѣдовало. Довольно скоро полученъ былъ отвѣтъ, что въ городѣ дѣйствительно проживаетъ Андрей Поликарповичъ Смирновъ, и не думавшій скрывать своего имени, и что онъ отозвался полнымъ недоумѣніемъ на сообщеніе, что его считаютъ убитымъ.

Не прошло много времени, какъ оттуда же пришло подробное оффиціальное сообщеніе обо всемъ и о томъ, что Смирновъ до полнаго выясненія задержанъ. Баргузиновъ, какъ невинно осужденный, подлежалъ освобожденію. Объ этомъ не замедлило послѣдовать распоряженіе, благодаря энергичнымъ стараніямъ полковника.

Марья Яковлевна являлась теперь женою двухъ живыхъ мужей. Но это ее не особенно смущало. Отъ прежней безпомощности и покорности не осталось и слѣда. Она ужъ больше не поддастся тиранiи и будетъ гдѣ-либо жить съ Баргузиновымъ такъ, если ея хлопоты о разводѣ со Смирновымъ не будутъ имѣть успѣха.

Но разоблаченіе дѣла принесло пользу и полковнику. Въ отвѣтъ на его подробное донесеніе о своихъ дѣйствіяхъ ему было предложено новое мѣсто въ одной изъ лучшихъ губерній Европейской Россіи, которое его вполнѣ удовлетворило. Начальство увидѣло въ его стараніяхъ не духъ неуживчивости, какъ его аттестовали въ тайныхъ доносахъ, а лишь ревностное исполненіе своихъ обязанностей. Прежде чѣмъ уѣхать, полковникъ постарался устроить дальнѣйшую судьбу Баргузиновыхъ, положеніе которыхъ было очень неопредѣленное, особенно безъ денегъ, такъ какъ состояніе купца, когда выяснилось, что онъ живъ, было описано. Полковникъ отправился къ Сухову, котораго выручилъ когда-то изъ большой бѣды.

— Помните, Илья Сазоновичъ, сказалъ онъ ему, когда мнѣ удалось помочь вамъ, вы предлагали мнѣ въ видѣ благодарности что-то много денегъ.

— По гробъ буду помнить, готовъ хоть сейчасъ!

— Лично мнѣ и теперь ничего не нужно, но если исполните мою просьбу, буду вамъ благодаренъ.

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ, приказывайте!—сказалъ Суховъ.

— У васъ въ разныхъ мѣстахъ по торговымъ дѣламъ, какъ я знаю, живутъ приказчики. Примите къ себѣ на службу Баргузинова и устройте его гдѣ-нибудь подальше отсюда. Такого честнаго служащаго пріобрѣсти—кладъ. Если сдѣлаете, будемъ квиты—услуга за услугу. И еще: дайте имъ хотя не много денегъ впередъ на переѣздъ.

— Охотно все сдѣлаю. Придется шибко ссориться съ Андреемъ этимъ Поликарповичемъ, когда онъ, возставъ изъ гроба, пожалуетъ сюда. Ну да шутъ съ нимъ! Не любилъ я его никогда. Баргузинова, самое лучшее, я помѣщу въ Москвѣ, у зятя; это все равно—у насъ общее дѣло. Жалованіе ему положу хорошее. Тамъ, на Москвѣ, его прежній хозяинъ не достанетъ, да и знать-то не будетъ, гдѣ онъ. Пусть Марья Яковлевна ѣдетъ отсюда скорѣе въ Москву, пока ея первый благовѣрный не объявился. И Баргузиновъ туда, но, чтобы значитъ не вмѣстѣ. И денегъ дамъ, только, Иванъ Андреевичъ, передайте сами.

И, вынувъ изъ стола тысячу рублей, Суховъ передалъ ее полковнику.

Иванъ Антоновичъ крѣпко его поблагодарилъ и ушелъ отъ него сообщить поскорѣе обо всемъ Марьѣ Яковлевнѣ.

Молодые люди скоро навсегда покинули Сибирь, гдѣ перенесли столько страданій. Покинулъ ее и полковникъ, на долго оставивъ по себѣ въ городѣ и дурную и хорошую память.

Ев. А.

Нищенство державинскихъ крестьянъ.

(По подлинному дѣлу).

Вскорѣ послѣ смерти Гавріила Романовича Державина, жена его, Дарья Алексѣевна, живя въ своей усадьбѣ Званка, что на р. Волховѣ, была встревожена жалобой по поводу нерадѣнія ея о своихъ крестьянахъ. Ее обвиняли въ томъ, что она своею безпечностью довела крестьянъ деревни Антушева до крайней бѣдности, что поэтому они нищенствуютъ и собираютъ милостыню по окрестнымъ населеннымъ мѣстамъ. Дѣло это возбудилъ нѣкто фонъ-Фрикенъ, служившій баталіоннымъ командиромъ въ гренадерскомъ поселенномъ полку. Желая выдѣлиться точностью и бдительностью по службѣ, онъ оффиціально донесъ графу Аракчееву, что близъ округа, въ которомъ „имѣетъ высокую честь нести долгъ военной службы“, расположена деревня Антушева, принадлежащая покойному Державину.

Крестьяне ея обрѣтаются въ страшной бѣднотѣ и „получаютъ все пропитаніе прошеніемъ милостыни въ округѣ военнаго поселенія у солдатъ“. Фонъ-Фрикенъ заключаетъ, что такихъ крестьянъ ходятъ по округу десятки, цѣлыя семьи съ женами и дочерьми, при чемъ „отъ хожденія происходитъ большой безпорядокъ, особливо вредны женщины, заносятся въ поселеніе дурныя болѣзни“. Графъ послалъ бумагу управляющему министерствомъ полиціи. Дошло дѣло до тогдашняго новгородскаго губернатора Муравьева, который обязывался „неукоснительно и по законамъ“ прекратить прошеніе милостыни антушевскими крестьянами и понудить помѣщицу, чтобы она доставила имъ пропитаніе.

Мѣры были приняты самыя энергическія, и съ тѣхъ поръ крестьянинщіе перестали появляться въ округѣ съ торбами. Казалось бы, для чего идти дальше. Но губернаторъ, въ угоду графу, сталъ отыскивать корень зла, почему антушевцы впали въ бѣдноту и зачѣмъ собираютъ по міру хлѣбъ. Онъ поставилъ на ноги земскаго исправника, уѣзднаго стряпчаго и приказалъ имъ „наиподробнѣйше обслѣдовать это дѣло, отнесясь къ нищимъ со „всевозможной снисходительностью". Чрезъ этихъ чиновниковъ открылось, что въ Антушевѣ дѣйствительно господствуетъ голодъ; сами же крестьяне объяснили, что у нихъ мало пахотной земли, госпожа обременяетъ ихъ своими работами; они „многократно" будто бы просили ее объ облегченіи, но она не внимала ихъ „слезнымъ воплямъ", отказывала и нерѣдко, чрезъ управителя деревни, награждала ихъ побоями. Этого мало. Губернаторъ отправилъ дознаніе въ губернское правленіе и, какъ вершитель дѣлъ, производившихся въ правленіи, заключилъ сдѣлать предложеніе уѣздному предводителю, чтобы послѣдній совмѣстно съ ближайшими помѣщиками учинилъ дополнительное дознаніе и по пути внушилъ бы помѣщицѣ обязанности пещись о благосостояніи своихъ крестьянъ. Дѣйствительно, предводитель и помѣщики обнаружили новыя обстоятельства. Державина перевела нищенствующихъ крестьянъ изъ Витебской губерніи и не дала имъ для хозяйскаго обзаведенія никакихъ льготъ, между тѣмъ требовала отъ нихъ тяжелыхъ работъ и непосильнаго оброка. Но другая сторона медали гласила иное: крестьяне сами были лѣнивы и отличались нерадѣніемъ къ земледѣлію. Такимъ дополнительнымъ дознаніемъ г. Муравьевъ остался недоволенъ и вновь прибѣгнулъ къ содѣйствію чиновниковъ. Въ результатѣ ему сообщило губернское правленіе, что оно посылало въ Антушеву цѣлую коммиссію, которая точно и всесторонне обслѣдовала положеніе тамошнихъ крестьянъ. Со дня поселенія крестьянъ въ Новгородской губерніи они пользовались такимъ невниманіемъ помѣщицы, что быстро впадали въ нищету. Державина не видѣла, или, вѣрнѣе, не хотѣла видѣть этой нищеты и требовала отъ нихъ сборовъ въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ уплачивали крестьяне болѣе состоятельные. Кромѣ „необыкновенно великой бѣдноты", невниманіе и нерадѣніе помѣщицы подтверждается еще и тѣмъ, что въ ея деревняхъ проживаетъ 200 душъ, но въ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ у нея нѣтъ для своихъ крестьянъ „ни единаго зерна хлѣба". Д. А. Державина даже не устрашилась своей безпечности и тогда, когда узнала, что антушевскихъ крестьянъ взяли подъ покровительство правительственныя власти, раздали имъ хлѣбъ, принадлежащій собственно помѣщицѣ, безъ ея согласія. По этимъ свѣдѣніямъ губернаторъ предложилъ дворянской опекѣ принять въ свое завѣдываніе деревню Антушеву и выбрать

„благонадежнѣйшихъ сосѣдственныхъ двухъ помѣщиковъ“, которые обратили бы крестьянъ въ „достаточное состояніе“.

Не потребовавъ никакого отзыва отъ владѣлицы Антушева, Муравьевъ всѣ собранныя свѣдѣнія отослалъ къ высшему начальству. Дѣло поступило въ Правительствующій Сенатъ. Тогда сама Д. А. Державина написала министру полиціи объясненіе, опровергающее всѣ доводы мѣстной администраціи. По словамъ помѣщицы, недостатокъ въ хлѣбѣ у крестьянъ, переведенныхъ изъ Бѣлоруссіи, является отъ лѣности хлѣбопашцевъ и нерадѣнія ихъ къ сельскимъ работамъ, а также отъ привычки къ „бродяжеству для снисканія пропитанія“. Доказательствомъ тому можетъ служить то, что крестьяне другихъ деревень изъ державинской вотчины живутъ на одинаковой по качествамъ землѣ, но какъ занимаются усердно хлѣбопашествомъ, никогда просить милостыни не ходили. Крестьяне надѣлены землею по 12 дес. на каждое тягло; если таковаго количества имъ мало, то помѣщицей не возбраняется расчистка лѣса подъ пашню, но крестьяне по своей лѣности этого не дѣлаютъ и должны „винить себя сами“. На переѣздъ въ вотчину крестьяне ничего не затратили, а всѣ средства были предоставлены имъ еще покойнымъ Г. Р. Державинымъ. Барщиной они ничуть не отягощаются, если взять во вниманіе то, что работать на барскихъ поляхъ положено имъ лишь три дня въ недѣлю. Когда же крестьяне возятъ дрова и рубятъ лѣсъ, то вся провизія отпускается отъ помѣщицы, а самый трудъ распредѣляется соразмѣрно съ тяглами и поэтому непосильнымъ для нихъ никакъ не можетъ быть. Для себя же крестьяне могутъ рубить дрова, когда хотятъ и сколько угодно, такъ какъ лѣсомъ они надѣлены въ большой площади. Хлѣбная помощь отъ помѣщицы дѣлается всякій разъ, когда „нужда того требуетъ безоборотно“. Въ прошломъ году собранный хлѣбъ хранился тщательно и предназначался для раздачи крестьянамъ нынѣ, но крестьяне не сѣялись и зерна не брали; хлѣбъ этотъ свидѣтельствовалъ предводитель, который не откажется удостовѣрить наличность зерна въ магазинахъ. Державина не только не заботится о нуждѣ въ хлѣбѣ, напротивъ, она опасалась за недостатокъ собраннаго и купила на сторонѣ еще хлѣба, заплативъ за него болѣе 1000 р. Покупка осталась также на-лицо и хранится въ сельцѣ Званкѣ. Лошадей у крестьянъ было 33, но изъ нихъ продано 8. Остальныя лошади и двухъ дней въ недѣлю не бываютъ на господской работѣ, сѣна для нихъ достаточное количество, но онѣ изнурены, такъ какъ ходятъ на посторонніе заработки. Коровъ 38 штукъ, сѣна для нихъ также хватаетъ. Такимъ образомъ на каждое тягло приходится по одной коровѣ и лошади съ удовлетворительнымъ кормомъ. Ни одна просьба крестьянъ не была оставляема помѣщицей безъ вниманія, и

крестьяне никогда не наказывались по распоряженію госпожи. Гражданское начальство и земская полиція во все время не замѣчали стѣсненнаго положенія крестьянъ, и никто изъ послѣднихъ этимъ властямъ не заявлялъ о бѣдственности. Словомъ, Державина утверждала, что „слѣдователи“ извратили дѣйствительное состояніе антушевскихъ крестьянъ и что опека надъ деревней учреждена противъ закона, учреждена „къ явному угнетенію и оскорбленію“ помѣщицы.

Сенатъ „разсудилъ“, что губернаторъ только тогда былъ бы вправѣ отобрать деревню отъ Державиной, когда новгородское дворянство признало бы настоящее управленіе д. Антушевой отяготительнымъ для крестьянъ, но разъ въ собраніи дворянъ вопроса объ этомъ не возбуждалось, то губернаторъ поступилъ незаконно и даже превысилъ власть, предоставленную не ему, а общему дворянскому собранію. Поэтому Сенатъ рѣшилъ: опеку снять и дѣло передать на разсмотрѣніе дворянства.

Д. А. Державина, узнавъ, что дѣло объ антушевскихъ крестьянахъ передано на разсмотрѣніе мѣстнаго дворянства, обратилась письменно за покровительствомъ къ тогдашнему губернскому предводителю А. П. Путятину. Она писала: „Извѣстившись о вашей справедливости, я не стану отягчать васъ особыми просьбами моими. Званіе ваше предводителя, избравшаго васъ для поддержанія правъ своихъ, удостовѣряетъ меня, что вы не откажетесь быть моимъ защитникомъ, ибо вдовы и сироты—первыя имѣютъ право на вашу защиту. Я несправедливымъ и незаконнымъ образомъ обижена. Новгородское губернское начальство самопроизвольно отдало имѣніе мое въ опеку. Я приносила жалобы Правительствующему Сенату. Сенатъ принялъ оправданія, увидѣлъ незаконный поступокъ нашего начальства и приказалъ снять учрежденную надъ моимъ имѣніемъ опеку, но, желая соблюсти порядокъ, закономъ установленный, опредѣлилъ отдать дѣло мое на распоряженіе дворянства. Въ препровожденныхъ къ вамъ изъ Сената бумагахъ вы увидите всѣ мои оправданія. Прошу васъ внимательно разсмотрѣть оныя бумаги. Я опровергаю приписываемыя мнѣ вины собственными показаніями крестьянъ и слѣдователей; ни одного противозаконнаго поступка они приписать мнѣ не могли; всѣ обвиненія ихъ состоятъ въ словахъ, ни на какихъ доказательствахъ не основанныхъ. Къ большому оправданію моему служитъ и то, что крестьяне сіи, будучи уже подъ управленіемъ опеки, несмотря, что имѣютъ отъ меня готовый хлѣбъ, что всѣ поля ихъ моимъ хлѣбомъ засѣяны, что всѣ недоимки въ казну за нихъ заплачены, нѣсколько разъ утруждали правительство жалобами, которыя признаны несправедливыми; они даже и указа, объявленнаго имъ о снятіи опеки, въ уваженіе не

приняли, и что правительство до сихъ поръ не можетъ привести ихъ въ повиновеніе.

„Я отдаюсь на безпристрастный судъ вашъ и почтеннаго дворянскаго сословія, увѣрена будучи, что вы поддержите право своего сочлена, особенно же вдовы, не знающей никакихъ законныхъ обрядовъ, и тѣмъ оправдаете память покойнаго Гавріила Романовича, который въ теченіе жизни своей служилъ съ отличіемъ государю своему и всѣмъ жертвовалъ для пользы своихъ согражданъ. Увѣрена будучи, что я не тщетно прибѣгла къ вамъ съ сею моею просьбою".

Письмо это было написано въ селѣ Званкѣ, гдѣ нынѣ находится женскій монастырь и епархіальное училище для дѣвушекъ, и помѣчено: „30-го іюля 1818 г.".

Предводитель Путятинъ отвѣтилъ, что дѣло Державиной, въ силу приказанія Сената, онъ передалъ уѣздному предводителю и потому съ обстоятельствами близко незнакомъ, но тѣмъ не менѣе завѣрялъ, что „все будетъ исполнено безпристрастно, какъ требуетъ честь и долгъ въ подобныхъ случаяхъ отъ каждаго сочлена дворянскаго общества".

Чрезъ мѣсяцъ Державина вторично посылала предводителю письмо, вызванное, очевидно, перемѣщеніемъ губернатора Муравьева, который смотрѣлъ на антушевское дѣло не въ пользу помѣщицы. Она писала, что въ Новгородъ пріѣхалъ новый губернаторъ Жеребцовъ, а стараго уже нѣтъ; при чемъ въ концѣ просила: „прибѣгаю съ просьбою къ вамъ, яко къ особѣ, которая облечена довѣренностью дворянства и имѣетъ посреди его первенствующій голосъ". Затѣмъ добавляла: „Муравьевъ не успѣетъ участвовать въ разсмотрѣніи моего дѣла". Кстати при этомъ письмѣ была приложена краткая записка, раздѣленная въ письменномъ отношеніи пополамъ. Первая половина озаглавлена „Доносы", вторая—„Отвѣты". Записка ничего новаго изъ себя не представляла; въ ней были изложены всѣ тѣ обстоятельства, которыя Державина изъясняла Сенату.

Осенью Державина жила въ Петербургѣ. Въ то время былъ тамъ и предводитель Путятинъ. Она просила его лично помочь въ крестьянскомъ дѣлѣ; онъ далъ слово разсмотрѣть дѣло въ точности и принять живое участіе, чтобы оно кончилось благополучно для владѣлицы.

Между тѣмъ дѣло разсматривалось въ уѣздномъ дворянскомъ собраніи 10-го сентября, но предводитель молчалъ сообщеніемъ Державиной о результатѣ.

Не зная о рѣшеніи, Державина въ третій разъ писала Путятину: „Я просила васъ, какъ предводителя дворянства Новгородской губерніи, о покровительствѣ въ дѣлѣ моемъ объ антушевскихъ крестьянахъ, и вы обнадежили меня въ ономъ. Въ бытность вашу въ Пе-

тербургѣ вы подтвердили обѣщаніе сіе и обѣщали разсмотрѣть сами дѣло, не позволить меня притѣснять несправедливымъ образомъ и, ежели нужно будетъ, подать въ Сенатъ ваше по оному мнѣніе. Я рѣшилась напомнить еще разъ объ ономъ и просить содѣйствія вашего къ успѣшнѣйшему окончанію сего дѣла и о увѣдомленіи меня, чѣмъ оно будетъ кончено въ собраніи дворянства и, ежели можно, о присылкѣ копіи съ положенія онаго. Надѣясь, что вы, по извѣстной справедливости вашей, не откажете мнѣ въ просьбѣ моей“ [1]).

Но было уже поздно. Не безъинтересно привести подлинный отвѣтъ на это письмо предводителя: „Вашему высокопревосходительству извѣстно, что я находился въ Петербургѣ. Слѣдственно, не могъ участвовать въ разсмотрѣніи вашего дѣла, которое еще до возвращенія моего въ Новгородъ въ дворянскомъ собраніи разсмотрѣно и послѣдовавшее въ ономъ постановленіе представлено уже къ губернатору, согласно предписанія Сената. Теперь же, за рѣшеніемъ дворянскаго собранія, никакого мнѣнія по сему дѣлу дать я не могу. Съ положенія дворянства имѣю честь представить вамъ копію“.

Изъ копіи видно, какъ дворяне разсматривали антушевское дѣло. Они разсуждали, что антушевскіе крестьяне находятся въ безусловной бѣдности и угнетеніи со стороны помѣщицы, скота у нихъ нѣтъ, даже необходимаго хозяйственнаго обзаведенія не имѣется. Поэтому понятно, что крестьяне скитаются по міру. Помѣщица на это положеніе никакого вниманія не обращала. Въ доказательство сего дворяне приводили показанія крестьянъ, исправника, предводителя и совѣтника уголовной палаты. Бѣдность усматривается еще и въ томъ, что у каждой семьи по одной лошади, коровѣ и овцѣ, хлѣба высѣвается одинъ четверикъ на душу, потому что недостаточно скота, чтобы удобрять больше пашни.

Затѣмъ объясненія Державиной дворяне признавали неистинными. Если недостатокъ въ хлѣбѣ относился ею къ лѣнности крестьянъ, то она сама въ этомъ виновата, ибо не заботилась о принужденіи ихъ къ хлѣбопашеству и поэтому довела свою деревню до житья мірскимъ подаяніемъ. По словамъ Державиной, крестьяне, вскорѣ по переселеніи изъ Витебской губерніи, стали ходить на барскія работы. Слѣдовательно, они съ самаго начала лишены были возможности пріобрѣсти все нужное для безбѣдной жизни.

Помѣщица говорила, что работы ея не составляли обремененія для исправныхъ крестьянъ, но дворяне находили, что для такихъ крестьянъ, какъ антушевскіе, работы господскія слишкомъ обременительны, такъ какъ надо было запастись продовольствіемъ для

---

[1]) 1-го октября 1818 года. С.-Петербургъ.

себя и семействъ посредствомъ попрошайничества въ сосѣднихъ селеніяхъ.

Трудъ на лѣсныхъ работахъ также требуетъ достаточнаго питанія для человѣка, но если нѣтъ хлѣба, а лошадь безъ овса, то никакая работа на умъ не пойдетъ.

Объясненіе Державиной о хлѣбныхъ запасахъ, достаточности скота и пр. также были опровергнуты дворянами частью собственными соображеніями, частью показаніями слѣдственныхъ людей.

Такимъ образомъ Державину обвинили въ нищенствѣ собственныхъ крестьянъ и деревню Антушеву отдали подъ опеку благонадежныхъ помѣщиковъ.

А. Слезскинскій.

Изъ исторіи учебной реформы 60-хъ годовъ.[1]

(Отрывки изъ воспоминаній).

Шестидесятые годы XIX столѣтія были обильны у насъ разнаго рода реформами, проектами и мѣрами для улучшенія народнаго развитія и благосостоянія, хотя не всегда достигавшими намѣченныхъ цѣлей. Большой толчекъ къ многимъ благимъ начинаніямъ дало освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. На ряду съ упорядоченіемъ быта сельскаго населенія, являлась необходимость и въ созидательной работѣ, въ культурномъ прогрессированіи, въ умственномъ и просвѣтительномъ подъемѣ народа.

Первымъ дѣйствіемъ въ этомъ направленіи министерства народнаго просвѣщенія была разсылка, 24-го января 1862 года, директорамъ гимназій[2] „для подробнаго обсужденія“, „Проекта устава общеобразовательныхъ заведеній и плана устройства народныхъ училищъ“. Проектомъ этимъ, должно быть, съ цѣлью

---

[1]) Въ рукописномъ отдѣлѣ саратовской ученой архивной коммиссіи хранятся записки бывшаго директора Саратовской гимназіи ст. с. М. А. Лакомте. Въ виду возбужденныхъ нынѣ вопросовъ какъ по реформѣ средней школы, такъ и о всеобщемъ обученіи, мы полагаемъ умѣстнымъ, съ благосклоннаго разрѣшенія автора, издать нѣкоторыя не лишенныя интереса и значенія данныя этихъ записокъ, касающіяся переходнаго времени учебно-воспитательной реформы 60-хъ гг., составляющей, какъ извѣстно, послѣ крѣпостнаго права, первые шаги и знаменательную эру въ русскомъ народномъ развитіи и самосознаніи.

[2]) Они же были и директорами народныхъ училищъ въ губерніяхъ.

поднятія народной нравственности, предлагалось между прочимъ „предоставить наблюденіе за преподаваніемъ предметовъ законоучителямъ гимназій", отстраняя какъ бы тѣмъ отъ воспитательныхъ задачъ непосредственное гимназическое начальство: директора и инспектора, не говоря уже о классныхъ воспитателяхъ и преподавателяхъ.

Въ ту пору, говоритъ М. А. Лакомте, „среди учителей было направленіе, свойственное вообще духу времени". Педагогическій совѣтъ Саратовской гимназіи поэтому не согласился на предложенную мѣру „упорядоченія школьнаго образованія",—отвѣтивъ министерству, что „наблюденіе законоучителя за преподаваніемъ прочихъ предметовъ поставитъ учителя въ слишкомъ зависимое положеніе и тѣмъ самымъ лишитъ его самостоятельности, и вообще не только не будетъ споспѣшествовать общему дѣлу, но даже станетъ чѣмъ-то въ родѣ препятствія успѣшности учащихся и энергіи учителя".

Въ своихъ заключеніяхъ по затронутому вопросу совѣтъ пошелъ дальше, находя необходимымъ для пользы дѣла измѣнить и во многомъ существующій учебно-воспитательный строй и административную часть гимназій. По его взглядамъ, директоры среднихъ учебныхъ заведеній должны избираться педагогическимъ совѣтомъ изъ учителей на три года и утверждаться въ должности попечителемъ округа. „При выборѣ—не должно приниматься во вниманіе число лѣтъ службы учителя, а только качества, потребныя для успѣшнаго исполненія обязанностей, возлагаемыхъ на него этой должностью, при чемъ, дабы не отрываться отъ своихъ прямыхъ обязанностей, директоръ долженъ быть освобожденъ отъ классныхъ занятій".

При выборномъ началѣ „аттестація директора не должна имѣть мѣста. Общественное мнѣніе, говорили саратовскіе педагоги, число учащихся и ревизія замѣнятъ ее съ большею пользою" [1]). Совѣтъ хотѣлъ еще присвоить себѣ право избирать и преподавателей.

Относительно выбора книгъ для фундаментальной библіотеки, учебныхъ пособій и учебныхъ руководствъ, саратовскій комитетъ признавалъ болѣе удобнымъ, чтобы это право было предоставлено ему вполнѣ, т. е. безъ стѣсненія его дѣйствій въ этомъ отношеніи реестромъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Для опредѣленія содержанія, какое было бы необходимо для лицъ, служащихъ въ разныхъ должностяхъ учебнаго вѣдомства, учителя Саратовской гимназіи составили примѣрный бюджетъ расходовъ, на

---

[1]) Этого убѣжденія держались нѣкоторые педагоги и ранѣе, лѣтъ 50 назадъ. По крайней мѣрѣ, публичное испытаніе учениковъ Астраханской гимназіи, по желанію министерства, производилось 21-го іюня 1812 г. посторонними лицами. Этою мѣрою разсчитывали пріохотить родителей отдавать дѣтей въ гимназію. („Востокъ", 1867 г., № 45).

основаніи существовавшихъ въ то время цѣнъ, принимая за норму положеніе человѣка женатаго, имѣющаго трехъ дѣтей. Директору проектировалось содержаніе въ 3 тыс. руб,, старшимъ учителямъ—по 2 тыс. руб. [1]), при чемъ совѣтъ выразилъ желаніе имѣть для учителей и вообще лицъ, служащихъ по учебному вѣдомству, нѣсколько сроковъ на пенсію: за 15, 20 и 25 лѣтъ. По мнѣнію совѣта, награды какъ учителямъ, такъ и учащимся, давать не слѣдуетъ. „У послѣднихъ награды напрасно и преждевременно развиваютъ ихъ самолюбіе. Награды учителямъ—не нужны. Трудъ учителей долженъ быть правильно и достаточно вознагражденъ. Высказываясь противъ всякой выставки, торжественности въ жизни учебнаго заведенія, совѣтъ былъ противъ устройства актовъ въ гимназіяхъ“ [2]).

При обсужденіи мѣръ, содѣйствующихъ къ установленію болѣе раціональныхъ взглядовъ на преподаваніе, педагогическій комитетъ, состоящій при попечительномъ совѣтѣ гимназіи, призналъ полезнымъ взаимное посѣщеніе классовъ учителями низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія.

Было высказано много и другихъ пожеланій, къ сожалѣнію, не принятыхъ во вниманіе при разсмотрѣніи вопроса о реформѣ школы. Управляющій министерствомъ, статсъ-секретарь А. В. Головнинъ, призналъ лишь возможнымъ предоставить усмотрѣнію окружнаго начальства разрѣшеніе замѣны въ учебныхъ заведеніяхъ переводныхъ экзаменовъ репетиціями. Но введенное въ Казанскомъ округѣ предписаніемъ попечителя Ф. Ф. Стендера, распоряженіе это вскорѣ было отмѣнено. 26-го апрѣля 1863 года явилось циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія: „Обращая вниманіе на разногласіе и неопредѣленность методовъ преподаванія многихъ предметовъ гимназическаго курса, особенно русскаго языка и словесности, исторіи и естественныхъ наукъ“, министръ призналъ полезнымъ предложить преподавателямъ самимъ составить подробныя программы по каждому предмету, указавъ ходъ ученія по классамъ, учебные матеріалы, методы изложенія и употребляемые преподавателями при

[1]) До 1859 г. учителя гимназіи получали за 13 недѣльныхъ уроковъ отъ 385 до 395 р. въ годъ. И только въ этомъ году улучшено ихъ матеріальное положеніе; такъ было опредѣлено: старшему учителю 600 р., младшему 550 р., въ годъ, по какимъ окладамъ и до настоящаго времени исчисляется пенсія за выслугу 20 лѣтъ.

[2]) Намъ извѣстно по документамъ Астраханской гимназіи, что въ 40-хъ годахъ, при директорѣ М. С. Рыбушкинѣ, акты устраивались исключительно для того, чтобы дать отчетъ обществу въ обученіи и воспитаніи дѣтей, ввѣренныхъ гимназіи.

обученіи пріемы и „войти въ соображеніе объ устройствѣ въ г. Казани учительскихъ съѣздовъ, на которыхъ преподаватели могли бы въ живой бесѣдѣ доходить до разъясненія неопредѣленныхъ вопросовъ и взаимнаго соглашенія во взглядахъ на учебныя и воспитательныя начала".

Какія были собраны по этимъ вопросамъ матеріалы, къ сожалѣнію, намъ не извѣстно. Врядъ ли однако въ такой короткій срокъ (менѣе года) могли что-либо высказать на сдѣланный запросъ учебныя заведенія, особенно отдаленныхъ областей Россіи, такъ что, судя по этому, министръ скорѣе всего не захотѣлъ дожидаться на предложенные пункты объясненій провинціальныхъ директоровъ училищъ и самъ единолично рѣшилъ произвести учебную ломку.

Въ 1864 г., по его настоянію, былъ утвержденъ новый уставъ среднихъ учебныхъ заведеній, раздѣлившій гимназіи на классическія и реальныя. Послѣднія не давали правъ на поступленіе въ университетъ. Самому обществу впрочемъ было предоставлено рѣшать выборъ между этими гимназіями. Общество сочувствовало больше послѣднимъ; и многіе города выразили желаніе имѣть ихъ у себя. Но лишеніе права поступленія въ университетъ потомъ какъ бы вынудило эти города измѣнить свое рѣшеніе, и реальныя гимназіи вскорѣ превратились у нихъ въ классическія. Однако за недостаткомъ свободныхъ суммъ, преобразованіе ихъ дѣлалось не вдругъ, и многимъ пришлось ждать нѣсколько лѣтъ очереди.

Одновременно съ этимъ разрѣшеніе крѣпостнаго вопроса неминуемо должно было обратить вниманіе правительства на усиленіе грамотности среди простаго люда. Какъ для средняго, такъ и для низшаго класса, безъ сомнѣнія, нужна была школа, но школа народная, здоровая, чуждая какихъ-либо политическихъ тенденцій. Но какъ создать ее? Кто и какъ будетъ учить въ ней? Цѣль эту и преслѣдовалъ разосланный въ 1862 г. министерствомъ планъ устройства народныхъ училищъ.

Прежде всего необходимо было заведеніе новыхъ народныхъ школъ особаго уклада и строя и приготовленіе народныхъ учителей. Ради этой потребности,—чтобы „создать народнаго учителя, выработать его типъ, или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ этому типу", правительство рѣшилось учредить съ 1865 г., въ видѣ временной мѣры, педагогическіе курсы по два въ каждомъ учебномъ округѣ.

Въ Казанскомъ округѣ такіе курсы были открыты въ Казани и

Саратовѣ. Въ послѣднемъ городѣ завѣдываніе ими было возложено на инспектора гимназіи М. А. Лакомте съ званіемъ инспектора ихъ и преподаваніемъ въ нихъ педагогики, дидактики и русской исторіи. Они дѣлились на два класса: первый—теоретическій и второй—практическій.

Курсъ ученія на нихъ состоялъ изъ нѣсколько распространеннаго курса уѣзднаго училища съ добавленіемъ Закона Божія, педагогики, русскаго языка съ церковно-славянскимъ, русскихъ: исторіи и географіи, ариѳметики и краткаго естествознанія. На курсы поступали и кончившіе уѣздное училище. Но главный контингентъ слушателей состоялъ исключительно изъ неокончившихъ курсъ бѣднѣйшихъ семинаристовъ. Небольшая стипендія—8 руб. въ мѣсяцъ, давала имъ нѣкоторую поддержку къ существованію; стипендіаты занимались усердно, довольно читали, благодаря хорошо составленной при курсахъ библіотекѣ. Труды Ушинскаго, Паульсона и друг. были хорошо знакомы учащимся юношамъ, всѣми силами старавшимся достичь завѣтной цѣли.

Собственно правильнаго устройства курсы эти не имѣли. Оффиціально числились они при уѣздномъ училищѣ, гдѣ и должно бы, кажется, производиться обученіе учениковъ. Но такъ какъ преподавателями ихъ, кромѣ учителей уѣзднаго училища, были и учителя гимназіи, то для слушанія уроковъ ученикамъ приходилось переходить по нѣсколько разъ въ день изъ одного учебнаго заведенія въ другое, постоянно странствовать то въ гимназію, то въ уѣздное, то приходское училища, куда будущіе педагоги собирались для практическихъ занятій, слушали преподаваніе приходскихъ учителей и сами давали уроки, подъ руководствомъ своихъ наставниковъ.

Курсы однако просуществовали всего около шести лѣтъ, но, несмотря на такой короткій срокъ, многіе изъ слушателей ихъ потомъ съ большимъ успѣхомъ занимали мѣста народныхъ учителей въ Саратовѣ и Саратовской губерніи. Впослѣдствіи курсы послужили основаніемъ учительской семинаріи въ г. Самарѣ [1]).

Незадолго до закрытія ихъ саратовскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ было постановлено составить особую коммиссію для устройства учительской семинаріи въ Саратовской губерніи. Собраніе находило, что „лучшее рѣшеніе вопроса о народномъ образованіи въ губерніи главнымъ образомъ зависитъ отъ хорошо приготовленныхъ учителей“. Въ коммиссіи было высказано желаніе, чтобы учителями народныхъ школъ были люди, болѣе близкіе къ простому народу;

[1]) Открыта 17-го октября 1871 г. изъ числа пяти высочайше разрѣшенныхъ 17-го марта 1870 г., и просуществовала до 8-го іюля 1888 г.

разсуждали такъ: люди, вышедшіе изъ самаго народа и получившіе образованіе, станутъ, правда, выше своей прежней среды, но эта среда не будетъ имъ чужда ни по своимъ понятіямъ, ни по своей простой, часто скудной, обстановкѣ". Поэтому коммиссія остановилась первоначально на мысли учредить учительскую семинарію въ какомъ-нибудь селѣ и набрать туда учениковъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ, обучающихся въ народныхъ школахъ.

Къ сожалѣнію, осуществленіе этой мысли по многимъ причинамъ оказалось мало удобнымъ на практикѣ. Въ такомъ заведеніи, какъ учительская семинарія, успѣшное веденіе дѣла болѣе, нежели въ какой другой школѣ, зависѣло отъ личности завѣдывающаго этимъ учрежденіемъ; между тѣмъ весьма трудно найти человѣка, который, будучи отличнымъ педагогомъ, согласился бы жить въ деревнѣ, какъ трудно по той же причинѣ найти хорошихъ преподавателей.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, коммиссія остановилась на мысли устроить педагогическіе курсы при Маріинскомъ земледѣльческомъ училищѣ, въ 45 верстахъ отъ Саратова, въ Николаевскомъ городкѣ [1]).

Но, увы, ни одному изъ этихъ предположеній не суждено было вскорѣ осуществиться. Лишь нѣсколько лѣтъ спустя въ уѣздномъ г. Вольскѣ, при пособіи отъ земства, была открыта учительская семинарія, единственная на всю обширную Саратовскую губернію.

Какъ можно догадываться, этому обстоятельству помѣшало печальное событіе 1866 года. 4-го апрѣля было совершено первое злодѣйское покушеніе на государя императора Александра Николаевича. Какъ громомъ, поразило всю Россію это возмутительное происшествіе. Всѣ съ томительнымъ нетерпѣніемъ жаждали скорѣе знать, откуда и кто этотъ злодѣй, посягнувшій на драгоцѣнную жизнь царя-освободителя. Русское общество на первый разъ не могло подумать, чтобы этимъ злодѣемъ могъ быть русскій.

Общество готово было видѣть его скорѣе среди поляковъ. Каковъ же былъ ужасъ, когда до Саратова достигъ слухъ, что злодѣй этотъ—саратовецъ. Преступникъ оказался дворяниномъ Аткарскаго уѣзда, роднымъ племянникомъ извѣстнаго тамъ помѣщика Михаила Михайловича Каракозова [2]), измѣнившаго, послѣ того, съ высочайшаго соизволенія, свою фамилію на Михайлова-Рославлева.

---

[1]) Нынѣ на линіи Рязанско-Уральской жел. дороги.

[2]) Какъ можно судить по архивнымъ документамъ и разсказамъ старожиловъ, Каракозовы отличались нѣкоторой эксцентричностью. Одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ преступника, Петръ Владиміровичъ Каракозовъ, помѣщикъ Сердобскаго уѣзда, 45 лѣтъ, въ 1859 г. по опредѣленію саратовскаго губернскаго правленія былъ признанъ слабоумнымъ и помѣщенъ въ смирительный домъ.

Переполохъ въ Саратовѣ произошелъ громадный. Узнавши, что преступникъ учился въ Саратовской гимназіи, на смерть перепуганные событіемъ преподаватели стали искать его фамилію въ старыхъ ученическихъ спискахъ. Къ счастію ихъ, Каракозовъ былъ ученикомъ гимназіи самое короткое время. Дальнѣйшее образованіе онъ закончилъ въ Пензенской гимназіи, живя пансіонеромъ у учителя словесности Владиміра Ивановича Захарова.

Этотъ умный и талантливый преподаватель принужденъ былъ оставить службу, какъ воспитатель, „невольно отвѣчающій за направленіе дерзновеннаго юноши". Пензенское общество, глубоко возмущенное тѣмъ, что въ Пензѣ воспитывался злодѣй, покусившійся на жизнь царя, обратило свое полное негодованіе на педагогическій персоналъ гимназіи, такъ что послѣднему пришлось противъ общественнаго мнѣнія Пензы искать защиты у попечителя Казанскаго учебнаго округа (коему въ то время подчинялись училища Пензенской губерніи).

Слѣдствіемъ этого постыднаго событія было увольненіе отъ должности министра народнаго просвѣщенія Александра Васильевича Головнина, умнаго и просвѣщеннаго государственнаго человѣка, явившагося передъ императоромъ всей Россіи отвѣтственнымъ лицомъ за направленіе юношества. На мѣсто его 14-го апрѣля былъ назначенъ оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой.

Тотчасъ же по назначеніи его, М. Н. Катковъ посвятилъ особую передовую статью въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" личности графа. О немъ говорилось, какъ о человѣкѣ просвѣщенномъ, вполнѣ подготовленномъ къ высочайше назначенному ему посту; говорили, что это—человѣкъ съ замѣчательно твердымъ характеромъ, сильною волею, человѣкъ системы. Однимъ словомъ, радостно привѣтствовалось его назначеніе.

„Мы, разсказывалъ М. А. Лакомте, стали ожидать новаго духа, новаго направленія въ нашемъ министерствѣ. Сдѣлалось извѣстно, что, такъ сказать, распущенность въ словѣ и дѣятельности преподавателей нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній не будетъ болѣе терпима".

Въ началѣ 1866—67 учебнаго года новый министръ отправился для обозрѣнія учебныхъ заведеній Казанскаго округа. Спустившись по Волгѣ, онъ началъ свой обзоръ съ Астрахани. Ожидали его и въ Саратовѣ.

„Я всегда понималъ, говоритъ Лакомте, что большое счастье для учебнаго заведенія, если его посѣщаетъ главный начальникъ, ибо онъ самъ лучше увидитъ нужды заведенія. Конечно, страшно подвергнуться его замѣчаніямъ по службѣ, зато самъ онъ можетъ замѣтить и оцѣнить знаніе, дарованіе и трудъ преподавателя".

Однако не всѣ думали такъ. Многимъ наоборотъ далеко не было пріятно прибытіе министра. Поэтому 7-го августа (1866 г.) директоръ Саратовской гимназіи А. М. Соколовъ донесъ попечителю округа, что, вслѣдствіе появленія въ Саратовѣ холеры, по предложенію начальника губерніи, учебныя занятія закрыты.

Графъ пріѣхалъ въ Саратовъ 23-го августа и остановился на приготовленной ему квартирѣ въ частномъ домѣ. Къ нему немедленно явился съ докладомъ Соколовъ, и они долго бесѣдовали о нуждахъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Послѣ того, министръ выразилъ желаніе видѣть всѣхъ преподавателей, намѣреваясь вести съ ними бесѣду. Въ назначенный часъ того же 23-го августа учителя собрались въ лучшей комнатѣ гимназіи, библіотекѣ (актоваго зала въ то время еще не было).

„Графъ не заставилъ себя долго ждать, разсказываетъ Лакомте. Мы увидѣли предъ собой весьма молодаго (ему было 43 года) для поста министра государственнаго дѣятеля. Онъ былъ въ черномъ вицъ-мундирѣ (по званію оберъ-прокурора Сѵнода). Поклонившись намъ, онъ держалъ слѣдующую весьма понятную рѣчь“ [1]):

„По случаю холеры, я не засталъ васъ въ классахъ и потому лишенъ возможности видѣть васъ въ дѣлѣ. Но положеніе гимназіи мнѣ достаточно извѣстно, какъ по свѣдѣніямъ, которыя я имѣю изъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и по произведенной, по моему распоряженію, попечителемъ округа ревизіи гимназіи. Долженъ сожалѣть, что въ прежнее время въ вашемъ составѣ находились личности, которыя не должны были бы выступать на учительское поприще: онѣ принимали на себя эту важную обязанность не для пользы юношества, а ко вреду для него, для распространенія разрушительныхъ идей, послѣдствіемъ коихъ, какъ теперь оказывается на опытѣ, было умственное и нравственное развращеніе нѣкоторыхъ людей, сдѣлавшихся несчастной жертвою этой пропаганды. При мнѣ подобные преподаватели невозможны; я обязанъ предъ Священною Особою Государя Императора и предъ моею собственной совѣстью не допускать, чтобы училище, содержимое на счетъ правительства, обращалось въ притонъ противо-общественныхъ и противо-государственныхъ теорій; я обязанъ предъ родителями сдать имъ юношей благовоспитанныхъ и истинно, а не ложно образованныхъ, наконецъ, я обязанъ предъ самыми этими юношами способствовать тому, чтобы изъ нихъ образовались люди дѣльные и основательные, которые со временемъ поблагодарили бы внутри сердца своего своихъ наставни-

[1]) Напечатанную тогда же въ „Сѣверн. Почтѣ“, 13-го сентября 1866 г., № 196.

ковъ и руководителей, предостерегшихъ ихъ отъ ложныхъ путей. Я буду свято исполнять эту обязанность, пока буду занимать должность, возложенную на меня высокимъ монаршимъ довѣріемъ. Надѣюсь, и даже увѣренъ, что вы всѣ будете мнѣ въ томъ содѣйствовать, иначе и быть не можетъ".

Подъ личностями вреднаго направленія графъ несомнѣнно разумѣлъ извѣстнаго впослѣдствіи „ученаго публициста" Н. Г. Чернышевскаго, который одно время (въ началѣ 50-хъ годовъ) былъ учителемъ словесности въ Саратовской гимназіи. Но занимался ли во время этой службы онъ прямо или косвенно распространеніемъ вредныхъ теорій или по крайней мѣрѣ идей, объ этомъ трудно сказать положительно. Скорѣе всего, Чернышевскій врядъ ли всецѣло могъ быть обвиненъ въ томъ направленіи, которое впослѣдствіи оказалось вреднымъ. Во всякомъ случаѣ настоящіе преподаватели были совершенно невиновны, что Чернышевскій когда-то состоялъ учителемъ въ ихъ гимназіи, и еще менѣе могли быть отвѣтственны за него и за истекшее время. Эту мысль тутъ же, послѣ рѣчи, передъ министромъ выразилъ молодой преподаватель русскаго языка П. П. Бѣляевскій.

— А вы не знаете, сурово замѣтилъ министръ, что значитъ духъ заведенія, который въ немъ живетъ.

Графа, видимо, поразила смѣлость молодаго учителя. И впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, когда Лакомте представлялся ему въ качествѣ директора гимназіи, онъ вспомнилъ объ этомъ случаѣ и спросилъ послѣдняго, служитъ ли въ Саратовской гимназіи тотъ преподаватель, который „возражаетъ министрамъ".

Воспользовавшись пребываніемъ министра въ Саратовѣ, директоръ А. М. Соколовъ выразилъ готовность и возможность ввести въ Саратовской гимназіи греческій языкъ, чѣмъ и расположилъ графа въ свою пользу. Для начала занятій былъ рекомендованъ преподаватель духовной семинаріи Рыбаковъ[1]).

Впослѣдствіи, послѣ утвержденія 19-го іюня 1871 г. новаго устава гимназій, выработаннаго по программѣ графа Д. А. Толстаго, когда въ Саратовской гимназіи ввели и латинскій языкъ,—мѣстное общество было крайне недовольно этой реформой. По крайней мѣрѣ, когда

[1]) Преподаваніе греческаго языка, впрочемъ, было не новостью въ Саратовской гимназіи. До отмѣны преподаванія его въ 1850 г. тамъ былъ учителемъ греческ. яз. извѣстный составитель греко-русскаго словаря, ст. с. И. О. Синайскій. Когда въ 1837 г. императоръ Александръ II, будучи еще наслѣдникомъ, во время посѣщенія Саратова, присутствовалъ на урокѣ греческаго языка у преподавателя Ивашковскаго, ученики переводили ему о походахъ Александра Македонскаго.

въ 1874 г. директоръ М. А. Лакомте сталъ хлопотать о расширеніи гимназическаго зданія и былъ составленъ проектъ на перестройку его въ 21 т. р., земство отказало дать на то какое-либо вспомоществованіе „по совершенному нерасположенію общества къ введенному классицизму“. Также ничего не далъ и городъ, самъ округъ отказалъ въ пособіи. И лишь въ 1880 г. городское управленіе назначило на поправку зданія 25 т. р. „въ память 25-лѣтія царствованія Царя-Освободителя“...

П. Юдинъ.

Духовное училище старыхъ временъ.

Изъ воспоминаній.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, въ отличный августовскій день отецъ привезъ меня, десятилѣтняго мальчика, въ городъ Слуцкъ для опредѣленія въ уѣздное духовное училище. Остановились мы на постояломъ дворѣ. На другой день утромъ отецъ велѣлъ мнѣ получше одѣться, самъ одѣлъ лучшую свою рясу, съ прицѣпленной къ ней бронзовой медалью, наперсный крестъ на шею, и мы отправились въ училище. Позади насъ кучеръ нашъ несъ довольно тяжеловѣстый кулекъ, наполненный саломъ, ветчиной, колбасами и масломъ. Въ деревнѣ, когда мать собирала меня въ дорогу, я думалъ, что этотъ кулекъ предназначался для меня, а теперь я видѣлъ, что онъ предназначенъ для кого-то другаго. Училище находилось въ предмѣстьѣ, называемомъ „Тройчанами“, недалеко отъ центра города. Это было длинное и ветхое деревянное зданіе, стоявшее особнякомъ на огородѣ. По близости училища находился домъ меньшихъ размѣровъ, куда мы и вошли. Въ столовой насъ встрѣтилъ высокій, плотный и въ засаленномъ пестромъ халатѣ господинъ среднихъ лѣтъ, суровой наружности. Вмѣстѣ съ нимъ мы вошли во вторую большую комнату, при чемъ кулекъ остался въ первой, и человѣкъ нашъ былъ отправленъ. Убранство зала меня ничѣмъ не поразило, и мнѣ казалось, что у насъ дома, въ деревнѣ, обстановка была лучше. У одной изъ стѣнъ, выбѣленныхъ мѣломъ, стоялъ громадный, жесткій диванъ краснаго дерева и передъ нимъ столъ, покрытый запятнанной цвѣтной скатертью, и по сторонамъ стола два кресла, тоже изъ краснаго дерева. У другихъ стѣнъ стояли нѣсколько старыхъ стульевъ незатѣйливой работы и огромный пузатый комодъ изъ лакированнаго

клена. Полъ былъ некрашеный, но чистый. Суровый, съ черными бакенбардами, господинъ въ халатѣ усѣлся на диванѣ, отца пригласилъ сѣсть въ кресло, и мнѣ велѣлъ тоже сѣсть у порога на стулѣ. Разговоръ шелъ о принятіи меня въ училище, и въ то же время хозяинъ, взявъ стоявшую въ углу около дивана трубку съ огромнымъ чубукомъ, набилъ ее табакомъ и сталъ закуривать; когда онъ продѣлывалъ все это, то я замѣтилъ, что правая рука у него была какъ будто ненормальна; она не сгибалась свободно и кожа на пальцахъ какъ-то особенно лоснилась. Разговоръ продолжался съ полчаса; рѣчь шла о моей подготовкѣ, и послѣ того, какъ отецъ мой передалъ господину красную десятирублевую бумажку, господинъ, просіявъ отъ удовольствія, объявилъ, что я буду принятъ во второй классъ. Затѣмъ отецъ простился рукопожатіемъ съ господиномъ, который вышелъ въ столовую насъ проводить. Уходя, я замѣтилъ, что въ столовой принесеннаго нами кулька уже не оказалось.

Мы были теперь у инспектора Слуцкаго уѣзднаго духовнаго училища, титулярнаго совѣтника, Семена Ивановича Цѣлицы, человѣка, который во время пріема не показался мнѣ ничѣмъ особеннымъ, но котораго вскорѣ пришлось узнать, какъ самаго грознаго инспектора, который когда-либо существовалъ.

Отъ инспектора мы отправились на ученическую квартиру, которая находилась недалеко отъ училища и содержалась мѣщанкой Смольской, въ ея собственномъ домѣ. Тутъ на дворѣ мы увидѣли бричку и привязанныхъ къ ней тройку лошадей, которыя жевали сѣно. Отецъ замѣтилъ, что это пріѣхалъ кто-либо изъ учениковъ. Войдя въ комнату, мы увидѣли великовозрастнаго парня, который назвался Бирюковичемъ и объявилъ, что онъ „старшій квартиры“. Это и былъ пріѣхавшій.

Хозяйка, молодая, пригожая женщина, пригласила насъ въ свою комнату, и здѣсь отецъ повелъ съ ней разговоръ о моемъ помѣщеніи на квартиру; сошлись на 40 рубляхъ въ годъ за полное содержаніе, съ добавкой извѣстнаго количества крупы и сала, которыя отецъ обѣщался потомъ доставить. Въ настоящее время можно удивляться дешевизнѣ этой цѣны за полный пансіонъ, но для того времени это была очень хорошая цѣна, потому что тогда фунтъ отличнаго мяса стоилъ всего двѣ копѣйки, и все прочее соотвѣтственно этому было дешево. Хозяйка Смольская, очень радушная, сейчасъ же стала угощать насъ чаемъ и пригласила остаться у ней отобѣдать.

Къ вечеру отецъ, вручивъ Смольской часть условленной суммы, увелъ меня обратно въ гостиницу, и оттуда мы отправились по лавкамъ дѣлать разныя закупки домашняго обихода, которыя нужны были въ деревнѣ, а также и для меня нужно было кое-что купить.

На другой день утромъ, отецъ, окончательно водворивъ меня на новой квартирѣ, далъ на личныя нужды нѣсколько серебряныхъ монетъ, простился и уѣхалъ, оставивъ меня въ самомъ грустномъ настроеніи, среди чуждой мнѣ обстановки.

Съ этого времени началась для меня новая тернистая жизнь бурсака-второклассника, который болѣе всего долженъ былъ думать о томъ, чтобы его кто-либо не обидѣлъ. На первыхъ порахъ такого опасенія не существовало, потому что изъ учениковъ пріѣхали, за исключеніемъ старшаго Бирюковича, одни только новички, т. е. такіе же малыши, какъ и я, и классы еще не начинались и должны были начаться только недѣлю спустя, перваго сентября.

Мало-по-малу, наша квартира наполнилась пріѣхавшими учениками, и къ первому числу образовался ихъ полный комплектъ, около десяти человѣкъ. Въ задней непроходной и, слѣдовательно, болѣе удобной комнатѣ помѣстились старшій квартиры и другіе четвертоклассники, а въ другой, проходной, были поставлены кровати для двухъ третьеклассниковъ и четырехъ новичковъ, въ томъ числѣ и для меня.

Точно также къ этому времени наполнились и другія ученическія квартиры, находившіяся въ разныхъ мѣстахъ той же улицы. Открытію классовъ предшествовалъ молебенъ, на который были собраны всѣ ученики и на которомъ мнѣ пришлось впервые увидѣть начальство училища и весь учительскій персоналъ. Казенныя физіономіи въ вицъ-мундирахъ не показались мнѣ привлекательными, и менѣе всего былъ привлекателенъ инспекторъ Цѣлица, который уже теперь кое на кого прикрикнулъ.

Когда начались уроки, то стало завязываться общее знакомство между собою учениковъ всего училища, начались игры и драки, обычныя среди дѣтей. Но четвертоклассники, особенно изъ великовозрастныхъ, не снисходили до того, чтобы якшаться съ третьеклассниками и особенно съ первоклассниками и новичками. Четвертоклассникъ старался водить знакомство только съ четвертоклассникомъ, на ученика низшаго класса смотрѣлъ свысока и удостоивалъ его развѣ только оплеухи или тумака. Это и понятно, что четвертоклассникъ пренебрегалъ ученикомъ низшаго класса, потому что четвертоклассникъ инспекторомъ могъ быть всегда назначенъ старшимъ квартиры или же дежурнымъ, т. е. вродѣ надзирателя, обязаннаго обходить всѣ ученическія квартиры, прекращать безпорядки, записывать виновныхъ въ журналъ и росписываться въ журналѣ. Какъ старшій, такъ и дежурный имѣли право, если замѣчали какой-либо безпорядокъ или кто-либо жаловался на побои, ставить виновнаго на колѣни, бить „пали“, т. е. линейкой по рукѣ или даже сѣчь розгами, по своему усмотрѣ-

нію, или же только записать въ журналъ усмотрѣнное нарушеніе. Записаннаго въ журналъ наказывалъ потомъ инспекторъ. Виновный, котораго дежурный или старшій хотѣлъ высѣчь, долженъ былъ ложиться подъ розги самъ, а если не ложился, то его растягивали и наказывали. Власть дежурнаго или старшаго, которыхъ всѣ называли не иначе какъ господинъ дежурный или старшій, была настолько широка и вмѣстѣ неопредѣленна, что онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, высѣчь даже своего товарища-четвертоклассника. Само собою, что этой своей властью дежурные и старшіе широко пользовались въ отношеніи учениковъ низшихъ классовъ, и если не были слишкомъ строги по отношенію своихъ товарищей-четвертоклассниковъ, то это лишь потому, что власть ихъ была временная и каждый изъ четвертоклассниковъ въ каждый моментъ могъ быть инспекторомъ назначенъ и дежурнымъ, и старшимъ и, слѣдовательно, могъ бы такъ же поступить съ обидчикомъ своимъ товарищемъ, какъ съ нимъ было поступлено. Битье, истязаніе учениками другъ друга было широко распространено въ ученической средѣ. Тотъ, кто былъ сильнѣе физически, колотилъ слабѣйшаго. Слабосильные или смирные, застѣнчивые ученики постоянно терпѣли отъ болѣе взрослыхъ и жестокихъ мальчиковъ. Преслѣдованіе выражалось также въ дачѣ разныхъ обидныхъ прозвищъ. Жестокость прививалась ученикамъ самими педагогами. Вся педагогическая система была основана на битьѣ, тиранствѣ и ругани. Люди, даже добрые и мягкіе по природѣ своей, были такіе же палачи, какъ и жестокіе по природѣ.

Инспекторъ Семенъ Цѣлица принадлежалъ къ типу педагоговъ жестокихъ. Самая его свирѣпая наружность способна была внушить страхъ каждому. Его боялись не только ученики, но и содержатели ученическихъ квартиръ и даже евреи въ городѣ, которые убѣгали отъ его звѣринаго крика на улицѣ, оглашавшаго далеко улицу. Однажды онъ высѣкъ мужа моей хозяйки Смольскаго, человѣка пожилаго, который, однако, любилъ выпить. Кажется, за то онъ и былъ высѣченъ, что Цѣлица замѣтилъ его пьянымъ среди учениковъ. Въ другой разъ онъ высѣкъ за что-то взрослаго еврея на улицѣ. Понятно, что никто изъ этихъ постороннихъ лицъ и не думалъ жаловаться на Цѣлицу, потому что они какъ бы признавали власть надъ собой этого сильнаго человѣка. Къ тому же и жаловаться было бы безполезно, такъ какъ мировыхъ судей въ то время еще не было, а въ уѣздномъ судѣ даже черезъ годы нельзя было бы добиться торжества правды. Слухи о жестокости Цѣлицы дошли, наконецъ, до высшей духовной власти въ губернскомъ городѣ, и ему велѣно было сократиться подъ опасеніемъ увольненія въ отставку. Но въ мое время Цѣлицѣ не было еще надобности сдерживать себя, потому что въ то время смотрите-

лемъ училища былъ кроткій и набожный аскетъ, пріѣхавшій изъ академіи, какъ говорили, даже въ веригахъ, іеромонахъ Модестъ, впослѣдствіи архіепископъ Волынскій. Такъ какъ смотритель Модестъ былъ вскорѣ назначенъ также игуменомъ мѣстнаго монастыря, то онъ занимался больше дѣлами послѣдняго и въ дѣла училища мало вмѣшивался. Поэтому-то инспекторъ Цѣлица распоряжался въ училищѣ самовластно и неограниченно. Вотъ почему и мой отецъ, для устройства меня въ училищѣ, отправился не къ смотрителю, какъ бы слѣдовало, а къ инспектору. Надо полагать, что и все прочее духовенство, имѣвшее дѣтей въ училищѣ, обращалось только къ инспектору Цѣлицѣ.

Съ началомъ уроковъ, начались обычные визиты инспектора Цѣлицы по квартирамъ. Ученики, если это было днемъ, всегда могли, за минуту, за двѣ, быть предупреждены о приходѣ инспектора, потому что высокая, плотная фигура Цѣлицы, плывшая ровно, какъ корабль въ тихую погоду, по срединѣ улицы, съ красной палкой, загнутой крючкомъ, въ правой сухой рукѣ, была еще издали замѣтна, и въ такомъ случаѣ ученики предупреждались и приводили себя въ порядокъ. Но вечеромъ, въ темноту особенно, предупредить о шествіи инспектора не было возможности,— поэтому инспектору почти всегда удавалось застать безпорядокъ въ расплохъ.

Что считалось у Цѣлицы безпорядкомъ или неисправностію, это зависѣло отъ его расположенія духа, которое не всегда было одинаково. Иногда случалось, что Цѣлица, придя въ квартиру и даже заставъ шалость, не дѣлалъ никакого замѣчанія и, росписавшись въ журналѣ, уходилъ мирно. Но это случалось рѣдко, а большею частію инспекторъ являлся злой и раздраженный. Въ домѣ у него, въ семейной жизни, былъ, что называется, адъ; жена у него, хотя и была покорная овечка, но онъ вѣчно ее ругалъ, никѣмъ не стѣсняясь; дѣти же еще болѣе выводили его изъ себя. Старшій сынъ—ученикъ того же училища, учился плохо и отличался наклонностію къ воровству. Поэтому Цѣлица почти ежедневно наказывалъ своего Володю розгами, но и это, видно, не помогало. Однажды даже Володя отъ жестокостей отца убѣжалъ, вмѣстѣ съ другимъ ученикомъ Бернадскимъ, въ сосѣднюю деревню, гдѣ крестьяне заподозрили ихъ въ воровствѣ лошади и привели въ училище передъ лицо инспектора. Послѣ этого надъ виновными было учинено жесточайшее наказаніе розгами, съ особой публичной церемоніей казни, послѣ которой особенно тщедушный Володя долго хворалъ и чуть было не отправился на тотъ свѣтъ. Другіе сыновья Цѣлицы, еще малыши, тоже постоянно за что-то наказывались отцомъ. Когда Цѣлица у себя на дворѣ кричалъ: „Володя или Петя, адскій духъ, поди сюда“, то далеко было слышно на улицѣ.

Но на расположеніе духа инспектора Цѣлицы могла вліять также и бѣдность. Жалованіе онъ получалъ небольшое, рублей 400 въ годъ, такъ что если бы не приношенія духовенства, то, при своей многосемейности, жилъ бы очень скудно. Благодаря даровой провизіи, доставляемой деревенскими священниками, питался Цѣлица очень хорошо; столъ у него былъ сытный и обильный. Онъ держалъ двѣ женскія прислуги, которымъ плата въ то время была шесть рублей въ годъ, да, сверхъ того, ему прислуживали по очереди два училищные сторожа, которые отъ него вполнѣ зависѣли. Но обстановка казенной квартиры Цѣлицы, какъ мы видѣли, была бѣдная, и самъ инспекторъ не имѣлъ хорошаго костюма. Онъ неизмѣнно являлся въ классъ и на квартиры учениковъ въ одномъ и томъ же замасляномъ и коегдѣ заштопанномъ мундирѣ, который лѣтомъ перемѣнялъ на бѣлый китель. Енотовая шуба инспектора Цѣлицы была также предметомъ критики всѣхъ въ городѣ; ученики насчитывали въ ней не менѣе 20 заплатъ. На сапогѣ тоже имѣлась заплата. Жена инспектора появлялась въ церкви въ старомодномъ салопѣ, и малыя дѣти, лѣтомъ, на дворѣ и на улицѣ, изъ экономіи бѣгали безъ сапогъ. Но можетъ быть Цѣлица былъ также скупъ; весьма вѣроятно, что онъ копилъ деньгу, такъ какъ при дешевизнѣ жизни въ городѣ онъ все же, кажется, могъ бы справить себѣ лучшую обстановку и одежду.

Придя въ квартиру, Цѣлица обыкновенно разражался страшнымъ крикомъ и руганью по адресу какого-либо ученика. Обыкновенно его ругательными эпитетами были: „адскій духъ“, „аспидъ“, „извергъ“, „хамутъ“ (что̀ означало мужикъ), т. е. употреблялъ тѣ самыя выраженія, которыя характеризовали лучше всего его самого. Когда же Цѣлица былъ особенно взбѣшенъ, то ругался уже чисто по-мужицки. Затѣмъ кричалъ: „дежурный“ или „старшій“! „Лозы!“ Пучекъ лозы долженъ быть всегда заготовленъ, и если лозы почему-либо не было (за что̀ хранитель ея получалъ по меньшей мѣрѣ по „мордѣ“), то за лозой посылался ученикъ въ училище, гдѣ у сторожа всегда имѣлся достаточный ея запасъ. Менѣе виноватыхъ инспекторъ наказывалъ „палей“. Онъ кричалъ: „держи лапу“ и когда ученикъ протягивалъ ладонь, то, приподнявъ невысоко въ сухой рукѣ палку, ударялъ его такъ сильно, что у васъ, что называется, искры изъ глазъ сыпались. Иногда Цѣлица ограничивался однимъ ударомъ, а иногда давалъ два удара по каждой рукѣ. Ставленіе на колѣни и оставленіе безъ обѣда или ужина практиковалось рѣдко по той собственно причинѣ, что инспекторъ въ квартирѣ оставался недолго и слѣдовательно не могъ бы наблюсти за исполненіемъ этого наказанія. За какіе собственно проступки наказывалъ инспекторъ Цѣлица, никто изъ наказанныхъ не могъ бы себѣ этого объяснить, такъ какъ у Цѣлицы часто оказы-

вался виновнымъ первый попавшійся ему на глаза. Мѣстомъ наказанія Цѣлица нисколько не стѣснялся и учинялъ экзекуцію не только въ комнатѣ, но и на дворѣ, т. е. всегда на мѣстѣ совершенія преступленія. Я помню, какъ однажды зимой на рѣкѣ инспекторъ, заставъ учениковъ, катавшихся на конькахъ, послалъ за розгами, и тутъ же на льду велѣлъ разложить виноватыхъ и учинилъ имъ сѣкуцію. Лѣтомъ, когда Цѣлица водилъ учениковъ въ рощу гулять, то и здѣсь не обходилось безъ того, чтобы онъ кого-либо не выпоролъ.

Какъ педагогъ или преподаватель, инспекторъ Цѣлица строго придерживался системы зубренія и учебникъ, если разъяснялъ, то словами самаго учебника, который былъ въ его глазахъ чѣмъ-то въ родѣ Корана у магометанъ. Пріемъ преподаванія былъ обыкновенно таковъ: задавъ урокъ отсюда до сюда по учебнику, положимъ изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта, Цѣлица въ слѣдующій урокъ, придя въ классъ, послѣ обычной молитвы, садился на каѳедру и, развернувъ передъ собой принесенный учебникъ, начиналъ вызывать учениковъ либо съ первыхъ, либо съ послѣднихъ. На первой скамьѣ сидѣли лучшіе ученики, а на послѣдней самые худшіе или, такъ называемые, „ослы“. Если спрашиваніе прошлый разъ начиналось съ послѣднихъ, то теперь оно уже будетъ начинаться съ первыхъ. Въ этомъ случаѣ для „ословъ“ была та выгода, что, смотря по обстоятельствамъ, очередь до нихъ могла и не дойти, и они могли остаться неспрошенными, а слѣдовательно и не высѣченными за незнаніе урока.

Итакъ, вызывался первый ученикъ, который долженъ былъ выйти на средину класса, стать передъ лицомъ инспектора и отвѣчать урокъ слово въ слово по книжкѣ, въ которую смотритъ инспекторъ. Понималъ ли ученикъ то, что говорилъ, Цѣлица этимъ не интересовался, для него важно было лишь, чтобы отвѣчающій ничего не пропустилъ. Если онъ пропустилъ какое-либо слово или фразу, то такой отвѣтъ уже не годился, и Цѣлица, объявивъ, что не такъ, посылалъ отвѣчавшаго въ уголъ подчитать урокъ по своей книжкѣ и затѣмъ вызывалъ слѣдующаго. Если слѣдующій отвѣтилъ безъ ошибки, то садился уже первымъ, послѣ чего опять вызывался подчитывающій и долженъ былъ отвѣчать съ того самаго мѣста, гдѣ инспекторъ объявилъ, что не такъ. Если на этотъ разъ ошибки въ отвѣтѣ не было, то отвѣчающій, бывшій первый ученикъ, теперь садился вторымъ; если же онъ опять ошибался, то инспекторъ снова прогонялъ его подчитывать, но уже на колѣняхъ, и затѣмъ вызывалъ слѣдующаго по порядку. При такой системѣ спрашиванія случалось, что тотъ, кто плохо приготовилъ урокъ, черезъ постоянныя подчитыванія могъ съ первой

скамьи очутиться на послѣдней, и наоборотъ, кто-нибудь изъ „ословъ“, хорошо приготовившій урокъ, могъ передвинуться на первую скамью и даже сѣсть среди первыхъ учениковъ. Но тѣхъ, которые остались подчитывать до конца урока, ожидала обязательная порка по пяти, десяти или двадцати ударовъ, смотря по количеству подчитываній. Затѣмъ, задавъ новый урокъ и росписавшись въ журналѣ, инспекторъ приказывалъ читать молитву: „Достойно есть, яко во истину“ и удалялся изъ класса.

Придуманная инспекторомъ Цѣлицей система спрашиванія уроковъ посредствомъ подчитываній примѣнялась только имъ однимъ. Другіе преподаватели, если ученикъ не зналъ урока, просто ставили его въ уголъ на колѣни, гдѣ такой и оставался до звонка; но сѣченію все равно подвергались тѣ, которые были посланы на колѣни. Такъ что, если хотите, система инспектора Цѣлицы была гуманнѣе, такъ какъ при этой системѣ во время подчитываній можно было приготовить урокъ и не только избѣжать наказанія за незнаніе урока, но даже занять высшее мѣсто на скамьѣ.

Кромѣ священной исторіи Цѣлица преподавалъ еще чистописаніе въ первомъ и во второмъ классахъ, а также латинскій и греческій языки во всѣхъ классахъ. Поставивъ отмѣтку на тетради: „хорошо“, „очень хорошо“ и „порядочно“, либо „худо“, „весьма худо“, инспекторъ тутъ же подъ отмѣткой росписывался: „титулярный (а впослѣдствіи коллежскій ассесоръ) совѣтникъ Семенъ Цѣлица“. Полнымъ своимъ титуломъ онъ росписывался также въ журналахъ и на всякихъ, даже малозначущихъ бумагахъ.

Система преподаванія латинскаго и греческаго языковъ у Цѣлицы была та же самая система зубренія. Склоненія и спряженія у него ученики знали отлично, но усвоеніе языка ни мало черезъ это не достигалось. Кое-что переводилось съ греческаго языка, переводился Корнелій Непотъ съ латинскаго; но это дѣлалось такимъ образомъ, что Цѣлица самъ дѣлалъ переводъ, а ученики должны были за нимъ слѣдить и усваивать. На слѣдующемъ урокѣ требовалось, чтобы ученикъ уже самъ повторилъ переводъ. Упражненій съ русскаго языка на греческій или латинскій не дѣлалось и не требовалось.

Припоминая еще нѣкоторыя отдѣльныя черты инспектора Цѣлицы, я долженъ сказать, что онъ былъ особенно несправедливъ къ тѣмъ ученикамъ, родители которыхъ не могли или не считали нужнымъ задобривать его приношеніями. Такихъ учениковъ онъ систематически преслѣдовалъ, въ томъ, безъ сомнѣнія, разсчетѣ, чтобы заставить родителей придти на поклонъ. Цѣлица не любилъ также происхожденія изъ народа. Зная родословную каждаго ученика, онъ иныхъ ругалъ такъ: „Твой дѣдъ былъ мужикъ и отецъ твой происходитъ

изъ мужиковъ". Если мальчикъ былъ не изъ духовнаго, а изъ мѣщанскаго званія, то такого онъ ругалъ „разночинцемъ".

Титулярный совѣтникъ Семенъ Цѣлица еще при мнѣ, т. е. когда я былъ ученикомъ его, получилъ чинъ коллежскаго ассесора; само собою, еще черезъ три года онъ имѣлъ удовольствіе подписываться уже надворнымъ совѣтникомъ, но дальше этого чина, сколько онъ ни служилъ, по своей должности получить не могъ. Умеръ онъ лѣтъ 25 тому назадъ въ должности инспектора, выслуживъ полный пенсіонъ, которымъ пользоваться ему лично однако не довелось. Подъ конецъ своего инспекторства, Цѣлица, какъ уже было мной упомянуто выше, получилъ предостереженіе изъ губерніи быть помягче съ учениками и долженъ былъ смириться и умалиться, что̀ безъ сомнѣнія угнетающе подѣйствовало на его психію и, быть можетъ, ускорило его смерть; но до полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній и измѣненія программъ и методовъ обученія онъ не дожилъ. Онъ умеръ 70 лѣтъ отъ роду, оставивъ по себѣ неизгладимое воспоминаніе въ своихъ питомцахъ.

Инспекторъ Семенъ Цѣлица, можетъ быть, черезчуръ воплощалъ собою педагогическую систему, унаслѣдованную еще отъ XVIII вѣка, но и вновь присылавшіеся въ Слуцкое духовное училище смотрители и педагоги изъ молодыхъ академиковъ или студентовъ - семинаристовъ, въ сущности, по пріемамъ своимъ педагогическимъ мало чѣмъ отличались отъ Цѣлицы. Такъ вскорѣ послѣ смотрителя игумена Модеста, назначеннаго инспекторомъ въ Минскую духовную семинарію, на его мѣсто былъ присланъ молодой академикъ Т., который взялъ себѣ преподаваніе катехизиса, который ранѣе преподавался городскимъ протоіереемъ отцомъ Петромъ Кустовымъ. Я не знаю, какъ преподавалъ катехизисъ протоіерей Кустовъ, такъ какъ этотъ предметъ преподавался въ высшемъ классѣ, а я былъ въ низшемъ. Я помню сѣдаго старика Кустова только потому, что ученики часто смѣялись, указывая: „вотъ, смотрите, какъ отецъ Петръ пишетъ мыслѣте, т. е. букву М". Это означало, что выпившій протоіерей не могъ идти прямо по улицѣ, а ходилъ туда и сюда, какъ вообще ходятъ пьяные. Въ одно прекрасное время распространилась среди учениковъ вѣсть, что Кустовъ „воліею Божіею помре", и въ училищѣ ради его похоронъ не было уроковъ.

Смотритель Т., жгучій брюнетъ изъ малороссовъ, съ новенькимъ академическимъ значкомъ, пришпиленнымъ къ вицмундиру, сталъ преподавать катехизисъ по учебнику Филарета, составленному въ вопросахъ и отвѣтахъ. Казалось бы, что преподаватель долженъ бы задавать, по крайней мѣрѣ, вопросы, а ученикъ отвѣчать на нихъ. Между тѣмъ у Т. ученикъ долженъ былъ самъ себѣ задавать во-

просы и отвѣчать на нихъ. „Что есть вѣра?“ спрашивалъ ученикъ себя. Потомъ отвѣчалъ: „вѣра есть увѣренность въ невидимомъ какъ бы въ видимомъ, желаемомъ и ожидаемомъ какъ бы въ настоящемъ“. По поводу такого мало удобовразумительнаго отвѣта смотритель Т. не дѣлалъ никакого возраженія, или поясненія, потому что отвѣтъ былъ данъ слово въ слово по учебнику Филарета, и Т., хотя и былъ самъ богословъ, не считалъ себя въ правѣ мудрствовать надъ текстомъ столь авторитетнаго богослова, какимъ считался Филаретъ.

Если Цѣлица былъ просто жестокъ, то Т., можно сказать, былъ жестокъ до сладострастія. Онъ придумалъ сѣчь учениковъ, вмѣсто розогъ, крапивой, и при этомъ почему-то особенно заботился о томъ, чтобы не пачкалась одежда наказуемаго. Для этого велѣлъ наказываемому совершенно раздѣваться, одежду аккуратно сложить и положить на парту или стулъ. Самыхъ нѣжныхъ и красивыхъ мальчиковъ онъ сѣкъ чаще, чѣмъ другихъ. Никто изъ преподавателей не додумался также до того, чтобы ставить ученика голыми колѣнами на песокъ. Въ такомъ случаѣ ученикъ тоже долженъ полураздѣться. Видно было, что этому богослову-педагогу доставляли удовольствіе самое сѣченіе и вообще страданіе.

Смотритель Т. обладалъ прекраснѣйшимъ теноромъ, любилъ церковное пѣніе и устроилъ хоръ для собора Троицкаго монастыря. Соборъ этотъ не маленькій и единственный въ городѣ каменный храмъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ученической церковію. Одинъ изъ только-что присланныхъ въ училище преподавателей обладалъ басомъ удивительной силы и красоты. Въ этомъ басѣ сочетались одинаково самыя высокія ноты вмѣстѣ съ самыми низкими или октавой, что̀ такъ рѣдко бываетъ въ басахъ. И вотъ когда Т. съ этимъ преподавателемъ пѣли вдвоемъ на вечерней ирмосы по нотамъ Бортнянскаго, то получалось столь чарующее, божественное пѣніе, какого мнѣ во всю жизнь потомъ не доводилось слышать даже въ лучшихъ операхъ. Судя по голосу, можно было бы подумать, что смотритель Т. долженъ быть человѣкомъ мягкимъ, добрымъ, очаровательнымъ въ обращеніи съ людьми. А между тѣмъ это былъ человѣкъ очень жестокій. Когда онъ вскорѣ женился на мѣстной красавицѣ, то отравилъ ея существованіе. Впослѣдствіи, когда Т. былъ уже священникомъ и соборнымъ протоіереемъ и благочиннымъ въ другомъ городѣ, то жена его, какъ говорили, сбѣжала отъ него, и Т. для смягченія скандала объявилъ ее сумасшедшей. Протоіерей Т., вѣроятно, уже давно умеръ, а если еще живетъ, то ему должно быть лѣтъ 80.

Всѣ педагоги Слуцкаго духовнаго училища придерживались одной и той же системы зубренія и сѣченія, благодаря тому, что смотритель, инспекторъ, учителя и даже старшій или дежурный изъ учениковъ

имѣли право сѣчь, нѣкоторые изъ наиболѣе ограниченныхъ способностями учениковъ подвергались сѣченію по нѣсколько разъ въ день. Я помню въ особенности одного Гаховича, который до того притупился отъ постояннаго сѣченія, что подъ розгами, когда его стегали, даже не кричалъ. Такого ученика, который ни разу не былъ бы сѣченъ, хотя бы учился всегда хорошо и былъ поведенія примѣрнаго, не могло быть въ Слуцкомъ духовномъ училищѣ. Среди моихъ товарищей были двое такихъ, которые всегда по успѣхамъ шли первыми и отцы ихъ были священники богатые и съ вѣсомъ. Цѣлица долго крѣпился, чтобы ихъ не высѣчь, и за всѣ четыре года ихъ пребыванія въ училищѣ не высѣкъ ни разу; но послѣ послѣдняго экзамена, когда они скоро должны распрощаться съ училищемъ, вдругъ высѣкъ за что-то обоихъ въ одинъ часъ, для того, надо полагать, чтобы и въ нихъ оставить по себѣ прочную память.

Если педагогическая система была такова, что сѣченіе считалось лучшимъ воспитательнымъ средствомъ, которое въ свое время примѣнялось и къ самымъ воспитателямъ, то самые тихіе и кроткіе изъ нихъ люди безсознательно сдѣлаются тиранами. Въ Слуцкомъ духовномъ училищѣ были и такіе преподаватели, которые никогда не раздражались, не кричали, словомъ, тихіе „телята“, какъ ихъ называли, но однако и они столь же пунктуально сѣкли учениковъ, какъ и жестокіе въ родѣ Цѣлицы. Самъ ангело-подобный игуменъ Модестъ, за свое кратковременное пребываніе смотрителемъ училища, не мало пересѣкъ учениковъ, и сѣкъ даже молодыхъ послушниковъ монастыря.

Педагогическая система, которая была основана на зубреніи и сѣченіи, само собою, не могла поощрять развитіе самодѣятельности ученика, развитія его умственнаго усовершенствованія. Въ настоящее время имѣются кое-какія библіотеки для чтенія даже при народныхъ училищахъ, но въ то время при Слуцкомъ духовномъ училищѣ не было никакой библіотеки и ученики имѣли только учебники, купленные на собственный счетъ. Религіозность всячески внѣдрялась въ души учениковъ, но суевѣрія не искоренялись и были присущи столько же учащимся, какъ и самимъ учащимъ. Я помню такой фактъ. Однажды среди учениковъ распространился слухъ, что въ училищѣ поселился нечистый духъ или чортъ, который ночью произвелъ здѣсь страшный визгъ, шумъ и что парты погрызены. И дѣйствительно, на другой день всѣ могли видѣть, что парты погрызены. Когда же слухъ этотъ дошелъ до смотрителя Модеста, то Модестъ, не разслѣдовавъ дѣла и видя, что парты погрызены, сторожъ же училищный подтверждалъ о слышанномъ ночью въ классѣ шумѣ и стукѣ, сейчасъ же приказалъ собраться въ училище всѣмъ учащимъ и учащимся и началъ слу-

жить молебенъ для изгнанія изъ училища нечистаго духа. Между тѣмъ дѣло было просто: ночью кто-то заперъ въ классѣ собаку, которая бѣгала, стучала и погрызла парты. На завтрашній день сторожъ собаку выпустилъ, но не сознался въ томъ, что собака была заперта.

Нынѣ существующее въ Слуцкѣ духовное училище, безъ сомнѣнія, должно уже мало напоминать то, которое существовало 50 лѣтъ тому назадъ. Но какъ ни была плоха учебно-воспитательная система того времени, все же эта система не могла заглушить природныхъ хорошихъ свойствъ учащагося. Кое-кто изъ питомцевъ этого училища впослѣдствіи поступилъ даже въ университетъ, сдѣлался идейнымъ человѣкомъ, не сдѣлавшись карьеристомъ, въ чемъ полагаетъ успѣхъ большинство людей, выходящихъ нынѣ изъ заведеній самыхъ даже усовершенствованныхъ типовъ.

Мих. Вруцевичъ.

Воспоминаніе.

По поводу „Воспоминаній“ педагога В. Г. фонъ Бооля [1]).

Въ запискахъ Владиміра Григорьевича, къ сожалѣнію теперь сошедшаго въ могилу, есть одно мѣсто, которое горько отозвалось въ моей душѣ и вынудило сѣсть за столъ, взяться за перо, чтобы набросать эти строки съ просьбой къ редакціи помѣстить ихъ въ оправданіе памяти многихъ изъ сотрудниковъ Владиміра Григорьевича на нивѣ воспитанія русской молодежи 70-хъ годовъ, которая нынѣ стоитъ въ рядахъ дѣятелей родной земли. Былъ бы живъ Владиміръ Григорьевичъ, я, вѣроятно, ограничился письмомъ къ нему; но его нѣтъ, да и массы изъ лицъ, затронутыхъ въ его запискахъ, нѣтъ, а потому страницы журнала—единственный путь для возстановленія, хотя бы отчасти, правды.

Я воспитанникъ 1-й С.-ПБ. военной гимназіи того именно времени, которое такъ жестоко охарактеризовано Владиміромъ Григорьевичемъ, времени Е. К. Баумгартена; кончать мнѣ пришлось гимназію въ годъ ухода Е. К., быть однимъ послѣдняго его выпуска изъ подъ-крыла средней военной школы; послѣ каникулъ передъ отправкой въ военныя училища мы уже должны были получить напутствіе отъ генерала Носовича, не удостоившаго насъ даже свиданія, и мы ушли на дѣйствительную службу только подъ напутствіемъ распустившаго столь ужасно гимназію Ев. Карловича, а генералъ Носовичъ подалъ какую-то секретную записку о нашей распущенности.

Такого рода факты, какъ значительный процентъ выпускаемыхъ изъ 1-ой военной гимназіи въ 70-хъ годахъ въ спеціальныя воен-

[1]) Въ бытность военнымъ министромъ графа Д. А. Милютина въ 1876 году.

ныя училища, первое мѣсто среди военно-учебныхъ заведеній Петербурга, занятое 1-й военной гимназіей на внезапно устраиваемыхъ состязаніяхъ по письменнымъ работамъ,—эти факты, думаю, могутъ доказать, что или всѣ теоріи воспитанія не выдерживаютъ критики, или Владиміръ Григорьевичъ плохой педагогъ; послѣднее должно быть принято, такъ какъ первое предположеніе было бы абсурдомъ.

Лично Владиміра Григорьевича я почти не знаю, такъ какъ, поступивъ въ Кіевскую военную гимназію, я пробылъ въ ней всего одинъ годъ и былъ переведенъ за переѣздомъ отца въ 1-ую военную гимназію въ С.-Петербургъ; но, какъ воспитанникъ Кіевской гимназіи во времена пребыванія тамъ въ должности инспектора классовъ Владиміра Григорьевича, могу сказать, что его мы едва знали въ лицо; мы, дѣти, знали директора Г. П. Кузьмина-Караваева, не заслужившаго по воспоминаніямъ педагога любви автора, но заслужившаго добрую память воспитанниковъ своимъ ровнымъ обращеніемъ; знали мы суроваго на видъ, но добраго душой помощника инспектора В. Ф. Барсова. Невольно въ сопоставленіи съ инспекторомъ фонъ-Бооль въ моихъ глазахъ встаетъ другая личность П. Н. Бѣлохи.

Громкій скандалъ, разыгравшійся въ стѣнахъ 1-ой военной гимназіи въ 1876 году въ 1-мъ отдѣленіи VI класса, къ составу котораго принадлежалъ и пишущій эти строки, скандалъ, завершившійся финаломъ въ 1877 году, когда мы были уже въ VII-мъ классѣ, не показываетъ нашей распущенности, а скорѣй другое.

По истеченіи почти 30 лѣтъ со дня событія я ясно представляю, что, не растеряйся въ учительской, не найдись швейцаръ, во-время захлопнувшій парадную дверь, и, вѣроятно, не пришлось бы Марковину сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ и въ смирительномъ домѣ,—обвиняемыхъ въ растерзаніи Марковина было бы много, но они навѣрное были бы и судомъ, и общественной совѣстью оправданы.

Безобразное оскорбленіе, нанесенное Марковинымъ Порф. Никитичу, было единственно слѣдствіемъ вѣры въ людей потерпѣвшаго, его любви къ людямъ и постояннаго исканія въ нихъ лучшаго, дающаго возможность оправдательныхъ приговоровъ по ихъ поступкамъ.

Приглашеніе Марковина въ семью педагогическаго персонала 1-й военной гимназіи было большой ошибкой; но сожалѣніе къ бѣдности и приниженности были причиной того, что Марковинъ сдѣлался преподавателемъ исторіи и къ сожалѣнію попалъ въ мое отдѣленіе въ 5 классѣ. Съ первыхъ же уроковъ была замѣчена малая состоятельность новаго преподавателя; „отсюда до сюда“ по учебнику Иловайскаго, отсутствіе живыхъ разсказовъ, къ которымъ мы уже привыкли, дѣленіе класса на любимчиковъ и отверженныхъ,—все это слишкомъ шло въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ дѣла

въ заведеніи и къ сожалѣнію привело къ катастрофѣ,—избіенію въ классѣ Марковина тремя моими сотоварищами: З., М. и Яр. За что ихъ особенно не взлюбилъ Марковинъ, совершенно никому изъ насъ непонятно; но каждому была ясна какая-то скрытая вражда и ненависть учителя къ этимъ тремъ. Можно смѣло утверждать, будь извѣстно хоть намекомъ на предготовляющуюся драму, классъ сумѣлъ бы ее отклонить и предупредить; къ несчастью, все было подготовлено тремя въ полномъ секретѣ отъ остальныхъ товарищей.

Если Пор. Никитичъ во главѣ со многими изъ членовъ педагогическаго комитета сталъ на сторону класса въ вопросѣ обвиненія всѣхъ въ соучастіи и созналъ свою ошибку въ допущеніи подобной личности къ преподаванію, то вѣдь на сторону этого мнѣнія сталъ и Д. А. Милютинъ и далъ намъ возможность спокойно окончить курсъ. Отплата этому мнѣнію со стороны Марковина, занесшаго руку на столь уважаемую личность извѣстнаго педагога-человѣка, только доказала, что бываютъ люди, для которыхъ ничего нѣтъ святаго въ мірѣ.

Проступокъ нашихъ товарищей не былъ проявленіе дикой необузданности, своеволія, распущенности; — это былъ взрывъ оскорбленнаго чувства человѣчности, попранной однимъ недостойнымъ представителемъ педагогической корпораціи нашей гимназіи, корпораціи, которая всегда и всюду внушала намъ чувство правды и справедливости.

Къ дѣятелямъ гимназіи за мое время съ отрицательными качествами слѣдуетъ отнести преподавателя французскаго языка Феликса Андреевича Таксиса, столь памятнаго Полтавскому кадетскому корпусу. Строгія наставленія Пор. Ник., товарищескія наставленія бывшихъ сослуживцевъ по Полтавскому корпусу,—моего отца, Н. П. Ильяшевича, Д. С. Демина не могли, разумѣется, переродить натуру Ф. А. и его привычки, пріобрѣтенныя за много лѣтъ,—къ намъ въ гимназію онъ попалъ уже на склонѣ своей учительской многолѣтней дѣятельности.

Пожалуй и первое вступленіе было неудачно, такъ какъ онъ по непредвидѣнной случайности попалъ преподавателемъ въ мое отдѣленіе и чуть ли не первый урокъ далъ у насъ, а я весь былъ полонъ анекдотами про Таксиса и разсказами о немъ братьевъ и сестеръ, которые всѣ были его учениками. Понятно, не только нашъ классъ, а вся гимназія быстро была освѣдомлена о новой личности, вступившей въ семью нашихъ преподавателей. Преподаваніе французскаго языка имъ было ведено вполнѣ плохо; при лѣни разбираться въ журналѣ среди незнакомыхъ фамилій, ради хорошо извѣстной оей фамиліи мнѣ и приходилось чуть не каждый урокъ переводить от-

рывки изъ хрестоматіи Фену, что́ страшно надоѣдало, а среди класса столь скучное теченіе урока порождало желаніе разнообразить массой продѣлокъ чисто ребяческаго свойства, но вслѣдствіе остроумія приводившихъ Ф. Андреевича въ ярость, и мы должны были постоянно выслушивать его брань по адресу дворянскихъ дѣтей,—брань, прекратившуюся съ полученіемъ и самимъ Ф. А. дворянства съ орденомъ Владиміра 4-й степ. за 35 лѣтъ службы.

Если мы были распущены, по словамъ Владиміра Григорьевича, то, сопоставляя время своего ученія, всю послѣдующую жизнь свою и многихъ изъ своихъ товарищей, я искренно говорю, что дай Богъ, чтобы всѣ заведенія учебныя были столь распущены и чтобы воспитанники изъ нихъ выпускались съ тѣми воззрѣніями, какъ воспитанники 1-й С.-Петербургской гимназіи въ 70-хъ годахъ.

Въ заключеніе повторяю, что отрицательные факты тонутъ въ массѣ свѣтлаго, добраго.

М. Котельниковъ.

Изъ записокъ Кузьмина.

Разговоръ между королемъ неаполитанскимъ и генераломъ Милорадовичемъ на передовыхъ постахъ россійской и французской армій въ 23-й день сентября 1812 года, переданный мнѣ очевидцемъ, свидѣтелемъ его.

Король. Генералъ, скажите, извѣстны ли вамъ поступки вашихъ казаковъ? Они стрѣляютъ по фуражирамъ, которыхъ я посылаю въ разныя стороны; даже крестьяне ваши, вспомоществуемые ими, убиваютъ нашихъ отдѣльныхъ гусаръ.

Милорадовичъ. Я не скрою, что я очень радъ, что казаки наши въ точности выполняютъ данныя имъ приказанія; также мнѣ пріятно слышать изъ устъ вашего величества, что крестьяне наши показываютъ себя достойными русскихъ.

Король. Но это противно принятымъ повсюду обыкновеніямъ, и если это еще продолжится, то я принужденъ буду посылать колонны для прикрытія фуражировъ.

Милорадовичъ. Тѣмъ лучше, ваше величество, мои офицеры и солдаты жалуются, что уже три недѣли они остаются въ бездѣйствіи; они горятъ желаніемъ драться, брать пушки и знамена.

Король. Но къ чему стараться раздражать другъ противъ друга народы, которые достойны во всѣхъ отношеніяхъ взаимнаго уваженія.

Милорадовичъ. Я и подчиненные мои—мы всегда готовы оказывать вашему величеству и его войску уваженіе, но фуражировъ вашихъ всегда будемъ брать въ плѣнъ, когда только возможно будетъ, а разсылаемыя нами для прикрытія ихъ колонны будемъ всегда разбивать.

Король (съ досадой). Генералъ, непріятелей бьютъ не словами;

взгляните на карту, вы увидите завоеванныя нами у васъ провинціи и куда мы уже зашли.

Милорадовичъ. Знаю. Но Карлъ XII-й заходилъ еще дальше. Онъ былъ въ Полтавѣ.

Король. Французскія войска всегда были побѣдоносны...

Милорадовичъ. Но мы сражались только при Бородинѣ.

Король. Чрезъ это сраженіе мы овладѣли Москвой.

Милорадовичъ. Извините, ваше величество, Москва была русскими оставлена.

Король. Какъ бы то ни было, но мы все же владѣемъ вашею древнею и пространною столицею.

Милорадовичъ. Такъ, ваше величество, и эта мысль мучительна для каждаго русскаго. Это величайшая жертва, принесенная Россіею, но она уже начинаетъ пользоваться выгодами, происходящими отъ сей жертвы.

Король. Что вы хотите этимъ сказать?

Милорадовичъ. Мнѣ извѣстно, что императоръ Франціи посылалъ генерала Лористона къ нашему главнокомандующему для переговоровъ о мирѣ; я знаю, что ваши войска принуждены довольствоваться въ теченіе двухъ сутокъ, а иногда и болѣе тѣмъ, что едва достаточно для прокормленія ихъ въ однѣ сутки.

Король. Извѣстія вамъ доставлены, генералъ, ложныя...

Милорадовичъ. Я знаю, что король неаполитанскій пріѣхалъ къ генералу Милорадовичу просить пощады своимъ фуражирамъ и завести при этомъ родъ переговоровъ для успокоенія своихъ солдатъ, уже начинающихъ сильно роптать...

Король (видимо разсерженный). Посѣщеніе мое совершенно случайное; я хотѣлъ только открыть вамъ происходящія у васъ злоупотребленія; безпорядки и неустройство дисциплины суть великія несчастія для арміи, они ослабляютъ, истребляютъ ее...

Милорадовичъ. Но въ такомъ случаѣ вашему величеству надлежало бы оное поощрять въ нашей арміи.—Прекрасно то неустройство, которымъ мы истребляемъ французскихъ фуражировъ!

Король. Вы ошибаетесь на счетъ нашего положенія. Москва всѣмъ достаточно снабжена. Мы ожидаемъ безчисленныхъ подкрѣпленій, которыя къ намъ уже идутъ.

Милорадовичъ (улыбаясь). Неужели ваше величество полагаетъ, что мы дальше отъ нашихъ подкрѣпленій, чѣмъ вы отъ вашихъ!

Король. Я еще долженъ жаловаться вамъ въ разсужденіи одного важнаго обстоятельства, генералъ, я отдаюсь на ваше правосудіе, на вашу справедливость. Вы дважды стрѣляли по нашимъ парламентерамъ.

Милорадовичъ. Ваше величество! мы и слышать объ нихъ не хотимъ. Мы желаемъ сражаться, не переговоры вести. И потому примите ваши мѣры.

Король. Какъ? Поэтому я здѣсь не въ безопасности?

Милорадовичъ. Ваше величество на многое отважитесь, если въ другой разъ захотите придти сюда; но сегодня предоставляю себѣ честь проводить васъ до вашихъ войскъ. Гей! лошадь!

Король. Я никогда не слыхивалъ о такомъ образѣ войны!

Милорадовичъ. Я думаю, что ваше величество слыхали...

Король. Но гдѣ же это?

Милорадовичъ. Въ Испаніи.

Тутъ король, какъ бы пораженный неожиданнымъ отвѣтомъ, вдругъ перемѣнилъ тонъ и очень вѣжливо спросилъ генерала:

Гдѣ вы въ первый разъ вели войну въ званіи генерала?

Милорадовичъ. Конечно, еще памятенъ во Франціи походъ Суворова въ Италію. Я имѣлъ честь много разъ командовать авангардомъ генералиссимуса. Говоря это, они направились къ подведенной лошади.

Разсказъ казака Александра Земленухина графу Матвѣю Ивановичу Платову, записанный дежурнымъ подполковникомъ Краенокутскимъ.

Въ 1813 году въ мартѣ мѣсяцѣ, при занятіи русскими войсками города Гамбурга, былъ отправленъ, моремъ, съ этимъ извѣстіемъ въ Лондонъ казакъ донскаго казачьяго Сулина 9-го полка, Нагайской станицы, Александръ Земленухинъ, лѣтъ 60-ти старикъ, съ сѣдою большою бородою, по обычаю своихъ предковъ. Въ службѣ онъ былъ болѣе 35 лѣтъ. Почти 10 сутокъ онъ ѣхалъ до Лондона, гдѣ народъ, уже предувѣдомленный о прибытіи изъ Россіи казака, ожидалъ его на берегу, и какъ только Земленухинъ вышелъ на берегъ, въ толпѣ раздался крикъ: „ура, казакъ, ура!“ Толпа сопровождала его до дома русскаго министра графа Ливена, а оттуда до квартиры, ему назначенной въ городѣ, которая ежедневно была окружена любопытными зрителями, и, едва казакъ показывался, ему каждый разъ кричали: „ура, казакъ!“. Хватали его за руки, сильно трясли ему руки, толпясь около него. Нѣкоторые, желая выразить ему свою дружбу, приносили разные подарки, но онъ отказывался отъ всего, говоря, что они этимъ обижаютъ его, прибавляя: „Нашъ царь надѣлилъ насъ всѣмъ, мы ни въ чемъ не нуждаемся,—и сами можемъ даже помогать бѣднымъ людямъ; служимъ мы нашему царю не изъ корысти. Мы ни за какія богатства не уступимъ никогда никому нашей родины. У насъ есть старый обычай: не обязываться чужеземцамъ, а лучше самимъ помогать имъ въ нуждѣ. Коли самъ въ бѣдѣ, да въ нуждѣ, ищи помощи у своихъ, а за то старайся вдвойнѣ отплатить. Вотъ какой нашъ обычай, которому мы изъ старины придерживаемся; а потому прошу васъ, господа честные, дать знать здѣсь всѣмъ, что мнѣ денегъ не

надо. Спасибо вамъ за ласку вашу. Будемъ жить, какъ братья, любить другъ друга и вмѣстѣ бить нашего общаго врага".

На другой день это простодушное объясненіе казака было обнародовано, и уже никто не рѣшался болѣе обижать его предложеніемъ денегъ. Земленухинъ отказался принять и отъ наслѣднаго принца присланные ему въ подарокъ 1000 фунтовъ стерлинговъ. Этотъ похвальный и рѣдкій примѣръ безкорыстія привелъ англичанъ въ изумленіе, и король, въ знакъ особаго расположенія къ войску донскому, приказалъ сдѣлать для Земленухина всю военную сбрую, довольно дорогую, на казацкій образецъ: складную стальную пику, два пистолета, ружье, саблю, трость съ двиганьемъ зеркальной трубки, лядунку, перевязь, вышитую серебромъ и проч., подаривъ все это казаку Земленухину, взявъ себѣ въ обмѣнъ его нарядъ, для сохраненія между рѣдкостями и достопамятностями, что нѣкогда русскій казакъ былъ въ Лондонѣ. Дротикъ, которымъ казакъ воевалъ нѣсколько лѣтъ, былъ тѣмъ замѣчательнѣе для англичанъ, что конецъ пики немного согнулся отъ ударовъ, наносимыхъ казакомъ французскимъ латникамъ. Этотъ старикъ, несмотря на свои годы, своеручно ссадилъ нѣсколькихъ съ коней, научая молодыхъ, какъ владѣть дротикомъ въ дѣлѣ съ врагомъ отечества. На третій день прибытія его въ Лондонъ, его повезли въ каретѣ въ театръ, тамъ онъ сидѣлъ въ ложѣ съ знатными лордами; когда онъ входилъ въ нее, всѣ бывшіе въ театрѣ закричали: „виватъ императоръ россійскій Александръ, избавитель Европы. Виватъ атаманъ графъ Платовъ. Ура, казакъ Земленухинъ!" Послѣ всякаго дѣйствія, когда занавѣсь опускалась, повторялись эти крики. Казакъ отвѣшивалъ на всѣ стороны низкіе поклоны.

Всѣ знатные милорды старались имѣть у себя на обѣдѣ донца, садили его на первое мѣсто, или между дамами, пили большими стаканами вино за здоровье русскихъ, побѣдителей злодѣя вселенной. На пятый день казака повели въ Парламентъ, присутственное мѣсто англійскаго правленія, гдѣ государственные члены его ожидали. При входѣ его ему надѣли голубую ленту, пришпилили ему на грудь звѣзду, повели его въ присутственную залу и посадили на возвышеніе. Старшій членъ обратился къ собранію со словами: „Вы видите передъ собою донскаго казака, изъ числа тѣхъ русскихъ воиновъ, кои привели въ ужасъ изверга Наполеона Бонапарта и истребили всю его, такъ называемую прежде, непобѣдимую армію. Посмотрите на старика, покрытаго сѣдиною, — не обращая вниманія на лѣта свои, онъ прилетѣлъ на поле сраженія; нѣсколько тысячъ подобныхъ ему товарищей, многіе еще и старѣе его, прилетѣли защищать свою землю, гробы своихъ предковъ, драться за Бога и царя. Всѣ старики оставили свои жилища, свою семью, лишь бы доказать пламенную рев-

ность и спасти отечество. Не должны ли мы безпристрастно отдать справедливость русскому народу въ любви его и усердіи къ своему государю? Пожертвованія послѣдняго своего имущества были присылаемы отовсюду для доставленія отечеству средствъ попрать безчеловѣчныхъ враговъ. Всякій готовъ былъ жертвовать и терять все, лишь бы не допустить злодѣя достигнуть его цѣли: принудить своимъ низкимъ обманомъ Россію заключить постыдный для нея миръ. Это общее единодушіе, съ Божіею помощію, восторжествовало со славою. Такое рвеніе русскихъ избавило ихъ отечество отъ тирана, вселило ужасъ въ ихъ врагахъ не врываться впредь въ предѣлы Россіи; спокойствіе ея утвердили пролитіемъ своей крови, которая отплачена потерею непріятелемъ въ сто разъ болѣе. Послѣдуйте геройскому примѣру сего великаго народа. Злодѣй затрепеталъ уже и исчезаетъ передъ оружіемъ единодушнаго ополченія"... Послѣ сей рѣчи всѣ воскликнули: „Виватъ великодушные и храбрые русскіе. Да благословитъ Господь Богъ ихъ оружіе къ благоденствію всей Европы!" Тотчасъ поднесены были стаканы лучшаго вина, и начали пить за здоровье императора Александра, князя Кутузова Смоленскаго, атамана графа Платова со всѣмъ его донскимъ войскомъ, всероссійскаго войска и наконецъ самого казака Земленухина, который кланялся, благодарилъ всѣхъ присутствующихъ и выпилъ стаканъ за здоровье короля и всего англійскаго народа, возгласивъ три раза „ура!".

25-го марта былъ назначенъ день, въ который Земленухинъ показывалъ свои казацкіе пріемы и движенія на войнѣ. Триста человѣкъ англійской конницы ожидали на большой площади прибытія его. Съ ближайшихъ городовъ съѣхались по сему случаю нѣсколько тысячъ любопытныхъ зрителей. Десять отличныхъ лошадей были приведены къ дому, гдѣ жилъ казакъ, дабы онъ самъ выбралъ себѣ по желанію коня подъ сѣдло. Народу набралось такое множество, и толкотня была такъ велика, что казакъ не могъ хорошо осѣдлать себѣ лошадь на улицѣ и вздумалъ ввести ее къ себѣ въ комнату, что̀ произвело шумъ и удивленіе англичанъ. Осѣдлавъ и снарядивъ тамъ лошадь, онъ выѣхалъ на площадь. Народъ окружилъ его, иные хватали его за руки. Королевскій наслѣдный принцъ со своими придворными смотрѣлъ въ окно изъ своего дворца. Подъѣхавъ къ рядамъ уставленныхъ солдатъ, казакъ сказалъ: „я не ученъ наукамъ, по которымъ воюютъ великіе генералы и самъ Бонапартъ, придерживаюсь я природнымъ обычаямъ: бить врага безпощадно, — изнурять денно и ночно съ тылу, спереди и со всѣхъ боковъ тревожить его; предостерегать себя отъ неожиданныхъ нападеній и стараться хитростью ему неизвѣстною узнавать его силу. Прежде всего усмотрѣть непріятеля надо, а потомъ вышлемъ отрядъ". Пятьдесятъ человѣкъ

выѣхали впередъ, и казакъ приказалъ имъ ѣхать лавою, растолковавъ имъ, что это значитъ, какъ ѣхать каждому и какимъ образомъ примѣтить, гдѣ укрывается непріятель. Коль же скоро его завидятъ, то скакать во весь опоръ съ повѣсткою. Прочимъ же всѣмъ слѣзать съ коней, варить кашу и отдыхать до необходимаго случая. Спустя нѣсколько минутъ прискакиваетъ одинъ изъ посланнаго отряда съ извѣстіемъ, что непріятель показался въ близкомъ разстояніи. Казакъ закричалъ: „на коней безъ торопливости, ребята, теперь врагъ передъ нами, мы должны идти храбро въ ударъ. Укрѣпите дротики. Прежде помолимся Господу Богу“. Самъ скинулъ шапку, сотворилъ молитву, перекрестясь три раза... Онъ бросился впередъ и закричалъ: „Съ Божіею помощью впередъ, за мной, ребята, побьемъ врага“... Всѣ кинулись за нимъ вразсыпную, со всѣхъ сторонъ ловко ударили въ непріятеля. Казакъ объяснилъ имъ, что быстротою всегда можно привести врага въ смятеніе, не давая ему ни минуты опомниться. Разсыпаться же весьма нужно потому, чтобы тѣмъ сберечь людей отъ непріятельскаго огня, отчего и частые ружейные выстрѣлы почти остаются недѣйствительны.

Казакъ, скакавшій впереди, закричалъ: „Ура! наша взяла! непріятель прогнанъ и разбитъ!“ и поздравилъ съ побѣдою. Сіе движеніе всѣхъ зрителей привело въ восхищеніе, и народъ съ радостными восклицаніями провожалъ казака, повторяя ему въ слѣдъ: „виватъ донское войско!“

Всякій почти день дѣлали казаку англичане разные подарки, многія женщины снимали съ шеи свои золотыя цѣпочки и прочія вещи золотыя, просили казака принять на память. Между множествомъ подарковъ былъ одинъ платокъ весьма примѣчательный. На ономъ изображены портреты: россійскаго императора Александра I-го, князя Кутузова Смоленскаго и графа Платова, вокругъ коихъ представленъ наглый и послѣдній побѣгъ Бонапарта съ его фельдмаршалами и со всею его голодною арміею изъ Москвы, жалостно вопіющими къ русскимъ мужикамъ: „Камрадъ, хлѣба!“ Вслѣдъ за ними летятъ донскіе казаки съ пиками, пронзая ихъ насквозь по нѣсколько однимъ ударомъ; внизу же сдѣлана надпись: „изгнаніе чертей изъ святилища Архангеломъ Михаиломъ съ небесными силами“. Англійское правительство и народъ съ неизъяснимою радостью видѣли въ своей землѣ казака. Англичане доказали твердость своего характера, ничто не могло поколебать ихъ дружбы съ россіяниномъ. Англичане возвеличиваютъ каждый подвигъ, каждое пораженіе. Кровь жаднаго Бонапарта—неоспоримая честь и слава величественной гордости сего народа.

Портретъ донскаго казака Земленухина былъ выгравированъ въ

Лондонѣ и нѣсколько тысячъ его разослано по городамъ Англіи съ надписью: „ужасъ бѣглеца Бонапарта“.

Россійскій министръ графъ Ливенъ 2-го апрѣля представилъ казака наслѣдному принцу. Его королевское высочество съ искренностью обласкалъ донца; нѣсколько разъ дружески бралъ его за руку, отдавалъ справедливость въ усердіи русскихъ къ своему государю и отечеству. Благодарилъ за истребленіе французской арміи храбростью и неустрашимостью, свойственною русскимъ. Кронъ-принцъ подробно разспрашивалъ о казацкихъ движеніяхъ въ битвѣ и ихъ особыхъ пріемахъ, и какъ бьютъ они непріятеля. Донецъ со всей смѣлостью разсказывалъ свои подвиги, что̀ чрезвычайно понравилось его высочеству, и казакъ въ сей день былъ приглашенъ къ королевскому столу. Принцъ посадилъ его за обѣдомъ подлѣ себя, безпрестанно занимался съ нимъ разговоромъ и любовался старикомъ, который жертвуетъ остальные дни своей жизни на защиту отечества. Наслѣдникъ самъ пилъ за здоровье россійскаго императора, мужественной его арміи, предводителя войскъ князя Кутузова, атамана графа Платова съ донскимъ войскомъ и потомъ за здоровье казака Земленухина. Послѣ обѣда, когда казакъ, откланявшись, выходилъ изъ дворца, принцъ взялъ его за руку, трясъ ее и приказалъ кланяться отъ него атаману графу Платову и сказать ему, что онъ и весь народъ англійскій чрезвычайно уважаютъ его военные подвиги и что одинъ Богъ въ состояніи наградить его за его неутомимые труды и услуги своему государю и отечеству. Бывшій тоже тогда въ Лондонѣ гр. Воронцовъ велѣлъ казаку приходить къ нему каждый день. На Страстной недѣлѣ его сіятельство вмѣстѣ съ казакомъ говѣлъ по христіанскому обряду и на Свѣтлое Воскресенье Спасителя нашего разговѣлся съ казакомъ.

На второй недѣлѣ послѣ Пасхи казакъ Земленухинъ былъ отправленъ обратно изъ Лондона къ россійской арміи. Всѣ въ Лондонѣ съ сожалѣніемъ провожали его, просили передать ихъ поклоны его атаману графу Платову и храбрымъ товарищамъ, прибавляя: „мы желаемъ и впередъ всегда слышать о вашихъ побѣдахъ“.

Можно быть увѣреннымъ, что если бы Земленухинъ былъ не старикъ 60-ти-лѣтній и не имѣлъ бы семьи, то его убѣдили бы въ Лондонѣ жениться на англичанкѣ, въ чемъ было общее ихъ желаніе. Англичане, убѣдившись въ невозможности этого желанія, наконецъ, употребили другіе способы, чтобы согласить его добровольно поселиться у нихъ въ Англіи, обѣщая ему дать хорошую землю и устроить его хорошо. Но всѣ ихъ старанія были безуспѣшны, онъ благодарилъ ихъ и отвѣчалъ: „Я низачто не промѣняю на златыя ваши палаты мою покойную хижину милаго Дона; хочу умереть на той землѣ, гдѣ наши

отцы и дѣды свои кости положили! Ихъ прахъ для меня дороже всѣхъ сокровищъ. Что скажетъ мнѣ моя совѣсть, если я соглашусь бросить свою старуху жену, дѣтей и моихъ родителей. Они проклинать меня будутъ до гроба. А и самъ я осиротѣю на чужой сторонѣ и ужъ не буду счастливъ и потеряю свой покой. У насъ называется благословеніемъ Божіимъ, чтобы умереть среди своей семьи или на полѣ сраженія за свое отечество. Вотъ въ чемъ наше общее блаженство. Мы счастливы и довольны своимъ жительствомъ".

Возвратившись изъ Англіи, Земленухинъ явился немедля къ своему атаману графу Платову, и разсказъ его былъ подтверждаемъ многими лицами, пріѣхавшими изъ Лондона. Онъ привезъ съ собою англійское оружіе, которое ему подарилъ король Англіи. Графъ Платовъ представлялъ сего стараго казака лично императору Александру II и прусскому королю. Потомъ за его хорошее поведеніе и честные въ Лондонѣ поступки произвелъ его въ урядники, уволилъ его на Донъ въ домъ на покой. Для поощренія другихъ графъ Платовъ еще наградилъ урядника Земленухина деньгами и приказалъ дать знать по всѣмъ станицамъ, чтобы его, Земленухина, ни въ какія должности по внутренней службѣ не употреблять.

Сообщилъ **Александръ Краснокутскій.**

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1905 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Записки Василія Антоновича Инсарскаго . .	5—23
II.	Изъ воспоминаній по управленію С.-Петербургскимъ домомъ предварительнаго заключенія М. Федорова	61—93
III.	Записки П. Н. Глѣбова . 94—112, 241—282,	494—558
IV.	Записки стараго актера. П. Р. 113—137, 387—413,	559—575
V.	Н. Г. Чернышевскій (по воспоминаніямъ и разсказамъ разныхъ лицъ). Н. В. Рейнгардта	447—476
VI.	Изъ исторіи учебной реформы 60-хъ годовъ. П. Л. Юдина.	683—692
VII.	Духовное училище старыхъ временъ. Мих. Вруцевича.	693—704
VIII.	Воспоминаніе. М. Г. Котельникова. . .	705—708
IX.	Изъ записокъ Кузьмина	709—711

Портреты.

I. Портретъ генералъ-лейтенанта Порфирія Николаевича Глѣбова.
(При 1-й книгѣ).

II. Двѣ гравюры дома, гдѣ жилъ императоръ Александръ I во время пребыванія въ Черновцахъ.
(При 2-й книгѣ).

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. Матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Бытовые очерки В. П. Лободовскаго	24—60, 362—386
II.	Къ исторіи освобожденія крестьянъ. Н. Лернера	138—153
III.	Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. П. М. Майкова	154—169
IV.	Ив. Серг. Тургеневъ въ ссылкѣ. 1852—1853 г. Н. Гутьяра	170—192
V.	Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ и его архивъ. П. М. Майкова	193—210
VI.	Тарговицкая конфедерація. В. В. Тимощукъ	211—240, 335—361
VII.	Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка. В. В. Тимощукъ	283—308, 481—493
VIII.	По дѣлу о Петрашевскомъ	309—334
IX.	Борьба съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. М. Лахтина	414—427
X.	Копія вѣрительной грамоты, данной императрицею Екатериною II, 18-го апрѣля 1782 г., князю Дмитрію Голицыну и Аркадію Моркову. Сообщ. В. Щегловъ	428—432
XI.	Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1829 году. П. Вигель-Панчулидзева.	433—446
XII.	Къ исторіи Харьковскаго земскаго ополченія въ 1812 г. І. А. Горновскаго	576—598
XIII.	Новосильцевъ о конституціи царства Польскаго. Проф. Дм. Цвѣтаева	599—605
XIV.	Восточная политика Наполеона	606—643
XV.	Живой мертвецъ. Ев. А	644—675
XVI.	Нищенство державинскихъ крестьянъ. А. С. Слезскинскаго	676—682
XVII.	Разсказъ казака А. Земленухина графу М. И. Платову. Сообщ. А. Краснокутскій	712—717

Библіографическій листокъ.

1. **Проф. Мих. Грушевскій.** Очерки исторіи украинскаго народа. С.-Петербургъ. 1904 г. Цѣна 2 руб.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ январской книги).

2. Уткинскій сборникъ. I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Съ 4 портретами. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Изданіе М. В. Беэръ. Москва. 1904 г. Цѣна 2 руб. — Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ февральской книги).

3. **Ал. Шумахеръ.** Императоръ Александръ II, историческій очеркъ его жизни и царствованія. Четвертое, вновь переработанное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1905.—Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ мартовской книги).

Возложивъ на себя царскій вѣнецъ, императоръ Александръ II немедленно приступилъ къ подготовкѣ тѣхъ великихъ, исполненныхъ человѣколюбія и справедливости, государственныхъ преобразованій, которыя такъ прославили его свѣтлое царствованіе и обезсмертили его имя.

Въ ряду важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій, совершенныхъ въ царствованіе Александра II, первое мѣсто занимаетъ, безспорно, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта. Великая реформа эта послужила главнымъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ преобразованій; всѣ они были, частью непосредственно, частью косвенно, вызваны отмѣною крѣпостнаго права.

Приводимъ начало рѣчи императора Александра Николаевича, которою онъ открылъ засѣданіе Государственнаго Совѣта 28-го января 1861 г.: „Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобы оно было имъ окончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ... Повторяю,—и это моя непремѣнная воля, — чтобы дѣло это теперь же было окончено“.

19-го февраля 1861 г., въ шестую годовщину восшествія императора Александра II на престолъ,—въ достопамятный, незабвенный для Россіи день, совершилось величайшее событіе въ судьбахъ русскаго народа: императоръ, горячо помолившись въ уединеніи, подписалъ высочайшій манифестъ объ отмѣнѣ въ Россіи крѣпостнаго права на крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и объ устройствѣ ихъ быта. „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ,—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“;—этими незабвенными, дорогими для каждаго русскаго сердца словами оканчивался высочайшій манифестъ 19-го февраля. Какъ бы въ силу единаго душевнаго движенія сказалось у всѣхъ слово „Царь-Освободитель“, и славное наименованіе это такъ и осталось съ тѣхъ поръ на вѣчныя времена за императоромъ Александромъ II.

Возстановляя въ памяти,—говоритъ г. Шумахеръ въ заключеніе, —все пережитое русскимъ народомъ въ теченіе царствованія императора Александра II и сравнивая положеніе Россіи къ концу этого царствованія съ тѣмъ, какимъ оно было въ началѣ того же царствованія, нельзя не изумиться благодѣтельной перемѣнѣ, происшедшей въ этотъ короткій промежутокъ времени во всѣхъ отрасляхъ народной жизни. Освобожденіе крестьянъ отъ тяготѣвшей надъ ними нѣсколько вѣковъ крѣпостной зависимости и устройство ихъ быта, отмѣна позорныхъ и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, введеніе земскихъ учрежденій, городскаго самоуправленія, новыхъ судовъ и всеобщей воинской повинности, не считая другихъ, менѣе важныхъ, преобразованій, нововведеній и улучшеній, совершившихся по волѣ Царя-Освободителя—имѣли неизмѣримое вліяніе на умственное и нравственное возрожденіе русскаго народа и, можно сказать, дали Россіи полное внутреннее обновленіе.

Императоръ Александръ II великъ былъ не только какъ царь многомилліоннаго народа, но и какъ рѣдкій человѣкъ, какъ воплощенная доброта, любовь и милосердіе. Его человѣколюбивая душа такъ и свѣтилась во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ. Будучи неограниченнымъ, самодержавнымъ монархомъ обширнѣйшаго въ мірѣ царства, этотъ царь-человѣкъ во всей своей дѣятельности руководился, главнымъ образомъ, велѣніями своего любящаго сердца. Онъ жилъ для того, чтобы возвеличить Россію, облегчить нужды и упрочить благосостояніе своего народа. И что же? святотатственная рука отняла у него жизнь среди бѣлаго дня, въ его же собственной столицѣ, обагрила его невинною царственною кровью землю русскую, осквернила ее злодѣяніемъ цареубійства...

Императоръ Александръ Николаевичъ погибъ какъ истинный мученикъ отъ руки гнуснаго злодѣя, палъ искупительною жертвою злодѣйскаго замысла 1-го марта 1881 года.

По внѣшности книга издана прекрасно.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

«МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ»,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**